

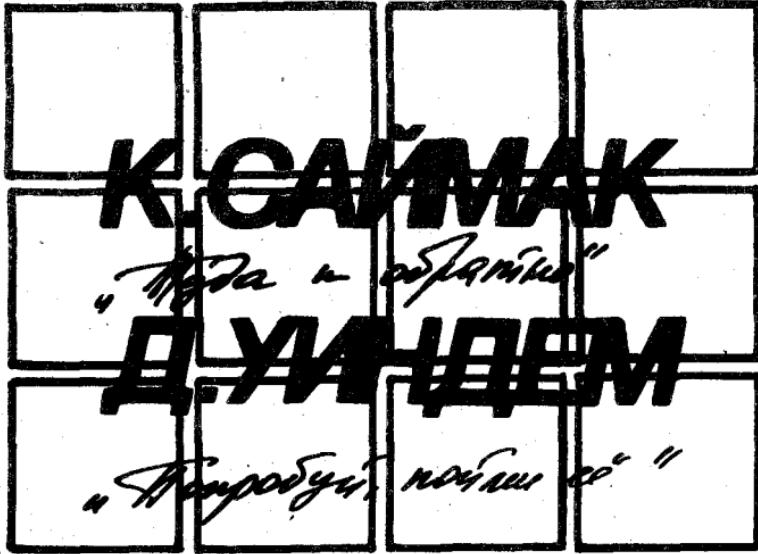
КСАЙМК ДИАПОЗОН

МАСТЕРА
ПРИКЛЮЧЕНИЕСКОГО
ЖАНРА



Фантастика

+ Радио "Украина" +



+ Радио "Украина" +



+ Радио Украина - кинокомпания «Арт-Сити» +



ББК 84. 7

С 147

С 147 Зарубежная фантастика: Сборник фант. произведений;
Пер. с англ. — К: ИКА "ТАЙМ-АУТ". Ассоциация
"Украина". 1991. — с.

В сборник включены романы известных писателей фантастов К. Саймака "Туда и обратно" и Д. Уиндема "Попробуй пойми ее..."

ББК 84. 7

Редактор серии А. Литвинов

Редактор В. Линник

Технический редактор А. Ульянов

А. Игнатенко

Корректор Е. Реброва

Художник С. Кубанцев

Сдано в набор 05.10.91. Подписано к печати 14.11.91. Формат 84×108/32.
Бумага типографская. Печать высокая. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 19.
Уч. изд. л. 20,69. Тираж 100 000 экз. Заказ 1—3802.

Отпечатано с готовых диапозитивов на Головном предприятии
республиканского производственного объединения «Полиграфкнига».

252057. Киев-57, ул. Довженко, 3.

ИКА «Тайм-аут», Ассоциация «Украина».

252065, г. Киев, б-р И. Ленсе, 57/38.

ISBN 5-85990-011-2

© ФМБ "ТИРАЛ".

Издательско-коммерческое агентство

"ТАЙМ - АУТ", Ассоциация "Украина".

1991.

© Художественное оформление,

худ. С. Кубанцев, 1991.

© Перевод и изготовление макета

фирма "Север" 1991.

КЛИФФОРД САЙМАК ТУДА И ОБРАТНО

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Человек вышел из сумерек, когда последние желто-зеленые лучи солнца еще держались на западе. Он немного помедлил у края патио и позвал:

- Мистер Адамс, это вы?

Кресло скрипнуло, когда Кристофер Адамс приподнялся, слегка испуганный этим голосом. Потом он вспомнил. Новый сосед напротив, через луг, поселился день-два тому назад. Сам Джонатан сказал ему об этом, а Джонатан знал все сплетни на сто миль вокруг, не только человеческие, но и адроидов и роботов.

- Входите, - сказал Адамс, - рад, что вы заглянули. - Он надеялся, что его голос звучит так же сердечно, по-добрососедски, каким он постарался его представить. Потому что Кристофер совсем не был рад этому неожиданному визиту. Он был немного подавлен внезапно появившейся тенью, которая вышла из сумерек и направилась к нему через дворик. Он мысленно провел по бровям. - Это мой час, - подумал он, - один час, который я оставлю себе. Час, когда я забываю все: забываю тысячи проблем, касающихся других звезд. Забываю их и возвращаюсь к зелени и черноте, тишине и тонкости красок заката, моей собственной планеты. Потому что здесь, на этом патио, нет ни репортеров, ни донесений роботов, ни координационных конференций, ни психологических интриг, ни чужой реакции. Ничего запутанного и таинственного. Хотя я могу ошибиться, и здесь есть тайна, но старая, добная тайна, которую можно понять и которая останется этой тайной только потому, что я так хочу. Тайна вечернего Козодоя в темнеющем небе, загадка светлячка, летящего вдоль живой изгороди из сирени. Половиной своего сознания он знал, что незнакомец перешел через патио и сейчас протягивал ему руку за креслом, а другой своей половиной он еще раз подумал о почерневших телах, лежащих на берегу реки на далеком Альдебарине XII, и исковерканной машине, приткнувшейся воз-

ле дерева. Три человека погибли там... Три космонавта и два андроида, а андроиды - те же люди. А люди не должны умирать от насилия, если это не насилие другого человека. И даже в этом случае оно возможно только в сфере чести, со всеми формальностями и техническими приемами дуэльного кодекса, или в менее джентельменских делах мести и наказания. Потому что жизнь человека священна... Она должна быть такой или ее не будет... Человек, к несчастью, так малочисленен.

Насилие или случайность? Случайность нелепа. Было мало подобных случайностей, почти ни одной. Почти полное совершенство механического обслуживания, почти человеческая разумность и мгновенная реакция механизма на любую опасность уже давно свели возможность таких случайностей практически к нулю. Ни одна машина не могла быть настолько грубой, чтобы врезаться в дерево. Более тонкая, менее явная опасность - возможна. Но дерево - никогда. Итак - это должно было быть насилием. И это не могло быть насилием человека, так как человеческое насилие заявило бы о себе. Насилие человека нечего было бояться... Никакой ответственности по суду, едва ли даже ответственность по моральному кодексу, к которому мог бы быть привлечен убийца-человек.

Трое мертвых. Три смерти на расстоянии пятидесяти световых лет от Земли, и это стало самым важным для человека, сидевшего в своем патио на Земле. Вещь первостепенная, так как ни один человек не должен умирать от рук иных, чем человеческие, без ужасного возмездия. Человеческая жизнь не должна отниматься без чудовищной платы нигде в Галактике, иначе человек навсегда исчезнет, а огромное галактическое братство разума обрушится в темноту и бесконечность, которые рассеивали его прежде.

Адамс глубоко погрузился в свое кресло, пытаясь расслабиться, злясь на себя за эти мысли, ибо правилом было не думать в это время сумерек ни о чем, по крайней мере, насколько, настолько это возможно.

Голос незнакомца, казалось, шел издалека, но Адамс знал, что тот сидит рядом.

- Хороший вечер, - сказал незнакомец.

Адамс хмыкнул

- Вечера всегда хороши. Парни из службы погоды не пропускают дождь допоздна, пока все не уснут.

В чащме, внизу по склону холма, дрозд запел вечернюю песню, и плавные звуки полились, как ласкающая рука, по дремлющему миру. Вниз по ручью лягушка или две пробовали свои глотки. Далеко, в каком-то неясном потустороннем мире, ночной козодой завел свою нехитрую песню, через луг зажигались огни.

- Это лучшее время дня, - сказал Адамс. Он запустил руку в карман, вынул кисет и трубку.

- Закурите? - спросил он.

Незнакомец покачал головой.

- Видите ли, я здесь по делу.

- В таком случае, посетите меня утром, - голос Адамса стал твердым. - Я не занимаюсь делами в нерабочее время.

Незнакомец мягко сказал:

- Это дело об Ашере Саттоне.

Тело Адамса напряглось и пальцы задрожали так, что он чуть не выронил трубку, набивая ее... Хорошо, что незнакомец не увидел этого.

- Саттон вернется, - сказал незнакомец.

Адамс покачал головой.

- Сомневаюсь, он улетел двадцать лет назад.

- Вы вычеркнули его?

- Н-е-т, - медленно ответил Адамс. - Ему все еще начисляют плату. Вы это имеете в виду?

- Почему, - спросил незнакомец, - почему вы его держите?

Адамс прижал табак в трубке, размышляя.

- Чувствительность, мне кажется, - сказал он. - Чувствительность и вера в Ашера Саттона. Хотя и вера кончается.

- Всего через пять дней, - сказал незнакомец. - Ашер Саттон вернется.

Он подождал секунду, потом добавил:

- Рано утром.

- Никоим образом вы не могли бы узнать это, - отрезал Адамс.

- Но я ведь знаю. Это зафиксированный факт.

Кристофер слотнул:

- Этого еще не случилось.

- В мое время случалось.

Адамс подскочил в кресле.

- В ваше время?

- Да, - сказал незнакомец тихо. - Видите ли, мистер Адамс, я ваш преемник...

- Послушайте, молодой человек...

- Не молодой человек, - сказал незнакомец. - Я в половину моложе вас. Но одновременно - и старее.

- У меня пока нет преемника, - холодно заметил Адамс. - И о нем даже не было разговора. Я еще сгожусь лет на сто, а может, и больше.

- Да, - подтвердил незнакомец, - более ста лет. Немногим более.

Адамс не спеша откинулся в кресле, сунул трубку в рот и зажег ее рукой, твердой как скала.

- Давайте разберемся, - предложил он. - Вы говорите, что вы мой преемник... что вы приняли мою работу, когда я уволился или умер. Это означает, что вы пришли из будущего. Не то чтобы я вам хоть на секунду поверил, но просто для выяснения.

- Недавно в новостях сообщалось, - сказал незнакомец, - о человеке по имени Майкельсон, который утверждал, что он про ник в будущее.

Адамс фыркнул.

- Читал. Одна секунда! Откуда может человек знать, что он уходил во время на одну секунду... В чем была бы разница?

- Ни в чем, - согласился незнакомец. - В первый раз, конечно. Но в следующий раз он уйдет во время на пять секунд. Пять секунд, мистер Адамс, пять тиканий часов. Время одного короткого вдоха и выдоха. Для всякой вещи нужна стартовая точка.

- Путешествие во времени?

Незнакомец кивнул.

- Я в это не верю, - сказал Адамс.

- Я этого опасался.

- За последние пять тысяч лет, - напомнил Адамс, - мы покорили галактику.

- Покорили - не то слово, мистер Адамс.

- Ну, приняли власть, в таком случае, вошли, распространялись, как угодно. И мы обнаружили много странного. Более странные штуки, чем мы когда-либо выдумывали. Но путешествие во времени - никогда. - Он махнул рукой на звезды. - Во всем

этом пространстве, вон там, - сказал он, - ни у кого нет путешествий во времени, ни у кого.

- Сейчас они есть у нас, - сказал незнакомец, - уже две недели. Майкельсон уходил во времяя. Старт - это все, что нужно.

- Ну хорошо, - согласился Адамс. - Скажем так: вы человек, который через сто лет или около этого займет мое место. Вообразим, что вы пришли назад во времени. Ну и что? Зачем?

- Сказать вам, что Саттон вернется.

- Я бы узнал об этом, когда он прибудет, - сказал Адамс. - Почему я должен узнать об этом сейчас?

- Когда Саттон возвратится, - сказал незнакомец, он должен быть убит.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Крошечный разбитый корабль опускался все ниже, медленно, как плывущее перышко, планируя к полю в наклонных утренних лучах солнца.

Бородатый оборванный человек сидел в кресле пилота. Каждый его нерв был возбужден. - Сложно, - пронеслось у него в мозгу, - тяжело и сложно управлять таким весом. Сложно оценивать расстояние и скорость, тяжело заставлять тонны металла планировать в жестком поле гравитации, даже тяжелее, чем подъем, когда не было других мыслей, кроме тех, что он не сможет подняться и уйти в пространство.

На мгновение корабль покачнулся, но он выпрямил его, ма-неврируя каждым кусочком воли и ума, и все-таки спустился еще ниже, зависнув всего в нескольких футах от поверхности поля.

Он опустил корабль так легко, так мягко, что тот чуть щелкнул, коснувшись земли. Неподвижно сидя в кресле, он понемногу обмякал, расслабляясь по дюймам: сначала один мускул, потом другой.

- Устал, - сказал он самому себе. - Это самая трудная работа, которую я когда-либо делал. Еще несколько миль - и я бы не выдержал, разбрисался к чертовой матери.

Вдали на поле виднелась группа домов, и автомобиль наземной службы вывернулся из-за них и помчался по лугу прямо к нему.

Легкий ветерок ворвался в разбитый иллюминатор, коснулся лица, напомнив ему ... - Дыши, - приказал он самому себе.

- Ты должен дышать, должен выйти и улыбнуться им. Они ничего не должны заметить, сразу, во всяком случае. Борода и одежда немного помогут. Они так будут глязеть на них, что мелких деталей не заметят. Но не дыхания, они могут заметить, что ты не дышишь. Он осторожно втянул в себя глоток воздуха, почувствовав, как воздух с острой болью прошел по ноздрям и хлынул в горло, ощущил его огонь, когда он коснулся легких. Еще вдох и еще один... В воздухе был запах, и жизнь, и странное возбуждение. Кровь билась у него в горле и стучала в висках. Он приложил пальцы к запястью и ощутил, как она пульсирует. Подступила тошнота, короткая, выворачивающая желудок, но он справился с ней, напрягая все тело, вспоминая обо всем, что должен сделать.

- Сила воли, - сказал он себе. - Энергия ума, энергия, которую никто не использует в полную силу. Воля, чтобы приказать телу, что он должен делать, энергия, чтобы заставить работать механизм тела и органов после многих лет ничегонеделания. - Один вдох, потом второй. И сердце уже бьется ровнее, стуча как насос. Успокоился желудок. - Начинай действовать печень. Продолжай качать кровь, сердце. Не то чтобы ты был старым и "ржавым", ты никогда не был таким. Просто другая система заботилась о том, чтобы ты был в форме, чтобы мог в мгновение ока перейти на запасной базис. Но сам переход был шоком. Он знал, что так будет, что это означает агонию старого вида жизни и обмена веществ.

Он держал в уме схему своего тела и всех его работающих частей - непостоянную дрожащую картину, которая вздрогивала и меняла расплывчатые цвета. Но она успокаивалась под усилием воли, под усилием его ума и, наконец, стала четкой, неподвижной и яркой - он понял, что худшее позади. Он прислонился к рычагам управления корабля, сжал руки так сильно, что они почти вдавились в металл. Пот проступил на всем его теле, он обмяк и ослаб.

Нервы успокаивались, кровь продолжала биться, и он знал, что дышит, даже не думая об этом. Еще секунду он тихо посидел в кресле, расслабляясь. Ветерок, залетев в разбитое отверстие, снова коснулся его щеки.

Автомобиль был уже близко.

- Джонни, - прошептал он, - вот мы и дома... Мы сделали это, Джонни. Это мой дом. То место, о котором я рассказывал.

Но ответа не было, только ощущение удобства глубоко в мозгу, странного уюта, такого, какой можно почувствовать, когда лежит восемь свернувшись калачиком в постели.

- Джонни! - крикнул он.

И он почувствовал это снова... успокаивающее ощущение удобства, как ощущение собачьей морды в опущенной ладони.

Кто-то стучал в дверь корабля, стучал кулаком и что-то выкрикивал.

- Ладно, - сказал себе Ашер Саттон. - Я иду, прямо сейчас.

Он нагнулся и поднял плоский кожаный чемоданчик, стоящий рядом с сиденьем. Подойдя к двери-люку, он открыл его и вылез наружу. Там стоял всего один человек.

- Привет, - Ашер Саттон сделал усилие и улыбнулся.

- Добро пожаловать на Землю, сэр, - сказал человек, и это слово "сэр" пробудило сложную цепь воспоминаний Саттона.

Его взгляд упал на лоб человека, он увидел слабую татуировку его серийного номера.

Ашер совсем забыл об андроидах. Наверное, о многом другом тоже. О множестве маленьких привычек, которые улетучились из памяти за долгие двадцать лет.

Он увидел, что андроид уставился на него: на голое колено, видное сквозь продранную ткань, на ноги без ботинок.

- Там, где я был, резко сказал Саттон, - невозможно было покупать каждый день по костюму.

- Да, сэр, - сказал андроид.

- А борода, - продолжал Саттон, - потому, что я не мог побриться.

- Я видел бороды и раньше, - сказал ему андроид.

Саттон спокойно стоял и смотрел на мир перед ним: на взлет башен, светящихся в утреннем небе, на темную зелень деревьев, на синие и алые всплески цветов в садах на наклонных террасах.

Он глубоко вздохнул и почувствовал, как воздух заполнил его легкие, выискивая все более дальние уголки, которые так долго голодали. К нему возвращались... снова возвращалась память о жизни на Земле, о рассветном небе, о пламенеющих закатах, о глубоком снеге, о росе на траве, о быстром переливе чело-

веческого разговора, о ритме человеческой музыки, о дружелюбии птиц и белок, о мире и покое.

- Автомобиль ждет вас, сэр, - сказал андроид. - Я отвезу вас к человеку.

- Я бы лучше прогулялся.

Андроид покачал головой.

- Человек ждет вас и он очень нетерпелив.

- А, ну ладно, - согласился Саттон.

Сиденье было мягким, и он небрежно погрузился в него, осторожно придерживая чемоданчик на коленях. Автомобиль мчался, а он смотрел из окна, очарованный зеленью Земли.

- Зеленые поля Земли, - пробормотал он. - Или это были долы Земли? А, неважно. Старая песня, написанная давным-давно. Написанная во времена, когда на Земле еще были поля вместо парков, а Землю пахали для более важных дел, чем цветочные клумбы; в тот день, тысячи лет тому назад, когда человек только начинал чувствовать брожение космоса в своей душе. За много лет до того, как Земля стала столицей и центром Галактической империи.

Огромный галактический корабль шел на взлет в дальнем конце поля, скользя по льдисто-гладкой направляющей, с жарким пламенем стартовых двигателей, кипящим в дюзах. Его нос с шумом вошел в ведущий вверх изгиб взлетной установки и уже был далеко - грохочущая полоска серебра, выстреленная в голубизну. Мгновение она мерцала в золотисто-красном утреннем свете, а потом была проглочена лазурным туманом неба.

Саттон снова устремил взгляд на землю и сидел, впитывая в себя ее вид, как человек впитывает в себя первые горячие лучи весеннего солнца после долгих месяцев зимы.

Далеко к северу возвышались двойные башни Бюро Правосудия, Инопланетное отделение. А к востоку - громада зданий из пластика и стекла - Университет Северной Америки. И другие здания, которые он позабыл... Здания, для которых, как он обнаружил, у него не было названий. Здания, удаленные друг от друга на расстоянии мили, с парками и участками лужаек между ними, были скрыты холмами деревьев и кустарников - ни одно не стояло в пустынном одиночестве - и сквозь их зелень Саттон заметил мерцание света как свидетельство того, что там жили люди.

Машина скользнула и остановилась перед административным зданием, андроид открыл дверцу.

- Сюда, сэр, - попросил он.

В холле было занято всего несколько кресел, в большинстве своем - людьми.

- Людьми или андроидами, - подумал Саттон. - Нельзя уловить разницу, если не видишь их лбов. Знак на лбу - клеймо изготовления. Сигнальная пометка, которая говорит: этот человек не человек, хотя и кажется им.

Вот те, которые ко мне прислушиваются. Вот те, которые обратят на меня внимание. Вот те, которые спасут от любой вражды, которую в будущем человек поднимет против меня.

Потому что они хуже, чем те, кто не лишен наследства. Они не бывшие люди, ибо никогда не были ими. Они рождены не женщиной, а в лаборатории. Их мать - бункер с химическими реактивами, а отец - изобретательность и техника человеческой расы.

Андроид - искусственный человек. Человек, сделанный в лаборатории из собственно человеческого глубокого знания химических веществ, атомной и молекулярной структур и той странной реакции, которая известна под названием "жизнь".

Человек во всем, кроме двух строк знака на лбу и неспособности к биологическому воспроизведству.

Искусственные люди в помощь настоящим, биологическим людям, чтобы держать груз Галактической империи, чтобы тонкую нить человечества сделать прочнее. Но удерживаемые на своем месте. Месте, вполне подходящем для них.

Коридор был пуст, и Саттон, шлепая босыми ногами по полу, шел за андроидом. На двери, перед которой они остановились, было написано: "Томас Х. Дэвис (человек). Начальник эксплуатационного отдела".

- Входите, - андроид открыл дверь.

Саттон вошел. Человек за столом взглянул вверх и судорожно глотнул.

- Я человек, - заявил ему Саттон. - Может быть, я и не похож на него, но это так.

Человек ткнул большим пальцем в сторону кресла.

- Садитесь, - сказал он.

Саттон сел.

- Почему вы не отвечали на наши сигналы?
- Передатчики неисправны, - ответил Саттон.
- У вашего корабля нет спознавательного знака.
- Его смыло дождем, - сказал Саттон. - У меня не было краски.

- Дождь не смывает краску.
- Не земной дождь, - нахмурился Саттон. - Там, где я был - смывает. И не только краску.
- Ваши двигатели, - спросил Дэвис, - вы не смогли из них ничего выжать?

- Они не работают, - ответил ему Саттон.

Кадык Дэвиса подскочил вверх и вниз.

- Не работают? Как же вы управляли кораблем?

- Энергией, - ответил Саттон.

- Энергией... - поперхнулся Дэвис.

Саттон посмотрел на него ледяным взглядом.

- Еще что-нибудь? - спросил он.

Дэвис был смущен. Бюрократизм все спутал. Все ответы были неверны. Он поиграл карандашом.

- Мне кажется, всего лишь обычные штучки, - он положил блокнот с вопросами перед собой.

- Имя?

- Ашер Саттон.

- Ваш полет начался... Слушайте! Минутку! Ашер Саттон?

- Правильно.

Дэвис швырнул карандаш и блокнот.

- Почему же вы мне сразу этого не сказали?

- Не представлялось возможности.

Дэвис развелновался.

- Если бы я знал!... - воскликнул он.

- Это борода, - объяснил Саттон.

- Мой отец рассказывал о вас. Джим Дэвис. Не помните его? Саттон покачал головой.

- Большой друг вашего отца. То есть, они знали друг друга.

- Как там мой отец? - спросил Саттон.

- Отлично, - сказал Дэвис с энтузиазмом. - Все еще крепок.

- Мои отец и мать, - холодно заметил ему Саттон, - умерли пятьдесят лет назад. Во время Аргучской пандемии.

Он поднялся на ноги и посмотрел Дэвису прямо в лицо.

- Если вы кончили, - сказал он, - я бы хотел пойти в свой отель. Они найдут мне какую-нибудь комнату?

- Конечно, мистер Саттон, конечно. Какой отель?

- "Герб Ориона".

Дэвис полез в ящик, вынул справочник, пробежал дрожащим пальцем по колонке цифр.

- "Чери" 26-34-89, - сказал он. - Телепорт вон там, - он указал на кабину, встроенную в стену.

- Спасибо, - сказал Саттон.

- Насчет вашего отца, мистер Саттон...

- Я знаю, - обрезал его Саттон.

Он повернулся и пошел к телепорту. Прежде чем закрыть дверь, он обернулся. Дэвис смотрел на экран видеофона и что-то быстро говорил.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Двадцать лет не изменили "Герб Ориона".

Саттону, вышедшему из телепорта, все казалось таким же, как тогда, когда он отсюда ушел. Немного потрепаннее и чуть-чуть консервативнее... но это был тот же тихий дом, шепоток приглушенной действительности, немодная меблировка, атмосфера приложенного ко рту пальца и хождения на цыпочках, подчеркнутая респектабельность, то, что он помнил и о чем мечтал в долгие часы одиночества. Настенная роспись была такой же, как всегда. Немного выцветшая за долгий срок, но та же самая, которую Саттон помнил. Тот же похотливый Пан еще преследовал, после двадцати лет, ту же самую охваченную ужасом девушку по тем же самым холмам и долинам. И тот же кролик выпрыгивал из-за куста и наблюдал иогоню со всей своей привычной скучкой, жуя вечную жвачку из клевера.

Мебель с автоматической регулировкой, купленная во времена, когда правление отеля решило открыть двери чужеземной торговле, была старомодной уже двадцать лет назад. Но она все еще стояла. Мебель была окрашена в мягкие, изящные пастельные тона, ее самоприспособляющиеся очертания соответствовали формам человеческого тела.

Губчатое покрытие пола стало немного менее пористым, а кактус с Цеты, наверное, наконец-то умер, потому что на его месте стоял горшок с обычной земной геранью.

Клерк выключил видеотелефон и обратился к гостю.

- Доброе утро, мистер Саттон, - сказал он выдержаным тоном андроида. Потом, как бы в раздумье, добавил: - Мы ждали вашего появления.

- Двадцать лет, - сухо заметил Саттон, - это довольно долгое ожидание.

- Мы сохранили ваш старый костюм, - сказал клерк, - мы знали, что он вам еще понадобится. Мэри держала его чистым и готовым для вас с того времени, как вы уехали.

- Очень мило с вашей стороны, Фердинанд.

- Вы почти не изменились, - продолжал Фердинанд. - Борода - и все. Я узнал вас в ту же секунду, как увидел.

- Борода и одежда, - сказал Саттон. - Одежда довольно плоха.

- Я понимаю, - согласился Фердинанд. - У вас нет багажа, мистер Саттон? - спросил андроид.

- Никакого багажа.

- Тогда, может быть, завтрак? Мы все еще готовим завтраки.

Саттон заколебался, внезапно осознав, что он голоден. И он на секунду задумался о том, как его желудок примет пищу.

Саттон покачал головой.

- Нет. Я лучше пока помоюсь и побреюсь. Пришлите мне наверх завтрак и смену белья немного попозже.

- Может, яичницу-болтунию? Вы всегда предпочитали это блюдо к завтраку.

- Звучит весьма соблазнительно, - ответил Саттон.

Он медленно отвернулся от конторки и пошел к лифту. Он почти уже закрыл дверь, когда его внезапно окликнули:

- Минуточку, пожалуйста!

Через холл бежала девушка, стройная и медноволосая. Она мягко скользнула в лифт и прижалась к стене.

- Большое спасибо, - поблагодарила она. - Большое спасибо, что подождали.

Кожа ее, как заметил Саттон, была белая, как магнолия, а глаза цвета гранита с голубыми огоньками внутри. Он мягко закрыл дверь.

- Был только рад подождать вас, - сказал он.

Ее губы чуть вздрогнули, когда Саттон сказал ей с улыбкой:

- Мне не нравится обувь. Она слишком стесняет ноги. Он с силой нажал кнопку, лифт помчался наверх. Вспыхивающие огни отмечали этажи. Саттон остановил кабину.

- Это мой этаж, - сообщил он.

Он уже открыл дверь и почти вышел из кабины, когда она смущенно окликнула его.

- Мистер.

- Да, в чем дело? - Саттон остановился.

- Я не хотела смеяться. Право же, не хотела.

- Вы имели полное право смеяться, - сказал Саттон и закрыл дверь.

Он секунду постоял, борясь с внезапным напряжением, охватившим его, словно чья-то могучая рука.

- Осторожнее, - приказал он себе. - Спокойнее, мальчик. Ты наконец-то дома. Вот то место, о котором ты мечтал. Всего несколько дверей, и ты дома. Ты протянешь руку, повернешь ручку двери, толкнешь дверь, и все будет там... точно таким, каким ты помнишь. Любимое кресло, движущиеся картины на стене, фонтанчики с венерианскими русалками... и окна, на которых можно сидеть и вбивать в себя панораму Земли. Но ты не должен волноваться, становиться мягкотелым хлюпиком.

Что-то было не так. Саттон не понимал, в чем дело, но что-то его сильно беспокоило. Он медленно шагнул, потом еще раз, борясь с напряжением, судорожно сглатывая сухость во рту, заполнившую всю его глотку.

Одна из картин, как он помнил, была изображением лесного ручья с птицами, порхающими среди деревьев. И в самые неожиданные моменты одна из птиц пела, обычно на рассвете или закате солнца. И вода журчала счастливую песню, которую можно было слушать часами.

Он понял, что бежит и старается не останавливаться. Пальцы его схватили дверную ручку и повернули ее. Комната была на месте, любимое кресло, журчание ручья, всплески русалок...

Он почувствовал запах опасности, как только ступил на порог. Он попытался развернуться и убежать, но опоздал. Он почувствовал, как его тело сгибается пополам и с шумом падает на пол.

- Джонни! - крикнул Саттон, и крик забулькал у него в горле.

- Джонни!

В его мозгу прозвучал шепот Джонни:

- Все в порядке, Аш. Мы заперты.

Потом наступила долгая тишина..

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В комнате кто-то был, и Саттон, держа глаза закрытыми, замедлил дыхание. Тот, кто в комнате, тихо ходит. Остановился перед окном, чтобы выглянуть наружу, перешел к каминной полке, чтобы поглядеть на картину с лесным ручьем. И в тишине комнаты Саттон услышал смеющееся сквозь всплески журчание нарисованного фонтана и вообразил, что даже с того расстояния, на котором он находился, он чувствует запах лесной почвы и прохладный, сырой аромат мха, росшего вдоль ручья.

Субъект в комнате вернулся обратно и сел в кресло. Он почти неслышно насвистывал мелодию, которую Саттон раньше не слышал.

- Кто-то опрокинул меня, - сказал себе Саттон. - Быстро вырубил меня газом или наркотиком и тщательно обследовал мое тело. Мне кажется, я кое-что помню... смутно и отдаленно. Сверкающие огни и зондирование моего мозга. И я, наверное, боролся против этого, зная, что борьба бесполезна...

И кроме того, - пусть находят, что захотят. - Он поздравил себя с умственной ограниченностью людей. - Да, пусть они берут себе все, что смогли вытащить из моего мозга. Они нашли то, что искали, и теперь ушли. Они оставили кого-то для наблюдения за мной, и он все еще в комнате.

Саттон зашевелился на кровати и открыл глаза, очень медленно, лишь частично сфокусировав зрение.

Человек поднялся с кресла, и тут Саттон заметил, что сам он был в нижнем белье. Человек пересек комнату и склонился над его кроватью.

- Ну как, все в порядке, сэр? - спросил он.

Саттон поднял руку и озадаченно провел ею по лицу.

- Да, - проговорил он с усилием. - Кажется, да.

- Вы потеряли сознание, - сказал мужчина.

- Съел что-нибудь не то, - предположил Саттон.

Мужчина покачал головой.

- Более чем вероятно - это путешествие. Наверняка, оно было довольно трудным, не так ли?

- О, да, - быстро согласился Саттон, - весьма трудным.

"Давай дальше, - подумал он. - Спроси еще. Таковы твои инструкции. Лови меня, пока я слаб, выкачивай меня, как колодец. Давай дальше: задавай вопросы и получай свои вишневые деньги."

Но он ошибся. Человек выпрямился.

- Я думаю, все будет нормально, - доброжелательно сказал он, - если же нет, то назовите меня. Моя визитная карточка на камине.

- Спасибо, доктор, - Саттон почувствовал острую боль в голове и снова лег.

Он внимательно наблюдал, пока тот шел через комнату, подождал, пока щелкнет дверь, и сел на кровати. Его одежда грудой лежит в центре комнаты на полу. А чемодан? Да, вот он лежит в кресле. Без сомнения, обыскан, может быть, профотостатирован?

Следящий луч? Наверняка. По всей комнате слушающие уши и следящие глаза.

- Но кто? - спросил он себя. - Ведь никто не знал, что он возвращается. Никто не мог знать этого, даже Адамс. Не было способа узнать это. Не было пути, которым они могли бы узнать... Забавно.

Забавно и то, что Фердинанд посмотрел на него и заговорил так, словно двадцать лет - это ничего.

Забавно и то, что Дэвис в космопорту узнал его имя и пытался солгать, чтобы поймать его.

- Все подстроено, - сказал себе Саттон. - Переключается, как регистрационная система, сделано и готово для моего приема.

Но почему кто-то должен ждать? Никто не ждал, никто не знал, когда он вернется, да и вернется ли вообще. И даже если кто-то и знал, к чему такие хлопоты?

Ведь они не могут знать, - подумал он, - не могут знать о том, что у меня есть, они не могут даже догадаться об этом. Даже если они знали, что я возвращаюсь, как это ни невероятно. Это даже в миллион раз более вероятно, чем то, что они знали настоящую

причину моего возвращения. И даже зная ее, - сказал себе Саттон, - они бы все равно не поверили. Если бы они успели еще осмотреть корабль, они немало бы подивились. Тогда могло бы быть оправдание тому, что случилось. Но у них не было времени на осмотр! Они не ждали ни минуты. Они просто накрыли меня и взяли в оборот с той секунды, как я приземлился. Даже Дэвис пихнул меня в teleport и схватился за видеотелефон как сумашедший. И Фердинанд знал, что я в пути, он знал, что увидит меня, когда обернулся. И еще эта девушка-ловушка с глазами цвета гранита...

Саттон встал и потянулся.

- Прежде всего ванна и бритье, - сказал он себе. - Потом какая-нибудь одежда и завтрак. Разговор-другой по видеотелефону. Не действуй так, словно ты испугался, - предупредил он себя. - Веди себя естественно. Ковыряй в носу. Разговаривай сам с собой. Выдавливай угри на подбородке. Чеши спину об обивку двери. Действуй так, будто думаешь, что ты один. Но будь осторожен. Кто-то следит за тобой.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Саттон заканчивал завтрак, когда пришел андроид.

- Меня зовут Херкимер, - сказал он, я принадлежу мистеру Джейффи Бентону.

- Мистер Бентон прислал вас сюда?

- Да, он посыпает вам вызов.

- Вызов?

- Да, вы знаете, - дуэль.

- Но я не вооружен.

- Вы не можете быть невооруженным, - убежденно сказал Херкимер.

- Я ни разу не сражался на дуэли, - проговорил Саттон. - И сейчас не собираюсь.

- Вы уязвимы.

- Что вы имеете в виду - "уязвимы"? Если яхожу без оружия...

- Но вы не можете ходить без оружия! Кодекс был изменен всего год или два назад. Ни один человек ста лет не может ходить без оружия.

- Что вы имеете в виду?
- Каждый, - сказал Херкимер, - каждый, кто захочет, может подстрелить вас, как кролика.
- Вы в этом уверены?

Херкимер полез в карман и вытащил крохотную книжку. Он помусолил палец, листая страницы.

- Это вот тут, - показал он.
- Неважно, - сказал Саттон. - Я верю вашему слову.
- В таком случае вы принимаете вызов?

Саттон состроил гримасу.

- Полагаю, что обязан. Мистер Бентон подождет, смею полагать, пока я куплю оружие.

- Этого не нужно, - сказал Херкимер довольным голосом. - Я захватил его с собой. Мистер Бентон всегда так делает. Правило этикета, - заметил он. - В случае, если у кого-нибудь нет оружия.

Он сунул руку в карман и протянул Саттону револьвер. Саттон взял оружие и положил на стол.

- Выглядит довольно неуклюже, - заметил он.

Херкимер посурковел.

- Зато традиционно, - сказал он. - И лучшее из всего изготовленного. Стреляет 45-калиберными пулями неправильной формы. Патроны заряжаются вручную. Прицел выверен до шестидесяти футов.

- Надо тянуть вот это? - спросил Саттон указывая.

Херкимер кивнул.

- Это называется триггер. И вы не тяните его, а нажмайте.
- А почему Бентон вызывает меня? - спросил Саттон. - Я его даже не знаю. Даже не слышал о нем.

- Вы знамениты, - сказал Херкимер.

- Что-то я ничего не знаю и никогда не слышал об этом.

- Вы исследователь, - пояснил Херкимер. - Вы только что вернулись из долгого и опасного путешествия. У вас есть таинственный чемоданчик. И в холле вас ждут репортеры.

Саттон кивнул.

- Понятно. Когда Бентон кого-нибудь убивает, ему нравится, если они знамениты.

- Лучше, если они знамениты, - сказал Херкимер, - больше популярности.

- Я не знаю мистера Бентона. Как я увижу, в кого я должен стрелять?

- Я покажу вам его по телевизору, - сказал Херкимер.

Он шагнул к столу, набрал номер и отошел в сторону.

- Вот он, - объявил Херкимер.

На экране перед шахматным столиком сидел человек. Судя по расположению фигур, игра была в самом разгаре. По ту сторону доски сидел отлично сделанный робот. Человек протянул руку и задумчиво передвинул коня. Робот защелкал и хихикнул. Он сыграл пешкой. Плечи Бентона ссутулились, и он задумчиво согнулся над доской. Одной рукой Бентон чесал шею.

- Оскар доставил ему беспокойство, - сказал Херкимер. - И так всегда. Мистер Бентон не выиграл ни одной игры за последние десять лет.

- Почему же он продолжает играть? - удивился Саттон.

- Он упрям, - сказал Херкимер. - Но Оскар тоже упрям.

Он сделал рукой движение.

- Машины могут быть гораздо более упрямые, чем люди. Так уж они устроены.

- Но Бентон должен был знать, когда ему сделали Оскара, что Оскар будет у него выигрывать, - подчеркнул Саттон. - Человек просто не может выиграть у робота-шахматиста.

- Мистер Бентон знал это, - подтвердил Херкимер, - но он этому не верил. Он хочет доказать обратное.

- Он маньяк, - сказал Саттон.

Херкимер спокойно оглянулся на него.

- По-моему, вы правы, сэр. Я иногда сам так думаю.

Саттон снова пристально посмотрел на Бентона, который все еще сутулился над доской, прижав костяшки пальцев ко рту. Испещренное прожилками, выскобленное лицо его было розовым и полнощеким, и во взгляде, каким бы напряженным он ни был, мерцал огонек культуры и общительности.

- Теперь вы знаете его? - спросил Херкимер.

Саттон кивнул.

- Да, думаю, что смогу выделить его среди других. Он выглядит не слишком озабоченным.

- Он убил шестнадцать человек, - жестко сказал Херкимер.

- И решил отложить оружие только тогда, когда число дойдет до двадцати пяти...

Херкимер посмотрел Саттону в глаза и предупредил:

- Вы семнадцатый.

Саттон коротко сказал:

- Я постараюсь облегчить задачу.

- Как вы желаете провести дуэль, сэр, - спросил Херкимер.

- Официально или нет, то есть охотиться кто как может?

- Давайте сделаем так: выигрывает тот, кто выстрелит первым.

Херкимер отнесся к этому предложению неодобрительно.

- Есть некоторые определенные обычаи, - начал было андроид.

- Можете передать мистеру Бентону, - резко оборвал его Саттон, - что я не собираюсь устраивать на него засаду.

Херкимер взял со стола свою фуражку.

- Удачи вам, сэр, - попрощался он.

- О, спасибо, Херкимер, - сказал Саттон.

Дверь закрылась, и Саттон остался один. Он вновь повернулся к экрану. Бентон сыграл, чтобы сдвоить ладьи. Оскар хихикнул, передвинул слона на три поля вперед и объявил шах королю Бентона.

Саттон выключил визор. Задумчиво поскреб рукой гладко выбритый подбородок. Совпадение или план? Трудно догадаться.

Одна из русалок выбралась на край фонтана, рискованно балансируя блестящим трехдюймовым телом. Потом свистнула Саттону. Он быстро обернулся на звук, но она уже нырнула в водем и поплыла кругами, издаваясь над ним непристойными жестами.

Саттон наклонился, залез рукой на полку под визором, вытащил информационный справочник и быстро перелистал страницы.

"ИНФОРМАЦИЯ - земная".

И заголовки:

"Кулинария"

"Культура"

"Обычаи"

Наверное, вот это. **"Обычаи"**.

Он быстро нашел раздел "Дуэли", запомнил нужную страницу, положил книгу на место и вновь установил диск набора номеров, включив тумблер прямой связи.

Обтекаемое, бесстрастное лицо робота заполнило весь экран.

- Я к вашим услугам, сэр, - голос робота звучал резко и неприятно.

- Я был вызван на дуэль, - сказал Саттон.

Робот ждал вопроса.

- Я не хочу драться на дуэли, - добавил Саттон. - Можно мне каким-нибудь легальным путем открутиться от этого? Мне бы также хотелось сделать это элегантно, но на этом я не настаиваю.

- Способов нет, - лаконично ответил робот.

- Совсем нет?

- Вы моложе ста лет? - спросил робот.

- Да.

- Вы здоровы душой и телом?

- Да, думаю, что да.

- Вы здоровы или нет?

- Да, - подтвердил Саттон.

- Принадлежите ли вы к какой-нибудь современной религии, которая запрещает убийства?

- Полагаю, что могу классифицировать себя как христианина, - сказал Саттон. - Кажется, там есть заповедь - "не убий".

Робот покачал головой.

- Это не считается.

- Она ясна и определенна, - заспорил Саттон. - Там говорит ся: "Не убий".

- Все это так, - объяснил ему робот, - но она была дискредитирована. Вы, люди, сами дискредитировали ее, или вы теряете на нее право. Нельзя забывать ее с одним вздохом и взывать к ней со следующим.

- Тогда, кажется, я влип, - сказал Саттон.

- Согласно пересмотру 7990 года, - сказал робот, - достигнуто соглашение: каждый человек-мужчина в возрасте до ста лет, здоровый умом и телом и не связанный религиозными узами или верованиями, должен драться на дуэли, когда бы его не вызвали.

- Понятно, - нахмурился Саттон.

- История дуэлей очень интересна, - продолжал робот.

- Варварство, - не согласился с ним Саттон.
 - Может быть и так, но люди все еще варвары и во многом другом.
 - Вы дерзите, - сказал ему Саттон.
 - Я по горло сыт всем этим людским самодовольством - это так, но - за исключением преступлений людей. А множество преступлений, которые вы уничтожили - вовсе не преступления, если не судить о них по человеческим меркам. Вы говорите, что отменили войну. Вы ее не отменили, вы ее просто устроили так, что никто не осмеливается драться с вами.
 - Вы здорово рискуете, приятель, разговаривая так, - мягко сказал Саттон.
 - Можете всадить в меня пулю, - ответил ему робот, - когда захотите. Жизнь не стоит того, той работы, которую я выполняю.
- Он увидел выражение лица Саттона и заторопился.
- Постарайтесь посмотреть на это так, сэр. На протяжении всей своей истории Человек был убийцей. Он был умен и жесток, с самого начала. Он был слаб, но сумел приспособить для себя дубину и камни, а когда камни были недостаточно остры, он обтачивал. Вначале существовали создания, которых он, по идеи, не должен был убивать. Они должны были убивать его. Но он был умен, и у него вдобавок были дубинка и камни. И человек убил мамонта и саблезубого тигра, других зверей, которых он не осмелился бы тронуть голыми руками. Так он отвоевал землю у животных. Он уничтожил их, кроме тех, которым разрешил жить за то, что они ему что-то давали. И даже когда он боролся со зверями, он боролся с другими людьми. Когда с животными было покончено, он продолжал сражаться... человек против человека, нация против нации.
 - Но это все в прошлом, - сказал Саттон. - Войны нет уже более тысячи лет. Людям сейчас не нужно воевать.
 - В том-то и дело, - не умолкал робот. - Больше не нужно воевать, больше не нужно убивать. Иногда, может быть, на какой-нибудь отдаленной планете, где человек должен убивать для защиты своей шкуры, жизни или власти. Но в общем и целом, больше нет нужды убивать. И все же вы убиваете! Вы должны убивать. В вас еще сохранилось старое зверство. Вы пьянеете от власти, а власть, знак власти - убийство. Вам это стало привычным... Вы принесли это еще из пещер. Вам некого убивать, кроме

как друг друга, и вы называете это дуэлью. Вы знаете, что это ложь, но вы лицемерите. Вы создали целую систему слов, чтобы это выглядело вполне приличным, отважным и даже благородным делом. Вы называете убийство рыцарским делом, а если вы так и не говорите, то вы так думаете. Вы прикрываетесь атрибутами вашего порочного прошлого, вы приукрашиваетесь словами, но слова - в ваших устах - ширма...

- Слушайте, - оборвал Саттон. - Я не хочу драться на этой чертовой дуэли. Не думаю, что это...

В голосе робота прозвучало мстительное ликование.

- Но вы должны драться. Пути назад нет. Может, вам нужно несколько советов? У меня есть все виды приемов...

- Я думал, вы не одобряете дуэли.

- Да, - сказал робот, - но это моя работа. Я не могу от нее отделаться. Я стараюсь делать ее хорошо. Я могу вам рассказать личную историю каждого, кто когда-либо дрался на дуэли. Я часами могу говорить о преимуществах рапир перед пистолетами. Или, если вы желаете, чтобы я отставал пистолеты, я могу доказать и это. Я могу рассказать вам о вооруженных стычках на древнем американском Западе, о чикагских гангстерах, о штучках с носовым платком и кинжалом, о...

- Нет, спасибо, - отказался Саттон.

- Вам неинтересно?

- У меня нет времени.

- Но, сэр, - взмолился робот, - мне не часто выпадают случаи поговорить. Я получаю мало вызовов. Всегда лишь около часа...

- Нет, - твердо сказал Саттон.

- Ну, ладно. Может вы мне скажете, кто вас вызвал?

- Бентон. Джейфри Бентон.

Робот присвистнул.

- Неужели он настолько хорош? - поинтересовался Саттон.

- На все сто, - ответил робот.

Саттон выключил визор. Он тихо сидел в кресле, уставясь на револьвер. Потом медленно протянул руку и взял его. Рукоятка удобно легла в ладонь. Палец сам опустился на спусковой крючок. Саттон поднял револьвер, прицеливаясь в дверную ручку. С пистолетом было легко обращаться. Почти так же, как если бы он был частью его организма. В нем чувствовалась власть и

господство. Как если бы Саттон стал сильнее и более опасным. Он вздохнул и отложил оружие. Робот был прав.

Он дотянулся до визора, нажал кнопку и вызвал конторку в холле. Появилось лицо Фердинанда.

- Кто-нибудь ждет меня внизу, Фердинанд?

- Ни души, - ответил Фердинанд.

- Кто-нибудь меня спрашивал?

- Никто, мистер Саттон.

- Репортеров или фотографов тоже нет?

- Нет, мистер Саттон, вы их ждали?

Саттон не ответил. Он отключился, чувствуя себя довольно глупо.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Человек распылен по всей галактике. Одна пригоршня здесь, другая там. Слишком слабы создания из костей, мозга, мускулов, чтобы сдерживать Галактику. Слишком хрупкие плечи, чтобы держать мантию величия человеческой расы простертой через тысячи световых лет.

Все это потому, что Человек слишком спешил, был перегружен многое больше своих физических способностей. Не силой удерживал он свои звездные аванпосты, но чем-то еще... глубиной человеческого характера, всем своим колоссальным самомнением, своим диким убеждением, что Человек - величайшее существо, которое когда-либо породила Галактика. И все это происходило несмотря на множество опровергающих факторов и фактов, которые он брал, оценивал и отбрасывал, полный презрения к любому величию, кроме величия безжалостного и агрессивного - величия Человека.

- Слишком тонко, - сказал себе Кристофер Адамс, - слишком тонко и слишком далеко вытянуто. Один человек, поддерживаемый дюжиной андроидов и сотней роботов, может держать Солнечную систему в повиновении. Может держать ее до тех пор, пока что-нибудь не даст трещину, или до тех пор, пока не прибудет подкрепление к врагу.

Со временем людей станет больше, если уровень рождаемости продержится на прежней высоте. Но пройдет еще много ве-

ков, прежде чем линия власти станет надежнее, потому что Человек держит только ключевые точки... одну планету в целой системе, да и то не в каждой системе. Человек двигался скачками, ибо людей не хватает, Человек создавал стратегические сферы влияния, отбрасывая все системы Галактики, кроме самых богатых и самых влиятельных.

Места для расселения хватит на миллионы лет, если только через миллион лет останутся люди. Если жизнь на тех, других планетах поможет людям, позволит людям жить и если когда-нибудь не придет тот день, когда они захотят уплатить ужасную цену за то, чтобы стереть с лица Вселенной всю человеческую расу.

- Цена будет высокой, - рассуждал Адамс, - но это будет сделано, и довольно легко, работы всего на несколько часов.

Утром люди есть, к ночи людей не осталось.

Что с того, что тысяча чужих умрет за смерть одного человека... или десять тысяч, или сто тысяч? При определенных обстоятельствах такую цену могут посчитать совсем невысокой.

Даже сейчас существовали очаги сопротивления, где надо было двигаться осторожно... или даже обходить стороной. Как 61 Лебедя, например.

Все это требует умения разбираться в обстановке и некоторого терпения, и большой дозы скрытого зверства, но более всего - сомнения, абсолютного непоколебимого убеждения, что Человек священен и неприкосновенен, что его нельзя задевать, что он едва ли может умереть.

Но пятеро умерли у реки, три человека и два андроида, у реки, что течет на Альдебаране XII, всего в нескольких километрах от Андрелона, столицы планеты.

Они умерли от насилия, в этом нет никакого сомнения.

Глаза Адамса нашли параграф последнего сообщения Торна: "... сила была применена снаружи. Мы нашли дыру, прожженную в атомной экранировке двигателя. Эта сила, наверняка, контролировалась, иначе результатом было бы полное разрушение. Автоматика вступила в действие и отразила удар, но машина вышла из строя, вышла из-под контроля и врезалась в дерево. Местность была заражена интенсивной радиацией".

"Торн - толковый парень, - подумал Адамс, - он не упустит ни одной детали. Его работы были там прежде, чем место остыло."

Но многое уже не найдешь... Мало того, почти не на что получить ответ. Просто куча вопросительных знаков.

Пять человек умерли, и, сказав это, ты положишь конец фактам. Потому что они были сожжены и раздавлены, и не осталось никаких черт, отпечатков пальцев или глаз, чтобы сличить их с данными записей.

В нескольких футах от черных пятен разбросанных тел в дерево врезалась машина, обернулась вокруг него, почти расколол ствол пополам... Машина, которая, как и люди, была без паспорта. Машина, у которой не было копии во всей известной части Галактики, и, во всяком случае до сих пор, машина без названия. Торн возьмет ее в оборот. Он исследует ее солидографом вплоть до последнего раздробленного куска стекла и пластика. Она будет проанализирована и занесена в диаграммы, и роботы поместят ее в считающее устройство, которое исследует и опишет ее молекулу за молекулой. И они могут что-нибудь найти. Возможно, что найдут.

Адамс захлопнул рапорт и откинулся в кресле. Он лениво, по буквам, прочитал свое имя, написанное на двери офиса, читая задом наперед, медленно и с преувеличенной осторожностью. Как будто он никогда не видел своего имени. Как будто он не знал его, разбирая по буквам, а потом и строчку пониже:

**"ИНСПЕКТОР БЮРО ВНЕЗЕМНЫХ ОТНОШЕНИЙ
КОСМИЧЕСКИЙ СЕКТОР 16"**

И еще одну строчку:

**"ОТДЕЛ ГАЛАКТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(ЮСТИЦИЯ)"**

Свет раннего утра проник через окно и упал на его голову, ярко осветил подстриженные серебряные усы и начинающие белеть волосы на висках.

Пятеро человек погибли...

Он хотел выкинуть это из головы. Было много другой работы. Эта штучка Саттон, например. Сообщения об этом придут примерно через час. Но фотография... фотография от Торна, которую он не мог забыть.

Разбитая машина, раздавленное тело и большая дымящаяся воронка, выбитая в дерне. Серебристая река молчаливо текла, ее молчание чувствовалось даже на фотографии, а вдали на розоватом небе вздыхались паучьи переплетения Андрелона.

Адамс тихонько улыбнулся про себя:

"Альдебаран XII, - подумал он, - должно быть, чудесный мир."

Он никогда не был там и никогда не будет... Потому что планет слишком много, слишком много планет, чтобы человек мог хотя бы мечтать увидеть их все.

Может быть, когда-нибудь телепорты и будут работать на расстоянии многих световых лет вместо ничтожных нескольких миль. Может, человек сумеет просто шагнуть к избранной им планете, на день или на час, чтобы сказать - он там был!

Но Адамсу не нужно было быть там. У него везде были глаза и уши, на каждой планете его сектора.

Там был Торн, а Торн - способный человек. Он не будет отыкать до тех пор, пока не выжмет последнюю унцию информации из разбитых обломков и тел.

"Хотел бы я забыть это, - напомнил себе Адамс, - это, конечно, важно, но не сверхважно."

Загудел зуммер, и Адамс щелкнул тумблером на столе.

- В чем дело?

Голос андроида ответил:

- Это мистер Торн, сэр, по ментофону из Андрелона.

- Спасибо, Алиса, - сказал Адамс.

Он отпер ящик, вынул и надел на голову менто-фуражку, приладив ее твердыми спокойными пальцами. В мозгу его замерцали мысли, несвязные, случайные мысли. Все слабые и отдаленные. Мысли-призраки, дрейфующие во Вселенной - необъяснимый мусор от умов и созданий во времени и пространстве, о которых нельзя было даже догадаться...

Адамс вздрогнул.

- Я никогда к этому не привыкну, - сказал он себе. - Я всегда буду вздрагивать, как ребенок, который знает, что он заслужил наказание.

Призрачные мысли крутились в его мозгу. Адамс закрыл глаза и откинулся на спинку кресла.

- Хелло, Торн, - подумал он.

Мысли Торна через пространство более пятидесяти световых лет пришли слабенькими и расстроеными.

- Это вы, Адамс? Принимаете тут, снаружи, довольно слабо.

- Да. Это я, что там у тебя?

Высокая монотонная мысль появилась и проскользнула у него в мозгу:

- ... болтая, трещотка... ушипни рыбку... кислород дорого стоит...

Адамс выгнал мысль из мозга и восстановил свою сосредоточенность.

- Начни сначала, Торн. Появился призрак и стер тебя.

Сейчас мысль Торна была громче и более отчетлива.

- Я хотел спросить вас об одном имени, я его слышал раньше, но не уверен.

- Что это за имя?

Торн сейчас передавал мысли с промежутками, отправляя их медленно и с усилием, чтобы они пробились через бесконечность

- Имя - Ашер Саттон.

Адамс резко выпрямился в кресле.

Челюсть его отвисла.

- Что? - проревел он.

- Иди на запад, - сказал голос в его мозгу. - Иди на запад, а потом прямо вверх.

Наконец-то снова пробилась мысль Торна:

-... это имя, которое было на форзаце.

- Давай по новой, - взъерошился Адамс, - сначала и помедленней. Нас снова разъединили. Я не понял ничего из того, что ты думал.

Мысли Торна шли медленно. Каждое слово было веским.

- Это было так: вы помните ту развалину здесь, у нас? Пятеро убитых...

- Да, да. Конечно, помню.

- Ну так вот, мы нашли книгу или то, что раньше было книгой, на одном из трупов. Она была обуглена, опалена насеквозд излучением. Роботы сделали с ней, что могли - немного, конечно. Словечко там, словечко тут. Ничего, из чего можно было извлечь какой-то смысл.

Мысленный фон замурлыкал и заурчал. Бродячие обрывки мыслей, в которых не было ни человеческого смысла, ни значения, даже если бы их услышали целиком.

- Начни сначала, - подумал Адамс в отчаянии. - Начни сначала.

- Вы знаете об этих обломках. Пятеро...

- Да, да. Это я принял. До того места, что с книгой. А где вступает в дело Саттон?

- Это было почти все, что роботы смогли выявить, - сказал ему Торн. Всего три слова: "Произведение Ашера Саттона". Словно он был автором. Словно книга могла быть написана им. Это было на одной из первых страниц. Может быть, на титульном листе. Такая-то книга, произведение Ашера Саттона.

Наступило молчание. Даже голоса призраков на минуту утихли. А потом появилась какая-то плачущая, лепечущая мысль. Мысль-ребенок, недоразвитая и хнычащая. И мысль была без контекста, непереводимая, почти бессмысленная, страшная и расшатывающая нервы своим неземным значением.

Адамс почувствовал, как вдоль позвоночника проскользнул внезапный холодок страха. Он схватился обеими руками за подлокотники кресла и держался, пока грязный отросший ноготь копошился в его внутренностях. Неожиданно мысль исчезла, бездна в пятьдесят световых лет посвистывала в редком безмолвии.

Адамс расслабился и почувствовал, как из-под мышек у него течет пот и тонкой струей сбегает по ребрам.

- Ты здесь, Торн? - спросил он.

- Да. Я тоже кое-что уловил из этой, последней.

- Довольно скверно, не так ли?

- Я хуже этого не слышал никогда, - сказал Торн.

Наступило секундное молчание. Потом опять возникла мысль Торна.

- Может, я просто теряю время, но мне показалось, что я помню это имя.

- Помнишь, - подумал в ответ Адамс. - Саттон ушел к 61 Лебедю.

- Ах, так это он?

- Он вернулся сегодня утром.

- Тогда это не мог быть он. Кто-нибудь с таким же именем - может быть.

- Должен бы быть он, - вдруг вспыхнуло и угасло в голове Адамса.

- Больше докладывать нечего, - сказал ему Торн, - это имя просто беспокоило меня.

- Ухватись за это, - попросил Адамс. - Дай мне знать, если что подвернется.

- Сделаю, - пообещал Торн. - До свидания.

- Спасибо, что вызвал.

Адамс снял фуражку. Он открыл глаза, и вид комнаты, обычной и земной, с солнечным светом, струящимся через окно, был почти физическим шоком. Он расслабился в кресле, думал, вспоминая...

... Человек пришел в сумерках, выйдя из теней на патио, и он сидел в темноте и разговаривал, как и всякий другой человек, за исключением того, что он говорил сумашедшие вещи.

- Когда Саттон вернется, он должен быть убит. Я ваш преемник.

Сумашедший разговор. Невероятно. Невозможно.

И все-таки, может быть, мне надо было послушать. Может быть, его надо было выслушать вместо того, чтобы вспылить.

Но дело в том, что что не убивают человека, вернувшегося через двадцать лет. Особенно такого человека, как Саттон.

Саттон хороший работник, один из лучших в бюро. Ловкий как лиса, хорошо разбирается во внеземной психологии, знаток галактической политики. Никто другой не смог бы выполнить задание на 61. Лебедя так же хорошо. Если только он его выполнил.

Я этого, конечно, не знаю. Но он будет здесь завтра, и он мне все расскажет об этом.

Адамс медленно убрал менто-фуражку, почти нехотя протянул руку и щелкнул тумблером.

Алиса мгновенно ответила.

- Доставьте ко мне личное дело Ашера Саттона.

- Да, мистер Адамс.

Адамс снова удобно устроился в кресле.

Плечи его чувствовали приятную теплоту солнца. Тикание часов тоже было успокаивающим.

Все обычное и успокаивающее после призрачных голосов галактики, шепчущихся в космосе. Мысли, которые невозможно сказать, невозможно связать и проследить: "Вот это началось тогда-то, так-то и так-то..."

- Как бы мы ни планировали наши действия, - думал Адамс, - человек будет пробовать все, испытывать любой шанс, не упустит ни одной решающей возможности.

Он хмыкнул про себя. Усмехнулся обреченности замысла:

Тысячи слухачей, вслушивающихся в погоне за ключами, за намеками, за направлениями в редкие мысли разрозненных пространств и времен... Выискивать клочок смысла в потоке тарабарщины... охотиться за словом, предложением или разрозненной мыслью, которая может быть преобразована в новую философию, новую науку или новую технику... или в новое Что-то, о чём человеческая раса никогда и не мечтала.

- Новая концепция, - сказал себе Адамс, - совершенно новая концепция. Он мысленно нахмурился.

Новая концепция может быть опасной. Сейчас не время для того, чтобы не входить в привычную колею, что не совпадает с образом человеческих мыслей и действий.

Не должно быть никакого беспорядка. Не должно быть ничего, кроме абсолютной бульдожьей решимости повиснуть на шее, вонзить свои зубы и так и остаться, поддерживая статус quo.

Когда-нибудь, позднее, через много веков, будет и время, и место, и свободное пространство для новой концепции. Когда хватка человека станет крепче, когда нить человеческого могущества не будет такой тонкой, когда ошибка-другая не будут означать фатального несчастья.

Человек в любой данный момент контролировал каждый фактор. Он имел преимущество в каждой точке. Слабое, надо признать, но, по крайней мере, преимущество. Так и должно остаться. Не должно быть ничего, что может склонить чашу весов не в том направлении. Ни слова, ни мысли, ни действия, ни шепота.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Очевидно, они ждали Саттона какое-то время, так как перехватили его, только он вышел из лифта, на пути к залу ресторана, куда он направлялся позавтракать.

Их было трое, и они выстроились перед ним в ряд с твердой решимостью не дать ему возможности бежать.

- Мистер Саттон? - спросил один из них, и Ашер кивнул.

Этот человек был как будто здорово потрепан. Может, на самом деле он и не спал в одежде, но первое впечатление было именно такое. Он сжимал короткими грязными пальцами поношенную кепку. Под давно нестриженными ногтями синела грязь.

- Что я могу для вас сделать? - спросил Саттон.

- Мы хотели бы поговорить с вами, сэр, если не возражаете, - ответила единственная в этой тройке женщина. - Понимаете, мы что-то вроде делегации. - Она скрестила полные руки на толстом животе, изо всех сил стараясь улыбнуться ему. Эффект этой улыбки был подпорчен тонкими волосами, которые в беспорядке вырывались из-под ее шляпки.

- Я как раз шел пообедать, - сказал Саттон, колеблясь, стараясь создать видимость спешки, пытаясь придать своему голосу оттенок раздражения, но оставаться в то же время в рамках любезности.

Женщина продолжала улыбаться.

- Я - миссис Джелико, - объявила она так, словно он должен был обрадоваться этому сообщению. - А джентльмен, который заговорил с вами - мистер Гамильтон. Второй из нас - мистер Стивенс.

- Капитан Стивенс, - поправил Стивенс, крепкий мускулистый человек, одетый лучше, чем другие.

Его голубые глаза подмигнули Саттону, как бы говоря:

"Я тоже не в восторге от этих людей, Саттон, но пока я с ними, и я сделаю для вас все, что смогу."

- Капитан? - переспросил Саттон. - Одного из звездных кораблей, я полагаю.

Стивенс кивнул.

- В отставке, - пояснил он. - Поверьте, нам не хотелось беспокоить вас, Саттон, - прочистил глотку. - Но мы не смогли пройти к вам в комнату. Мы ждем уже несколько часов. Надеюсь, вы нас не разочаруете.

- Это займет совсем немного времени, - взмолилась миссис Джелико.

- Мы смогли бы сесть вон там, - сказал Гамильтон, крутя кепку в грязных пальцах. - Мы заняли для вас кресло.

- Как угодно, - согласился Саттон.

Он прошел с ними за угол, у которого они его настигли, и взял предложенное ему кресло.

- А сейчас, - заявил Саттон, - скажите, что вы от меня хотите? Миссис Джелико глубоко вздохнула.

- Мы представляем Лигу Равенства Андроидов... - начала она.

Стивенс вклинился в разговор, успешно прервав длинную речь, которую, казалось, подготовила миссис Джелико.

- Я уверен, - сказал он, - что мистер Саттон иногда о нас слышал. Лига существует уже много лет.

- Я слышал о Лиге, - сказал Саттон.

- Может, вы читали и нашу литературу? - спросила миссис Джелико.

- Нет, - ответил Саттон, - не могу сказать, что читал.

- Тогда вот вам несколько книжек, - сказал Гамильтон. Он засунул грязную руку во внутренний карман пиджака и вытащил полный кулак листовок и брошюр с загнутыми углами.

Он протянул их Саттону. Саттон робко взял их, положив на пол возле кресла.

- Короче, - сказал Стивенс, - мы представляем веру в то, что андроидам нужно дать равные права с человеком. Они, в действительности, уже люди по любому признаку, кроме одного.

- Они не могут иметь детей, - выпалила миссис Джелико.

Стивенс коротко приподнял свои песочного цвета брови и взглянул, как бы удивляясь, на Саттона. Он снова прочистил горло.

- Совершенно верно, - продолжал Стивенс. - Как вы, сэр, вероятно, знаете, они бесплодны абсолютно. Другими словами, человечество может химически произвести совершенное человеческое тело, но оказалось неспособным решить тайну биологии-

ческого зачатия. Было сделано много попыток воспроизвести хромосомы и гены, яйцеклетки и сперматозоиды. Но ни одна попытка не была полностью успешной.

- Может, когда-нибудь, - предположил Саттон.

Миссис Джелико покачала головой.

- Нам не дано понять всего, мистер Саттон, - банально произгласила она. - Есть власть, которая противостоит нашему познанию всего. Есть...

Стивенс опять прервал ее.

- Короче, сэр, мы заинтересованы в осуществлении равенства между биологическим человечеством, рожденным человечеством, и человечеством, произведенным химическим путем, которое мы зовем андроидами. Мы утверждаем, что они, в основном, такие же люди, что им тоже дано право на общее наследие человечества. Мы - первоначальная биологическая человеческая раса, и мы создали андроидов, чтобы поддержать наше население, для того, чтобы больше было людей для занятия командных пунктов и административных центров, рассеянных по Галактике. Вы, наверное, хорошо осведомлены о том, что единственной причиной того, что мы недостаточно полно контролируем Галактику, является недостаток человеческого руководства.

- Я хорошо осведомлен об этом, - сказал Саттон, а сам подумал: "Неудивительно, что к этой Лиге относятся, как к банде чокнутых. Капризная старая женщина, заикающийся, грязный, неуклюжий человек, космокапитан в отставке, на плечах которого тяжело лежит время и которому больше нечем заняться".

Стивенс говорил:

- Тысячи лет назад рабство было уничтожено между одним биологическим человеком и другим. Но сейчас у нас есть рабство между биологическим человеком и искусственно созданным человеком. Потому, что андроидов приобретают. Они не живут, как хозяева своей судьбы, но служат по указаниям идентичной формы жизни... идентичной во всем, за исключением того, что одна биологически плодится, а другая - стерильна!

"И это, - подумал Саттон, - конечно, то, что он механически выучил из какой-то книги. Как страховой агент по продаже энциклопедии."

Вслух он сказал:

- Чего же вы хотите от меня?

- Мы хотим, чтобы вы подписали иницию, - миссис Джеллико в последний раз попыталась естественно улыбнуться.

- И сделал вклад?

- Право же, нет, - сказал Стивенс, - вашей подписи будет достаточно. Это все, что мы просим. Мы всегда рады получить свидетельство того, что уважаемые люди, думающие мужчины и женщины Галактики, видят справедливость нашего требования.

Саттон отодвинул свое кресло и решительно встал.

- Мое имя, - сказал он, - мало известно.

- Нет, мистер Саттон...

- Я одобряю ваши намерения, - продолжал Саттон, - но скептически отношусь к вашим методам их выполнения.

Он слегка поклонился им, все еще сидящим в креслах:

- А сейчас я должен пойти пообедать.

Он был на полпути в вестибюль, когда кто-то схватил его за локоть. Это был Гамильтон с потрепанной кепкой в руках.

- Вы кое-что забыли, - сказал он, протягивая листовки, которые Саттон оставил на полу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Селектор на столе Адамса заворчал, и тот нажал кнопку.

- Да, сказал он, - что такое?

Слова Алисы перебивали одно другое.

- То дело, сэр. Дело Саттона.

- Ну и что с делом Саттона?

- Его нет, сэр.

- Кто-нибудь с ним работает?

- Нет, сэр. Не в этом дело. Его украли.

Адамс резко выпрямился

- Украли?

- Украли, - повторила Алиса. - Это верно, сэр. Двадцать лет назад.

- Но двадцать лет...

- Мы проверили охранные донесения, - сказала Алиса, - оно было похищено через три дня после того, как мистер Саттон отправился к 61 Лебедю.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

- Уэллингтон, - представился юрист.

Он положил тонкий слой пластикового лака на лоб, чтобы спрятать татуировку, но марка все равно просматривалась, если хорошенко приглядеться. И голос его был голосом андроида.

Уэллингтон осторожно положил свою шляпу на стол, так же осторожно сел в кресло и положил портфель на колени. Затем он вручил Саттону свернутую бумагу.

- Ваша газета, сэр, - сказал он. - Она лежала у дверей. Я подумал, что она может вам понадобиться.

- Спасибо, - поблагодарил Саттон.

Уэллингтон смущенно кашлянул.

- Вы - Ашер Саттон? - спросил он.

Саттон кивнул.

- Я представитель некоего робота, который вам известен под именем Бастер. Вы, может быть, помните его?

- Конечно помню, ведь он был мне вторым отцом... Поднял меня на ноги, когда мои родители умерли. Он был с моей семьей почти четыре тысячи лет.

Уэллингтон откашлялся снова.

- Совершенно верно, - сказал он.

Саттон откинулся в кресле, сжав газету в кулаке.

- Только не говорите мне...

Уэллингтон успокаивающе махнул рукой.

- Нет, с ним ничего не случилось. Точнее, еще не случилось. Не случится, если вы не захотите.

- Что он сделал? - спросил Саттон.

- Он сбежал.

- Господи! Сбежал! Куда?

Уэллингтон неловко поежился в кресле.

- На одну из звезд Тауера, я полагаю.

- Но, - запротестовал Саттон, - это же далеко в космосе. Почти на краю Галактики.

Уэллингтон кивнул.

- Он купил себе новое тело, нанял корабль и оснастил его...

- Каким образом? - перебил Саттон. - У Бастера не было денег.

- О нет, были. Деньги, которые он копил, как вы сказали, около четырех тысяч лет. Подачки от гостей, рождественские подарки, то, другое. Это все накапливалось в течение четырех тысяч лет, если поместить это куда следует, знаете...

- Но почему? - спросил Саттон. - Что он намеревается там делать?

- Бастер выбрал себе на планете участок. Он не скрылся, а документировал свой отъезд, так что вы можете его выследить, если захотите. Он воспользовался вашей фамилией, сэр. Это его немного беспокоит. Он надеялся, что вы не будете возражать.

Саттон покачал головой.

- Нисколько, - сказал он. - Он имеет право на это имя, такое же право, как и я.

- Так вы не возражаете? - спросил Уэллингтон. - Насчет всего этого, я имею в виду. В конце концов, он был вашей собственностью.

- Нет, - ответил Саттон, - я не возражаю. Но хотел бы увидеть его снова. Я вызвал старый дом, но ответа не было. Я подумал, что он куда-то вышел.

Уэллингтон сунул руку во внутренний карман пиджака.

- Он оставил вам письмо, - сказал он, протягивая конверт.

Саттон взял письмо. На лицевой стороне было написано его имя. Он перевернул письмо, но на нем больше ничего не было.

- Он также оставил на моем попечении старый сундук, - добавил Уэллингтон. - Предупредил, что он содержит несколько старых фамильных бумаг, которые вы можете считать интересными.

Саттон сидел молча, уставившись прямо перед собой и ничего не видя. ... Тогда возле ворот росла яблоня, и маленький Аш Саттон каждый год ел яблоки, когда они были зелеными, а Бастер каждый раз нянчился с ним после этого, а затем надлежащим образом порол, дабы научить его уважать свой обмен веществ... А когда парнишка, живший недалеко, поколотил его по дороге из школы домой, именно Бастер отвел его на задний двор и научил драться головой, а также руками.

Саттон бессознательно сжал кулаки, вспоминая волну удовлетворения, красные ссадины на костяшках пальцев. Тот маль-

чишка, вспомнил он, целую неделю лечил синяк под глазом, став со временем его вернейшим другом.

- Насчет сундука, сэр, - напомнил Уэллингтон. - Вам его доставить?

- Да, - ответил Саттон, - если можно.

- Он будет здесь завтра утром.

Андроид взял свою шляпу и поднялся

- Я хочу вас поблагодарить за своего клиента. Он сказал мне, что вы будете рассудительны.

- Не рассудителен, - объяснил Саттон. - Просто справедлив. Он заботился о нас много лет - он заслужил свободу.

- До свидания, сэр, - сказал Уэллингтон.

- До свидания, - ответил Саттон. - И большое вам спасибо.

Одна из русалок свистнула Саттону. Он погрозил ей пальцем:

- Однако, моя прелесть, ты делаешь это слишком часто.

Она показала ему нос и нырнула в фонтан.

Дверь защелкнулась - Уэллингтон вышел.

Саттон медленно вскрыл конверт и развернул единственную страницу:

"Дорогой Аш, я сходил к мистеру Адамсу, узнал, что надежд на твое возвращение практически нет, но я не поверил ему, потому что уверен - ты вернешься. И именно поэтому я поступаю так. С тех пор, как ты покинул меня, я сам пустился в плавание, хотя и чувствую себя старым и бесполезным. В Галактике, где было столько работы, я ничего так и не сделал. Ты говорил мне, что был бы доволен, если бы я просто жил на старом месте и отдыхал. Я знаю, ты всегда был добр ко мне и не продал бы меня ни при каких обстоятельствах, поэтому я делаю то, что, как мне кажется, всегда хотел сделать ты. Я подаю заявку на участок на планете, где сумею что-либо сделать. Я приведу там все в порядок, построю дом, и, может быть, когда-нибудь ты заглянешь навестить меня.

Твой Бастер.

Пост скринтум. Если я тебе понадоблюсь, информацию о моем местонахождении ты получишь в переселенческом отделе".

Саттон бережно сложил листок и положил его в карман.

Он сидел в кресле, ничего не делая, слушал журчанье ручья, лизнувшегося на висевшей над камином картине. Пели птицы, как-то рыба плеснулась в тихом заливчике около излучины прямо за рамой картины.

- Завтра, - подумал он, - я увижу Адамса. Может, мне удастся выяснить, не он ли виновник того, что случилось. Хотя, с какой стати он? Я на него работаю. Я выполняю его приказы.

Он потряс головой. Нет, это не мог быть Адамс. Но кто-то непременно должен быть. Кто-то, кто охотится на него, кто наблюдал за ним даже сейчас. Он мысленно пожал плечами, подобрал газету и раскрыл ее.

Это была "Галактик Пресс". За все двадцать лет ее формат не изменился. Консервативные колонки серого шрифта бежали вниз по странице, нарушаемые только лаконичными заголовками. Новости Земли начинались в верхнем левом углу первой страницы, продолжались марсианскими и венерианскими новостями, колонкой для андроидов, полутора колонками с лун Юпитера, потом с внешних планет. Новости из остальных частей Галактики, он знал, находились на внутренних страницах. Параграф или два каждому сообщению. Как в местных газетах старого времени, много веков назад.

"И все-таки, - подумал Саттон, разглаживая газету, - это лучший способ расположения текста."

Было так много новостей... Новостей из многих миров, из многих секторов... человеческие новости, новости андроидов и роботов, чужие новости. Пункты должны быть сконцентрированы и сжаты, чтобы каждое слово выполняло функции сотни других слов.

Конечно, были и другие газеты, обслуживающие другие секторы, они давали местные новости более детально. Но на Земле нужно было знать новости всей Галактики, потому что Земля была столицей всей Галактики, планетой, которая не была ничем, кроме столицы, которая ничего не производила, ничего не выраживала, которая сделала своим занятием только управление. Планета, каждый дюйм которой был декорирован и ухожен, как лужайка перед домом, как парк или сад.

Саттон пробежал глазами по колонке Земли. Землетрясение в Восточной Азии. Новое подводное поселение для служащих инопланетян, представителей водных планет. Отправка трех но-

вых звездолетов в сектор 19 - этому было посвящено всего несколько строк. А потом?

"Ашер Саттон, специальный агент отдела Галактических Исследований, возвратился сегодня от звезды б1 Лебедя, к которой был отправлен двадцать лет назад."

"Надежда на его возвращение была потеряна несколько лет назад. Немедленно по прибытии у его корабля была установлена охрана. Так как он уединился в "Гербе Ориона", все попытки достичь его для получения информации были тщетны. Вскоре по прибытии он был вызван на дуэль Джейфри Бентоном. Мистер Саттон выбрал пистолет и отсутствие церемоний."

Саттон прочитал заметку снова.

... Все попытки достичь его...

Херкимер сказал, что в холле были репортеры и фотографы, а десять минут спустя Фердинанд поклялся, что нет, его никто не вызывал, то есть попытки достичь его не было. Или были? Попытки, которые были аккуратно остановлены. Остановлены тем же, кто напрасно охотился на него, той же силой, что присутствовала внутри комнаты, когда он перешагнул порог.

Он уронил газету на пол и сидел в задумчивости.

Он был вызван одним из выдающихся, если не самым выдающимся дуэлянтом на Земле.

Старый семейный робот сбежал... Или вынужден был сбежать?

Попытки прессы достичь его были остановлены... намертво.

Визор замурлыкал ему, и он подпрыгнул.

Вызов.

Первый с тех пор, как он сюда прибыл.

Он перегнулся в кресле и щелкнул выключателем.

Появилось женское лицо. Гранитно-серые глаза и магнолиево-белая кожа, волосы цвета меди.

- Меня зовут Ева Армор, - представилась она, - это я попросила вас подождать у лифта.

- Я узнал вас, - сказал Саттон.

- Я вас вызвала в качестве компенсации.

- Нет никакой необходимости...

- Нет, мистер Саттон, есть. Вы подумали, что я смеялась над вами, а я вовсе не смеялась.

- Я смешно выглядел, - сказал ей Саттон. - Это было ваше право - рассмеяться.

- Вы не пригласите меня пообедать? - спросила она.

- Конечно, - согласился Саттон, - буду в восторге.

- Когда-нибудь потом? - предложила она. - Мы устроим славный вечерок.

- С радостью, - сказал Саттон.

- Я встречу вас в холле в семь, - предложила она. - И я не опоздаю.

Визор угас, Саттон неподвижно сидел в кресле. Они устроят славный вечерок, сказала она. И он боялся того, что она может оказаться права.

- Они устроят славный вечерок, - сказал он себе, - и ты будешь счастливчиком, если доживешь до завтра.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Адамс молча сидел, рассматривая четырех вошедших в его офис и стараясь выяснить, что у них на уме. Но на их лицах словно были надеты непроницаемые маски.

Кларк, инженер-космоконструктор, скимал в руке записную книжку, лицо его было строгим и суровым. В Кларке никогда не было дурачества.

Андерсен, анатом, человек крупный и грубоватый, раскуривал трубку, и в данную минуту это было для него, по всей видимости, самой важной вещью во Вселенной.

Блэкборн, психолог, хмурился на тлеющий кончик своей сигареты.

А Шилкросс, эксперт-лингвист, лениво развалился в своем кресле, как пустой мешок.

- Они нашли кое-что, - сказал себе Адамс. - Они нашли много, и часть этого запутала их.

- Кларк, - сказал он, - начни ты.

- Мы осмотрели корабль, - сказал Кларк, - и обнаружили, что он не может летать.

- Но он летел, - возразил Адамс. - Саттон привел его домой.

Кларк пожал плечами.

- Он мог с таким же успехом употребить для этого бревно или кусок скалы. Что угодно могло бы послужить для этой цели, лететь так же или даже лучше, чем эта куча мусора.

- Мусора?

- Двигатели все износились, - добавил Кларк. - Только автоматы защиты идерживали их от распыления. Иллюминаторы треснули, некоторые разбиты. Одна из камер была оторвана и потеряна. Весь корабль был искален до неузнаваемости.

- Вы хотите сказать, что он был деформирован?

- Он явно ударился обо что-то, - объяснил Кларк. - Ударился сильно и с большой скоростью. Швы разошлись, переборки погнуты, вся эта штука здорово изуродована. Даже если бы и можно было запустить двигатели, корабль был бы неуправляем. И даже если бы камеры были о'кей, нельзя было бы лечь на курс. Если ему дать какое-либо направление, он войдет в штопор.

Андерсен откашлялся.

- Что случилось бы с Саттоном, если бы он был в корабле, когда тот ударился?

- Он бы погиб, - ответил Кларк.

- Вы в этом уверены?

- Абсолютно. Даже чудо не спасло бы его. Мы подумали о том же самом, так что мы проверили. Мы наспех состряпали диаграмму и употребили самые консервативные факторы силы, чтобы проверить теоретические эффекты...

Адамс прервал его:

- Но он должен был быть в корабле.

Кларк упрямо потряс головой.

- Если бы это было так, он бы умер. Наши расчеты доказывают, что у него не было ни одного шанса. Если бы сила не убила его, дюжина других причин покончила бы с ним.

- Саттон вернулся, - подчеркнул Адамс.

Они сердито уставились друг на друга.

Андерсен нарушил молчание.

- Не видно ни одного следа. Нечего было даже и пытаться. Саттон ничего не понимает в механике. Совершенно ничего. Я проверил это. У него не было естественного влечения к этому. А чтобы починить атомный двигатель, нужен человек большой эрудиции. Починить, а не построить. А в этой ситуации нужна была полная перестройка.

Шилкросс заговорил впервые, мягко, тихо, не изменяя своей неудобной позы.

- Может, мы неправильно начали, - сказал он. - Начали с середины. Если бы мы начали сначала, заложили фундамент, мы могли бы лучше понять, что случилось.

Все вопросительно посмотрели на него, недоумевая, что он имел в виду. Шилкросс, увидев, что все ждут от него продолжения, вновь обратился к Адамсу:

- У вас есть какие-нибудь сведения, сведения об этом мире, 61 Лебедя, куда уходил Саттон?

Адамс уткнулся в глаза.

- Мы не уверены. Очень похоже на Землю, возможно. Мы никогда не могли подойти достаточно близко, чтобы узнать по-точнее. Это скорее всего седьмая планета 61 Лебедя. Хотя могла быть и любая из шестнадцати планет системы, но автоматически вычислено, что на седьмой планете наилучшие условия для существования жизни.

Он сделал паузу, осмотрел окружающих - все они ждали продолжения его рассказа.

- 61 Лебедя, - сказал он, - наш ближайший сосед. Она была одним из первых Солнц, к которой направился человек, когда он вышел за пределы Солнечной системы. С тех пор она - шип, уязвляющий самолюбие человечества.

Андерсен ухмыльнулся:

- Потому что мы не можем расколоть этот орешек.

Адамс кивнул.

- Верно. Очевидно, существуют неизвестные силы в Галактике, утаивающие от человека какие-то секреты всякий раз, когда он берется за их исследование. Мы, конечно, встречали множество странных явлений. Планетарные условия, которых мы до сих пор не переделали. Странные, страшные формы жизни. Экономические системы и психологические концепции, которые ставят нас в тупик и все еще причиняют нам головную боль каждый раз, как только мы о них думаем. Но мы всегда могли, по крайней мере, знать то, что нас превосходило, а с 61 Лебедя это не так. Мы не смогли даже попасть туда. Планеты или закрыты облаками, или экранированы, поэтому мы никогда не видели поверхности ни одной из них. А когда мы приближались к системе на расстояние нескольких миллионов миль, мы начинали сколь-

зить, - он посмотрел на Кларка, - это правильное определение, не так ли?

- Для этого нет слова, - ответил ему Кларк. - Но термин "скольжение" подходит так же, как и любой другой. Вас не останавливают и не тормозят, но вас отбрасывают. Как если бы корабль попал на лед, хотя это намного более скользко, чем лед. Что бы это не было, оно не регистрируется. Никаких сигналов, ничего, что можно было бы увидеть и что оставило хотя бы малейшее мерцание на экранах приборов, но вы входите в него и соскальзываете с курса. Сделаете поправку, соскальзываете снова. В старые времена попытка достичь этой системы и невозможность приблизиться к ней хотя бы на милю ближе какой-то границы доводила людей до сумасшествия.

- Как будто, - нахмурился Адамс, - кто-то взял и провел линию недосягаемости вокруг этой системы.

- Что-то вроде этого, - согласился Кларк.

- Но Сэттон проник внутрь, - сказал Андерсен.

Адамс кивнул.

- Сэттон проник внутрь, - повторил он.

- Мне все это не нравится, - признался Кларк. - Мне это совсем не нравится. Кое у кого завихрение в мозгах. Наши корабли слишком большие, говорят они. Если бы мы употребили корабли меньших размеров, мы могли бы проскользнуть внутрь. Как будто то, что нас держит - сеть или что-то вроде.

- Сэттон пробрался, - сказал Адамс упрямо, - его запустили в спасательной шлюпке, и он пробрался. Его маленький корабль пробился там, где наши большие были бессильны.

Кларк также упрямо покачал головой.

- В этом нет смысла, - проговорил он. - Размеры корабля не имеют с этим ничего общего. Где-то есть другой фактор, о котором мы даже никогда не думали. Сэттон прошел внутрь вполне нормально и разбился, и, если бы он был в корабле, когда тот разбился, он бы умер. Он проник не потому, что его корабль был мал, а по какой-то другой причине.

Мужчины сидели, напряженно думая.

- Почему Сэттон? - в конце концов спросил Андерсен.

Адамс тихо ответил:

- Корабль был мал. Мы смогли послать только одного человека, и мы выбрали человека, который, как мы думали, выполнит задание лучше других, если только проникнет внутрь.

- И Саттон был лучшим?

- Был, - жестко отрезал Адамс.

Андерсен дружелюбно заметил:

- Ну, очевидно, был лучшим. Он проник внутрь.

- Или был пропущен внутрь, - подсказал Блэкборн.

- Не обязательно, - возразил Андерсен.

- Это же логично предположить, - заспорил Блэкборн. - Почему мы хотели попасть в систему б1 Лебедя? Выяснить, опасна ли она. Такова причина, не так ли?

- Да, причина была такова, - кивнул Адамс. - Все неизвестное потенциально опасно. Его нельзя сбросить со счета до тех пор, пока нет полной уверенности. Таковы были инструкции Саттона: выяснить, опасна ли б1 Лебедя.

- Это лишнее доказательство того, что они тоже хотят узнать о нас, - сказал Блэкборн. - Мы прощупываем и подсматриваем за ними несколько тысяч лет. Они могут желать получить о нас информацию так же сильно, как мы о них.

Андерсен кивнул.

- Я понял, что вы имеете в виду. Они рискнули бы пропустить одного человека, если бы смогли затащить его внутрь, но они не пустили бы полностью вооруженные корабли и целую команду на дистанцию боя.

- Точно, - согласился с ним Блэкборн.

Адамс резко прервал нить разговора, обратившись к Кларку:

- Ты говорил о контактах. Они были сделаны недавно?

Кларк с сомнением покачал головой.

- По-моему, как раз двадцать лет назад. Там куча ржавчины.

Проводка в некоторых местах размягчилась.

- Ну, давайте предположим, - сказал Андерсен, - что Саттон каким-то образом, каким-то чудом знал, как починить корабль, но даже тогда ему нужны были материалы.

- И много, - подтвердил Кларк.

- Лебедяне могли снабдить его ими, - предположил Шилкросс.

- Если лебедяне существуют, - усмехнулся Андерсен.

- Я не верю в то, что они смогли бы, - сказал Блэкборн. - Цивилизация, которая прячется за экраном - не машинная. Если бы они строили машины, вышли бы в космос, вместо того, чтобы отгораживаться от пространства. Я полагаю, что лебедяне не техническая раса.

- А экран? - напомнил Андерсен.

- Он необязательно технического происхождения, - вяло произнес Блэкборн.

Кларк хлопнул ладонью по столу.

- Что за польза от этих размышлений? Саттон не чинил этот корабль. Он привел его домой как-то без починки. Он даже не старался починить его. На всем лежат покровы пыли и ни следа от гаечного ключа.

Шилкросс наклонился вперед.

- Я не понимаю одного, - сказал он. - Кларк говорит, что некоторые иллюминаторы были разбиты. Это означает, что Саттон пролетел одиннадцать световых лет без всякой защиты.

- Он использовал скафандр, - ответил Блэкборн.

- Там не было скафандра, - тихо возразил Кларк. Он оглядел комнату, как бы боясь, что кто-то вне их маленького кружка мог его слышать. Он понизил голос.

- И это не все. Там не было ни пищи, ни воды.

Андерсен выколотил трубку о ладонь, и глухой звук эхом отдался по комнате. Бережно, сосредоточенно, как бы желая сконцентрироваться на этом, он сбросил цепел в пепельницу.

- Может быть, у меня есть ответ на это, - сказал он, - по крайней мере, ключ. Предстоит еще много работы, прежде чем мы дадим ответ. Да и тогда мы не можем быть полностью уверены.

Он неподвижно сидел в кресле, зная, что все смотрят на него.

- Я не решаюсь высказать то, что у меня на уме, - сказал он. Никто не проронил ни слова.

Часы на стенке отсчитывали секунды.

Далеко снаружи, за открытым окном, в тишине дня трещала цикада.

- Я думаю, - вновь нарушил молчание Андерсен, - что этот человек не человек.

Часы все тикали. Цикада взывала в тишине.

Наконец заговорил Адамс:

- Но отпечатки пальцев подтвердили. И сетчатка тоже.

- О, это вполне Саттон, - объяснил Андерсен. - И в этом нет сомнений. Саттон снаружи. Саттон во плоти. То же тело, или, во всяком случае, часть того же тела, которое покинуло Землю двадцать лет назад.

- На что вы намекаете? - спросил Кларк. - Если он тот же - он человек.

- Возьмите старый корабль, - продолжал Андерсен, - и подновите его. Добавьте одно приспособление там, другое тут, ликвидируйте одно, модернизируйте другое. Что у вас получится?

- Перестроенная конструкция, - ответил Кларк.

- Это как раз нужная мне фраза, - сказал Андерсен. - Кто-то или что-то сделали то же самое с Саттоном. Он - перестроенная конструкция и самая лучшая человеческая конструкция, которую я когда-либо видел. У него два сердца и его нервная система расстроена... ну, не расстроена, но другая. Несомненно, не человеческая. И у него есть дополнительная циркуляционная система. Может, не циркуляционная, но так она выглядит. Только она не связана с сердцем. Именно сейчас она не работает. Как запасная система. Одна система работает, и ее можно переключить на другую, пока первая чинится.

Андерсен убрал трубку в карман и крепко потер руки, как бы вытирая их.

- Ну вот, - сказал он, - теперь вам ясно?

Блэкборн пробормотал:

- Но это же невозможно.

Андерсен, очевидно, не рассыпал его, но тем не менее как бы ответил ему:

- Мы сканировали Саттона почти целый час, мы зафиксировали и отсняли каждый дюйм его тела. Проанализировать материал такого объема - это требует времени. Мы еще не закончили. Но в одном мы потерпели неудачу. мы применили психометр, но он ничего не показал. Ни проблеска мысли. Ни даже утечки информации. Его ум был закрыт, словно плотно заперт.

- Какой-нибудь дефект с прибором? - спросил Адамс.

- Нет, - ответил Андерсен, - "психо" был в порядке.

Он осмотрел собравшихся одного за другим.

- Может, вы не понимаете, что это означает? - спросил он и начал разъяснять. - Когда человек спит или принял наркотики, или в любом другом случае, когда он без сознания, психометр может вывернуть его наизнанку. Он раскопает такие вещи, о которых человек, прийдя в сознание, клянется, что не помнит или не знает. Даже когда человек сопротивляется, определенная утечка информации существует, и она увеличивается, в то время как умственное сопротивление ослабевает.

- Но с Саттоном это не сработало, - сказал Шилкросс.

- Верно, не сработало. Говорю вам, этот человек - не человек.

- И вы думаете, что он достаточно отличается от нас физически, чтобы жить в космосе, жить без пищи и воды?

- Не знаю, - ответил Андерсен. Он облизнул губы и огляделся по сторонам, как дикое животное, ищущее путь к спасению.

- Я не знаю, - сказал он. - Просто не знаю.

Адамс мягко заговорил:

- Мы не должны падать духом, что-нибудь инопланетное нам не страшно. Это могло быть страшным, когда первые люди выходили в космос. Но сегодня...

Кларк нетерпеливо прервал его:

- Сами чужие вещи меня не беспокоят. Но когда человек становится чужаком...

Он сглотнул ком в горле и обратился к Андерсену:

- Как вы думаете, он может быть опасен?

- Возможно, - уклончиво ответил Андерсен.

- Даже если и так, - он не сможет причинить нам большего вреда, - сказал Адамс, - его номер просто нашпигован следящей аппаратурой.

- Есть какая-нибудь информация? - поинтересовался Блэкборн.

- Только в общих чертах. Ничего особенного. Саттон бездельничает. Имел несколько вызовов по визору. Последний сделал сам. Был у него посетитель или два.

- Он знает, что за ним наблюдают, - предположил Кларк, - он просто прикидывается.

- Ходят слухи, - сказал Блэкборн, - что Бентон вызвал его на дуэль.

Адамс кивнул.

- Ага, вызвал. Аш старается отвертеться... не похоже, чтобы он был опасен.

- Может, Бентон закроет нам этот случай? - почти с надеждой произнес Кларк.

Адамс тонко улыбнулся.

- Мне почему-то кажется, что Аш провел этот день, придумывая грязную штучку для мистера Бентона.

Андерсен выловил трубку из кармана и набил ее свежим табаком из кисета. Кларк ощупывал свои карманы в поисках сигарет.

Адамс посмотрел на Шилкросса.

- У вас что-то есть, Шилкросс?

Эксперт-лингвист кивнул.

- Но это не слишком волнующе. Мы открыли портфель Саттона, нашли манускрипт, сфотографировали его и поместили точно на то же место. Но пока что он ничего не дал. Мы не можем прочесть ни слова.

- Код? - предположил Блэкборн.

Шилкросс покачал головой.

- Если бы это был код, наши роботы расшифровали бы его. Но это не код. Это язык. А пока нет ключа, язык расшифровать нельзя. Мы, конечно, проверили, - Шилкросс мрачно улыбнулся.
- Вплоть до старых языков Земли... вплоть до Вавилона и Крита... Мы прекрасно проверили каждый "линго" в Галактике. Ни один и близко не подошел.

- Язык, - сказал Блэкборн. - Новый язык. Это означает, что Саттон нашел что-то.

- Естественно, - подтвердил Адамс. - Он мой лучший агент.

Андерсен беспокойно пошевелился в кресле.

- Вам нравится Саттон? - спросил он. - Лично вам Саттон нравится?

- Да, - ответил Адамс.

- Адамс, - обратился Андерсен. - Я вот все удивляюсь... Меня с самого начала поразило одно... Вы знали, что Саттон возвращается. Знали почти до минуты, когда он прибудет и установили для него ловушку. Как это вышло?

- Просто предчувствие. - невозмутимо ответил Адамс.

Довольно долго все сидели вчетвером, смотря на Адамса.

Потом поняли, что он больше ничего говорить не собирается и поднялись, чтобы оставить его одного.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

По комнате плыл женский смех, резкий от возбуждения.

Свет неожиданно изменился с сумеречно-голубоватого арельского на лиловый свет сумасшествия, и комната превратилась в иной мир, который плыл в тишине, совсем не похожей на молчание. С легким ветерком, который прикасался к щеке ледяным ледяным дыханием, пришел запах - запах чужой земли, земли ужаса, захватывающего дыхание.

Пол внезапно качнулся под ногами Саттона, и он почувствовал, как кулачок Евы воинился в его руку.

Вежливый голос обратился к ним, но для Саттона слова его были мертвыми и глухими звуками, падающими из ссохшейся оболочки.

- Итак, чего вы хотите? Здесь вы живете жизнью, которую жаждете, находите любое убежище, которое ищете: Владеете тем, о чем только можете мечтать.

- Есть такой ручей, - мечтательно проговорил Саттон. - Маленький ручей, бежавший...

Свет мгновенно изменился на зеленый, волшебно-зеленый, мерцающий тихой мягкой жизнью, бьющей через край весенней жизнью и ощущением чего-то приходящего. Потом появились деревья, окаймленные, окруженные ореолом мерцающей, пронизанной солнцем зелени, первых распускающихся почек...

Саттон пошевелил пальцами ног и почувствовал под ними траву, нежную травку весны, почувствовал легкий запах луговых трав, которые почти не пахнут... и более резкий запах турецкой гвоздики, цветущей на холмё за ручьем. Он негромко сказал:

- Слишком рано цветет гвоздика.

Ручеек булькал ему, пробегая по гальке вниз, к БОЛЬШОЙ ДИОРЕ, и он рванулся вперед по луговой траве, плотно сжав в одной руке тростниковую удочку, а в другой - банку с червями.

Певчий дрозд мелькнул между ветвями деревьев, росших по берегам обрывов по ту сторону луга, и малиновка пела в ветвях могучего вяза, росшего над рекой. Саттон нашел размытое место

в обрыве, похожее на стул, с корнем вяза, изогнутым, как спинка, сел на него и наклонился так, чтобы заглянуть в воду. Течение было сильным, темным и глубоким, оно закручивалось в водоворот и охватывало берег повыше, булькая и всасываясь с силой, которая создавала крошечные водовороты.

Саттон сделал вдох и затаил дыхание, сдерживая нетерпение. Дрожащими руками он нашел самого большого червя, выдернул его из банки и наживил на крючок.

Задыхаясь, он закинул крючок в воду и стал заклинать удочку, чтобы она легко поддавалась его усилиям. Поплавок поплыл по кружашемуся спуску воды, недолго покачался в маленьком водовороте, образованном возвращающимся течением, затем дернулся, почти исчез, вскочил на поверхность и поплыл снова. Саттон наклонился вперед, напряженный, с руками, ноющими от ожидания, но даже сквозь напряженность он чувствовал прелесть дня, полный мир и спокойствие, свежесть утра, мягкую теплоту солнца, синеву неба и белизну облака. Вода говорила с ним, и Саттон с радостной истомой чувствовал, как он растет и становится существом, которое стало частью светлого экстаза, вытканного из холмов и течения, луга и земли, созданного облачками, водой, небом и солнцем.

Поплавок стремительно ушел вглубь! Он сделал подсечку и почувствовал вес пойманной рыбы. Она проплыла в воздухе над головой Ашера и шлепнулась на землю позади него. Он бросил удилище, вскочил на ноги и побежал к пойманной добыче.

В траве блестел голавль. Он схватил леску и приподнял его. Рыба была громадной: длиной добрых восемь дюймов.

Всхлипывая от возбуждения, он упал на колени и схватил рыбу, освобождая крючок пальцами, которые дрожали и не слушались его. - Восьмидюймовый для начала, - сказал он, обращаясь к небу и потоку; лугу и облаку, - может быть, каждая, которую я поймаю, будет такой же большой. Может быть, я поймаю целую дюжину, и все будут длиною в восемь дюймов. А может, некоторые будут и больше, может...

- Хэлло? - раздался детский голос.

Саттон, все еще стоя на коленях, повернулся назад. Около него стояла маленькая девчушка, и ему на секунду показалось, что он видел ее где-то раньше. Но затем он понял, что она незнакомка, и немного нахмурился, потому что девчонки были

только помехой во всем, что касается рыбалки. Он надеялся, что она не задержится. От нее можно было ожидать, что она начнет слоняться вокруг и испортит ему весь день.

- Я, - сказала она, назвав имя, которое он не понял, так как она немного шепелявила.

Он не ответил.

- Мне восемь лет, - сообщила она.

- А я Ашер Саттон! - ответил он ей. - И мне десять... скоро будет одиннадцать.

Она стояла и глазела на него, нервно перебирая одной рукой узорчатый передник. Передник был чист и накрахмален, очень строгий и аккуратный, и девочка сжимала его своими нервыми пальцами.

- Я ужу рыбу, - сказал он, стараясь не показаться слишком важным, - и я только что поймал громадину.

Вдруг он увидел, как ее глаза внезапно расширились от ужаса при виде чего-то за его спиной. Он круто развернулся, уже не на коленях, а на ногах, скользнув рукой в карман своего пиджака.

Все вокруг было лилово-серым, резко звучал пронзительный женский смех, а перед ним было лицо... лицо, которое он уже видел в этот день и которое уже никогда не забудет.

Полное, располагающее лицо, которое даже сейчас светилось чувством товарищества, - светилось, несмотря на смертоносный прищур, несмотря на револьвер, уже качнувшийся вверх в волосатом, пухлом кулаке.

Саттон почувствовал, как его пальцы коснулись рукоятки пистолета, сжались вокруг нее и дернули пистолет из кармана. Но он слишком опоздал, чтобы опередить плевок пламени из оружия, которое имело преимущество в несколько десятков секунд.

Гнев вспыхнул в нем, холодный, отчаянный, смертельный гнев. Гнев на пухлый кулак, на улыбающееся лицо, которое могло улыбаться за шахматной доской или из-за револьвера. Улыбка эгоцентриста, который старается победить робота, предназначеннего для игры в шахматы, эгоцентриста, который верит, что может пристрелить Ашера Саттона. Этот гнев, чувствовал он, был чем-то большим, чем просто гнев. Что-то великое и уничтожающее, чем просто действие адреналина в человеке. Это было частью его и чем-то большим, чем он сам, большим, чем смерт-

ное создание из плоти и крови, которое было Ашером Саттоном. Ужас, вынырнувший из его нечеловечья.

Лицо словно таяло перед ним, или так ему показалось. Оно изменилось, и Саттон почувствовал, как гнев покинул его мозг и пулей вонзился в слабеющую фигуру, которая была Джейффи Бентоном. Револьвер Бентона громко кашлянул - вспышка, вырвавшаяся из дула, была кроваво-красной в лиловом свете. Потом Саттон почувствовал глухой удар своего револьвера в запястье, когда он сам нажал на спусковой крючок.

Бентон падал, наклонившись вперед, сгибаясь посередине, как бы от расстройства желудка. Перед Саттоном промелькнуло матово-бледное лицо и скрылось из виду в груде на полу.

На нем было написано удивление, боль и смертельный, все-побеждающий страх: черты лица были искажены и не похожи на человеческие.

Звуки выстрелов заставили всех замолчать в ослепительном свете, в котором вился пороховой дым. Саттон увидел белые шары лиц, уставившиеся на него. В них, в общем-то, ничего не выражалось, хотя у некоторых были открыты рты.

Он почувствовал, что его держат за локоть, и пошел, направляемый рукой в его ладони. Внезапно Ашер обмяк и вздрогнул: гнев ушел, и он сказал себе.

- Я только что убил человека.

- Быстро, - услышал он голос Евы Армор. - Мы должны убраться отсюда. Они сейчас все здесь окружат. Чертова толпа.

- Это были вы, - еле слышно выдохнул Саттон. - Я только сейчас вспомнил. Я сначала не понял имени. Вы его пробормотали... или, наверное, вы пришептывали, и я его просто не расслышал.

Девушка дернула его за руку.

- Они поставили Бентону условия. Они думали - это все, что нужно. Они и не предполагали, что вы можете быть в дуэли с ним на равных.

- Вы были той замечательной девочкой, - серьезно продолжал Саттон. - На вас был клетчатый передник, и вы все мяли его, как будто нервничали.

- О чём вы говорите?

- Ну, я рыбачил. И только что поймал огромную рыбу, когда вы подошли к...

- Вы сошли с ума, - возмутилась девушка. - И ничего вы не рыбачили. - Она толчком распахнула дверь и вытолкнула его наружу: в лицо ударил прохладный воздух ночи.

- Постойте-ка секунду, - воскликнул Ашер. Он повернулся на каблуках и резко схватил руки девушки в свои.

- Они? - заорал он ей в лицо. - О ком вы говорите? Кто они? Она уставилась на него широко открытыми глазами.

- Вы хотите сказать, что не знаете?

Он озадаченно покачал головой.

- Бедный Аш, - пробормотала она.

Ее медного цвета волосы были пламенно-красного оттенка, блестящими и живыми в мигании надписей, которые вспыхивали и гасли над домами.

МЕЧТЫ ПО ЗАКАЗУ

Живите жизнью, которую вы упустили

Придумайте что-нибудь потруднее

Швейцар-androид мягко обратился к ним:

- Вы хотите машину, сэр?

Только он это сказал, как автомобиль уже появился, гладко и тихо скользя по дороге, будто черный жук, вылетевший из ночи. Швейцар протянул руку и широко распахнул дверцу машины.

- Главное - быстро, - проговорил он.

Что-то в этом мягкем голосе, в этом непонятном тоне заставило Саттона двигаться. Он шагнул внутрь, втащив за собой Еву. Андроид захлопнул дверцу. Саттон нажал на акселератор, и автомобиль, взревев двигателем, устремился по изгибающейся дорожке, скользнул на автостраду, заворчал, с внезапной нетерпеливостью устремившись по длинной дороге к холмам.

- Куда? - спросил Ашер.

- Назад, в "Герб", - ответила девушка. - Они не осмелятся искать вас там. Ваша комната оснащена лучами.

Саттон кивнул.

- Я должен быть осторожным, а то, споткнувшись о них, обязательно. Но откуда вы знаете?

- Это моя работа.

- Друг или враг?

- Друг, - ответила она.

Он повернул голову и внимательно посмотрел на нее. Девушка сгорбилась на сидении и вновь стала той маленькой девочкой... только на ней не было передничка, и она не нервничала.

- Не думаю, что есть смысл вас расспрашивать.

Она неопределенно покачала головой.

- А если бы я и начал, вы бы, наверное, мне солгали.

- Если бы я хотела, - улыбнулась Ева.

- Я мог бы выбрать из вас правду.

- Могли бы, но не сделаете этого. Понимаете, Аш, я вас очень хорошо знаю.

- Вы меня только вчера встретили.

- Да, это так, но я изучала вас двадцать лет.

Саттон расхохотался.

- Вы обо мне вовсе не думали. Вы просто...

- Я, Аш...

- Да?

- Я думаю, что вы замечательный.

Он бросил на нее быстрый взгляд. Она все время сидела в углу сиденья - ветер перебирал пряди волос, тело девушки казалось почти прозрачным, лицо ее светилось.

"И все же, - подумал Ашер, - и все же..."

- Это очень мило с вашей стороны, - сказал он, - Я мог бы вас за это поцеловать?

- Вы можете поцеловать меня, Аш, когда захотите.

Удивившись на секунду, он притормозил машину и поцеловал ее.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Сундук прибыл утром, когда Саттон заканчивал завтрак.

Сундук был стар и потрепан, древняя обивка из сыромятной кожи висела клочьями, обнажая скелет из испорченной стали, тут и там покрытой ржавчиной. Мыши совсем съели кожу на одном конце. Ключ торчал в замке, полосы крепления были развязаны.

Саттон вспомнил его: это был тот самый сундук, что стоял в дальнем углу чердака еще со временем детства, когда мальчишкой он ходил туда играть, если лил дождь.

Он аккуратно подобрал сложенный номер "Галактик Пресс", принесенный за завтраком, и неслышно развернул его.

Статья, которую он искал, была на первой странице, третьим пунктом в колонке известий Земли:

"Мистер Джейфри Бентон убит прошлой ночью на неофициальной дуэли в одном из центров развлечений в районе университета. Победителем был мистер Ашер Саттон, только вчера возвратившийся из полета к 61 Лебедю."

Последнее предположение было самым позорным из того, что можно было написать о дуэлянте: "Мистер Бентон выстрелил первым и промахнулся."

Саттон сложил газету, положив ее на стол, и зажег сигарету.

- Я думал, что погибну, - сказал он себе, - я никогда раньше не стрелял из такого ружья... даже едва знал, что такое существует, хотя и читал о нем. Но я не интересовался дуэлями, а только дуэлянты, коллекционеры и антиквары что-то знают о древнем оружии.

Конечно, не я на самом деле убил его - Бентон сделал это сам. Если бы он промахнулся, а причины промахнуться у него не было, статья читалась бы по-другому: "Мистер Ашер Саттон был убит ночью на дуэли..."

Мы устроим славный вечерок, - говорила ему девушка. И она конечно же, могла знать. Мы поужинаем и организуем приятный вечерок, и Джейфри Бентон убьет тебя в доме развлечений - вот что оно могло значить.

Да, - подумал Аш, - действительно, она могла обо всем знать. Она и так знает слишком много. Например, о ловушках-шпионах в моей комнате. И о ком-то, кто заставил Бентона вызвать меня и убить. Она ответила "друг", когда я спросил ее "друг" или "враг". Но слово легко произнести и невозможно узнать, правдиво ли оно.

Она сказала, что изучала меня двадцать лет, - это, конечно, фальшивь, потому что двадцать лет назад я отправился к '61 Лебедю, и ни для кого, ровным счетом ни для кого, на Земле я не представлял особого интереса. Просто шестеренка огромной машины. И до сих пор моя жизнь важна только для меня и для осуществления той великой идеи, о которой ни один человек на планете не может ничего знать, и даже если рукопись сфотограф-

фирована - это не имеет значения, так как прочесть ее никто не сумеет.

Она сказала "друг", хотя знала, что Бентона заставили вызвать меня и убить, все-таки она позвала меня и назначила сражение за обедом.

Слова-то произносить легко. Но кроме слов существуют и другие вещи, которые не так легко исказить или же сделать правдоподобными - то, какими ее губы были под моими губами, нежность кончиков пальцев, скользящих вдоль моей щеки.

Он ткнул сигарету в пепельницу, поднялся и подошел к сундуку. Замок заржавел, ключ поворачивался с трудом, но в конце концов он открыл его и поднял крышку.

Сундук был наполовину заполнен аккуратно сложенными бумагами. Глядя на них, Саттон хмыкнул. У Бастера была душа методиста. Хотя, если уж на то пошло, все работы методичны. Такова их природа. Методичны и - что там еще Херкимер сказал? Упрямые - вот что. Методичны и упрямые.

Он присел на корточки около сундука, осмотрев его содержимое. Старые письма, аккуратно связанные в пачки. Его старая тетрадка времен колледжа. Связки скрепленных вместе документов, которые, вне всякого сомнения, устарели. Альбом с лежащими в беспорядке вырезками, которые не были приклеены. Наполовину заполненный другой альбом с дешевой коллекцией марок.

Он откинулся на пятки и стал любовно перевертывать страницы альбома для марок, чувствуя, как возвращается детство. Марки дешевые - у него не было денег купить получше... Марки кричащие - они его притягивали. Большинство в плачевном состоянии, но было время, когда они казались чудесными.

Мрачное сумашествие, вспомнил он, продолжалось два года... самое большое - три. Он сидел над каталогами, заключал сделки, пачками покупал дешевые пакеты, научился странному жаргону этого хобби: перфорированные, неперфорированные, тени, водяные знаки, глубокая печать...

Ашер тихо улыбнулся, вспоминая то счастье. Были такие марки, которые он хотел, но никогда не мог купить, тогда он изучал их изображение до тех пор, пока не узнавал такую наизусть... Саттон поднял голову и уперся взглядом в стеку, пытаясь вспомнить, на что похожи некоторые из марок. Но воспоминания

не приходили. То, что было когда-то самым важным для его памяти, было похоронено под более чем пятьюдесятью годами других, более важных дел.

Он отложил альбом в сторону и вновь принялся за сундук.

Еще тетради и письма. Отдельные вырезки. Странно выглядевший здесь гаечный ключ. Хорошо обглоданная кость, которая, наверное, когда-то была собственностью и утешением какой-нибудь горячо любимой, а сейчас забытой семейной собаки.

"Мусор, - подумал Саттон, - Бастер мог сэкономить кучу времени, если бы просто сжег все это."

Пара старых газет. Вымпел, объемистое письмо, которое никогда не было распечатано.

Саттон бросил его сверху на остальной мусор, вынутый из сундука, но потом помедлил, протянул руку и взял его.

Марка выглядела странно: во-первых, цвет.

Память затикала в мозгу, и он увидел эту марку снова, увидел так, как видел ее мальчишкой... не саму марку, конечно, а ее изображение в каталоге.

Он наклонился над письмом, и внезапно у него захватило дыхание. Марка стара и стоила... о господи, сколько же она стоила? Он попытался разобрать почтовый штемпель, но тот настолько выцвел от времени, что расплывался в его глазах.

Саттон медленно встал и отнес письмо к столу, наклонился над ним, разглядывая название города.

БРИДЖ... БИС.

Бриджпорт, наверное, а БИС? Какое-то старое государство, может быть, какое-нибудь старое политическое подразделение, потерянное в тумане времени.

ИЮЛЬ... 198...

Июль, тысяча девятьсот восемьдесят какой-то год!

Шесть тысяч лет тому назад!

Рука Саттона задрожала.

Нераспечатанное письмо, отправленное шестьдесят веков назад!

Заброшенное в эту кучу мусора, лежащее бок о бок с обрызанной костью и идиотским гаечным ключом.

Нераспечатанное письмо... и с маркой, которая одна стоит теперь целое состояние. Саттон снова прочитал штемпель. "Бриджпорт"... "Бис"... или "Вис"?.. "Июль" похоже на 22... "22

июля 198...". Недостающая цифра года была слишком выцветшей, чтобы ее можно было разобрать. Может, только с хорошей лупой это удалось бы сделать.

Адрес, сильно поблекший, но еще читаемый, гласил:

МИСТЕР ДЖОН. К. САТТОН

БРИДЖПОРТ

ВИСКОНСИН

Так значит, этот "Вис" означает - Висконсин.

А фамилия - Саттон.

Что сказал этот андроид-юрист от Бастера?

Полный сундук фамильных бумаг.

"Надо будет заглянуть в историческую географию, - подумал Саттон. - Надо будет найти, где был этот Висконсин. Но Джон К. Саттон? Это совсем другое дело. Это просто еще один Саттон. Тот, кто стал пылью на все эти годы. Человек, который иногда забывал вскрывать свою почту."

Ашер перевернул письмо и посмотрел клапан. Клей рассыпался от старости, и, когда он провел ногтем вдоль одного угла, клейкое вещество высыпалось порошком. Бумага, как он заметил, стала хрупкой, и с ней надо было обращаться осторожно.

"Полный сундук фамильных бумаг," сказал андроид, когда зашел в его комнату и очень проворно уселся на краешек кресла, положив папку точно на середину стола.

А на самом деле это был полный сундук мусора. Кости, гаечные ключи, скрепки да вырезки. Старые тетради, письма, да вот еще какое-то письмо, запечатанное шесть тысяч лет назад и никогда не открывавшееся.

Знает ли Бастер о письме? Но спрашивая себя об этом, Саттон чувствовал, что Бастер знает.

И робот старался спрятать его, весьма в этом преуспев. Он забросил его сюда вместе со всякой всячиной, хорошо зная, что его найдут, но найдет только тот человек, для которого оно было предназначено. Потому что сундук был сделан так, чтобы казаться неинтересным. Он был стар и потрепан, и ключ торчал в замке, и вид его как бы говорил: во мне ничего нет, но если угодно потратить время, что ж, давай, смотри. И даже если бы кто-то и посмотрел, ему этот хлам показался бы тем, чем был, - никчемной грудой изношенных сантиментов... за одним исключением.

Задумавшись, Саттон протянул пальцы и постучал по сбывшемуся пакету письма, лежащему на столе...

Джон К. Саттон, предок, живший шесть тысяч лет назад. Его кровь бежит в моих жилах, хоть и сильно разбавленная. Но он был человек, который жил, дышал и умер, который видел рассвет над земными висконсинскими холмами... если, конечно, в Висконсине, где он жил, были холмы.

Он чувствовал жару лета и дрожал от холода зимы. Читал газеты и разговаривал о политике с соседями. Беспокоился о многом, большом и малом, но преимущественно о малом, как это обычно бывает.

Ходил рыбачить на речку в нескольких милях от дома и, наверное, копошился в своем саду в преклонные годы, когда было мало работы.

Такой же человек, как и я, хотя не без маленьких различий. У него был аппендикс, который мог причинять беспокойства; у него были зубы мудрости, которые тоже могли причинять хлопоты. И, наверное, он умер в восемьдесят лет или около того, хотя запросто мог умереть и раньше. А когда мне стукнет восемьдесят - думал Саттон - я только еще буду в расцвете сил.

Но наверняка у него были и какие-то преимущества. Джон К. Саттон жил ближе к земле, потому что земля была всем, что он имел. Ему не досаждала чужая психология, и Земля была не местом управления обитания, а местом обитания, где ничто не произрастало ради одной потребительской выгоды и ни одно колесо не вертелось только с экономической целью. Он мог выбирать дело своей жизни из всей обширной области человеческих отношений вместо насильтственного помещения на государственную службу, в работу по управлению штаткой громадой Галактической империи.

И где-то еще, ныне потерянные, были Саттоны до него и после него, тоже забытые, много Саттонов. Цепь жизни ровно бежит от одного поколения к другому, ни одно из звеньев не выдается, разве что иногда случайно увидишь какое-нибудь звено. С помощью случая в истории или случая неоткрытого письма.

Звякнул дверной колокольчик, и Саттон, испугавшись, схватил письмо и сунул его во внутренний карман пиджака.

- Войдите, - нёрвно крикнул он.

Это был Херкимер.

- Доброе утро, сэр, - сказал он.

Саттон свирепо посмотрел на него.

- Что тебе нужно? - спросил он.

- Я принадлежу вам, - вежливо ответил Херкимер. - Я та часть вашей трети собственности Бентона.

- Моей трети... - проговорил Саттон, и тут он вспомнил.

Таков был закон. Если кто-то убил другого на дуэли, он наследует одну треть собственности мертвца. Был такой закон, который он забыл.

- Я надеюсь, вы не возражаете, - продолжал Херкимер. - Со мной легко ужиться, я очень быстро учусь и люблю работать. Я могу готовить, шить, выполнять поручения, читать и писать.

- И следить за мной.

- О нет, я бы никогда этого не сделал.

- Почему же нет?

- Потому что вы - мой хозяин.

- Посмотрим, - кисло поморщился Саттон.

- Но я - это не все. Есть еще и другое, - объяснил Херкимер.

- Есть астероид, охотничий астероид, оснащенный лучшей дичью, и еще космический корабль, маленький - это верно, но очень неплохой. Также - несколько тысяч долларов и поместье на западном берегу, какое-то рискованное планетарное предприятие, множество мелочей, слишком малоценных для упоминания.

Херкимер залез в карман и вынул оттуда тетради.

- У меня все они записаны, если хотите послушать.

- Не сейчас, - отмахнулся Саттон, - у меня еще есть работа.

Херкимер просиял.

- Что-нибудь, что могу сделать я, несомненно. Что-нибудь, в чем я могу помочь?

- Ничего такого, - ответил Саттон. - Я собираюсь повидать Адамса.

- Я бы мог нести ваш портфель - вон тот.

- Я не беру портфель.

- Но, сэр...

- Ты сейчас сядешь, сложишь руки и будешь ждать, пока я не приду.

- Я попаду в беду, - предупредил андроид. - Ну я вот точно знаю, что попаду.

- Ну тогда ладно. Кое-что ты можешь сделать. Тот портфель, о котором ты говорил, можешь его стеречь.

- Да, сэр, - разочарованно произнес Херкимер.

- Девушка по имени Ева Армор живет в этом отеле. Знаешь о ней что-нибудь?

Херкимер покачал головой.

- Но у меня есть кузина...

- Кузина? - удивился Саттон.

- Ну да, кузина. Она была сделана в той же лаборатории, что и я, и потому она мне как бы двоюродная сестра.

- В таком случае, у тебя пропасть как бы братьев и сестер..

- Да, - сказал Херкимер. - Много тысяч. И мы держимся вместе. Что, - очень ханжески добавил он, - является образцом семьи.

- Ты думаешь, что кузина может что-нибудь узнать? - спросил Ашер.

Херкимер кивнул.

- Она работает в этом отеле. Она может мне кое-что рассказать.

Он выдернул из кучи бумаг, лежащих на столе, листок.

- Я вижу, сэр, - сказал он, - что они к вам пробрались.

- О чем ты говоришь? - сердито спросил Саттон.

- Из Лиги равенства, - объяснил Херкимер. - Они поджигают любого, кто имеет какой-то вес в обществе. Они составили петицию.

- Да, - подтвердил Саттон. - Точно, они говорили что-то о петиции. Хотели, чтобы я ее подписал.

- И вы не сделали этого? - с деланным безразличием спросил Херкимер.

- Нет, - отрезал Саттон и пристально посмотрел на него.

- Ты - андроид, - сказал он грубо. - Я думаю, ты им симпатизируешь.

- Сэр, - объяснил Херкимер, - они могут иметь в виду только хорошее, но действуют неправильно, - просят благотворительности, жалости для нас. Но нам не нужны милосердие и жалость.

- А что вам нужно?

- Чтобы нас признали равными человеку, - ответил Херкимер, - Но признали не по особому разрешению, не по человеческой терпимости.

- Я понимаю, - серьезно сказал Саттон, - думаю, что он знал, когда они меня поймали в холле. Хотя не уверен, что мог бы это четко выразить.

- Дело обстоит так, сэр, - спокойно рассказывал Херкимер.

- Человеческая раса создала нас. Вот что нас гложет. Они сделали нас с точно таким же намерением, с каким фермер выращивает свой скот. Они делают нас для какой-то цели и для нее же и употребляют. Они могут быть добрыми к нам, но за этой добротой стоит жальство. Они не могут разрешить нам самим использовать свои способности. У нас нет врожденного притязания на основные права человека. Мы...

Он сделал паузу, яркий свет в его глазах потух, лицо разгладилось.

- Я вам надоедаю, сэр? - спросил он.

Саттон резко заговорил:

- В этом я твой друг, Херкимер. Никогда не забывай этого. Я твой друг и доказал это заранее, не подписав этой петиции.

Ашер стоял, всматриваясь в андроида.

"Дерзкий и скрытный, - подумал он. - И это мы их такими сделали. Вместе с маркой на лбу на них лежит печать рабства."

- Можешь быть спокоен, - заверил он Херкимера, - я вас не жалею.

- Благодарю вас, сэр, - смущился Херкимер, - от всех нас благодарю.

Саттон повернулся к двери.

- Бентон промахнулся, - вдруг сказал он, - я не мог не убить его.

Херкимер кивнул.

- Но дело не только в этом, сэр. В первый раз я услышал, что человека можно убить пулей в руку.

- В руку? - с недоумением переспросил Саттон.

- Совершенно верно, сэр. Пуля попала ему в руку, и больше его нигде не задело.

- Он был мертв, не так ли?

- О да, - подтвердил Херкимер, - очень, очень мертв.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Адамс нажал на зажигалку и подождал, пока пламя выровняется. Он не отрывал глаз от Саттона, в глазах которого не было мягкости, но это в нем самом были и неуверенность, и жесткость, и раздражительность... хорошо скрытые, но были.

"Этот неотрывный взгляд, - напомнил себе Саттон, - это его старый трюк. Он свирепо смотрит на тебя, с каменным как у сфинкса лицом и, если ты не привык к нему и ко всем его штучкам, он может заставить тебя поверить, что он - Господь Всемогущий."

Да только этот свирепый взгляд не всегда хорошо у него получается, не то, что раньше. В нем чувствуется напряжение, которого не было двадцать лет назад. Была только твердость. Гранит. А сейчас гранит начинает выветриваться.

Он хочет что-то сказать. Что-то, отчего ему не по себе.

Адамс провел зажигалкой по набитой чашечке трубки взад и вперед, обдумывая не спеша, заставляя Саттона ждать.

- Вы, конечно, знаете, - начал Саттон медленно, - что я не могу быть с вами откровенным.

Пламя зажигалки исчезло, и Адамс выпрямился в своем кресле.

- А? - спросил он.

Саттон поздравил себя, что поймал его.

- Сейчас вы, конечно, уже знаете, что я привел домой корабль, который не может летать. Вы знаете, что у меня не было скафандра, что иллюминаторы были разбиты, а корпус изрешечен пробоинами. У меня не было воды и пищи. А 61 Лебедя в одиннадцати световых годах.

Адамс кивнул, не меняя выражения лица.

- Да, мы все это знаем.

- То, как я вернулся и что со мной случилось, не имеет ничего общего с моим рапортом, и я не собирался вам об этом рассказывать.

- Тогда почему вы вообще упоминаете об этом? - громко спросил Адамс.

- Просто, чтобы мы друг друга поняли, - объяснил Саттон, - чтобы вам не пришлось задавать кучу вопросов, на которые не будет ответа. Это сэкономит вам много времени.

Адамс откинулся в кресле и удовлетворенно попыхивал своей трубкой.

- Тебя послали добыть информацию, Аш, - мягко напомнил он Саттону. - Любую информацию. Что угодно, что позволит нам понять, больше понять феномен 61 Лебедя. Ты представляешь Землю. Земля все это оплатила, и ты, конечно, кое-что должен Земле.

- Я должен кое-что и 61 Лебедя, - возразил Саттон. - Я обязан 61 Лебедя своей жизнью. Мой корабль разбился, а я погиб.

Адамс кивнул.

- Да. Как раз это Кларк и сказал. Что ты погиб.

- Кто это - Кларк?

- Кларк - инженер-космоконструктор, - ответил ему Адамс.

- Он спит с кораблями и чертежами. Он исследовал твой корабль и высчитал кривую координат силы. Он сообщил, что, если бы ты был внутри корабля, когда он упал, у тебя не было ни одного шанса уцелеть.

Адамс уставился в потолок, затем повторил, словно издаваясь:

- Кларк сказал, что, если бы ты был в корабле, когда он ударился, ты превратился бы в желе.

- Просто потрясающе, - сухо заметил Саттон, - что человек может сделать с цифрами.

Адамс сказал снова, чтобы уколоть его:

- Андерсен думает, что ты не человек.

- Полагаю, что Андерсен смог бы установить это, только посмотрев на корабль.

Адамс снова кивнул.

- Ни пищи, ни воздуха. Любой мог прийти к такому заключению.

Саттон с сомнением покачал головой.

- Андерсон не прав. Если бы я не был человеком, вы бы никогда меня не увидели. Я бы никогда не вернулся. Но я тосковал по Земле, а вы ждали рапорта.

- Однако ты не очень торопился, - возразил ему Адамс.

- Я должен был быть уверен. Должен был знать, понимаете? Быть способным вернуться сказать вам то или другое: например, опасна ли та планета с 61 Лебедя или нет.

- Ну и что?

- Она не опасна.

Адамс ждал, а Саттон молча сидел.

Наконец Адамс спросил:

- И это все?

- Это все, - подтвердил Саттон.

Адамс постучал мундштуком трубки по зубам.

- Мне смерть как не хотелось послать другого человека для проверки. Особенно после того, как я сообщил всем, что ты привезешь всю нужную информацию.

- Это ничего не даст, - уверенно проговорил Саттон, - никто не смог бы пробраться.

- Ты смог.

- Да, я был первым. А потому, что я был первым, я был и последним.

Адамс через стол неприветливо улыбнулся ему.

- Тебя увлекли эти люди, Аш?

- Это не люди.

- Ну ... тогда существа.

- Они даже не существа. Трудно вам точно сказать, что они такое. Вы посмеялись бы надо мной, если бы я сказал, что, по моему мнению, это такое.

- Постарайся как можешь поточнее, - проворчал Адамс.

- Симбиотические абстракции. Это достаточно точно, насколько я мог передать их облик.

- Ты хочешь сказать, что они на самом деле не существуют?

- О, нет! Вполне существуют. Они же есть, их можно чувствовать, вы о них знаете, так же как я знаю о вас, или вы обо мне.

- И у них есть разум? - спросил Адамс.

- Да, - подтвердил Саттон, - они разумны.

- И никто не сможет пробраться снова?

Саттон покачал головой.

- Почему вы не вычеркнете 61 Лебедя из своих списков-последов? Сделайте вид, что ее там нет. От 61 Лебедя нет абсолютно

никакой опасности. Лебедяне никогда не потревожат человека; а человек никогда не попадет туда. Впредь бесполезно и стараться.

- У них не машинная цивилизация?

- Нет, - ответил Ашер, - не машинная.

Адамс сменил тему.

- Ну-ка, посмотрим, сколько тебе лет, Ашер?

- Шестьдесят один, - ответил Саттон.

- Гм, - проворчал Адамс, - совсем еще ребенок, только начинаешь.

Его трубка погасла, и он ковырял ее пальцем, исследуя, но уже не хмурился.

- Что ты планируешь делать дальше? - поинтересовался он.

- У меня нет планов.

- Ты хочешь остаться на службе, не так ли?

- Это будет зависеть от того, как вы к этому отнесетесь, - ответил Саттон, - хотя я предполагаю, что буду вам ненужен.

- Мы должны заплатить тебе за двадцать лет, сказал Адамс почти ласково. - Деньги тебя ждут. Можешь взять их, когда выйдешь отсюда. Почему бы тебе не взять их прямо сейчас? А можешь взять еще три или четыре года отпуска.

Саттон ничего не ответил.

- Приходи еще как-нибудь, - пригласил Адамс, - мы поговорим по-другому.

- Я не изменю своего решения.

- А никто тебя и не просит.

Саттон медленно поднялся.

- Мне жаль, - сказал Адамс, - что ты мне не доверяешь.

- Я летел, чтобы сделать дело, - решительно заявил Саттон, - я его сделал. Я обо всем сообщил.

- Да, это так, - подтвердил Адамс.

- Полагаю, вы не потеряете со мной связь?

В глазах Адамса мелькнул мрачный огонек.

- Всепременно, Аш. Я не потеряю с тобой связь.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Саттон спокойно сидел в своем кресле - сорок лет были вычеркнуты из его жизни.

Потому что он снова вернулся на сорок лет назад.

... даже черные чашки были те же самые.

Через открытые окна доктора Рэйвена в кабинете слышались молодые голоса и топот ног студентов по тротуару. В кронах вязов разговаривал ветер, и этот звук был ему знаком. Где-то вдалеке звенел церковный колокол, а прямо через дорогу был слышен девичий смех.

Доктор Рэйвен вручил ему чашку кофе.

- Думаю, что я прав. - и глаза его блеснули, - три куска и без сливок.

- Да, это точно, - подтвердил Саттон, изумленный тем, что доктор мог помнить. "Но помнить, - сказал он себе, - это легко. Я, кажется, смог бы все помнить. Как если бы куски старых привычек начищались и полировались в моем мозгу все эти чуждые годы, ожидая, как прибор заботливо хранимого столового серебра на полке, когда придет время употребить его снова."

- Я помню эти мелочи, - усмехнулся доктор Рэйвен, - чепуховые, бессмысленные мелочи, как, например, количество кусков сахара, и что сказал человек шестьдесят лет назад, но я, бывает, путаюсь в важном... в том, что, как считается, должен помнить каждый человек.

Беломраморный камин был ярко начищен до самого сводчатого потолка, и гербовый щит университета на его полированной поверхности был таким же ярким, как в последний день, когда Саттон его видел.

- Я думаю, - обратился к доктору Саттон, - вы удивитесь, почему я пришел.

- Ничуть, - возразил доктор Рэйвен. - Все мои мальчики рано или поздно возвращаются повидать меня, и я рад видеть их. Это заставляет меня гордиться.

- Я и сам удивляюсь, - улыбнулся Саттон, - и мне кажется, я знаю, почему, но это трудно объяснить.

- Тогда давай спокойнее, - сказал доктор Рэйвен, - помнишь, так, как мы привыкли. Мы сидели и обсуждали вопрос и, наконец, прежде, чем отчетливо понять его, мы находили суть.

Саттон коротко рассмеялся.

- Да, я помню, доктор. Тонкости теологии. Существенные различия в сравнительной религии. Скажите мне вот что. Вы провели за этим всю свою жизнь, вы знаете о религиях земных и

других более чем любой человек на Земле. Были ли вы способны хранить одну веру? Вы когда-нибудь испытывали искушение уклониться от учения вашей расы?

Доктор Рэйвен поставил чашку.

- Я мог бы заранее знать, что ты озадачишь меня. Ты сделал это все время. У тебя была сверхъестественная способность поставить именно тот вопрос, на который человеку труднее всего ответить.

- Я больше не буду вас озадачивать, - заверил его Саттон, - по-моему, вы нашли какие-то хорошие, можно сказать, даже лучшие черты в прошлых религиях.

- Ты нашел новую религию?

- Нет, - произнес Саттон, - это не религия.

Церковный колокол все звонил, а девушка, смех которой доносился, ушла. Ее шаги на тротуаре были уже далеко.

- У вас не было когда-нибудь чувства, - внезапно спросил Саттон, - словно вы сидите здесь и слышите то, что, как вам известно, вам не дано было услышать?

Доктор Рэйвен покачал головой.

- Нет, не думаю, что я когда-нибудь это чувствовал.

- Если бы услышали, что бы вы сказали?

- Я думаю, - сказал доктор Рэйвен, - что я мог бы быть так же озадачен этим, как ты сейчас.

- Мы жили одной верой, по крайней мере, восемь тысяч лет, а может быть, и больше. Наверняка, больше. Потому что, что заставляло неандертальца красить берцовые кости в красное и ставить черепа к востоку лицом, должно было быть верой, слабым проблеском чего-то вроде веры.

- Вера, - мягко произнес доктор Рэйвен, - это могучая вещь.

- Да, могучая, - согласился Саттон, - но даже в ее силе - признание нашей слабости. Наше собственное признание того факта, что мы недостаточно сильны, чтобы стоять самостоятельно, что мы должны иметь посох, чтобы опереться; вера - это выражение надежды и убеждения в существовании какой-то высшей власти, которая укажет нам путь и даст руководство.

- Ты не ожесточился, Аш, тем, что нашел?

Где-то тикали часы, слишком громко для внезапно возвращившейся тишины.

- Доктор, - прервал молчание Саттон, - что вы знаете о судьбе?

- Странно слушать, что ты заговорил о судьбе. Ты всегда был человеком, не склонным ей поклоняться.

- Я имею в виду реальную судьбу, - пояснил Саттон. - не абстракцию, а фактически существующую вещь, а значит, и действительную веру в судьбу. Что говорят книги?

- Всегда есть, были и будут люди, которые верили в судьбу, - сказал доктор Рэйвен. - Некоторые из них, по-видимому, были правы. Но, в основном, они не называли это судьбой, а считали это счастьем или предчувствием, или вдохновением, или чем-нибудь еще в этом роде. Существовали историки, которые писали об очевидной судьбе, но это было не более чем слова. Просто сомнительные выверты. Конечно, были и фантазии, были и фанатики, и другие, те, кто верил в судьбу, но преследовал фанатизм.

- Но нет ли свидетельства, - не сдавался Саттон, - нет ли фактического доказательства того, что называют судьбой? Подлинной силы, живой вещи, какой-либо жизненной субстанции, чего-то, до чего можно дотронуться?

Доктор Рэйвен вновь с сомнением покачал головой.

- Нет, насколько я знаю, Аш. Судьба, в конце концов, всего лишь только слово. Это не то, что можно наколоть на бумажку, вера-то тоже могла быть не более чем слова, в точности, как судьба сегодня. Но миллионы людей за тысячи лет сделали ее подлинной силой, вещью, которую можно определить в себе. Вещью, которой можно жить.

- Но предчувствие и счастье, - запротестовал Саттон, - это же не просто случайности!

- Они могут быть проблесками судьбы, - согласился доктор Рэйвен, - едва видимыми вспышками. Предвестниками широкого потока режима случайностей. Узнать, конечно, нельзя. Человек может быть невосприимчивым ко множеству вещей до тех пор, пока у него нет фактов. Поворотные пункты в истории зависят от предвидений. Вдохновенная вера в собственные способности меняла течение событий многое больше раз, чем это можно себе представить.

Он поднялся, подошел к книжному шкафу, постоял с откинутой назад головой.

- Где-то, - сказал он, - если смогу ее найти, здесь есть одна книга.

Он поискал, но не нашел.

- Неважно. Я наткнулся на нее попозже, если ты все еще будешь заинтересован. В ней рассказано о старом африканском племени со странной верой. Они верили, что душа или сознание или "эго" (по латыни), или как бы вы ни называли ее, у каждого человека имеет партнера, двойника на какой-то отдаленной планете. Если я правильно помню, они даже знали ее и могли указать на вечернем небе.

Он отвернулся от шкафа и пристально посмотрел на Саттона.

- Вот это и может быть судьбой. - Рэйвен немного помолчал.

- Ты знаешь, может быть, и даже очень.

Он пересек комнату и встал перед холодным камином: руки скреплены за спиной, серебряная голова отклонена в сторону.

- Почему ты так интересуешься судьбой? - спросил он.

- Потому что я нашел судьбу, - ответил Саттон.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Лицо на экране было в маске, и Адамс с холодным гневом сказал:

- Я не принимаю вызовов в маске.

- А этот вы примите, - возразил голос из-под маски, - я тот человек, с которым вы говорили на патио. Помните?

- Вызвали меня из будущего, я полагаю? - поинтересовался Адамс.

- Нет, я пока еще в вашем времени и наблюдаю за вами.

- За Саттоном тоже наблюдали? - не удержался Адамс.

Голова в маске кивнула.

- Вы его уже видели. Что вы думаете?

- Он что-то скрывает, - ответил Адамс, - и он не совсем человек.

- Вы собираетесь его убрать?

- Нет, - сказал Адамс, - я этого не хочу. Он знает что-то, что должен знать я, что должны знать все мы. А убийством мы этого от него не добьемся.

- Тому, что он знает, - резко возразил голос из-под маски, - лучше умереть вместе с тем, кто знает это.

- Возможно, - предположил Адамс, - мы могли бы прийти к соглашению и взаимопониманию, если бы вы сказали мне, что все это такое.

- Я не могу сказать этого вам, Адамс. Хотел бы, но не имею права раскрывать будущее.

- А до тех пор, пока вы этого не сделаете, - огрызнулся Адамс, - я не позволю вам менять прошлое.

А сам он думал:

"Этот человек испуган. Он может убить, когда захочет, но боится это сделать. Саттон должен быть убит человеком его собственного времени ... буквально должен быть, потому что время может не стерпеть продления насилия от одной скобки до другой."

- Между прочим, - услышал он голос человека из будущего.

- Да? - спросил Адамс.

- Я собираюсь спросить вас, как дела на Альдебаране XII? Адамс окаменел в своем кресле. В нем забушевал гнев.

- Если бы не Саттон, - произнес человек в маске, - происшествия на Альдебаране XXII не случилось бы.

- Но Саттон тогда еще даже не вернулся, - снова огрызнулся Адамс. - Он еще не появлялся ...

Его голос затих, потому что он кое-что вспомнил. Имя на титульном листке ... "Ашер Саттон".

- Слушайте, - взмолился Адамс, - ради всего святого! Скажите мне, если у вас действительно есть что мне сказать.

- Вы хотите сказать, что пока не догадываетесь, чем это может обернуться?

Адамс покачал головой.

- Это война, - произнес голос.

- Но там никакой войны нет.

- Не в ваше время, а в другое.

- Но как...

- Помните Майкельсона?

- Человека, который на секунду ушел во время?

Голова в маске кивнула, и экран опустел. Адамс сидел, чувствуя, как холодок бежит по его телу.

Зуммер опять замурлыкал, и он механически передвинул рычажок. На экране был Нельсон.

- Саттон только что вышел из университета, - доложил Нельсон. - Он провел час с доктором Горацио Рэйвеном. Доктор Рэйвен, если вы помните, профессор сравнительной религии.

- О, - воскликнул Адамс. - Так вот что это такое!

Он постучал пальцем по столу, наполовину раздраженный, наполовину испуганный.

"Было бы позором убрать такого человека, как Саттон, - подумал он, - но это было бы лучше всего. Да, это могло быть только к лучшему."

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Кларк сказал, что он умирал, а Кларк - инженер. Кларк составил таблицу, и в этой таблице была смерть, моя смерть, думал Саттон. Математика предсказала, что определенные деформации и давления превращают человеческое тело в желе. И Андерсен сказал, что он не человек. А откуда Андерсену это знать?

Дорога впереди изгибалась серебристой полосой, сияя в лунном свете, и звуки и запахи ночи лежали на всей земле. Острый чистый запах растущей зелени, таинственный запах воды. Ручей бежал по болоту, которое было справа, и Саттон из-за руля мельком увидел на повороте сверкнувшие отблески неспокойной воды, освещенные желтой луной. Квакание лягушек создавало пелену феерического звука, который льнул к холмам, а светлячки покачивали фонариками, сигналившими из темноты.

- И откуда Андерсену знать? Откуда? - вновь спросил себя Саттон, - если он меня не обследовал? Если он не был тем, кто старался проникнуть в мой мозг после того, как меня вырубили, когда я вошел в комнату.

Адамс сбросил свои карты, а он никогда этого не делал, если только не хотел, чтобы это видели. Если, конечно, у него в руках нет козырного туза. Он хотел, чтобы я знал, - сказал себе Саттон. - Он не мог прямо сказать мне, что я уже у него на лентах и пленках, что он оснастил мою комнату всем этим снаряжением.

Но он мог бы дать мне знать, сделав лишь один срыв, тщательно подсчитанный срыв, как этот, с Андерсеном. Он знал, что я уловлю это. и думает, я буду нервничать.

Фары на мгновение выхватили из темноты массивные серо-черные очертания дома, прижавшегося к склону холма, и машина вошла в еще один поворот. Ночная птица, черная и призрачная, промелькнула через дорогу, ее тень в полете протанцевала в конусе света.

"Это - Адамс, - подумал Саттон,- это он был тем, кто ждал меня. Это он как-то узнал, что я возвращаюсь, и подготовился, и насторожился. И он систематизировал меня и снабдил ярлыком, прежде чем я опустился на землю. И он исследовал меня, прежде чем я понял, что происходит. И вне всякого сомнения, именно он не нашел больше того, только к чему был готов."

Саттон сухо хохотнул. Но его хохот превратился в вопль, прокатившийся по склону холма в сиянии потоков огня. И этот поток огня, завершившийся в болоте, на мгновение умер, потом снова выскоцил красно-синими языками...

Шипение тормозов и звук шин на покрытии - Саттон развернулся машину, чтобы остановить ее. Даже прежде чем машина остановилась, он уже был снаружи и бежал вниз по склону к странному черному кораблю, мерцающему в топи.

Вода плеснула ему на лодыжки, острагая как бритва трава хлестнула по ногам. Черные и маслянистые лужи мерцали в свете горящего корабля. Лягушки все еще продолжали квакать в дальнем конце болота.

Что-то шлепнулось и забарахталось в пруду, в грязной, окрашенной пламенем воде, в нескольких футах от пылающей ракеты. И Саттон, устремившийся вперед, увидел, что это человек.

Он заметил отраженную белизну испуганных, жалких глаз, светившихся в пламени, когда человек приподнялся на покрытых грязью руках и попробовал протащить себя вперед. Он увидел, как сверкнули зубы, когда боль исказила его лицо в гримасу полнейшего ужаса; его ноздри почувствовали запах обуглившейся плоти и поняли, что это такое.

Он наклонился и сжал руки в замок под мышками человека, потом приподнял его и потащил назад, через топь. Грязь хватала его за ноги, а за спиной он слышал плеск, ужасный волочащийся плеск человеческого тела, влекомого по воде и грязи. Под нога-

ми его была уже сухая земля, и он начал карабкаться обратно, наверх по откосу к автомобилю. Оттуда, где болталась голова человека, доносились звуки, хриплые, нечленораздельные, которые могли быть словами, если бы было время их слушать.

Саттон бросил быстрый взгляд через плечо и увидел линии огня, устремляющиеся в небо, колонну синевы, которая осветила ночь. Болотные птицы, ослепленные, в панике летали, будя ночь криками ужаса.

- Реакторы, - подумал вслух Саттон, - реакторы ... Они в таком пламени не смогут продержаться долго. Автоматика скоро расплавится, и тогда болото станет кратером, а холм обуглит-ся от горизонта до горизонта.

- Нет... - произнесла качающаяся голова, - нет, нет реакто-ров. - Нога Саттона попала под корень, и он упал на колени. Тело человека выскоцизнуло из его рук, заскользив по грязи вниз.

Человек зашевелился, стараясь перевернуться. Саттон по-мог ему в этом, и человек лег на спину лицом к небу.

Он был молод, как разглядел Саттон. Это было видно даже под маской грязи и боли.

- Нет реакторов, - повторил человек, - я их успел сбросить.

В его словах звучала гордость за хорошо сделанное дело. Но слова давались ему тяжело. Он тихо лежал, так тихо, что казался почти мертвым. Затем дыхание возвратилось к нему и засвистело в горле. Саттон увидел, что у висков, под обожженной кожей, пульсирует кровь. Челюсть человека едва шевелилась, и наружу вырывались нервные сжатые слова

- Было сражение, там, раньше, в 83-ем; я увидел, как они подходят... хотел время-прыгнуть... - слова замолкли и на мгновение пропали, потом хлынули снова.

- Получили новые орудия... поджег металл...

Он повернул голову, и, очевидно, в первый раз увидел Саттона. Попробовал подняться, но упал назад, задыхаясь от усилий.

- Саттон!

Саттон нагнулся над ним.

- Я оттащу вас, я отвезу вас к доктору.

- Ашер Саттон! - эти два слова были сказаны шепотом.

На мгновение Саттон заметил триумфальную, почти фанатическую искорку, пронесшуюся в глазах умирающего, наполовину понял жест полуприподнятой руки, таинственного знака,

который сделали пальцы незнакомца. Потом мерцание погасло, рука опять упала и пальцы разжались. Саттон понял, даже прежде, чем нагнулся послушать сердце, что человек уже мертв. Саттон медленно поднялся.

Пламя постепенно умирало, и птицы разлетелись.

Корабль лежал, наполовину похороненный в грязи, и очертания его, заметил он, были ни на что не похожи, ни на что, что он когда-либо видел.

- Ашер Саттон, - сказал тот человек. И глаза его закрылись, и он сделал какой-то знак как раз перед тем, как умереть.

"И раньше в 83-ем был бой. Восемьдесят три - это что? Я его никогда раньше не видел, - думал Саттон, словно отрицая что-то преступное.

И помоги мне бог, я его даже сейчас не знаю. И все же он выкрикнул мое имя, и оно прозвучало, как если бы он знал меня и был очень рад меня увидеть. Он сделал какой-то знак... знак, который был вместе с моим именем." Он уставился на мертвеца, лежащего у его ног, и увидел всю жалкую картину этого: согнутые ноги, распростертые во всю длину по земле, ставшие жесткими руки, лениво откинутую голову и сверкание луны на зубах, там, где рот приоткрылся.

Саттон осторожно опустился на колени, пробежал руками по телу, что-то ища: какой-нибудь потайной карман, который мог дать ключ к разгадке человека, лежащего здесь мертвым.

"Потому что он знал меня... И я должен знать - откуда... И ничего без этого не имеет смысла," - проносилось в голове у Саттона.

В нагрудном кармане пиджака лежала маленькая книжка, и Саттон вытащил ее. Название было вытиснено золотом по черной коже и даже в лунном свете Саттон мог прочитать буквы, которые яростно запылали с обложки, ударяя его прямо в глаза:

ЭТО СУДЬБА
АШЕР САТТОН

Саттон замер. Он так и сидел, прильнув к земле, как трусливое существо, пораженный золотыми буквами на кожаной обложке.

Книга! Книга, которую он хотел написать, но еще не написал! Книга, которую он напишет только через много месяцев! И

тем не менее - вот она, с загнутыми уголками и помятая от долгого чтения.

Непроизвольный, словно задыхающийся звук вдруг вырвался из его горла.

Он чувствовал холодный туман, поднимающийся с болота, он слышал одинокий плач дикой птицы, доносившийся оттуда...

Странный корабль плюхнулся в болото, выведенный из строя и горящий. Из корабля спасся человек, но он был на пороге смерти. Прежде чем умереть, он узнал Саттона, назвав его имя. В его кармане оказалась книга, которая еще не написана!

Таковы были факты ... голые, трудно понимаемые, но факты. И им пока не было объяснения.

Слабые звуки голосов потревожили тихую ночь... Саттон быстро поднялся на ноги, постоял в нерешительности, ожидая, прислушиваясь. Голоса послышались снова.

Кто-то, очевидно, услышал звук удара и приближался к этому месту, чтобы посмотреть, и призывая на помощь других людей.

Саттон обернулся и быстро взобрался по склону к автомобилю.

- Нет никакого смысла ждать, - сказал он самому себе.

Те, кто приближались по дороге, могли причинить ему только неприятности. Теперь он знал это совершенно точно.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Какой-то человек ждал его в зарослях кустов за дорогой, а совсем близко, в тени здания суда, притаившись, караулил другой.

Саттон медленно шел вперед, вразвалку, неспеша.

- Джонни, - беззвучно произнес он.

- Да, да.

- Это все, кто есть? Их только двое?

- Я думаю, есть еще один, но не могу точно определить его местонахождение. Все они вооружены. Будь осторожен.

Саттон вновь почувствовал ощущение комфорта в мозгу, чувство уверенности, поддержки и товарищества.

- Держи меня в курсе дела, Джонни.

Он просвистел торт или два из мелодии, которая уже давно забыта, но она была сейчас свежа в его памяти после двадцати долгих лет.

Гараж наемных машин был в двух кварталах вверх по дороге. "Герб Ориона" - еще в двух кварталах дальше. Между ним и "Гербом Ориона" прятались два человека, а может быть и больше, наблюдавшие за ним с оружием. Между гаражом и отелем не было ничего, просто прекрасный ландшафт, который был жилой административной землей. Землей, посвященной красоте и управлению... засаженной с тщательностью садовника, каждый день которого распланирован создателями ландшафта: с группой кустов, линиями деревьев, с заботливо ухоженными клумбами.

- Идеальное место для засады, - подумал Саттон. - Адамс? Хотя вряд ли мог быть Адамс. Ведь у меня было кое-что, что Адамс желал узнать, а убийство человека, который имеет нужную информацию, неважно, как вы на него раздосадованы, по-детски глупо.

Или те, другие, о которых сказала Ева... те, которые поставили Бентону условие убить его. Они подходили больше, чем Адамс, потому что он был жив, а эти другие, кто бы они не были, вполне готовы убить его уже своими руками.

Саттон опустил руку в карман пиджака, как бы ища сигарету, но пальцы коснулись стали оружия, которое он использовал против Бентона. Он позволил своим пальцам обнять пистолет, потом убрал их, вынул из кармана и нашел сигареты в другом кармане.

"Еще не время, - убеждал он себя. - Еще будет случай пустить оружие в ход, если в этом возникнет необходимость."

Он остановился, чтобы зажечь сигарету, снова оттягивая время, словно не спеша, играя на нервах.

Саттон знал, что пистолет будет слабым оружием, но это лучше, чем вообще ничего. В темноте он, возможно, попадет в фасад здания, что произведет шум, а ожидающие его не рассчитывают на шум, иначе они бы уже несколько минут назад покончили с ним.

- Аш, - сказал Джонни, - еще один человек. Вот в этом кусте, впереди. Он хочет, чтобы ты прошел, и тогда они окружат тебя с трех сторон.

Саттон тихонько пробурчал:

- Хорошо, скажи-ка поточнее.

- Тот куст с белыми цветами. Он на краю дороги. Совсем близко от тротуара, так что он может шагнуть и оказаться позади тебя в ту же секунду, как только ты пройдешь.

Саттон затянулся сигаретой, заставив ее красным глазком тлеть в темноте.

- Возьмем его, Джонни?

- Да, нам лучше его взять.

Саттон продолжал прогулку и вскоре увидел тот куст, в четырех шагах, не больше, о котором и предупреждал его Джонни.

Один шаг.

- Интересно, зачем все это?

Два шага.

- Прекрати удивляться. Сейчас действуй. Удивляться будешь потом.

Три шага.

- Вот он, я вижу его.

Саттон скрылся с тротуара единственным прыжком. Оружие было выдернуто из кармана, и в ту же секунду оно заговорило: два острых опасных слова. Человек за кустом наклонился на коленях вперед, покачался несколько томительных мгновений и расплылся на животе. Саттон одним махом подхватил пистолет, выпавший из рук убитого. Это был, как он заметил, электронный пистолет, ужасная штука, убивающая даже при небольшом промахе благодаря полю искажения, которое посыпал электронный луч. Оружие такого типа было новым и строго секретным двадцать лет назад, а сейчас, очевидно, любой мог достать его.

С оружием в руках Саттон повернулся и побежал, петляя по кустам, ныряя под нависшие ветки, с трудом пробираясь сквозь клумбы тюльпанов. Уголком глаза он увидел вспышку, вспыхивающее дыхание беззвучно пылающего оружия и танцующую щепотку золота, которую оно выпускало в ночь.

Он нырнул в цепляющуюся, рвущую одежду изгородь, перешел поток и пришел в себя только лишь в группе вечнозеленых деревьев и берез. Он остановился, чтобы перевести дыхание, оглядываясь назад, на путь, который он пробежал. Все кругом было тихо и мирно, посеребренная картина в лунных цветах. Никто и

ничто не шевелилось, даже выстрелы давно перестали мерцать ему вслед.

- Аш! Сздади. Дружески...

Предостережение Джонни было внезапным.

Саттон резко повернулся, наполовину приподняв пистолет.

Херкимер бежал в темноте как гончая, охотящаяся по следу.

Саттон вышел из рощицы и резко окликнул его. Херкимер прекратил бег, крутанулся на месте, потом вприпрыжку подбежал к нему.

- Мистер Саттон, сэр...

- Да, Херкимер.

- Мы должны удирать.

- Да, - подтвердил Саттон, - полагаю, что должен. Я попал в ловушку. Там было трое, меня ждали.

- Дело еще хуже, - сказал Херкимер. - Это не только ревизионисты и Морган, но и Адамс тоже.

- Адамс?

- Адамс отдал приказ убить вас при встрече.

Саттон напрягся.

- Откуда ты знаешь? - перебил он.

- Та девушка, - пояснил Херкимер. - Ева. Та, о которой вы спрашивали. Она мне все сказала.

Херкимер прошел вперед, став лицом к лицу с Саттоном.

- Вы должны доверять мне, сэр! Вы сказали мне в то утро: "следить за мной", но я никогда этого не сделаю. Я был с вами с самого начала.

- Но девушка ... - начал было Саттон.

- Ева тоже с вами, сэр, - перебил его андроид. - Мы стали искать вас, как только выяснили все. Но мы не смогли перехватить вас. Ева ждет с кораблем.

- Корабль? - переспросил Саттон. - Это что еще за корабль?

- Это ваш собственный корабль, сэр, - ответил Херкимер. - Тот, что вы получили от Бентона. Корабль был вместе со мной...

- И ты хочешь, чтобы я пошел с вами, залез в этот корабль и...?

- Мне очень жаль, сэр, - сказал Херкимер.

Он действовал так быстро, что Саттон не успел ничего предпринять. Он увидел перед собой кулак и попытался поднять оружие. Он почувствовал внутри своего мозга внезапную холодную

ярость, а потом сокрушительный удар, и голова его взметнулась вверх так, что он на мгновение перед тем, как его веки закрылись, увидел колесо звезд на вращающемся небе. Он почувствовал, что его ноги подгибаются, а сам он куда-то падает. Но Саттон был уже без сознания, когда тело его ударилось о землю.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Ева Армор звала его:

- Аш, Аш, проснись!

В уши Саттона вошли приглушенные раскаты грома извартующихся ракет, а сквозь него - глухой дробный звук маленького корабля, со свистом уносящегося в космос.

- Джонни, - мысленно произнес Саттон.

- Мы в корабле, Аш.

- Сколько здесь человек?

- Андроид и девушка. Та, по имени Ева. И они дружелюбны.

Почему ты не обращаешь на них внимание?

- Я не могу верить никому.

- Даже мне?

- Не тебе, но твоему суждению, Джонни. Ты новичок на Земле.

- Не новичок, Аш. Я знаю Землю и землян много лучше, чем ты. Ты не первый землянин, с которым я живу.

- Я не могу вспомнить, Джонни. Что-то нужно вспомнить. Я очень стараюсь вспомнить это. Я стараюсь вспомнить, но нет ничего, кроме неясных очертаний. Конечно, то, что я учил, что я записал и взял с собой, важно. Но это как само то место и люди, живущие там.

- Они не люди, Аш.

- Я знаю. Не могу вспомнить.

- Ты и не должен, Аш. Все это было слишком чужим. Ты не можешь носить такую память с собой... потому что, когда ты вспомнишь слишком четко все, ты станешь частью этого. А ты должен был остаться человеком, Аш. Мы должны сохранить тебя человеком.

- Но когда-нибудь я должен вспомнить, когда-нибудь.

- Когда ты должен будешь все вспомнить, ты вспомнишь. Я об этом позабочусь. Обещаю тебе.

- И, Джонни..?

- Что, Аш?

- Ты не возражаешь против этой затеи с "Джонни"?

- О чём ты это, Аш?

- Мне не стоило называть тебя "Джонни". Это легкомысленно и фамильярно... Но это по-дружески. Это самое дружеское имя, которое я знаю. Вот почему я называю тебя так. Понимаешь?

- Я не возражаю, - ответил Джонни, -- я совсем не возражаю.

- Ты понял что-нибудь из этого, Джонни? О Моргане, о ревизионистах?

- Нет, Аш.

- Ты видишь в этом систему?

- Начинаю замечать.

Ева Армор потрясла его за плечо.

- Проснись, Аш, - прошептала она. - Ты что, не слышишь меня, Аш? Проснись...

- О'кей, - Саттон открыл глаза. - Можешь не волноваться. Все о'кей.

Он свесил ноги с кровати и сел на край. Рука его поднялась и пощупала опухшую челюсть.

- Херкимер должен был ударить тебя, - сказала Ева. - Он не хотел тебя бить, но ты был слишком безрассуден, а мы не могли терять время зря.

- Херкимер?

- Конечно. Ты помнишь Херкимера, Аш? Он был андроидом Бентона. Он сейчас ведёт этот корабль.

Корабль, как увидел Саттон, был мал, но чист и уютен. В нем даже нашлось бы место еще для одного или двух пассажиров. Херкимер, говоря своим точным, книжным языком, сказал бы, что он был "небольшим, но приличным".

- Ну, раз вы меня похитили, - проворчал Саттон, - я не думаю, что вы будете скрывать то место, куда мы направляемся.

- Мы ничего не собираемся скрывать. Мы отправляемся на охотничий астероид, что достался вам от Бентона. На нем есть охотничий домик и большой запас пищи. Никому не придет в голову искать нас там, - сказала девочка.

- Это чудесно, - с усмешкой произнес Саттон. - Мне подойдет место, где можно будет поохотиться.

- Вам не придется охотиться, - произнес резкий голос у него за спиной.

Саттон резко обернулся. Херкимер стоял в люке, ведущем в кабину пилота.

- Вы будете там писать книгу, - мягко пояснила Ева. - Конечно, вы знаете об этой книге, той самой, которую ревизионисты...

- Да, - подтвердил Саттон, - я знаю об этой книге.

Он остановился, что-то вспоминая, а рука его бессознательно ощупывала грудной карман. Там находилась книга и что-то еще, шуршащее при прикосновении. Он вспомнил об этом. Письмо.. Невероятно старое письмо, которое Джон К. Саттон забыл распечатать шесть тысяч лет назад.

- Что касается книги ... - произнес Саттон и снова остановился, так как хотел сказать, что им не нужно беспокоиться о книге, поскольку у него уже был экземпляр. Но что-то остановило его. Он не был уверен, что с его стороны было бы разумным говорить об этой книге, которая у него уже была.

- Я привез ящик, - сообщил Херкимер, - все рукописи там. Я посмотрел.

- И, наверное, очень много бумаги? - насмешливо спросил Саттон.

- Много бумаги, - Ева Армор наклонилась к Саттону так близко, что он мог чувствовать запах ее медных волос. - Разве вы не понимаете, - спросила она, - как важно, чтобы вы написали эту книгу? Разве вы не понимаете?

Саттон покачал головой.

"Важно, - подумал он. - Важно для чего? И для кого? И когда?"

Он вдруг вспомнил приоткрытый рот - картину смерти на болоте при лунном свете, вспомнил слова умирающего человека, все еще отчетливо звучавшие в его ушах.

- Но мне не все ясно, - возразил он. - Может, вы мне растолкуете?

Она покачала головой.

- Пишите книгу, - повторила она ему.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Астероид окружали вечные сумерки далекого от солнца пространства, острые горные пики его, как иглы, были устремлены к звездам. Воздух был холодным, гораздо более разреженным, чем на Земле, и от него перехватывало дыхание. Но Саттона удивил сам факт существования здесь атмосферы. Хотя, если учсть те средства, которые были затрачены на благоустройство астероида, чтобы сделать его обитаемым, то можно было ожидать чего угодно. Он стоил, наверное, миллиард, прикинул Саттон. Стоимость только одних атомных энергетических установок составляла почти половину этой суммы, а без них не было бы энергии, нужной для создания атмосферы и гравитации, поддерживающей ее.

Ашер подумал:

"Когда-то люди были довольны или вынуждены были довольствоваться тем, что они уединялись в коттедже на берегу озера или в охотничьем домике, или на борту увеселительной яхты. Теперь, когда в распоряжении людей вся галактика, они обживают астероиды стоимостью в один миллиард долларов или покупают планету по сходной цене."

- Вот эта хижина, - сказал Херкимер, и Саттон посмотрел в указанном направлении. На горизонте среди торчащих, как зубья пилы, вершин, он увидел небольшое темное здание, на фоне которого виднелась какая-то точка света.

- Откуда там свет? - удивилась Ева. - Разве там кто-нибудь живет?

Херкимер с сомнением покачал головой.

- Наверное, тот, кто был здесь последним, забыл его выключить.

Вечнозеленые растения и березы, причудливо выглядевшие на фоне звезд, стояли неровными группами, как солдаты, штурмующие высоту, на которой находился дом.

- Дорога здесь, - пояснил Херкимер.

Он шел впереди, и они поднимались вслед за ним. Ева шла посередине, замыкающим был Саттон. Дорога была крутой и

неровной, да и освещение не особенно хорошим, поскольку разреженная атмосфера не рассеивала звездного света.

Звезды выглядели здесь как маленькие яркие точки - они почти мерцали. Небо походило на звездную карту. Домик стоял на небольшой площадке, которая была, конечно, делом рук человека, так как в этой местности нельзя было найти ровного участка величиной хотя бы с платок. Движение воздуха, такое слабое и незаметное, что его едва ли можно было назвать ветерком, пробежало вдоль склона и вызвало в листве венозеленых деревьев звук, подобный стону. Что-то скатилось по тропинке и запрыгало на камнях. Откуда-то издалека пришел воющий звук, от которого заныли зубы.

- Это животное, - тихо сказал Херкимер. Он остановился и показал рукой в сторону одной скалы причудливой формы. - Хорошее место для охоты, - добавил он, - если, разумеется, вам удастся не сломать себе ногу.

Саттон огляделся вокруг и впервые почувствовал первобытную дикость этого места. Застывший водоворот некогда раскаленной материи, извергнутой из недр, простирался под ногами... Огромные пропасти зияли, как пасти, полные мрака, над ними на головокружительную высоту возвышались молчаливые горные пики и стреловидные вершины.

- Пойдемте, - напомнил Саттон и вздохнул.

Они вскарабкались на последние сто ярдов и достигли площадки, сделанной человеком. Выпрямившись, они уставились на пейзаж, который может привидеться только в ночном кошмаре. Глядя на него, Саттон почувствовал, как холодная рука одиночества протянулась к нему и охватила своими ледяными пальцами. Все это вызывало чувство абсолютного сумасшедшего одиночества, такого, какого он не испытывал даже в самых страшных снах. Все это было полным отрицанием всякой жизни и движения. Это было началом, отрицающим даже всякую мысль о жизни. Здесь все, что двигалось и мыслило, было настолько чуждым и неуместным, что казалось какой-то болезнью, раковой опухолью на теле этой безмолвной пустоты.

Позади послышались шаги, и все резко обернулись.

Человек вышел из тени скал. Его голос был приятен, произносимые слова звучали уверенно и весомо.

- Добрый вечер, - сказал он и, выждав паузу, добавил, как бы объясняя:

- Мы слышали, как вы совершили посадку, и я вышел встретить вас.

Голос Евы прозвучал холодно и немного сердито:

- Вы очень удивили нас своим появлением. Мы никого не рассчитывали здесь встретить.

Голос человека стал менее дружелюбным.

- Я полагаю, мы не нарушили права вашей собственности. Мы друзья мистера Бентона, и он лично разрешил нам пользоваться этим домом.

- Мистер Бентон умер, - холодно сообщила Ева. - Вот этот человек является новым владельцем.

Мужчина повернулся к Саттону.

- Я очень сожалею, сэр. Мы этого не знали. Конечно, мы покинем астероид при первой же возможности.

- Я не вижу никаких причин, - ответил ему Саттон, - препятствующих вашему пребыванию здесь.

- Мистер Саттон, - строго произнесла Ева, - приехал сюда в поисках тишины и уединения. Он собирается здесь писать книгу.

- Книгу? - переспросил человек. - Значит, вы писатель?

У Саттона появилось какое-то неприятное ощущение, будто этот человек смеется над ним, да и не только над ним.

- Мистер Саттон! - повторил человек, как бы усиленно стараясь вспомнить. - Что-то не припоминаю, но я не такой уж заядлый читатель.

- Я пока еще ничего не написал, - объяснил Саттон.

- А, - сказал человек как бы с облегчением, - тогда это, возможно, все объясняет. - Он явно насмехался.

- Здесь довольно холодно, - резко произнес Херкимер, - давайте войдем внутрь.

- Конечно, - согласился незнакомец, - здесь холодно, хотя я этого не заметил. Между прочим, меня зовут Прингл, а имя моего товарища - Кейс.

Никто ему не ответил; подождав несколько секунд, он повернулся и шагнул впереди них, всем своим видом показывая и подчеркивая, что он счастлив указать им дорогу.

Когда они приблизились к домику, Саттон увидел, что он значительно больше, чем казался из долины, на которую опустился их корабль.

Он возвышался большим черным силуэтом на фоне усыпанного звездами неба. Если бы они не знали, что это за строение, его можно было бы принять за нагромождение камней.

Дверь отворилась, как только они приблизились к массивной каменной ступени. На пороге стоял второй человек, стоял прямо и неподвижно. Он казался строгим и изящным, но в нем чувствовалась большая сила. Его фигура четко вырисовывалась на фоне освещенного входа в дом.

- Новый владелец, Кейс, - объявил Прингл, и Саттону показалось, что голос его сделался несколько иным, более живым и низким, чтобы придать словам значительность, показать, что за ними скрывается что-то большее... Как будто это было предупреждением.

- Вы знаете, Бентон умер, - продолжал Прингл, и Кейс ответил:

- О, неужели! Как странно.

"Как-то не так он сказал об этом," - подумал Саттон.

Кейс посторонился, пропуская всех в дом, затем плотно закрыл дверь.

Комната была большой, с единственной включенной лампочкой, и тени как бы наваливались на них из темноты углов.

- Боюсь, - обратился к ним Прингл, - что вам придётся самим позаботиться о себе. Мы с Кейсом все любим делать сами, и у нас нет с собой никаких роботов. Хотя я могу приготовить вам что-нибудь поесть, если вы голодны, например, сэндвичи, и какой-нибудь горячий напиток.

- Мы поели перед тем как приземлиться, - поблагодарила Ева. - Херкимер позаботится о том небольшом количестве вещей, которое мы захватили с собой.

- Тогда садитесь на этот стул, - предложил Прингл. - Вон на тот, он очень удобен.

- Боюсь, что это сейчас невозможно. Перелет был несколько утомительным, - усмехнулась девушка.

- Вы не очень любезны, молодая леди, - произнес Прингл, и его слова прозвучали наполовину шутливо, наполовину угрожающе.

- Я просто усталая молодая леди.

Прингл подошел к стене и щелкнул выключателем. Зажегся свет.

- Спальная комната находится наверху, - сказал он, - рядом с балконом. Кейс и я занимаем первую и вторую комнаты по левой стороне. Вы можете выбрать любую из оставшихся.

Он пошел вперед, чтобы проводить их вверх по лестнице. Но Кейс заговорил, и Прингл остановился в ожидании, держась рукой за перила.

- Мистер Саттон, - поинтересовался Кейс, - мне кажется, что я где-то слышал ваше имя.

- Я так не думаю, - ответил Саттон. - Я не особо важная фигура.

- Но именно вы убили Бентона, - уверенно произнес Кейс.

- Кто вам сказал, что я убил его? - удивился Аш.

Кейс даже не улыбнулся, но весь его вид показывал, что, не будь он Кейсом, то расхохотался бы.

- Тем не менее, вы должны были убить его, поскольку я знаю, что единственный способ завладеть астероидом - это убить его владельца. Бентону он очень нравился, и если бы он был жив, то никогда бы с ним не расстался.

- Ну, если вы так настаиваете, то я действительно убил Бентона.

Кейс как бы в изумлении встряхнул головой.

- Это что-то невероятное, что-то удивительное.

- Доброй ночи, мистер Кейс, - вмешалась Ева, потом повернулась к Принглу. - Не беспокойтесь, мы сами найдем дорогу.

- Что вы, никакого беспокойства, - обернулся Прингл. - Никакого беспокойства.

Он опять засмеялся. Быстро и легко он взбежал по лестнице.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Прингл и Кейс - в них было что-то неправильное. Сам факт пребывания на астероиде выглядел зловеще. В голосе Прингла постоянно была насмешка, оба они смеялись над ними, получая от этого какое-то странное наслаждение и удовольствие, на-

слаждаясь своими двусмысленными шутками с подтекстом, который был понятен им одним.

Прингл был разговорчив, но Кейс - строг и корректен, во время разговора он словно рубил слова вескими и эффектными паузами.

В отношении Кейса к ним было что-то неуловимо знакомое, он кого-то напоминал, но кого... Саттон не мог вспомнить.

Сидя на краю постели, Саттон криво усмехнулся.

- Если бы я только мог вспомнить, что означает его манера говорить, двигаться, быть постоянно строгим и подтянутым. Если бы я мог ассоциировать это с чем-то определенным, что я знаю - это могло бы многое объяснить, подсказать, кем является Кейс. Кейс знает, что я убил Бентона, знает, кто я. Он должен был скрывать это, но он этого почему-то не делает. Очевидно, это нужно ему для укрепления своего "я". По всей видимости, он нуждается в подобном самоутверждении, хотя и старается не показать этого.

Ева также не доверяет им, кажется, она пыталась что-то шепнуть, когда мы расставались около ее двери. Я не мог отчетливо понять, что она пыталась сказать мне, но по движению ее губ, как мне показалось, она произнесла:

- Не доверяй им.

Будто я и так стал бы кому-нибудь доверять. Вообще кому-нибудь.

Саттон сидел и шевелил пальцами ног, разочарованно глядя на них. Он попытался шевелить ими в отдельности, но ему это не удавалось. Не получилось и одинаковое движение всех пальцев вместе.

- Я даже не могу как следует потренировать свое тело, - думал он. Это было странное направление мыслей.

- Прингл и Кейс ждали нас, - сказал себе Саттон, но когда он думал об этом, то не был уверен, не начал ли он фантазировать. Действительно, как они могли ожидать их, когда даже не знали, что Херкимер и Ева направляются на астероид.

Он отрицательно покачал головой, но чувство, что эти двое ожидали их, осталось. Странная мысль крепко засела в голове.

Хотя, стоит хорошенько подумать, это было не так уж и странно. Адамс знал, что он возвращается на Землю. Возвращается домой после двадцати лет отсутствия. Адамс все знал и

поэтому расставил на него ловушку. Впрочем, у Адамса не было никаких возможностей узнать об этом.

- Но почему? - спросил он себя, - почему Адамс устроил ему ловушку?

Почему Бастер бежал на какую-то отдаленную планету?

Что заставило Бентона послать ему вызов?

Почему Ева и Херкимер привезли его на этот астероид?

Для того, чтобы он написал книгу, объяснили они. Но книга уже написана!

Он потянулся к своему пиджаку, брошенному на спинку стула. Из него он вытащил книгу, буквы на ее обложке были вытиснены золотом. Вместе с книгой из кармана выпало письмо и упало на ковер. Он поднял письмо, положив на кровать рядом с собой, затем открыл книгу на титульном листе.

- Это судьба, - медленно прочитал он заглавие. - Автор - Ашер Саттон.

Под заглавием в самой нижней части страницы была строчка, набранная мелким шрифтом.

Саттону пришлось поднести книгу поближе к глазам, чтобы отчетливо прочесть. Там было напечатано:

"Первоначальный вариант".

И это все. Не было ни даты публикации, ни каких-либо указаний на авторские права, ни кто был издателем.

"Как будто, - подумал Саттон, - книга была настолько известна, настолько являлась частью жизни каждого человека, что все остальное, кроме названия и имени автора, было излишним."

Он перевернул две страницы. На них ничего не было напечатано, и еще одну страницу, и уже дальше начинался текст...

"Вы не одиноки.

И никто не одинок..."

- С первого момента зарождения жизни, с первого малейшего движения живого существа на любой планете Галактики оно двигалось, ело, ползало по дороге жизни и одиночества.

"Вот оно, - подумал Саттон. - Именно так я и хотел начать книгу. Я должен был действительно написать ее когда-то и где-то, поскольку сейчас держу ее в руках."

Он закрыл книгу, осторожно положил ее в карман, а пиджак снова повесил на спинку кресла.

"Я не должен ее читать, - подумал он, - я не должен ее читать и знать, как она написана. Я не имею права этого делать. Я должен написать ее так, как сам представляю, как задумал в эти долгие годы. Это единственный способ создать книгу. Необходимо быть честным: когда-нибудь человеческая и другие расы смогут прочесть ее, и потому каждое слово в ней должно быть именно таким, как есть, написана она должна быть хорошо и просто, чтобы любой мог прочесть и понять ее."

Он придвинул одеяло, забрался под него и взял лежавшее на постели письмо. Старое, пожелтевшее, оно вскрылось легко, осыпав простыню засохшим клеем. Саттон вынул лист из конверта и очень осторожно развернул его, боясь повредить. Письмо было отпечатано на машинке со множеством ошибок и опечаток, забытых буквой "х", - очевидно, для автора процесс печатания был непривычным делом.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

"БРИДЖПОРТ. ВИСКОНСИН. 11 ИЮЛЯ 1987 ГОДА.

Я пишу это письмо самому себе, чтобы почтовый штемпель мог несомненно подтвердить тот год и тот день, когда оно было действительно написано. Я сохраню его запечатанным, спрятав среди своих вещей до того дня, когда кто-нибудь из членов моей семьи, с божьей помощью, сможет открыть его и прочитать. Надеюсь, что прочитавший это письмо узнает, во что я верю, о чем я думаю, но не осмеливаюсь сказать вслух при жизни, опасаясь, что меня сочтут повешенным. Жить мне осталось совсем немного, я и так прожил уже больше, чем положено человеку его судьбой. Но пока еще нахожусь в здравом уме и не жалуюсь на здоровье. Я очень хорошо знаю, от времени не убежать, оно наносит удары внезапно и, рано или поздно, настигает свою жертву.

Я не чувствую страха смерти и не испытываю сентиментального желания обрести мнимое бессмертие в мысли, посетившей меня, поскольку мысль эта преходяща, а человек, обладающий ею, не располагает большим количеством лет жизни, - отведенные ему годы коротки, слишком коротки для полного осознания проблемы, поставленной ему Временем. Более чем вероятно, что

письмо будет прочитано одним из моих ближайших потомков, но я все-таки допускаю, что в результате какого-то поворота судьбы оно может попасть, все еще нераспечатанным, в руки моих отдаленных потомков, через сотни лет, когда меня все забудут, или даже окажется у посторонних людей.

Чувствуя, что обстоятельство, о котором я хочу рассказать, более чем заурядно, и даже рискуя сообщить что-то хорошо известное человеку, читающему это письмо, я все же изложу основные факты о себе и о том месте, где я живу.

Меня зовут Джон К. Саттон, я происхожу из довольно многочисленной семьи, одна из ветвей которой обосновалась в данной местности около ста лет назад. Кстати, я должен попросить читателя, незнакомого с представителями семьи Саттонов, поверить мне на слово, без каких-либо доказательств, что мы, Саттоны, всегда были очень серьезными, не склонными к шуткам, и наша репутация, наша честность и целеустремленность никогда и никем не подвергались никакому сомнению. Хотя я и получил образование в области права, однако скоро обнаружил, что моя специальность не особенно мне по душе, и потому в течение последних сорока лет я занимаюсь сельским хозяйством, находя в этом больше удовлетворения, чем в чем-либо ином. Это занятие представляет собой честный труд, согревающий душу и дающий возможность жить в тесном контакте с основными, необходимыми для жизни вещами, как, например, такой простой, и вместе с тем таинственный процесс производства пищи посредством возделывания земли. На протяжении последних лет я не был достаточно здоров физически, чтобы продолжать работать на своей ферме, но с гордостью могу заявить, что занимаюсь в настоящее время управленческой деятельностью и отрабатываю все положенные мне часы.

С течением лет я полюбил эту местность, хотя она является довольно дикой и во многих отношениях мало пригодной для ведения сельского хозяйства. Строго говоря, я иногда с жалостью смотрел на людей, владеющих обширными ровными полями без холмов и возвышенностей, которые вносят разнообразие в пейзаж, и, глядя на которые, отдыкает глаз. Их земли, возможно, более плодородны, и на них легче работать, но все же у меня есть что-то, чего нет у них... Я привык к обстановке, в которой

живу, и очень остро ощущаю всю красоту этой природы, столь разнообразную в различные времена года.

На протяжении последних лет моя походка стала медленнее, и я обнаружил, что для меня стало затруднительным делать значительные физические усилия, в связи с чем появились излюбленные места отдыха во время обхода фермы. Нет ничего удивительного в том, что каждое из этих мест само по себе чем-то замечательно и одновременно дает отдых глазам и душе. Признаюсь, я всегда с некоторым нетерпением ожидаю этих встреч с местами моего отдыха, пожалуй, даже более нетерпеливо, нежели сам осмотр полей и пастбищ. Хотя, как знать, я получаю большое удовольствие и от того, и от другого.

Есть одно место, которое с самого начала чем-то выделялось среди всех остальных, и, если бы я не был стариком, то сказал бы, что оно обладает для меня особым очарованием. Это глубокая расщелина близ пустоши, простираемая вниз к долине у реки. Находится она в северном конце этой пустоши, отведенной под пастбище. В верхней части расщелины лежит средних размеров камень, который имеет форму сиденья, и это, скорее всего, одна из причин, по которой мне понравилось это место, я люблю удобства. С этого камня можно видеть изгиб речной долины как-то подчеркнуто объемно, благодаря высоте этого места и кристальной чистоте воздуха, хотя вся картина и подернута голубоватой дымкой особенного цвета. Вид оттуда открывается просто необыкновенный. Я часто сидел там часами, ничего не делая, ни о чем не думая, но в гармонии с окружающим миром и с самим собой.

Но есть в этом месте и какая-то необычность, для описания которой я никогда не мог найти слов, сколько бы ни искал. Я не находил слов в своем лексиконе, таких слов, которые могли бы адекватно передать мою мысль.

Это место выглядело так, словно было наполнено ожиданием чего-то, что должно неизбежно произойти. Оно таило в себе вероятность какого-то драматического события или откровения. Возможно, слово "откровение" покажется неуместным и странным в этой ситуации, но мне кажется, что оно наиболее подходит к моему ощущению, которое я испытывал много раз, сидя на этом камне и созерцая долину.

Иногда я пытался вообразить себе, что такого особенного могло бы произойти здесь, но пугался этого образа, некоторых из этих возможностей, которые мне представлялись, хотя никогда не страдал излишком воображения.

Чтобы добраться до найденного камня, я обычно проходил через нижнюю часть пустоши, на которой трава растет лучше, чем в других ее местах, однако скот по какой-то причине не особенно часто приходил пастись туда. Пастбище заканчивалось небольшой группой деревьев, после которой тянулся густой лиственный лес, охватывающий пустошь. Камень был укрыт среди этих деревьев и потому в любое время дня находился в тени, но деревья не заслоняли обзор, потому что склон резко спускался вниз. Однажды, лет десять назад, а говоря точнее - 4 июля 1977 года - подходя к этому месту, я обнаружил, что там находились человек и какая-то странная машина в нижней части пастбища, как раз у самых деревьев.

Я говорю - машина, потому что она так выглядела, хотя, по правде сказать, совершенно не понял ее устройства. Она походила на яйцо, слегка вытянутое по краям, как если бы на него кто-нибудь легко наступил, но не раздавил, а только слегка сплюснул так, что концы стали более вытянутыми. Внутри него не было заметно никаких приборов или механизмов, но было окно, через которое можно было смотреть наружу. Было совершенно очевидным, что для управления этим яйцом нужно находиться внутри. Тот человек стоял снаружи перед открытой дверью и возился с чем-то, что напоминало двигатель, однако, когда я пригляделся, то понял, что если это мотор, то я такого никогда не видел. По правде говоря, я не очень хорошо рассмотрел этот "двигатель" и вообще что-либо касающееся машины, поскольку человек, как только увидел меня, как-то очень ловко и незаметно отвел меня от машины, начав любезный и очень интересный разговор. Так что я не мог, боясь показаться невежливым, сменить тему разговора или освободить себя от его распросов хотя бы на короткое время, чтобы удовлетворить свое любопытство насчет машины. Я вспоминаю сейчас, что было очень много такого, о чём я хотел бы спросить его, но так и не спросил. Мне кажется сейчас, что он словно ожидал моих вопросов и старательно, с большим умением избегал ответов на них. Фактически, он так и не сказал, кто он, откуда пришел и почему

оказался на моем пастбище. Хотя это может показаться читателю моего рассказа невежливым с его стороны, в то время мне это так не казалось, поскольку он был таким очаровательным собеседником, что к нему трудно было подходить с обычными мерками оценки других людей, не являющихся такими же совершенными, как и он.

Казалось, он очень много знал о земледелии, хотя внешне не походил на фермера. Подумать только. Я даже не могу в точности вспомнить, как он выглядел, хотя мне казалось, что одет он был каким-то необычным образом, раньше я такой одежды не видел. Его одежда не бросалась в глаза, не походила на одежду иностранца, но было в ней некое неуловимое отличие, трудно описываемое словами.

Он похвально отозвался о моих пастбищах, о траве, растущей на них, спросил, сколько голов скота я держу, сколько на даиваю молока и какой способ забоя скота я считаю лучшим. Я охотно отвечал на его вопросы, так как тема разговора была мне особенно близка, а он продолжал беседовать со мной, очень уместно вставляя свои замечания и задавая вопросы, некоторые из которых, как я теперь понимаю, представляли утонченные комплименты в мой адрес, хотя в то время я этого и не замечал. В руках он вертел какой-то инструмент, указывая им в сторону кукурузного поля, которое располагалось за изгородью, неподалеку. Он сказал, что всходы довольно хорошие, и спросил, как я думаю, не подрастет ли кукуруза до уровня четвертого колена к четвертому числу. Я удивленно ответил, что сегодня как раз четвертое и что кукуруза уже поднялась выше колена и что я этим очень доволен, так как это был новый сорт, который я пробовал впервые. Он выглядел немного удивленным, рассмеялся и сказал:

- О, уже четвертое, - и объяснил, что был очень занят последние времена и поэтому неудивительно, что он перепутал число. Прежде чем я успел выразить свое недоумение этим, он уже сменил тему разговора. Он спросил меня, как долго я живу в этом месте, а когда я ответил, тут же поинтересовался, жила ли моя семья здесь всегда, поскольку он уже слышал где-то о людях с такой фамилией. Тогда я начал рассказывать о своей семье и, прежде чем сам успел заметить, сообщил ему абсолютно все, включая даже смешные истории, которые мы обычно не расска-

зывали за пределами семейного круга, поскольку не хотели, чтобы окружающие знали о нас эти вещи. Наша семья всегда была консервативной и уважаемой, во многих аспектах она даже лучше, чем другие, но все равно, по-моему, нет такой семьи, у которой не было бы семейного секрета, который она не хотела бы выставлять напоказ.

Мы разговаривали столь долго, что час обеда уже миновал, а когда я это заметил, то пригласил незнакомца пообедать с нами.

Но он поблагодарил и сказал, что скоро починит свою машину и должен будет ехать, что, в сущности, уже закончил ремонт к тому моменту, когда я появился. Когда же я выразил сожаление, что слишком долго задержал его, он уверил меня, что ничего не имеет против и что проведенное со мной время доставило ему одно удовольствие. Но когда я покидал его, то все-таки успел задать один вопрос. Меня заинтересовал предмет, который он держал в руках во время нашей беседы. Я спросил его, что это за инструмент? В ответ он показал мне его и сказал, что это гаечный ключ. Он действительно был похож на гаечный ключ, но не совсем.

После обеда, немного поспав, я пошел обратно на пастбище, решив все-таки задать незнакомцу еще несколько вопросов, которых, как я понял, он избегал во время разговора. Но машина уже исчезла, и незнакомец тоже. Осталась только вмятина на том месте, где она стояла. Но гаечный ключ лежал рядом с этим местом. Когда я нагнулся поднять его, то увидел, что один конец как будто в чем-то испачкан, а приглядевшись, я понял, что это была кровь. Я с тех пор много раз упрекал себя, что не отдал эту вещь на анализ, чтобы проверить, - была ли это кровь человека или животного.

Я так же много раз думал о том, что же случилось там, кто был этот человек и как получилось, что он оставил этот ключ, и почему тяжелый конец его испачкан кровью. Я все еще прихожу отдохнуть к этому камню, и он также стоит в тени деревьев, и все тот же вид открывается с него, и воздух над речной долиной создает все ту же иллюзию объемности. И чувство звенящего ожидания все еще живет в этом месте. И я знаю, что это место было и будет в ожидании какого-то единственного необычного случая, что то, что произошло, было одним из многих событий,

возможных здесь, и бесконечное число необычных событий может произойти здесь в будущем так же, как бесконечное множество их могло произойти в этом месте в прошлом. Хотя я и не надеюсь оказаться свидетелем следующего события, поскольку жизнь человека - лишь мгновение по сравнению с жизнью планеты.

Этот ключ, что я подобрал, все еще находится у нас, он оказался очень полезным инструментом. Фактически, мы никакими другими подобными инструментами не пользовались, обходясь одним этим гаечным ключом, так как он обладает свойством приспособливаться к любой гайке, к любому болту и может удерживать любой вал от вращения. Его не нужно подгонять и у него нет никаких приспособлений для размера захвата. Нужно просто поднести его к тому предмету, который необходимо захватить, и ключ сам приобретет нужный размер и захватит гайку или вал. Не нужно прилагать больших усилий, чтобы пользоваться им, у него будто есть способность увеличивать во много раз даже небольшое усилие, как раз до нужной степени, чтобы повернуть гайку или удержать вал. Однако, мы пользуемся ключом с осторожностью, только тогда, когда не видят посторонние, поскольку он слишком напоминает что-то волшебное, что-то из колдовского арсенала, чтобы можно было показывать его чужим людям. Если бы многие узнали о том, что у нас есть такой ключ, это, скорее всего, привело бы к разным разговорам среди наших соседей. Поскольку мы являемся честной иуважаемой семьей, то такая ситуация для нас крайне нежелательна. Никто из нас между собой не говорит об этом человеке и его машине, которых я обнаружил на пустоши. Мы молчаливо признали тот факт, что это событие не вписывается в обычные рамки нашей жизни, нашей простой семьи фермеров, людей не с очень развитым воображением. Но хотя мы и не разговариваем об этом, сам я думаю об этом довольно много. Я провожу значительно больше времени теперь, сидя на этом камне. Почему - я не знаю. Может быть, у меня слабая надежда, что здесь я найду объяснение этого странного события или хотя бы подтверждение той теории, которую я придумал для объяснения того, что случилось.

Я верю, хотя у меня и нет необходимых доказательств, что этот человек пришел из другого времени, а машина, которую я видел, была машиной времени, а этот забытый инструмент не

будет изобретен еще много-много лет. Я даже не могу представить, когда это случится. Я думаю, что когда-нибудь в будущем люди изобретут способ путешествовать во времени и это вызовет необходимость разработать определенный способ поведения при этих путешествиях, чтобы избежать последствий парадоксов, могущих произойти при вмешательстве в реальность времени. Мне кажется, что этот забытый гаечный ключ как раз и является тем парадоксом и создает одну из тех ситуаций, которые сами по себе выглядят безобидно, но при некоторых условиях могут стать источником значительных осложнений. Поэтому я и потребовал у своих родных, чтобы они сохранили в глубокой тайне все эти сведения.

Я также пришел к выводу, тоже пока ничем не подтвержденному, что эта расщелина, в верхней части которой лежит камень, может представлять собой дорогу во времени или часть этой дороги, или такую точку, где наше время наиболее тесно, вследствие какого-то еще неизвестного закона природы, соприкасается с иным временем, очень отдаленным от нас. Или это может быть таким местом во временном континууме, которое имеет наименьшее сопротивление при путешествии сквозь него, поэтому этим местом часто пользуются. Или это одна из "проторенных дорог" во времени, в результате чего она стала "наезженной", то есть преграда между разными временами стала легко преодолимой.

Такое предположение могло объяснить странную атмосферу места, этого звенящего чувства ожидания.

Читатель должен, конечно, принять во внимание, что я очень и очень пожилой человек, и давно уже перешел за обычный для человеческой жизни предел. И хотя мне самому так не кажется, может оказаться, что мой разум уже не является достаточно острым и способным к аналитической работе, как когда-то было, а я сам становлюсь человеком, склонным к необычным фантазиям.

Единственное доказательство, если это можно назвать доказательством, которое у меня есть, чтобы подкрепить мою теорию - это встреченный мною человек. Он несомненно принадлежал к цивилизации, стоящей неизмеримо выше нашей. Для того, кто читает мой рассказ, должно быть очевидно, что, разговаривая со мной, он использовал меня в своих целях, он направлял разговор

в нужном ему направлении так же легко, как это мог сделать мой современник, общаясь с древним греком или с современником Атиллы. Я уверен, что он был человеком, хорошо владеющим искусством разговора и разбирающимся в психологии. Оглядываясь на прошедшее, я полагаю, что он, безусловно, стоял по своему развитию далеко впереди меня. И пишу это не только для того, чтобы данные, которыми я располагаю, и мои предположения, которые я опасаюсь передавать кому-либо во время моей жизни, не были полностью утеряны, но также и для того, чтобы они дошли до времени, когда более высокие знания, чем те, которыми мы располагаем сейчас, будут способны хоть как-то объяснить все эти факты. И я надеюсь, что человек, который будет читать эти записи, не будет смеяться надо мной после моей смерти. И я боюсь, что если надо мной посмеются, я, даже мертвый, почувствую это. Это и есть слабое место нас, Саттонов. Мы не переносим, когда над нами смеются. На тот случай, если кто-нибудь подумает, что я ненормальный, я вкладываю сюда свидетельство врача, написанное всего три дня назад, оно утверждает, что в результате осмотра врач нашел меня в полном здравии души и тела.

Но рассказ мой еще не полностью закончен. Ряд дополнительных сведений об этих событиях должен был быть включен в предыдущую часть моих записей, но я просто не нашел места, куда бы они могли достаточно органично войти.

Они касаются одного странного случая, когда была украдена одежда, и когда появился Вильям Джонс. Одежда была украдена несколько дней спустя после происшествия на пустоши. Марта закончила стирку в тот день еще до наступления жаркого полдня, развесив белье на веревке. Придя за высохшим бельем, она обнаружила пропажу: мой старый комбинезон, рубашка Роланда и чья-то пара носков исчезли.

Эта кража произвела у всех нас переполох, ибо такое не часто случается. Мы перебрали всех своих соседей с чувством некоторого смущения, хотя мы и говорили осторожно, и нас никто не мог слышать, но сама мысль об этом по отношению к ним была несправедливой.

Мы вспоминали об этом в течение нескольких дней и, в конце концов, сошлись на том, что кража была делом рук какого-то бродяги, хотя это объяснение было мало правдоподобным,

пескольку мы живем вдали от дорог и бродяги почти не появляются в наших краях, а в этом году особенно. Этот год был годом экономического процветания, и бродяг, искающих работу, было крайне мало.

Прошло примерно две недели со дня кражи, когда в нашем доме появился Вильям Джонс и спросил, не нужна ли помощь в уборке урожая? Мы с радостью приняли его, поскольку рабочих рук не хватало, зарплата, которую он просил, была меньше обычной... Мы взяли его только на сезон уборки урожая, но он оказался таким хорошим работником, что остался у нас еще на несколько лет. И сейчас, когда я пишу эти строки, он все еще живет у нас, а в это время находится во дворе в сарае, где осматривает споловязалку.

Есть что-то странное в Вильяме Джонсе. В нашей местности человек очень скоро получает прозвище или его зовут уменьшительным именем от его собственного. Но Вильям Джонс всегда оставался Вильямом. Его никогда не называли Вилл или Уилли, не называли кличками: Спайк или Бад, или Кид. В нем есть какое-то спокойное достоинство, которое заставляет других людей относиться к нему с уважением, а его любовь к работе, спокойный и разумный подход ко всякому делу завоевали для него в нашем кругу место, значительно более высокое, чем обычно занимает простой человек или простой рабочий.

Он совершенно не пьет. Это очень хорошее качество, за которое я его уважаю, хотя было время, когда я думал, что это не совсем так. Когда он пришел к нам, его голова была перевязана бинтом, и он объяснил нам с некоторым смущением, что его избили в драке в каком-то баре там, за рекой, в округе Кроуфорд.

Я не знаю, когда я стал думать о Вильяме Джонсе. Конечно, сначала я принял его за того, кем он хотел казаться, то есть за человека, который ищет работу. Если у него и было какое-то сходство с тем человеком, которого я встретил на пастбище, то сначала я этого не заметил. А сейчас, когда я обратил на это внимание, уже значительно позднее, то задумываюсь - не играет ли со мной шутки мой разум, не поддалось ли мое воображение тем теориям путешествий во времени, и я начинаю видеть загадочные вещи чуть ли не за каждым деревом.

Но это убеждение все росло во мне на протяжении этих лет, когда я был связан с ним. Это подтверждает также то, что он хотя

и старается держать себя соответственно своему месту среди нас и пользоваться языком, не отличающимся от нашего, все равно случается, что в его словах чувствуется образованность, причем высокая, понимание, которого нельзя ожидать от сельскохозяйственного рабочего на ферме, получающего семьдесят пять долларов в месяц плюс питание.

Кроме того, в нем есть какая-то естественная скромность... осторожность человека, который старается приспособиться к обществу, не являющемуся его собственным.

И теперь насчет этого дела с одеждой... Думая о том, что произошло тогда, я не могу быть уверен, что комбинезон, в котором он был одет, именно тот, украденный, поскольку все комбинезоны внешне похожи. И рубашка выглядела именно такой, как украденная, хотя я убеждал себя, что нет ничего удивительного в том, что два человека носят одинаковые рубашки. Он был бос. что в то время было немного странно; но он объяснил, что у него кончились деньги, и я одолжил ему небольшую сумму для покупки ботинок и носков. Но оказалось, что в кармане у него была пара носков.

Некоторое время назад я решил откровенно поговорить с ним, но не смог набраться смелости. И зная, что он относится ко мне также уважительно, я никогда не решусь испортить наши отношения вопросом, который может заставить его уйти с фермы.

Есть еще одно, что отличает Вильяма Джонса от других наемных рабочих. На первые же заработанные деньги он купил себе пишущую машинку и в течение первых двух или трех лет, что он жил у нас, вечерами долгие часы что-то печатал на ней в своей комнате. При этом он вставал и расхаживал по комнате, как человек, что-то обдумывающий. Однажды ранним утром, еще до того, как все пробудились, он собрал большую кипу бумаг, очевидно, конечный результат его работы, и сжег ее. Я следил за ним из окна своей спальни и видел, что он оставался там, пока последний лист бумаги не превратился в пепел. Затем он повернулся и медленно побрел к дому.

Я никогда в разговоре с ним не упоминал об этом случае, так как чувствовал, что он не хотел, чтобы кто-нибудь знал об этом.

Так я могу продолжать на протяжении многих страниц и рассказывать еще о многих других, может быть, малозначитель-

ных и не имеющих системы единичных случаях, но о которых я в последнее время постоянно думаю. Это ничего не прибавит к тому, что я здесь рассказал, и даже наоборот, приведет к тому, что читатель подумает, что я немного свихнулся. Тому, кто читает это, я хотел бы сделать еще одно заявление. Хотя моя теория, мое объяснение этих событий, может быть неправильной, я хочу, чтобы читающий поверил мне: все это было правдой. Я действительно видел эту машину на пустоши, я действительно разговаривал с этим необыкновенным человеком, я действительно нашел гаечный ключ, на котором была кровь, одежда была украдена с бельевой веревки, а человек по имени Вильям Джонс сейчас наливает воду из ведра у колодца, поскольку день стоит сегодня очень жаркий.

Искренне ваш Джон К. Саттон."

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Саттон сложил письмо, и шуршание старой бумаги неестественно громко прозвучало в тишине комнаты. Затем он что-то вспомнил и снова развернул стопку листов и нашел среди них эту вещь. Бумага была желтой, старой и не такого хорошего качества, как та, на которой было написано письмо. На ней чернилами был написан ряд строчек, чернила выщели так, что едва можно было прочесть. Дата была неясной, кроме последней цифры 7. Саттон с трудом разобрал, что там написано:

"Джон К. Саттон был сегодня осмотрен мной,
и я нашел его здоровым. Он вполне здоров как
умственно, так и физически".

Подпись была неразборчива, впрочем, она, вероятно, была неразборчивой и тогда, когда едва успели высохнуть чернила, но две буквы в самом конце были ясно видны, Это были буквы "Д" и "М" (Доктор Медицины).

Саттон, глядя в пустоту комнаты, представил себе сцену, которая происходила в тот дальний, дальний день...

- Доктор, я намерен написать свое завещание. Не могли бы вы... Джон К. Саттон, конечно, не мог сказать доктору действительную причину того, зачем ему понадобился этот документ.

Саттон мог легко представить себе автора письма. Человек с медленной походкой, делающий все, только предварительно хорошо обдумав. Это обдумывание занимало у него много времени. И еще он верил в те жизненные принципы, которые уже в то время были для большинства людей устаревшими, а теперь совершенно забылись в течение прошедших столетий.

Было очень вероятно, что для своих родных он был выживавшим из ума семейным деспотом. Возможно, он был объектом насмешек своих соседей, которые издевались над ним за его спиной. Этому человеку недоставало чувства юмора, и он с недоумением поднимал брови, сталкиваясь с различными тонкостями этики и этикета.

Он получил образование в области права, и интеллект его сформировался под действием данных факторов - что отчетливо было видно из этих записей. Его склад ума проявлялся в пристрастии к деталям, медлительности мышления, обстоятельность проис текала от близости к земле, преклонный возраст проявлялся в категоричности суждений. Не было никаких сомнений в том, что это был человек искренний. Он верил, что действительно видел эту странную машину и действительно разговаривал с этим необычным человеком, и подобрал с земли гаечный ключ, на котором была...

Ключ!

Саттон резко поднялся в постели.

Ключ был в сундуке. Он, Ашер Саттон, держал его в руках и бросил на кучу старых бумаг вместе с обглоданной костью и тетрадками, оставшимися со времени обучения в колледже.

Рука Саттона дрожала, когда он клал письмо обратно в конверт.

Его внимание сначала привлекла марка на нем, которая сейчас стоила бы бог знает сколько тысяч долларов... затем само загадочное письмо и вот теперь этот ключ. Он все объяснял.

Ключ означал, что действительно существовала эта загадочная машина и еще более странный человек... человек, который достаточно разбирался в искусстве ведения разговора и в психологии, чтобы произвести сильное впечатление на престарелого и самоуглубленного Джона К. Саттона. Он обладал достаточно быстрой реакцией, чтобы направлять разговор с этим фермером,

встреченным им во время прогулки, и удержать его от тех вопросов, которые тому очень хотелось задать.

- Кто вы? Откуда вы прибыли? Что это за машина? Я никогда раньше не видел такой. Как она работает? На все эти вопросы было бы не легко ответить, будь они заданы.

Но они так и не были заданы.

Джон К. Саттон оставил последнее слово за собой. Это всегда было в его манере.

Ашер Саттон весело рассмеялся, думая об этом его качестве, и представляя, к чему это в конце концов привело. Старина был бы доволен, зная он об этом... Конечно, кое в чем был и явный просчет. Письмо было утеряно, отправлено не туда, куда следует, и, наконец, каким-то совершенно невероятным образом попало в руки представителя рода Саттонов, но только через шесть тысяч лет.

И, вероятно, так было лучше для Саттона, потому что эти записки не были бы правильно оценены в свое время.

Люди, которые путешествовали во времени, и чьи машины выходили иногда из-под контроля, что приводило, так сказать, к "вынужденным посадкам во времени" на пастбищах для коров, были... И были другие люди, которые сражались во времени, и чьи горящие корабли падали в болото...

"Бой произошел в 83-ем," - именно так сказал умирающий юноша. Не битва при Ватерлоо, не сражение на орбите Марса - просто в "83-ем".

Был человек, который перед смертью произнес имя и, приподнявшись, сделал какой-то странный знак сложенными пальцами.

"Итак - я известен, - подумал Саттон. - В 83-ем и позднее, как следует из его слов, то есть в его время, три столетия спустя."

Он сперва потянулся к своему пиджаку и вытащил письмо вместе с книгой из кармана, затем встал с постели и начал одеваться.

Ему пришло в голову, что нужно кое-что сделать. Прингл и Кейс прибыли на астероид на каком-то космическом корабле, и, пока они здесь, его нужно найти.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Дом казался покинутым. Большой и пустой, он вызывал ощущение одиночества у Саттона, который, казалось бы, должен уже привыкнуть к этому чувству. Но он содрогнулся, лишь эта пустота коснулась его. Он стоял некоторое время в дверях комнаты, прислушиваясь к еле слышным звукам, случайным шорохам и скрипам, как будто дом слегка вздыхал. Они походили на звуки, которые издают бревна, охваченные морозом, на звуки прикосновения ветра к оконному стеклу. Другие шумы не были ни на что похожи, но это были почти живые голоса того, что не было живым.

Ковровое покрытие пола приглушало шаги, когда он спускался вниз по лестнице, придерживаясь рукой за перила. Потом он достиг холла, немного постоял, привыкая к затаившейся темноте. Постепенно предметы, похожие на контуры чудищ, приобретали привычный образ стульев, диванов, стола, шкафа, - на одном из стульев сидел человек. Словно почувствовав, что Саттон увидел его, человек пошевелился и повернул к вошедшему свое лицо. Было слишком темно, но Саттон знал, что это был Кейс. Тогда же он подумал, что храпевший в комнате человек был Прингл, но он понимал, что для него безразлично, кто из них поджидает его.

- Итак, мистер Саттон, - медленно сказал Кейс, - вы решили пойти посмотреть, где находится наш корабль?

- Да, - ответил Саттон, - именно это я и хотел сделать.

- Чудесно, - усмехнулся Кейс, - больше всего люблю, когда человек говорит то, что думает. - Он вздохнул. - Приходится встречать так много скрытных людей, людей, лгущих вам или говорящих полуправду. И притом, считая себя умнее вас, думающих, что вы им верите.

Он поднялся со стула, высокий, прямой и очень строгий.

- Мистер Саттон, - заявил он. - Вы мне очень нравитесь.

Саттон чуть было не рассмеялся над абсурдностью ситуации, но в голосе Кейса была холодность и жестокость, которая давала понять, что здесь не до смеха.

На лестнице за его спиной послышались приглушенные шаги, и голос Прингла тихо прозвучал в комнате.

- Итак, он решил попробовать.

- Как видишь, - ответил Кейс.

- Я говорил тебе, что он попытается, - проговорил Прингл почти с торжеством. - Я говорил тебе, что он все это уже продумал.

Саттон проглотил комок, подступивший к горлу... и на смену пришла злость, злость на то, что они говорили о нем так, будто его здесь не было.

- Бьюсь, - обратился Кейс к Саттону, - что мы вас слишком беспокоим. Мы очень нетактичные люди, а вы - человек чувствительный. Но давайте забудем обо всем этом. Я полагаю, что вы хотели что-то сделать с нашим кораблем?

Саттон пожал плечами.

- Теперь ваш ход, - сказал он.

- Но вы нас неправильно поняли, - возразил Кейс. - Мы ничуть не возражаем. Пожалуйста, идите и делайте, что хотите.

- Вы имеете в виду, что я не смогу найти корабль?

- Мы имеем в виду, что вы сможете найти корабль. Мы не пытались его прятать, можем даже показать вам дорогу. Мы даже пойдем вместе с вами, и тогда это займет у вас гораздо меньше времени.

Саттон почувствовал, как между лопatkами у него бежит холодная струйка пота, а лоб покрылся испариной.

"Это открыто расставленная мне ловушка, ловушка, без всякой приманки. И я вошел в нее, даже не заметив," - подумал Саттон.

Но теперь было уже слишком поздно. Возможности повернуть назад не осталось. Он попытался придать своему голосу безразличие.

- О'кей, - сказал он, - я буду играть по вашим правилам.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Корабль был реальной вещью - необычной, но вполне реальной. Но это было единственным реальным: все остальное, что

окружало его, было чем-то феерическим, как будто это был сон. И в любой момент он мог проснуться.

- Та карта вон там, - сказал Прингл. - Она вас озадачила, вне всякого сомнения. И это не удивительно, поскольку эта карта времени.

Он рассмеялся и потер затылок своей большой ладонью.

- По правде говоря, я и сам не вполне понимаю эту штуку, но Кейс разбирается во всем. Кейс - человек военный, а я только специалист по пропаганде, а пропагандист не обязан знать то, о чем он говорит, если говорит об этом достаточно убедительно. Только военный человек должен это знать. Может случиться так, что он окажется за восьмым шаром и его жизнь будет зависеть от того, знает он или нет.

"Вот оно, - подумал Саттон. - Вот то, что меня беспокоило, вот ключ к той разгадке, которая все время от меня ускользала, и это же все объяснило в отношении Кейса. Именно это беспокоило меня, когда я пытался догадаться, что представляет из себя Кейс, и почему он оказался здесь, на астероиде... Вот оно что - военный человек."

"Я должен был догадаться, - продолжал думать Саттон, - но я мыслил в категориях настоящего, а не будущего или прошлого. В сегодняшнем мире нет военных как таковых, но они были в прошлом и, возможно, появятся в тех веках, которые еще будут".

Он обернулся к Кейсу.

- Война, которая ведется в четырех измерениях, наверное, довольно-таки сложная штука.

Он сказал так не только потому, что его интересовала данная тема, но в основном от того, что, как он предчувствовал, была его очередь сказать что-нибудь. Нужно было поддержать этот разговор, напоминающий беседу за чаепитием у Сумасшедшего Зайца.

"Да, - сказал он себе, - именно так это и выглядит... Совершенно абсурдная ситуация. Психопатическая прелюдия к чему-то, что, конечно, имеет какой-то смысл, но совершенно непонятный в настоящий момент."

- Пришло время, - пошутил Прингл, - поговорить о различных вещах. О башмаках, кораблях, сургуче, капусте и королях...

Кейс улыбался, губы его при этом растягивались в тонкую щель: точная, жестокая, военная улыбка.

- Прежде всего, - произнес он, - речь идет о картах, об очень специализированном знании и об интуиции. Если вы догадываетесь, где находится противник и что он делает, вы ударяете первым.

Саттон пожал плечами.

- По сути дела, - усмехнулся он, - этот принцип действовал всегда. Ударить первым...

- Да, - согласился Прингл, - но сейчас у противника куда больше возможностей в выборе места и способа действовать.

- Приходится работать с графическими изображениями мысли, с картами отношений и с историческими знаниями, - проговорил Кейс так, как будто его никто не прерывал. - Нужно изучить некоторые события, которые произошли в прошлом, а затем вы направляетесь туда и стараетесь изменить эти события... чуть-чуть, не понимаете? Никогда нельзя изменять слишком сильно. Как раз настолько, чтобы окончательный результат был немного другим, менее благоприятным для противника. Небольшое изменение здесь, небольшое изменение там - и победа за вами, на вашей стороне.

- Это может свести с ума, - доверительно сообщил Прингл, - поскольку здесь нужно быть совершенно, абсолютно уверенными. Вы выбираете какое-то достаточно перспективное историческое событие и изучаете его до мельчайших деталей. Затем вы находите основной ключевой пункт, в который нужно внести изменение, отправляетесь в прошлое и совершаете это изменение...

- А затем, увы, - сказал Кейс, - всегда получается так, что вас что-нибудь подводит.

- Потому что, понимаете ли, - продолжал Прингл, - или историк дал неправильную оценку события, или часть материала, которым он пользовался, не была правдой, или же его метод был просто неудачным...

- Где-то в своих исследованиях, - пояснил Кейс, - он допустил просчет.

- Вот именно, - с готовностью подтвердил Прингл, - он допустил просчет, и сразу после того, лишь вы произвели изменение, конечный результат оказывается более благоприятным для вашего противника, чем для вас.

- А теперь, - сказал Саттон, - мистер Бон, можете ли вы объяснить мне, почему цыпленок бежит через дорогу.

- Джистер, Кинтер Лохьютер, - ответил Прингл, - потому что он хочет перейти на другую сторону.

"Мы в точности, как Матт и Джер," - подумал Саттон, и сцена из мультифильма о сумасшедшем коте предстала перед его глазами.*

Но Прингл был весьма неглуп и к тому же специализировался на пропаганде. Он хорошо изучил все тонкости искусства разговора. Он даже знал психологию героев старых детских сказок. Прингл слишком много знал о человеческой расе, поскольку эти знания могут оказаться полезными в его путешествиях во времени.

Человек высадился на пустоши шесть тысяч лет назад. Джон К. Саттон, эсквайр, в это время спускался по холму, опираясь на палку, - конечно, он всегда прогуливался с палкой, вырезанной обязательно из вереска собственным перочинным ножом; и этот человек применил с ним те же методы, какие сейчас Прингл применяет в разговоре с ним, его отдаленным потомком.

"Продолжай, - усмехнулся про себя Саттон, - говори хоть до хрипоты. Поскольку я тебе нужен, а в этом я уверен, может быть, мы скоро поговорим и о деле."

Как будто прочитав его мысли, Кейс сказал Принглу:

- Джек, это не срабатывает.

- Пожалуй, да, - согласился Прингл.

- Давайте сядем, - предложил Кейс.

Саттон почувствовал облегчение.

"Сейчас, - подумал он, - я узнаю, чего они хотят, и, возможно, получу ключ к пониманию происходящего."

Он сел в кресло, с которого мог видеть переднюю часть кабины корабля, в довольно ограниченном пространстве которой все было размещено с наибольшей целесообразностью. Панель с приборами находилась перед креслом пилота, но не было никаких рычагов управления. Ряд кнопок, одна или две ручки, всего несколько тумблеров, управляющих, быть может, освещением

* Упоминаются герои мультипликационных фильмов Уолта Диснея

кабины или входными люками, или чем-то подобным. И это все, что там было. Целесообразно и просто. Ничего лишнего. Минимальное количество вещей, нужных для манипулирования вручную.

"Этот корабль, - предположил Саттон, - может летать без помощи человека, по крайней мере, без его вмешательства."

Кейс опустился в кресло, положив ноги одну на другую, почти лежа. Прингл присел на самый краешек стула, наклоняясь вперед и потирая свои волосатые руки.

- Саттон, - начал Кейс, - чего вы хотите?

- Прежде всего, - ответил Саттон, - меня интересует, что все-таки с этим путешествием во времени...

- Разве вы не знаете? - удивился Кейс. - Ведь его открыл человек вашего времени, который и сейчас живет, в данный момент...

- Кейс, - перебил его Прингл, - сейчас 7990 год, и Майклсон действительно очень мало сделал к этому времени и был неизвестен вплоть до 8003-го года.

Кейс хлопнул себя по лбу.

- А, вот о чем идет речь. Я все время забываю об этом.

- Вот видите, - обратился Прингл к Саттону, - конечно, вы понимаете, что я имею в виду...

Саттон кивнул головой, хотя даже не представлял себе, что Прингл имел в виду.

- Но как? - спросил Саттон.

- Это все сводится к мыслительной деятельности человека, - ответил Прингл.

- Конечно, - добавил Кейс, если вы перестанете думать о чем-то, то, следовательно, уже знаете, что это такое.

- Время представляет собой концепцию разума, - невозмутимо продолжал Прингл. - Субстанцию времени искали повсюду, пока не обнаружили, что она является принадлежностью человеческого разума. Думали, что это и есть четвертое измерение. Вы помните Эйнштейна?

- Эйнштейн не утверждал, что это четвертое измерение, - возразил Кейс. - Оно не является измерением в том смысле слова, как вы думаете о длине, ширине или высоте. Он думал о времени, как о продолжительности...

- А это "четвертое измерение", - вновь продолжал Прингл.

- Нет, это не так, - возмутился Кейс.

- Джентльмены, - прервал их Саттон, - Джентльмены!

- Во всяком случае, - сказал Кейс, - этот самый Майкельсон из вашего времени догадался, что время представляет собой концепцию разума, существует только в человеческом разуме и не имеет никаких физических свойств, кроме человеческой способности понимать его. Он обнаружил, что человек, у которого достаточно сильное чувство времени...

- Есть люди, вы знаете, - перебил Прингл, - с обостренным чувством времени. Они могут сказать, что прошло десять минут с какого-то момента и окажутся правы, более того, они могут контролировать даже секунды с точностью лучших хронометров.

- Итак, Майкельсон построил искусственный "мозг времени", - сообщил Кейс, - мозг, у которого чувство времени было увеличено в миллион раз, и обнаружил, что такой мозг может управлять временем в определенных пределах. И он мог двигаться сквозь время и проносить сквозь время любые предметы, которые попадают в сферу его деятельности.

- Это как раз то, что мы используем сейчас, - добавил Прингл, - мозг времени. Вам просто нужно нажать необходимую кнопку, которая сообщит этому мозгу, куда вы хотите направиться... или точнее, куда вы желаете отбыть, а он сделает все остальное.

- Просто, не правда ли? - он посмотрел на Саттона.

- Вне всякого сомнения, очень просто, - согласился тот.

- А теперь, мистер Саттон, - сказал Кейс, - чего вы еще хотели бы узнать?

- Ничего, - ответил Саттон, - совершенно ничего.

- Но это глупо с вашей стороны, - настойчиво возразил Прингл. - Должно быть что-то такое, чего вы хотите...

- Может быть, некоторую информацию, - уточнил Кейс.

- Информацию о чем? - удивился Саттон.

- О том, что вообще происходит, - терпеливо объяснял Прингл.

- Вы собираетесь написать книгу? - прямо спросил Кейс.

- Да, - ответил Саттон, - я намереваюсь писать книгу.

- И вы хотите продать ее?

- Я хочу, чтобы ее опубликовали.

- Книга, - сказал Кейс, - является предметом продажи. Это продукт работы ума и затрата физической энергии. Она имеет реальную ценность.

- Согласен с вами, - сказал Саттон, - и полагаю, что вы заинтересованы ее покупкой.

- Мы являемся издателями, - объяснил Кейс, - которые ищут книгу для опубликования.

- Бестселлер, - добавил Прингл.

Кейс расцепил ноги и сел прямо.

- Все очень просто, - сказал он, - деловое соглашение. Мы хотим, чтобы вы предложили свою цену.

- Можете сильно завысить ее, - предложил Прингл. - Мы готовы заплатить.

- Мне не приходит в голову никакой цены, - признался Саттон

- Мы обсуждали этот вопрос, - кивнул Кейс, - в предварительном порядке, думая о том, сколько вы можете запросить и сколько мы сможем заплатить. Мы думаем, что вы не против иметь планету в качестве своей собственности.

- Мы могли бы дать вам целую дюжину планет, - снова вмешался Прингл, - но это бессмысленно. Что человек может сделать с дюжиной планет?

- Он мог бы, например, сдавать их в аренду, - ответил Саттон.

- Вы имеете в виду, - спросил Кейс, - что были бы заинтересованы в том, чтобы иметь дюжину планет?

- Нет, я не это имел в виду, - ответил Саттон. - Просто Прингл спросил, что можно делать с дюжиной планет, и я ему ответил. Я сказал...

Прингл так наклонился со своего кресла, что чуть не упал.

- Послушайте, мы говорим не о планете, которая находится где-то на задворках Вселенной. Мы предлагаем планету, которая уже обработана, ландшафт которой приведен в порядок, на которой нет никаких неприятных или вредных форм жизни, с очень приятным климатом, с дружелюбными аборигенами и со всем необходимым для жизни...

- И кроме того, мы предлагаем вам деньги, - прервал его Кейс, - чтобы ваша планета ни в чем не нуждалась до конца ваших дней.

- Она находится в самом центре Галактики, - не умолкал Прингл, - это такой адрес, который составит вам честь. Вам не придется стыдиться его...

- Меня это не интересует, - кратко ответил Саттон.

У Кейса кончилось терпение.

- Боже мой, чего же вы хотите?

- Мне нужна информация.

- Хорошо, - вздохнул Кейс, - мы дадим вам информацию.

- Почему вы хотите купить именно мою книгу? - Саттон нахмурился.

- Существует три группы лиц, заинтересованных в вашей книге, - объяснил Кейс. - Одна из них хочет убить вас, чтобы помешать ее публикации. И, что особенно важно, они могут сделать это, если вы не присоединитесь к нам.

- А вторая группа?

- Третья, - уточнил Кейс.

- Да, третья.

- Они хотят, чтобы вы написали книгу, но ничего не заплатят вам за это. Они сделают все, что в их силах, чтобы облегчить написание этой книги и даже защититься от тех, кто хочет вас убить. Но они не предложат вам ничего.

- Если я приму ваше предложение, - усмехнулся Саттон, - то я полагаю, вы тоже поможете мне написать книгу. Я имею в виду редактирование и всякие подобные вещи.

- Естественно, - согласился Кейс, - мы заинтересованы в этом и потому сделаем все **наилучшим** образом.

- В конце концов, - заметил Прингл, - наша заинтересованность в этом деле не меньше, чем ваша.

- Я очень сожалею, - сказал Саттон, - но моя книга не продается.

- Мы можем еще надбавить, - предложил Прингл.

- И все же она не продается.

- Это ваше последнее слово? - Кейс заглянул в глаза Саттона, - Вы хорошо все обдумали?

Саттон утвердительно кивнул.

Кейс вздохнул: то ли с облегчением, то ли с сожалением.

- Тогда, - сказал он, - я полагаю, мы должны вас убить.

И он вытащил из своего кармана пистолет.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Психометр продолжал работать, то ускоряя, то замедляя темп. Иногда он издавал звук, подобный хрипению расстроенных механизмов часов. Это был единственный звук в комнате, и Адамсу показалось, что он слышит биение сердца или дыхание спящего человека, или пульсацию крови в сонной артерии.

Он с гримасой отвращения посмотрел на кучу бумаг, которую минуту назад рассерженно сбросил со стола движением руки, поскольку в них ничего не было. Абсолютно ничего. Личные дела его сотрудников, - каждое из них безупречно и тщательно проверено. Свидетельство о рождении, свидетельство о прохождении обучения, рекомендательные письма, проверка на лояльность, психологические тесты - все данные, которые должны быть. Ни одного изъяна.

В этом и была вся загвоздка... Ни в одном личном деле, ни у одного человека из персонала службы не было ни одного недостатка. Не было ничего, за что можно было бы ухватиться, что могло бы вызвать подозрение. Все было чистым и белым, как непорочная лилия.

И все же кто-то из них похитил дело Саттона. Кто-то из них сообщил Саттону о ловушке, действовал так, чтобы спасти Саттона.

- Шпионы, - проговорил Адамс и ударил кулаком по столу с такой силой, что больно ушиб костяшки пальцев.

Только их человек мог взять досье Саттона. Только их человек мог знать о решении уничтожить Саттона и о трех людях, которым было поручено выполнить это задание.

Адамс мрачно усмехнулся. Психометр как бы смеялся над ним.

"Крак", - безжалостно продолжал он, - "клик, клик-крак".

Это звучало сердце Саттона, его дыхание... Это была жизнь Саттона, где-то продолжающаяся. До тех пор, пока Саттон жив, независимо от того, где он был и что он делал, психометр всегда будет издавать эти звуки: "Крак, крак, крак".

Где-то в районе пояса астероидов, указывал психометр. Это было очень неточное указание, но уже другие корабли, оснащен-

ные другими психометрами, участвовали в операции с целью уточнения его местонахождения. Рано или поздно... через часы, или дни, или недели, но Саттона найдут.

"Крак..."

- Война, - вспомнил он человека в маске.

И спустя какие-то часы корабль, издавая свистящие звуки, прорезал небосклон над холмами, подобно светящейся комете, и упал в болото. Корабль, каких еще не было, внутри которого находилось оплавленное оружие, не похожее ни на что, пока известное человеку. Корабль, чей грохот разбудил спящих жителей в радиусе многих миль. Его раскаленный металл сверкал в небе подобно маяку.

Корабль и тело, и след, который оставил человек на протяжении трехсот ярдов в болоте. Следы одного человека и слабые следы других ног, проходящие через болото. И тот, кто тащил на себе другого мертвого человека, был Ашер Саттон, поскольку его, Саттона, отпечатки пальцев были обнаружены на одежде человека, лежащего у края болота.

"Саттон, - думал Адамс, - всегда этот Саттон. Имя Саттона на обложке книги на Альдебаране XII, отпечатки пальцев Саттона на одежде мертвеца. Человек в маске сказал, что никакого инцидента на Альдебаране никогда не произошло бы, если бы не Саттон. И Саттон убил Бентона пулей в руку..."

Доктор Рэйвен сидел напротив него и рассказывал о том дне, когда Саттон пришел к нему в университет.

- Он нашел судьбу, - сказал доктор Рэйвен, - и сказал это очень просто, как о чем-то обыденном, словно можно было ожидать, что это рано или поздно произойдет... Нет, это не религия, - продолжал доктор Рэйвен, и послеполуденное солнце сверкало на его белых как снег волосах. - Нет, нет, - это явно не религия, это судьба, разве вы не понимаете?

- Судьба. Имя существительное. Судьба - как предопределенный ход событий, часто понимаемый как необоримая сила...

- Это правильное определение, - подтвердил доктор Рэйвен, словно обращаясь к лекционному залу, - которое может быть несколько изменено, когда Ашер Саттон допишет книгу.

- Но как Саттон мог найти судьбу? Судьба - это идея, абстракция.

- Вы забываете, - мягко напомнил ему доктор, как будто говоря с ребенком, - ту часть определения, где говорится о неизбежной силе. Это как раз то, что он и нашел. Силу.

- Саттон рассказал мне о тех существах, которых он обнаружил на 61 Лебедя, - сообщил Адамс. - Он не нашел способа описать их более понятным образом. Он сказал, что для них больше всего подходит определение "симбиотические абстракции".

Доктор Рэйвен кивнул головой и весь обратился во внимание. Он подумал, что определение "симбиотические абстракции" выражают именно то, что нужно, хотя и трудно решить, что же это такое и на что это похоже.

Информационный робот заговорил техническими терминами, когда Адамс задал ему этот вопрос.

- Симбиоз? - ответил он, - но, сэр, симбиоз - это очень просто. Это взаимовыгодное сотрудничество двух организмов различных видов, обоюдоблагоприятное, - вы понимаете, сэр? Вот что очень важно - фактор, касающийся взаимной выгоды. Когда это сотрудничество благоприятно не только для одного, но именно для обоих.

Но сотрудничество - это и что-то другое, - продолжал робот.

- В этом случае тоже присутствует взаимная выгода, сэр, но отношения внешние, а не внутренние. А также и паразитизм, если уж на то пошло, - в этом случае только одна сторона получает выгода. Хозяин не получает выгода, ее получает только паразит.

Это, может быть, звучит несколько запутанно, сэр, но...

- Расскажите мне, - попросил Адамс, - относительно симбиоза. Все остальное для меня не важно.

- В действительности, - пояснил робот, - это очень простая вещь. Взять, например, мох. Вы знаете, конечно, что он существует с некоторыми видами грибков.

- Нет, - раздраженно ответил Адамс, - я не знал.

- Это действительно так, - подтвердил робот. - Грибок растет внутри мха: внутри корней, веточек и даже внутри семян. И если бы не было этих грибков, то мхи не могли бы произрастать на такой бедной почве, в которой они живут. Никакое другое растение не может расти на такой почве потому, что, как вы понимаете, сэр, никакое другое растение просто не существует с грибком. Мхи предоставляют грибкам место для жизни, а гриб-

ки дают им возможность произрастать на чрезвычайно скудной почве.

- Я бы не назвал это очень простым, - возразил ему Адамс.

- Ну, - невозмутимо ответил ему робот, - есть и другие примеры, конечно. Некоторые ползучие растения представляют собой сочетание организмов типа водорослевых и грибковых. Другими словами, эти растения представляют собой два различных вида организмов.

- Удивительно, - сказал Адамс сердито, - как ты не растаешь от счастья, что так хорошо знаешь все это..

- Кроме того, существует еще такие животные, они имеют зеленую окраску, - продолжал робот.

-- Лягушки, - попытался уточнить Адамс.

- Нет, не лягушки, некоторые простейшие животные. Это организмы, которые живут в воде, понимаете? Они вступают в симбиоз с некоторыми водорослями. Животные пользуются тем кислородом, который они получают от растений, а растения усваивают углекислый газ, выделяемый животными. А есть еще черви, внутри которых в симбиотическом состоянии живет водоросль, она помогает ему в процессе пищеварения. Этот симбиоз действует очень успешно, за исключением тех случаев, когда червь переваривает и саму водоросль. И даже это становится возможно лишь в результате присутствия этой водоросли, с помощью ее самой.

- Все это очень интересно, - сказал Адамс роботу. - А теперь скажи мне, что представляет собой симбиотическая абстракция?

- Нет, - признался робот, - этого объяснить я не могу.

И доктор Рэйвен, сидевший за столом в кабинете Адамса, сказал то же самое:

- Довольно трудно представить себе, что такое симбиотическая абстракция, чем это может быть.

В ответ на все дальнейшие настойчивые вопросы он еще раз повторил:

- Нет, это не новая религия, которую открыл Саттон. Бог мой, нет, это не религия.

А доктор Рэйвен, как это знал Адамс, был тем человеком, который знает, что говорит. И он был одним из лучших специалистов в области религии во всей Галактике.

- Эта идея должна быть совершенно новой, - еще раз повторил доктор, - да, совершенно и абсолютно новой идеей.

"А новые идеи могут быть очень опасными," - подумал Адамс. - Ведь людей в Галактике не так уж много. Достаточно одного изреченного слова, одной случайной мысли для того, чтобы вызвать к жизни такие события, как восстания, войны и тому подобное, вызвать к жизни насилие, в результате которого человек снова будет отброшен в пределы Солнечной Системы, к тому небольшому количеству планет, что там сосредоточены, и снова окажется запертым там словно в клетке - как это было когда-то.

Рисковать нельзя. Нельзя играть с чем-то таким, что невозможно понять. Лучше уж пусть погибнет один человек, чем вся человеческая раса потеряет власть над Галактикой. Пусть уж лучше одна идея, какой бы великой она не была, будет вычеркнута, чем все те огромные, многообразные идеи, которые представляют сейчас человечество, будут сметены и изгнаны из миллионов звездных систем.

Вероятность первая: Саттон не был человеком.

Вероятность вторая: он не рассказал всего того, что знал.

Вероятность третья: у него была рукопись, которую невозможно было разобрать.

Вероятность четвертая: он хотел писать книгу.

И пятая: у него была новая идея.

Вывод: Саттон должен быть убит.

"Крак, крак, крак, тики, тики, тики".

- Война, - сказал человек в маске, - война во времени. Она будет развиваться не повсюду, а только там, где человек рассеется по Галактике. Это будет шахматная партия в трех измерениях с миллионами миллионов клеток и миллионами фигур. Причем правила будут меняться с каждым ходом.

Необходимо будет обращаться к прошлому, чтобы побеждать в битвах. Придется наносить удары в определенных пунктах и моментах пространства и времени, причем в таких пунктах и моментах, где даже не будут знать, что идет война. Естественно, что война может вернуться ко времени серебряных коней Афин, к скачкам на лошадях и колесницах Тутмоса XII, к открытиям Колумба. Она может затронуть все области человеческого бытия и мысли, может изменить мечты людей, которые не представля-

ют себе время иначе, как только движущуюся тень на циферблате солнечных часов.

Для этого необходимо будет использовать агентов, пропагандистов, которые будут изучать все факты прошлого для того, чтобы они могли быть использованы в стратегической кампании. Пропагандистов, которые могут изменить материал прошлого таким образом, чтобы стратегия военных была более эффективной.

Это может привести к тому, что, например, персонал министерства юстиции 7990 года будет насыщен шпионами, представителями "пятой колонны", саботажниками, и они могут проделать свое дело так хитро, что никто даже и не заметит, что они шпионы. Но так же как и в обычной, честной войне, здесь сохраняют свое значение определенные стратегические пункты. Так же как и в шахматах, здесь одна из клеток будет иметь стратегическое значение.

Саттон был в такой узловой клеткой в игре. Он был такой клеткой, которую следовало занимать и во что бы то ни стало удерживать. Он был тем принципом, который стоял на пути движения людей. И коней. Он был той пешкой, которую хотели обе стороны, враждующие стороны, и они использовали все для того, чтобы приложить еще большее усилие в этой борьбе и именно в этом единственном пункте...

И когда одна из сторон получит это преимущество, тогда-то и начнется разгром.

Адамс положил голову на скрещенные руки. Его плечи вздрогивали от рыданий, но слов не было.

- Аш, дорогой, - говорил он, - Аш, я так рассчитывал на тебя, Аш...

Молчание. Затем он снова выпрямился в кресле. Сначала он не мог разобрать или определить, что случилось. Но что-то было не так. Затем он понял. Психометр перестал издавать свои булькающие звуки.

Адамс наклонился вперед, над прибором, но не услышал никакого звука, звука работающего сердца, дыхания, тока крови, пульсирующей в сонной артерии. Та сила, которая пробуждала этот прибор к действию, прекратила свое существование.

Адамс медленно поднялся в кресле, взял шляпу и торжественно надел ее.

Впервые в жизни Кристофер Адамс возвращался домой прежде, чем закончился рабочий день.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Саттон было напрягся, сидя в своем кресле, но затем расслабился.

- Это блеф, - сказал он себе. - Им необходима книга, а мертвые не пишут книг.

Кейс ответил ему на это, как будто Саттон высказал свои мысли вслух.

- Вы не должны рассматривать нас как честных людей, поскольку мы даже и не пытаемся выглядеть таковыми. Прингл, я полагаю, даже в большей степени, чем я.

- Да, совершенно точно, - нагло подтвердил Прингл. - Я даже не знаю, зачем нужна такая вещь, как благородство.

_Хотя это что-то может означать для нас, если бы мы могли привезти назад к Тревору и ...

- Минуточку, кто такой Тревор? - перебил Саттон. - Он что, новый?

- О, Тревор, - усмехнулся Прингл. - Разве вы не знаете? Тревор является главой корпорации.

- Корпорации, - объяснил Кейс, - которая хочет получить вашу книгу.

- Тревор осыпет вас наградами, - продолжал Прингл, - и богатством, если мы добудем ему книгу. Но поскольку вы не хотите с нами сотрудничать, нам придется искать другие возможности заработать себе и то, и другое.

- Итак, - заявил Кейс, - мы изменяем позицию. Мы застрелим вас. Морган тоже много заплатит, но он хочет, чтобы вы были мертвы. Ваше тело стоит довольно дорого... Да, это непременно будет так, - добавил он после секундного раздумия.

- И вы продадите мое тело ему? - спросил Саттон.

- Определенно, - ответил ему Прингл. - Мы никогда не упустим своего шанса.

Кейс мягко обратился к Саттону:

- Надеюсь, вы не возражаете?

Саттон покачал головой.

- То, что вы сделаете с моим трупом, - Саттон улыбнулся, - это уже не мое дело.

- Тогда ... - сказал Кейс и поднял пистолет.

- Минуточку, - проговорил Саттон спокойно.

- В чем дело? - спросил Кейс, опуская пистолет.

- Он хочет сигарету, - усмехнулся Прингл, - люди, которых должны казнить, всегда просят сигарету или стакан вина, или жареного цыпленка, или что-то в этом роде.

- Я хочу задать вопрос, - ответил Саттон.

Кейс кивнул.

- Я полагаю, - сказал Саттон, - что в ваше время я уже написал книгу.

- Правильно, - согласился Кейс, - и, с вашего позволения, я должен сказать, что это очень откровенная книга.

- В вашем издании или в чьем-нибудь другом?

Кейс засмеялся.

- Конечно, в чьем-нибудь другом. Если бы она была в нашем издании, зачем бы мы вообще оказались здесь, в ваше время.

Саттон поднял брови.

- Я уже написал ее. Без чьей-либо помощи и чьего-либо совета... и без какого-то редактирования. А теперь, если я напишу ее еще раз и напишу так, как вы хотите, то могут возникнуть какие-либо осложнения.

- Нет ничего неопределенного, - осторожно возразил Кейс.

- Нет ничего, что не может быть удовлетворено.

- А теперь, когда вы собираетесь убить меня, вообще не будет никакой книги. Как вы с этим поступите?

Кейс нахмурился.

- Это будет очень трудно и неблагодарно. Но мы как-нибудь справимся и с этим.

Он снова поднял пистолет.

Саттон пристально вглядывался в своих врагов.

- Они не будут стрелять, - сказал он себе. - Это блеф. Пол холодный...

Кейс нажал на спусковой крючок.

Могучая сила, словно удар огромного кулака, обрушилась на тело Саттона и отбросила его назад, так что покосилось кресло, на котором он сидел, и поплыло куда-то, как это случается с кораблем, попавшим в магнитную бурю. Огонь охватил его мозг,

и он почувствовал агонию, впившуюся в него своими когтями, и эта боль потрясла каждый его нерв, царапала каждую его кость. Была одна мысль, одна ускользающая мысль, за которую он пытался ухватиться, но она вырывалась из его разума, как угорь из пальцев.

- Изменение, - вдруг ясно сформулировалась мысль, - изменение, изменение.

Он почувствовал происходящее изменение, чувствовал, как оно начинается уже в то время, когда он умирал.

И смерть была такой мягкой, черной, прохладной, сладкой и, в то же время, вызывающей чувство благодарности к ней. Он погрузился в нее, как пловец погружается в прибрежный прибой, и волна накрывает его и держивает его тело. И он почувствовал пульсацию и биение того, что, как он знал, не имеет границ, и в то же время это потрясло его до самых невообразимых глубин.

А на Земле остановился психометр, и Кристофер Адамс впервые в жизни отправился домой, прежде чем окончился его рабочий день.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Херкимер лежал на своей кровати, пытаясь заснуть. Но сон не приходил. И он удивлялся тому, что ему приходится спать, есть и пить, как человеку. Но он не был человеком, хотя и был очень близок к человеку и по уму, и по способностям. Близок настолько, насколько это вообще только может быть. Его происхождение было химическим, а происхождение человека - биологическим. Он представлял собой лишь имитацию, а человек был оригиналом.

- Дело в методе, - сказал он себе, - В методе и терминологии. Именно это отличает меня от человека, поскольку во всем остальном мы совершенно одинаковы.

Метод и термин, а также татуировка, которая находится у меня над бровями. Я такой же, как человек, такой же хитрый и умный. И все же я только паяц. И я буду таким же ненадежным и подлым, как человек, если мне представится для этого возможность. Да, конечно, у меня есть татуировка и мной кое-кто вла-

деет, и у меня нет души... хотя иногда я в этом сильно сомневаюсь.

Херкимер спокойно лежал, глядя в потолок, и пытался припомнить некоторые вещи, но память не приходила к нему на помощь.

Сначала был инструмент, потом машина, которая по сути дела была сложным инструментом, и она не представляла из себя ничего иного - продолжение человеческой руки.

Затем появился робот, а робот уже машина, похожая на человека. Машина, которая выглядела и разговаривала как человек, которая ходила как человек и выполняла все, что требовал от нее человек. Но это была карикатура на человека, как бы точно она ни была изготовлена, как бы хитро ни была сконструирована. Никогда не существовало возможности того, чтобы ее приняли за человека.

А что после роботов?

"Мы уже не роботы, - грустно подумал Херкимер, - но мы еще не люди. Мы не машины, но в то же время мы не созданы из плоти и крови. Мы представляем собой набор химических элементов, принявших такую форму, которую избрали наши создатели, и нам была дана искусственная жизнь, настолько близкая к жизни настоящей, что настанет день, когда она с удивлением обнаружит - между нами и ними нет никакой разницы. Мы созданы по образу и подобию людей, и сходство так велико, что нам приходится носить татуировку. Так близки к человеку! И в то же время мы не люди.

Хотя есть какая-то надежда. Если мы сохраним в секрете тайну рождения от человека, тогда не будет никакой разницы. Настанет день, когда человек подойдет к андроиду и заговорит с ним, как с братом."

Херкимер заложил руки за голову. Он пытался понять и проанализировать ход своих мыслей и разобраться в мотивах, их вызвавших. Но сделать это было нелегко. В этом не было какого-тозыва кому-либо, не было ни зависти, ни горечи. Было лишь ощущение близости какой-то цели, которой он так пока и не достиг, хотя оставалось совсем немного.

"Нет ощущения уверенности, - подумал он, - а между тем, именно уверенность должна быть сохранена для других младших братьев, которые были еще дальше от человека."

Он лежал так еще довольно долго, думая об этом чувстве, следя за темным проемом окна, покрытым морозными узорами, и за звездами за окном, свет которых проникал сквозь заиндевевшее окно, слушая тонкий свист ветра и едва слышный неприятный звук, когда ветер ударялся о крышу... Сон никак не приходил, и он наконец встал и зажег свет. Трясясь от холода, он оделся, потом вытащил книгу из кармана. Склонившись к лампе, он перевернул страницу и открыл то место, которое уже много раз читал:

"Нет на свете ничего такого, вне зависимости от того, как оно было создано, задумано или сделано, что знало бы, что такое жизнь и путь жизни. И из этого правила нет исключений. Я вас в этом уверяю..."

Он закрыл книгу и держал ее, скжав обеими руками.

"... вне зависимости от того, как оно было создано, задумано и сделано..."

Сделано!

Самое главное, что имело значение - это путь жизни.

Уверенность - вот что должно сохраниться.

- Я выполню свой долг, - сказал он себе, - мой долг, который я так желаю выполнить. Я все еще его выполняю. Я играю свою роль и, кажется, играю неплохо. Я играл эту роль, когда принес вызов на дуэль Ашеру Саттону, когда перешел в собственность Саттона в качестве обычного робота-androида. Я выполняю свой долг перед ним...

Не только перед ним, поскольку уверенность - это вера и знание, в которых нуждаются и я, и любое другое живое существо, независимо от того, сколь совершенным оно бы не было; знание и вера, что ты не одинок. Я нанес ему меткий удар, поверг его, а затем поднял и унес на своих руках. Он, конечно, был сердит на меня, но это не имеет никакого значения. Он дал мне очень много и даже то, что он зол на меня, не может разрушить ничего, ни одного его слова или поступка.

Гром потряс хижину, и оконное стекло на мгновение окрасилось в розовый цвет.

Херкимер вскочил на ноги и побежал к окну. Ухватившись за подоконник, он увидел красные удаляющиеся огни двигателей космического корабля.

Чувство страха заставило сжаться его желудок. Он бросился к двери, побежал вниз к комнате Саттона. Он не постучал и даже не попытался повернуть дверную ручку. Он просто ударил по двери и вышиб ее с такой силой, что замок вылетел вместе с шурупами.

Кровать была пуста, и в комнате никого не было.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Саттон чувствовал, что воскресает. Он боролся с этим чувством, поскольку смерть была такой уютной, как мягкая теплая постель, а воскрешение было подобно настойчивому, назойливо-му звонку будильника, звенящему в предутренней прохладе, вторгаясь в покой сна кошмарным раздражающим диссонансом. Кошмарным, как сама реальность, как тошнотворное напоминание о том, что пора проснуться и снова погрузиться в реальную жизнь.

- Но это уже не в первый раз, - сказал себе Саттон, - конечно, не в первый. Я не в первый раз умираю и опять возвращаюсь к жизни. Это уже случалось прежде, и в тот раз я был мертв долго, гораздо дольше...

Он лежал вниз лицом на какой-то плоской твердой поверхности и в течение времени, которое казалось ему очень долгим, его разум пытался осознать, что значит эта гладкость и твердость. Твердая, плоская и гладкая - три слова, которые должны помочь ему представить - что же это такое.

Он чувствовал, как жизнь возвращается к нему, как она влияется в его руки, ноги. Но он еще не дышал, сердце еще не билось.

Пол, вот что это такое было... вот те слова, та вещь, на которой он лежит. Плоская поверхность была полом.

Послышались звуки, но он пока не называл их так, поскольку не знал этого слова, а затем, некоторое время спустя, он уже знал, что это называется звуком.

Теперь он мог пошевелить одним пальцем, затем вторым.

Он открыл глаза и увидел свет.

Звуки - это голоса, а голоса произносили слова, а слова - это мысли.

"Как много уходит времени, - подумал Саттон, - на то, чтобы все это осознать."

- Нам нужно более или менее серьезно отнестись к этому делу, - произнес голос, - и уделить ему значительно больше внимания.

- Вся беда, Кейс, в том, что у нас с тобой не хватает терпения.

- Терпение здесь не принесет никакой пользы, - сказал Кейс.

- Он был убежден, что все наши действия являются блефом. Что бы мы не говорили и не делали, он все равно считал это блефом. В данной ситуации мы бы ничего не достигли, поскольку у нас оставался один выход.

- Да, я знаю, - согласился Прингл. - Но нам надо было убедить его, что все это блеф.

Послышался тяжелый вздох.

- Жалко, однако, - проговорил он, - Саттон был таким способным человеком.

В течение какого-то времени они молчали. Теперь Саттон чувствовал, что не только жизнь, но и сила возвращаются к нему. Возможность встать на ноги, поднять руку, возможность дать выход гневу. Сила, чтобы убить двух людей.

- У нас не так уж плохо получилось, - сказал Прингл. - Морган и его банда заплатят нам хорошо.

Кейс сомневался.

- Мне что-то не по душе все это, Прингл. Мертвый есть мертвый, если ты оставляешь его таким, но если ты его предашь, это делает тебя кем-то вроде мясника.

- Меня это не беспокоит, - ответил Прингл. - А вот что это сделает с будущим, Кейс. С нашим будущим? Наше будущее во многом основывается на нескольких моментах, высказанных в книге Саттона. Если бы мы лишь изменили содержание книги, то это не так бы сильно повлияло на него... может, это вообще было бы незаметно. Но теперь Саттон мертв, так что книги не будет и будущее станет совсем другим...

Саттон поднялся...

Они растерянно посмотрели на него. Рука Кейса потянулась к пистолету.

- Давай, - предложил Саттон. - Стреляй в меня. Изрешети меня всего - все равно ты не проживешь ни одной минутой дольше.

Он попытался сосредоточить всю свою ненависть, как он это сделал во время своей схватки с Бенгоном, когда был еще на Земле. Тогда его ненависть была столь неистовой, что уничтожила мозг того человека. Но сейчас в нем не было ненависти, а лишь конкретное, направленное желание убить.

Он двинулся вперед на негнущихся ногах, его руки протянулись к ним. Прингл побежал, вереща как крыса, пытаясь спастись.

Пистолет Кейса дважды выстрелил, и кровь хлынула из груди Саттона, но он продолжал идти. Кейс бросил пистолет и прислонился к стене...

Это заняло немного времени.

Они не ушли. Некуда было уходить.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Саттон направил корабль к небольшому астероиду, окруженному целой кучей каменных осколков, к астероиду, который по массе был не больше, чем сам корабль. Он почувствовал, как корабль соприкоснулся с астероидом, включил поле притяжения, и теперь корабль продолжал лететь в пространстве вместе с притянутым к его борту астероидом. Руки Саттона были опущены. Он спокойно сидел в кресле пилота. Пространство перед ним было угольно-черным и неприветливым, перечеркнутым лучами, которые закручивались в огненную корону. Они как бы несли какие-то послания холодного белого цвета через космос, в то время как астероид двигался по своей орбите.

- Это надежно, - сказал он себе. - Пока, во всяком случае. Может быть, надежно и навсегда, поскольку его, должно быть, никто уже не искал. Да, он был в безопасности, но с дырой в простреленной груди, которая заливалась кровью его рубашку и струилась по ногам.

"Это довольно удобно, - подумал он невесело, - иметь второе тело. Это второе тело, выращенное во мне лебедянами, будет жить до тех пор, до тех пор... А до каких пор?"

А до тех пор, пока я не вернусь на Землю, не пойду к доктору и не скажу: "Меня подстрелили. Как насчет того, чтобы немногого меня заштопать?"

Саттон засмеялся, представляя изумление доктора.

Или, может быть, вернуться на 61 Лебедя?

Но они его не пустят.

Или отправиться на Землю, прямо в таком виде, как сейчас, и ни к каким врачам не обращаться?

Он может достать другую одежду, а кровь перестанет течь, когда вся вытечет.

Но все заметят, что он не дышит.

- Джонни, - позвал он, но ответа не было, хотя он и почувствовал в своем сознании движение чужой мысли - знак понимания, исходящий от Джонни, такого понимания, когда собака понимает человека и взмахом хвоста дает человеку понять, что слышит его, но в то же время сильно занята своей костью, чтобы отвлечься от нее.

- Джонни, - опять позвал Саттон, - есть какой-нибудь выход?

Должен быть какой-то выход. В этом была надежда и в этом было то нечто, о чем необходимо сильно поразмыслить.

Он вообще пока не полностью использовал возможности, заложенные в его тело и в его разум.

Было время, когда он не знал, что может убивать одной своей ненавистью, что ненависть может быть подобна стреле, выпущенной из его мозга, стальной стреле, которая настигала жертву и убивала наповал.

И все же Бентон умер от пули в руку. Но ведь он мог быть мертв еще до того, как пуля настигла его?! Ведь Бентон выстрелил первым, но он промахнулся, а Живой Бентон никогда бы не промахнулся.

Было время, когда он не знал, что усилием мысли может контролировать энергию, чтобы поднять корабль с каменистой планеты и нести его через пространство в течение семи лет. И все же именно он сделал это, получая энергию от угасающих звезд и ничтожных пылинок материи, плавающих в вакууме космоса.

И все же он не знал, что может перейти от одной формы жизни к другой. Он не знал, что когда одна из форм жизни, которыми он обладает, погибает, то автоматически выступает другая.

Именно это как раз и произошло. Кейс убил его, и он умер, но снова возвратился к жизни. Но умер он до того, как началось изменение. В этом он был уверен, поскольку помнил свою смерть и узнал ее. Он знал об этом из прошлого своего опыта.

Он чувствовал, как его тело питалось. Питалось энергией звезд, как, скажем, обычный человек мог бы питаться аспельсиами. Как оно получало частичку энергии, заключенную в кусочке камня, к которому присоединили его корабль, как оно впитывало любые, даже самые ничтожные источники энергии, даже такие, как утечка энергии из двигателей корабля. Его тело питалось, чтобы снова обрести силу, чтобы возместить понесенный ущерб.

- Джонни, есть ли какой-нибудь выход?

Ответа не было. Он позволил своей голове бессильно опускаться, пока она не легла на панель управления. Лишь тело продолжало питаться, получая энергию звезд.

Он слышал, как его кровь вытекала из ран и капала на пол, как струилась по полу. Его разум был словно в парном тумане, но он позволял ему оставаться в таком состоянии, поскольку ничего нельзя было сделать. Да и не было в этом никакой необходимости. Он не знал, как пользоваться теперь своим мозгом, как его использовать. Он не знал, на что способен, на что - нет. Саттон вспоминал, как он падал с криком, обращенным к чужому враждебному небу, ощущив в течение какого-то мгновения дикое, напряженное возбуждение, через которое он прошел, осознав, что мир 61 Лебедя лежит перед ним. Это то, что все космонавты Земли не смогли сделать, и лишь ему одному это удалось.

Планета стремительно приближалась, и он уже видел ее поверхность, похожую на географическую карту, перечеркнутую какими-то запутанными линиями, которые выглядели на его экране черными и серыми.

Это было двадцать лет назад, но он помнил все так, как будто это было вчера.

Он протянул руку и пытался поворачивать ручкой управления, но она не двигалась. Корабль продолжал неотвратимо падать вниз, и в какой-то момент он ощутил нарастающее волнение, превращающееся в страх.

Один только факт был до конца ясен ему, один среди проносившихся обрывков мыслей, чувств, молитв, один только обнаженный факт... он должен разбиться. Он не помнил того, как

разбился, поскольку даже не знал, как и когда это произошло. Был только страх, а потом не было ничего... Сначала было осознанное понимание происшедшего, а потом ничего не стало, и было успокоение и полное забытье.

Сознание вернулось к нему... через мгновение, а может через вечность... он не мог этого сказать.

Сознание вернулось, но оно было другое.

Оно лишь частично было человеческим, лишь в самой малой степени похожим на него. И знание, которое было абсолютно новым, и в то же время он знал, что оно было всегда.

Он чувствовал и знал, что его тело распростерто на земле, расплющенное, разбитое, раздавленное, потерявшее человеческий облик, но не мог этого видеть. Тем не менее он знал, что это было его тело, знал все его функции и строение, но все же чувствовал некоторое изумление, когда осознал эту вещь, лежащую перед его мыслью. Он знал, что для решения стоящей перед ним проблемы потребуются все его возможности.

Его тело должно быть заново собрано и отлажено таким образом, чтобы оно снова выполняло все функции, и жизнь, ушедшая из этого тела, должна вернуться в него.

Он думал о Шалтае-Болтае, и эта мысль показалась ему странной, поскольку этот детский стишок был совершенно новым для него и в то же время давно известным, хотя и забытым.

- Шалтай-Болтай, - сказала ему вторая половина, вторая часть его существа, - не дает решения. - И он знал, что это так, поскольку Шалтай-Болтай, свалившийся со стены, мог быть восстановлен, но свалившийся в иной мир, умерев в своем...

Он почувствовал, что состоит из двух существ, поскольку одна его часть отвечала на вопросы, заданные другой. Был тот, кто задавал вопросы, и тот, кто отвечал на них, но они, несмотря на это различие, были одним целым. Но что разделяет их на два существа, он понять так и не мог.

- Я твоя судьба, - ответил тот, кто всегда был отвечающей стороной. - Я с тобой с того момента, как ты начал жить. Я останусь с тобой, если ты не умрешь. Я не контролирую тебя, не заставляю искать что-либо, но я пытаюсь вести тебя по твоему пути, хотя ты этого и не знаешь.

Саттон, та его меньшая часть, которая была собственно им, ответила:

- Да, теперь я это знаю.

Ему казалось, что он знал об этом всегда, хотя, на самом деле, узнал это только что. Это было странной мыслью. Знание судьбы, как он почувствовал, было несколько запутанно, поскольку он теперь состоял из двух существ: из самого себя и Судьбы. Он не мог четко различить, какие вещи он знал только как Саттон, а какие - как Саттон плюс Судьба Саттона.

- Я просто не могу знать этого, - подумал он. - Я не знал этого раньше, не знаю и сейчас. Во мне объединились две стороны моего существа: человеческая, то есть я сам, и Судьба, которая направляет меня к славному и великому будущему, если только я позволю ей сделать это. Она не заставит меня делать что-то и не остановит меня в моих поступках. Она будет только делать намеки, как бы нашептывать мне, что не нужно делать. Все то, что называется сознанием окружающего, умением верно оценить обстановку, это то, что называется правильным образом жизни - судьбой.

Она находится в моем мозгу, но этого нет ни у кого другого, поскольку я чувствую ее как никто другой.

Я знаю об этом с величайшей уверенностью, а они не знают вообще или, может быть, смутно догадываются об этой величайшей правде.

Мы все должны знать об этом. Знать, как знаю я. Но что-то мешает всем узнать эту истину или что-то искаивает это знание таким образом, что оно становится неверным. Я должен выяснить, что это такое, и узнать, как преодолеть это. Я должен сделать это, чтобы подготовить будущее, чтобы оно было таким, каким должно быть, даже в то время, которое я никогда не увижу.

- Я твоя Судьба, - произнес тот, кто должен отвечать. - Судьба, а не фатальность. Судьба - не предсказание будущего.

Судьба - то есть то, что случится с людьми, расами, мирами.

Судьба, то есть знание того, какой вы должны делать свою жизнь, как вы должны формировать образ своей жизни... таким, каков он должен быть. Каким он будет, если вы прислушаетесь к этому тихому спокойному голосу, который говорит с вами во время серьезных моментов жизни, когда вы стоите на распутье. Но вы ничего не слышите, и нет такой силы, которая заставила бы вас слушать. Не существует никакого наказания за

то, что вы не слышите голоса, если не считать самого главного
- вы идете против своей судьбы...

Были еще другие мысли, другие голоса. Саттон не мог сказать, что это были за голоса, за исключением того, что они находились вне существа, состоящего из него самого и его судьбы.

- А, это мое тело, - подумал он. - Но я нахожусь где-то еще. Где-то, где нельзя видеть так, как я привык видеть... и нельзя слышать, а я вижу и слышу, но уже как-т- иначе, ощущая все это каким-то иным способом.

- Тебя пропустил экран, - произнес один голос, хотя слово "экран" не было произнесено. Другое неведомое слово послужило этой цели.

И еще один голос сказал, что для создания "экрана" была применена какая-то технология, созданная на планете, название которой было непонятно его разуму и воспринималось как-то неясно. В нем не чувствовалось никакого смысла, который Саттон мог бы уловить.

И была еще одна мысль, которая осуждала излишнюю сложность и несовершенство тела Саттона, - разбитого тела. И в ней с очень большим энтузиазмом оправдывались простота и совершенство восприятия энергии.

Саттон пытался крикнуть им в ответ:

- Ради бога, поспешите! - ведь его тело было таким, что очень быстро должно было необратимо погибнуть, и если оно слишком долго пробудет в таком состоянии, ничего уже нельзя будет сделать. Но он не мог этого сделать и, как бы во сне, слушал эти отвлеченные высказывания, сопоставление различных точек зрения, которые все сходились к одной ясной мысли, представляющей собой окончательное решение.

Он пытался определить, где же он находится, пытался сориентироваться в сложившемся положении, но обнаружил, что не может определить даже свою теперешнюю сущность, поскольку он сейчас не представлял собой физического тела, занимающего определенное место в пространстве и времени и даже не являлся отдельной личностью. Он находился в промежуточном состоянии, не имел материального воплощения, существующего в какой-то определенности, и не мог понять, что же с ним происходит, как ни старался. Это была какая-то пустота, вакуум, который, тем не менее, что-то собой представлял и который взаимо-

действовал еще с чем-то, тоже подобным пустоте. Так это ему представлялось.

- Я твоя Судьба, - сказал тот, что давал ответы и, казалось, был его частью.

Но судьба - это только слово и больше ничего. Идея, абстракция. Неясное определение чего-то другого, такого, что существовало в человеческом уме, но не имело материального воплощения. То, что разум человека согласен был принять в качестве идеи, но которая даже не могла быть доказана.

- Ты не прав, - сказала Саттону Судьба. - Судьба - это реальность, хотя ты не можешь увидеть ее. Это реальность для тебя и для всех других живых существ. Для каждого, кто знает, что такая жизнь. И она была всегда. И она всегда будет.

- Кто не мертв? - спросил Саттон.

- Ты первый, кто пришел к нам, - ответила Судьба, - мы не дадим, не позволим тебе умереть, мы вернем тебе твоё тело, но пока это произойдет, ты будешь жить со мной. Ты будешь частью меня, и это справедливо, поскольку я жила до сих пор благодаря тебе и была твоей частью.

- Вы не хотели, чтобы я был здесь, - сказал Саттон. - Вы построили экран, чтобы не допустить меня к вам.

- Мы желали, чтобы вошел только один, - объяснила Судьба.
- Именно тот, кто нам нужен.

- Но вы позволили мне умереть?!

- Тебе необходимо было умереть. До тех пор, пока ты не умер и не стал одним из нас, ты просто не смог бы понять. Пока ты находился в своем теле, мы попросту не могли достичь тебя. Тебе пришлось умереть для того, чтобы освободиться, и именно я была рядом, чтобы забрать тебя и сделать своей частью. Ты понимаешь?

- Я не понимаю, - признался Саттон.

- Ты поймешь, - сказала Судьба, - ты поймешь...

- И я понял, - внезапно подумал Саттон. - Я понял...

... Его тело содрогнулось, лишь он вспомнил это, и его разум преисполнился чувством связи с тем, что он понимал ту огромную, трудно вообразимую значимость Судьбы... огромного количества, триллионов и битриллионов Судеб, которые соответствовали всему многообразию жизни в Галактике.

Судьба проявила себя миллионы лет назад в обезъяноподобном существе, которое нагнулось и подняло с земли сломанный сук. Еще одно вмешательство Судьбы, и кремень ударился о кремень. Еще раз - и появились лук и стрелы. Еще - и было создано колесо.

Судьба прошептала, - и существо поднялось из водных глубин и через много лет плавники превратились в ноги, а жабры стали легкими. Симбиотические абстракции, паразиты - как бы мы их ни называли - но это были наши судьбы.

Сейчас пришло время для того, чтобы Галактика узнала о Судьбах.

Если это паразиты, то такие, которые приносят больше пользы, которые дают всегда больше, чем взяли.

Все, что они получили - это чувство существования, чувство жизни. То, что они давали и всегда были готовы дать, было больше чем жизнь. Из тех миллионов жизней, которые они прожили, многие были скучными, например, жизнь червя и многих неразумных существ, копошащихся в джунглях.

Но, тем не менее, благодаря им, Судьбам, червь когда-нибудь может стать чем-то большим, чем червь или более значительным червем, а какой-нибудь неразумный вид может достичь больших высот, чем те, которых достиг человек.

Все, что двигалось по Земле, быстро или медленно, представляло собой не одно существо, а два: сам организм и его собственную судьбу.

Иногда судьба одерживала верх. Иногда - нет. Но там, где была судьба, там всегда оставалась надежда. Поскольку Судьба - это надежда. А Судьба была везде.

Ни одно существо не является одиноким.

Ни те, кто ползает, ни те, кто прыгает, ни те, кто плавает, летает, переваливается при ходьбе.

И эта планета, невозможная для понимания, могла быть осознана только одним человеческим мозгом, и когда этот мозг появился здесь, она стала закрытой для понимания, для всех и навсегда.

Существует только один разум, который может открыть истину Галактике в тот момент, когда она будет к этому готова. Один разум, который может рассказать о судьбе и надежде.

- И этот разум, - подумал Саттон,- мой собственный. Боже, помоги мне! Но если бы у меня было право выбирать, если бы меня спросили, хочу ли я этого... Конечно, лучше было бы, чтобы это был не я, а кто-нибудь другой или что-то другое. Какой-нибудь друг разум и в течение другого миллиона лет. Какое-либо другое существо через десятки миллионов лет. От меня ждут слишком много - от меня, наделенного человеческим разумом, таким несовершенным для того, чтобы я мог вынести всю тяжесть этого откровения, всю тяжесть этого знания.

Но Судьба указала своим перстом на меня.

Случайность или нелепое стеченье обстоятельств.

Это была Судьба.

Я жил Судьбой. Я был ее частью, вместо того, чтобы она была частью меня. И мы, подумайте только, жили хорошо, поняли и узнали друг друга, как будто мы были два живых существа... даже лучше, чем могут узнать друг друга два человека. Судьба - это был я, я - это была Судьба. У нее не было имени, и я назвал ее Джонни. Это было чем-то вроде шутки, над которой моя Судьба все еще смеется.

Я жил вместе с Джонни, и он стал очень важной частью моего существа, той частью, которую люди называют жизнью, не понимая этого. Частью меня, которую я сам еще не вполне понял... Вернее, не понимал до тех пор, пока мое тело не было восстановлено. Затем я вернулся в свое тело, но оно уже было другим, значительно лучшим, поскольку многие Судьбы были поражены и удивлены неэффективностью и несовершенством конструкции человеческого тела.

И когда они снова сконструировали, восстановили его, то сделали все тело лучше. Они внесли в него многое, чего раньше в нем не было. Много такого, о чем я только подозреваю, но чего не знаю до тех пор, пока не придет время воспользоваться этим, а о некоторых элементах, возможно, не узнаю никогда.

Когда я вернулся в свое тело, то и Судьба тоже вернулась в него и жила вместе со мной, но я всегда узнавал ее и называл Джонни. Мы всегда были вместе, и я никогда не ошибался, слыша ее. Это случалось со мной много раз в прошлом.

- Симбиоз, - сказал себе Саттон, - более высокий уровень симбиоза, чем симбиоз простейшего животного и микросоганизма. Умственный симбиоз. Я являюсь хозяином, а Джонни мой

гость. И мы хорошо ладим друг с другом, потому что понимаем друг друга. Джонни дает мне сознание моей судьбы, той формирующей силы судьбы, которая определяет мои часы и дни, а я даю Джонни что-то похожее на существование, которое он не может иметь независимо от существа.

- Джонни, - позвал Саттон, но ответа не услышал.

Он подождал, но ответа все равно не было.

- Джонни! - позвал он снова, и в голосе его послышался страх. Но он должен быть здесь. Судьба должна быть здесь.

За одним исключением, за исключением того случая...

Эта мысль потрясла его. За исключением того случая, когда он был действительно мертв, и все это ему лишь казалось происходящим на самом деле. За исключением того случая, когда сознание было сумеречным, где знание и чувства, ощущение собственного существования продолжается еще какой-то момент между состоянием жизни и смерти.

Голос Джонни был очень тихим, очень тихим и далеким.

- Аш...

- Да, Джонни?

- Двигатели, Аш. Двигатели...

Саттон с трудом поднялся с кресла пилота и встал на подкашивающихся ногах.

Он едва мог видеть... Только неясный расплывчатый силуэт металлических конструкций, которые окружали его. Ноги как будто были налиты свинцом, он не мог ими пошевельнуть, словно они не были частью его тела.

Он спотыкался, но шел вперед. Потом тяжело упал лицом вниз.

- Это шок, - подумал он, - шок от усилия, шок от смерти, шок от потери крови, когда все тело изуродовано. В какой-то момент появилась сила, такая могучая, что позволила ему встать на ноги с ясной головой и отчетливо видящими глазами. Сила была достаточно велика, чтобы лишить жизни тех двух людей, которые убили его. Этой силой было отмщение.

Но вскоре сила ушла, и он знал сейчас, что эта сила была скорей силой мозга, воли, чем просто силой мускулов, плоти, которые позволили ему это сделать.

Он с трудом приподнялся на руках, встав на колени, он пополз. Он остановился на отдых, затем прополз еще несколько

футов. Его голова безжизненно упала, свесившись вниз. Изо рта хлынули кровь и содержимое желудка, оставляя след на полу.

Он нашел люк, ведущий в машинное отделение, и медленно приподнялся к замку. Его пальцы нащупали затвор, потянув его вниз. Но в них не было достаточной силы, и они соскользнули с металла. Он упал, полный отчаяния, на холодный пол. Длительное время он ждал, потом попробовал снова. На этот раз замок со скрежетом открылся, хотя его пальцы опять соскользнули, а он упал со скрежетом на пороге. Наконец, после долгой паузы, когда он думал, что больше не сможет ничего сделать, Саттон снова поднялся на четвереньки и пополз вперед, медленно, очень медленно, очень медленно, дюйм за дюймом.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Ашер Саттон проснулся в темноте.

В темноте неизвестности.

Неизвестность и медленно поднимающееся удивление.

Он лежал на гладкой твердой поверхности, и металлический потолок был очень близок над его головой. А рядом с ним находилась какая-то вещь, которая издавала мурлыкающие звуки. Одной рукой он обхватил эту вещь и вдруг осознал, что так и спал, обняв ее руками, прижавшись всем телом, как ребенок спал, обнявшись со своим плюшевым мишкой.

Не было чувства времени, не было представления о местонахождении и не было памяти о жизни, прожитой ранее. Как будто он оказался здесь с помощью какого-то волшебства - полный сил, знаний и мыслей. Он спокойно лежал, его глаза постепенно привыкали к темноте. Он увидел открытую дверь и темный след на полу, шедший из соседней комнаты. Что-то притащило сюда его тело из той комнаты в эту, оставляя след за собой, и лежало здесь долгое время. Он размышлял о том - кто бы это мог быть? - с чувством некоторого страха где-то в глубине души. Может быть, это "что-то" все еще было здесь, и, может быть, оно было опасным.

Но он чувствовал, что был один, чувствовал одиночество в этих чавкающих звуках машины рядом с ним. И, как в первый раз, он понял, что эта вещь, издающая звуки, была машиной.

Название и узнавание предмета произошли как-то сами собой, без его сознательных усилий. Как будто эти вещи были известны ему всегда. Но ему все-таки казалось, что сначала пришло название, а узнавание слова пришло потом. Это показалось странным.

Итак, та вещь, которая была рядом с ним, была машиной, и он лежал на полу, а металл над его головой представлял собой какую-то замкнутую сферу.

- Ограниченнное пространство, - подумал он, - ограниченное пространство, в котором находится двигатель и дверь из которого ведет в другую комнату.

Корабль - вот что это было. Он находился на корабле. И этот темный след, тянувшийся через порог... Сначала он подумал, что это было что-то другое, что приползло сюда, оставляя свой след. И только сейчас он вспомнил. Это был он сам... Он сам, сам полз к машине.

Полежав спокойно, он также понял, вспомнил и с большим усилием убедился, что жив. Он поднял руку, потрогал свою грудную клетку, обожженную одежду. Он чувствовал под рукой обгоревшие лохмотья, но его грудь была неповрежденной... целой и гладкой. Прекрасная человеческая плоть. Никаких дыр.

- Итак, это было возможно, - подумал он. - Я помню, как меня беспокоила одна мысль... может быть, Джонни и знал что-либо такое, чего не знал я. Может быть, мое тело обладает такими способностями, о которых я и не подозревал.

Мое тело питалось энергией звезд астероида, и оно бросилось к машине. Ему была необходима энергия... больше, чем от далеких звезд, больше, чем от холодного, замерзшего куска камня, каковым является астероид. Итак, я полз для того, чтобы добраться до машины. И я оставил за собой этот след, напоминающий о смерти. Я спал, обняв двигатель, а мое тело, которое прямо воспринимает энергию, получило ее от горячего реактора двигателя.

И я опять совершенно здоров.

И опять в моем теле, которое наполнено кровью, которое дышит, и я могу вновь вернуться на Землю.

Он выбрался из машинного отделения и встал на ноги. Слабый свет звезд проникал через иллюминаторы, и рассеянные отблески его сверкали бриллиантами на полу и стенах. В помеще-

нии находились две бесформенные фигуры: одна посередине комнаты, другая в углу. Его разум воспринял их и исследовал, как собака исследует найденную кость, обнюхивая ее. Через некоторое время он вспомнил, что это такое. Человеческая часть его существа содрогнулась при виде темных распостертых фигур. Но другая часть его, холодная, расчетливая, осталась внутренне не потрясенной при виде смерти. Он медленно прошел вперед и наклонился над одним из них. Это был Кейс, так как он был тощим и высоким. Но он не мог видеть их лица и не желал видеть, поскольку в глубине своего сознания все же еще помнил, как они выглядели. Его руки начали обыскивать одежду убитого, он вытащил несколько предметов подряд и, в конце концов, нашел то, что искал.

Сидя на корточках, он открыл книгу на титульном листе. Заглавие было то же самое, что на книге, которую он носил с собой в кармане. Все было то же самое, за исключением одной строчки, напечатанной мелким шрифтом внизу.

Эта строчка гласила:

"Переработанное издание".

Вот в чем дело! Вот в чем состояло значение слова, его поразившего.

Ревизионисты.

Была книга, и она была переработана. Те, кто жил по переработанному изданию, были ревизионисты. А как же остальные? Он задумался, перебирая термины. Фундаменталисты, примитивисты, ортодоксы, консерваторы. Были еще и другие, он был уверен в этом, но это уже не имело значения. Не имело значения, как назывались эти другие.

Сначала шли две пустые страницы, а потом начинался текст:

- Мы не одиноки и никто не одинок. С самого начала зарождения жизни на любой планете нашей Галактики ничто из того, что знало жизнь, не было когда-либо одиноким, не шагало по земле, не ползло, не двигалось путем жизни в полном одиночестве.

Сноска. Его взгляд опустился к нижней части страницы, где было следующее:

"Это первое из многих замечаний, которые были неправильно поняты, которые заставили многих читателей верить, что Саттон хотел сказать, будто жизнь независимо от уровня разумно-

сти и моральных концепций является делом рук Судьбы. Первая же его строка доказывает, что это не так, что это неверное толкование. Саттон применил местоимение "мы", а все знают, что это обычный случай, когда гений, говоря о себе, использует множественное число - "мы". Если бы Саттон имел в виду все живое, он так бы и написал. Но употребляя множественное число, он, безусловно, имел в виду только собственный гений, только себя. Или же - человеческую расу, только человеческую и ничего больше. Он, очевидно, полагал, и в его время это считалось справедливым, что Земля была первой планетой в Галактике, познавшей биение жизни. Нет сомнения в том, что в какой-то степени открытие Саттона - его великое открытие Судьбы - было искажено. Тщательные исследования показывают, вне всякого сомнения, какие части этого произведения были (являются) подлинными, а какие - нет. Те части текста, которые были явно изменены, будут отмечены, и будут приведены доказательства, очень тщательно обоснованные и объективные".

Саттон быстро пробежал глазами страницу. Больше половины текста занимали сноски. На каждой странице только одна-две строчки являлись собственно текстом, а остальная часть была заполнена объяснениями или фразами, извращающими смысл книги.

Он закрыл книгу и подержал ее в ладонях.

- Я так старался, - подумал он. - Я повторял это много раз, но этого оказалось недостаточно, - не только человеческая раса, но и все живое. Но все же они извратили все мои слова. Они ведут войну для того, чтобы они не были такими, какими их написал я. А все для того, чтобы мои мысли были неправильно интерпретированы. Они пускаются на интриги, воюют, убивают друг друга, чтобы великий покров Судьбы покоился только на одной расе. Для того, чтобы самая отвратительная раса животных, которая когда-либо появлялась, украла сокровище, пред назначенное не только для них одних, но и для всего живого. Для всех.

И каким-то образом я должен положить этому конец. Это должно быть остановлено. Нужно сделать так, чтобы мои слова сделались доступными всем, и все могли знать их, не затуманенные завесой мелкого теоретизирования, псевдонаучной интерпретации и искаженной логики. Ведь это так просто, такая простая

вещь. Всякая жизнь имеет судьбу. Не только человеческая жизнь. Существует своя судьба для каждого живого существа, для каждого живущего. И даже более того, - она ожидает момента, когда появится новая жизнь, и каждый раз, когда это случается, Судьба оказывается уже там и остается с жизнью до тех пор, пока она окончательно не исчезнет. Я не знаю, как это происходит и почему. Я не знаю, действительно ли Джонни соединен со мной и существует в моем разуме, или же он больше поддерживает контакт со мной с того момента, когда я находился среди них, на 61 Лебедя.

Но я знаю, что он со мной, и знаю, что он всегда со мной.

И все же ревизионисты пытаются исказить мои слова, пытаются дискредитировать меня. Они изменяют книгу и выкапывают острые сплетни о семье Саттонов, ошибки моих предков, раздувая их во много раз. Они стараются запятнать мое имя. Они посылают в прошлое человека, который вступает в разговор с Джоном К.Саттоном, узнают от него вещи, которые они могут использовать. Джон К.Саттон сказал, что у каждой семьи есть свои секреты, и, конечно, это верно. Старый и непреклонный человек - но он рассказал эти секреты.

И эта информация переносится из прошлого в будущее не для того, чтобы ею правильно воспользоваться. Потому что человек, который получил ее, уже идет по своему пути жизни с повязкой на глазах и босиком. Что-то случается, но он уже не может повернуть назад.

Что-то случилось. Что-то...

Саттон медленно поднялся.

- Что-то произошло, - сказал он себе, - и я знаю, что это было.

Шесть тысяч лет назад, в месте, которое называется Висконсин. Он двинулся вперед, направляясь к креслу пилота.

Ашер Саттон направлялся в Висконсин.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Кристофер Адамс неторопливо вошел в свой кабинет и повесил на крючок шляпу и пальто. Потом он повернулся, подвинул кресло к столу и в этот момент застыл, прислушиваясь.

Психометр снова подавал свои звуки:
"Крак, клик, клик, клик, Тики, клик, крак".

Кристофер Адамс выпрямился и снова одел пальто и шляпу.
Выходя, он громко хлопнул дверью.

За всю свою жизнь он раньше не хлопал дверью...

...Саттон переплыл через реку, двигаясь медленно и уверенно. Вода была теплой и приятной для тела. И вода разговаривала с ним глубоким, наполненным значительности голосом, и Саттону представлялось, что она пытается сказать ему что-то: как она пыталась сказать это людям на протяжении многих веков. Могучий голос, говоривший на своем языке о том, чего не мог знать никто другой, и пытающийся передать это людям. Некоторые из них, возможно, поняли какую-то часть правды, получили от него какое-то мироощущение. Но никто из них не достиг того, чтобы понять все значение и весь смысл языка реки - ведь он был не известен никому.

- Он похож на тот язык, - подумал Саттон, - которым я пользуюсь для своих записей. Они сделаны на языке, забытом в Галактике необозримое количество лет назад, еще до того, как появился любой другой язык, даже в самом зачаточном состоянии. Либо это язык, который давно забыт, - решил он, - либо его просто никто не знает.

- И я не знаю этого языка, - с грустью думал Саттон. - Языка моих собственных записей. Я даже не знаю, как и когда он появился. Я спрашивал, но мне не сказали этого. Джонни однажды пытался рассказать мне об этом. Но я ничего не понял. Вероятно, это что-то такое, чего человеческий разум вообще не способен понять.

Я знаю его символы, знаю, что они означают, но я не знаю звуков, соответствующих этим символам. Мой язык просто не способен произнести эти звуки. Может быть, это язык похож на язык реки... Или это язык какой-то цивилизации, попавшей в катастрофу и исчезнувшей миллионы лет назад...

Чудная ночь опустилась на темную поверхность реки. Луна еще не взошла и не взойдет в течение долгих часов.

Звуки отражались в волнах, как маленькие драгоценные камни. Впереди неподалеку виднелись огни домов, причудливо разбросанных на берегу реки.

- Записки были у Херкимера, - сказал себе Саттон. - Надеюсь, у него хватит сообразительности, чтобы спрятать их. Они понадобятся мне позже, не сейчас. Я хотел бы увидеть Херкимера, но рисковать не стоит, поскольку возможно, что они следят за ним. И совершенно очевидно, что они следят за мной с помощью психометра. Но если я буду передвигаться достаточно быстро, то смогу запутать своих преследователей.

Его ноги нашупали дно, и он, окунувшись, выбрался на крутоя берег.

Ночной ветер коснулся Саттона, и он почувствовал, что трястется от холода. Вода в реке еще сохранила тепло жаркого дня, но воздух был уже прохладен.

Херкимер, конечно, был именно тем, кто заинтересован в том, чтобы книга была написана именно так, как она должна быть написана, и чтобы в нее не было внесено никаких изменений. Херкимер и Ева... Из них двоих он больше рассчитывал на Херкимера, так как андроид будет бороться до конца, пока он жив, за то, что сказано в этой книге. Андроид и собака, и пчела, и муравей, и лошадь. Но ни собака, ни лошадь, ни пчела, ни муравей так и не узнают об этом, потому что не умеют читать.

Он нашел на берегу участок, покрытый травой, устало сел, снял с себя одежду и досуха выжал ее. Затем снова одел и направился через луг к дороге, поднимавшейся вверх по долине.

Никто не найдет корабль на дне реки. Во всяком случае, в течение какого-то времени. Ему нужно всего несколько часов. Всего несколько часов, чтобы спросить об одной вещи, которую он обязательно должен знать. Всего несколько часов, чтобы вернуться на корабль.

Терять время никак нельзя. Он должен добыть информацию самым коротким путем. Ведь Адамс, он чувствовал это, следит за ним с помощью своих приборов и знает, что он вернулся на Землю.

Опять у него возникло прежнее щемящее чувство удивления по отношению к Адамсу. Как Адамс узнал о том, что он возвращается? И почему он устроил ловушку еще до его прибытия? Какой информацией он располагал, откуда получил ее? Что заставило его отдать приказ убить Саттона, как только он появится?

Кто-то обратился к нему. Кто-то, у кого были какие-то аргументы, которые и были предъявлены. Адамс не стал бы действовать, не получив доказательств. Единственный, кто мог дать ему такую информацию, был человек из будущего. Возможно, кто-то из тех, кто был убежден в том, что книга не должна быть написана, что она не должна существовать, что знание, которое она дает, должно быть вычеркнуто навсегда. И если человек, который пишет эту книгу, умрет - ну что же, так будет проще.

Однако книга уже написана, книга уже существовала, и знание это уже, очевидно, распространилось по Галактике.

Это была бы катастрофа... поскольку книга еще не написана и, следовательно, еще не будет существовать. И целый кусок будущего, который оказался под воздействием этой книги, тоже будет вычеркнут вместе с ней.

- Этого не может быть, - сказал себе Саттон. Это означает, что Саттон не мог себе позволить, чтобы его убили до того, как книга будет написана. Что бы там ни было, книга должна быть написана. Иначе все будущее окажется ложью.

Саттон пожал плечами. Тонкая нить логики была для него слишком запутанной. Не было ни одного факта, основываясь на котором можно было бы распутать эту нить от первой причины до последнего следствия.

Какое-нибудь вероятное будущее?

Возможно, но это не кажется реальным. Разные варианты будущего - это фантазии, которые вызваны романтическими ухищрениями, затуманивающими правду и маскирующими ошибки.

Он перешел дорогу и пошел по небольшой тропинке, ведущей к дому, расположенному на холме.

Где-то очень близко дикая утка прокричала во тьме. На холмах ночные птицы завели свой вечерний концерт. Запах свежескошенной травы наполнял воздух, и ночной туман, исходивший от воды, поднимался вверх по долине.

Тропинка привела к небольшому домику, и Саттон прошел через дворик. Внезапно раздался человеческий голос.

-Добрый вечер, Ашер. - Саттон резко обернулся.

Он увидел человека, который сидел в кресле и курил трубку под вечерним небом, на котором уже загорались звезды.

- Мне очень жаль, что я причиняю вам беспокойство, но нельзя ли мне от вас позвонить по визору?

- Конечно, Аш, - ответил Адамс, - конечно, все, что угодно.

Саттон вздрогнул, почувствовал, как у него все холдеет внутри при виде этого человека из стали и льда. Адамс... надо же было выбрать из многих домов, стоящих у реки, именно этот и попасться на глаза Адамсу. Адамс рассмеялся.

- Против тебя работает судьба, Аш.

Саттон прошел вперед, нашупал в темноте кресло и сел в него

- У вас хороший дом, - сказал он.

- Очень неплохой, - согласился Адамс.

Он вытряхнул свою трубку и сунул ее в карман.

- Итак, ты не умер? - поинтересовался он.

- Я был убит, - ответил Саттон, - но почти сразу же снова стал жив.

- Это сделал кто-то из моих ребят? - спросил Адамс. - Они охотятся на тебя.

- Двое незнакомцев, - ответил Саттон, - кто-то из банды Моргана.

Адамс покачал головой.

- Мне незнакомо это имя, - сказал он.

- Они, возможно, не называли его имени, - объяснил Саттон, - это тот, кто сказал вам, что я возвращаюсь.

- Так вот как это было, - усмехнулся Адамс. - Человек из будущего. Они меня очень беспокоили, Аш.

- Я хотел бы позвонить по видеофону.

- Вы можете им воспользоваться, - сказал Адамс.

- Мне нужен целый час.

Адамс пожал плечами.

- Я не могу дать вам часа.

- Тогда полчаса, может быть, я успею закончить.

- Даже полчаса я не могу вам дать.

- Вы никогда не рискуете, Адамс, не так ли?

- Никогда, - ответил Адамс.

- А я рисую, - сказал Саттон. Он поднялся. - Где видеофон? Я собираюсь сыграть в эту запретную игру с вами.

- Садитесь, Аш, - пригласил Адамс почти с мягкостью. - Садитесь и расскажите мне кое-что.

Саттон упрямо продолжал стоять.

- Если вы дадите мне слово, что все, что имеет отношение к судьбе, не принесет человечеству вреда и не принесет пользу нашим врагам...

- У человека нет врагов, - перебил Саттон, - кроме тех, которых он сам себе создал.

- Вся Галактика ожидает момента, чтобы напасть на нас при первом же малейшем признаке нашей слабости.

- Это потому, что мы приучили их к этому. Потому, что они видели, как мы используем их собственные слабости для того, чтобы поставить их на колени.

- Что, собственно, делает эта судьба? - спросил Адамс.

- Она учит человечество доброте, - ответил Саттон. - Доброте и ответственности.

- Это не религия, - задумчиво сказал Адамс, - мне это сказал доктор Рэйвен. Но это выглядит как религия... со всеми этими разговорами о доброте.

- Доктор Рэйвен был прав, - подтвердил Саттон. - Это не религия. Судьба и религия могут идти и развиваться параллельно, существуя в полном согласии. Они не мешают друг другу. Скорее всего они даже будут содействовать друг другу. Судьба поддерживает те же самые основы, на которых стоит большинство религий, но не дает никаких надежд на жизнь после смерти. Это остается делом религии.

- Аш, - сказал Адамс спокойно, - ты же изучал историю...

Саттон кивнул головой.

- Подумай о прошлом, - продолжал Адамс, - вспомни крестовые походы, вспомни о том, как расцветало магометанство, вспомни Кромвеля в Англии, вспомни Германию и Америку, Россию и Америку, религию и идею. Религию и идею. Половина человечества будет сражаться за религию даже тогда, когда не поднимет и пальца, чтобы защитить свою семью, жизнь честь. Но что касается идеи... это уже нечто другое.

- И вы боитесь идеи?

- Мы просто не можем себе позволить ее, Аш. Во всяком случае, сейчас.

- И все же идея была тем, что заставило человека развиваться. У него не было бы культуры и цивилизации, если бы не было идеи.

- Как раз в это самое время, - возразил Адамс с горечью, - люди воюют из-за вашей идеи Судьбы.

- И вот почему мне обязательно надо позвонить, Вот для чего мне нужен час.

Адамс с трудом поднялся на ноги

- Возможно, я совершаю ошибку, - произнес он, - это то, чего я не делал никогда, на протяжении всей своей жизни. Но раз в жизни я сыграю в эту азартную игру.

Он пошел вперед, через внутренний дворик, в слабо освещенную комнату, наполненную старой мебелью.

- Джонстон, - позвал он.

В холле послышался звук стелящихся шагов и в комнату вошел андроид.

- Принеси нам кости, - попросил Адамс. - Мы, мистер Саттон и я, хотим сыграть.

- В кости, сэр? - недоуменно спросил андроид.

- Да, в ту игру, в которую вы играете с поваром, - глаза Адамса как-то странно сверкнули.

- Хорошо, сэр, - ответил Джонстон. Он повернулся и вышел. Адамс повернулся к Саттону.

- Договоримся, что каждый бросает один раз. Выигрывает тот, у кого будет больше очков.

Саттон, весь в напряжении, кивнул головой.

- Если выиграете вы, то я дам вам час, - предложил Адамс. - Если выиграю я, то вы повинуетесь моим приказам.

- Я сыграю с вами, - согласился Саттон. - На таких условиях я с вами сыграю.

В это время он думал.

-- Я поднял разбитый корабль с Симы, планеты 61 Лебедя, и провел его через космос. Я был двигателем и пилотом, я был дюзами и штурманом. Энергия, собранная моим телом, заставила корабль подняться и провела его через космос. Одиннадцать лет в космосе. Я опустил корабль сегодня ночью, провел его через атмосферу с выключенным двигателем, чтобы его не заметили, и посадил его в реку. Я могу без помощи рук вытащить его, как вон из того ящика; я могу переворачивать листы книги, не прикасаясь к ним.

Но игра в кости...

Игра в кости - это что-то совсем другое.

Они так быстро вращаются...

- Независимо от того, выиграете вы или нет, - сказал Адамс, - вы все равно сможете воспользоваться видеофоном.

- Если я проиграю, - ответил Саттон, - то это мне не поможет и не понадобится.

Джонстон вернулся и положил кости на стол. Он на мгновение замешкался, но заметив, что двое людей ожидают, когда он уйдет, оставил их.

Саттон очень внимательно посмотрел на кости.

- Сначала вы, - сказал он.

Адамс взял кости, зажал их в кулаке и потряс. Раздался звук, похожий на тот, который издают зубы, стучащие от дикого страха.

Он поднял руку над столом, разжал пальцы, и маленькие беленькие кубики покатились по полированной поверхности. Наконец-то они остановились. На одном из них было пять, на другом - шесть.

Адамс поднял взгляд на Саттона. Глаза его ничего не выражали. Даже триумфа. Совершенно ничего.

- Ваша очередь, - спокойно произнес он.

"Отлично, - подумал Саттон. Просто отлично. Необходимо, чтобы выпали две шестерки."

Он протянул руку, взял кости, потряс их в своих руках - в своем кулаке, чувствуя их размер и форму, когда они перекатывались у него по пальцам.

- Теперь надо почувствовать их всем своим разумом. Так же, как я чувствую их рукой. Ощущи их своим разумом. Сделай так, чтобы они стали частью тебя, так же, как это было с двумя кораблями, которые ты провел через космос. Так же, как ты это делаешь с книгой или стулом, или цветком, которые хочешь поднять.

На какой-то момент он неузнаваемо изменился. Его сердце почти остановилось, движение крови замедлилось настолько, что, казалось, она еле-еле пульсирует в его артериях и венах. Саттон не дышал. Он чувствовал, как в нем брала верх другая система, другое тело, которое получало энергию от всего окружающего. Он примерился к игральным кубикам и как бы охватил их. Он мысленно потряс их в своих ладонях, потом размашистым

движением протянул руку над столом и разжал пальцы, - кости полетели из рук и рассыпались по столу.

При падении его разум воспринимал их вращение, видел, чувствовал их так, будто они были частью его самого. Он ощущал те грани, где находились шесть черных точек и те, где находилась одна точка и все остальные.

Они были скользкими и ими было трудно управлять. На какое-то короткое мгновение его охватил страх, показалось, что эти вращающиеся кубики обладают собственным сознанием, являются самостоятельными личностями.

На одном из кубиков выпала шестерка, а другой все еще вращался... Кубик с шестеркой некоторое время качался на ребре так, что казалось, он может упасть на другую грань.

- Подтолкнуть, - приказал себе Саттон, - немного подтолкнуть, но силой разума, не рукой.

Шестерка вышла наверх. Оба кубика остановились - на обоих были шестерки.

Саттон с усилием вздохнул, и его сердце снова забилось, и кровь снова начала двигаться в венах.

Они в молчании стояли некоторое время, глядя друг на друга через стол.

- Видеофон находится там, - проговорил Адамс. Его голос был спокоен, и нельзя было понять по его тону, что он все это время чувствовал.

Саттон слегка наклонил голову. Он почувствовал себя глупо, сделав это подобно персонажу какого-то старого и плохого драматического романа.

- Судьба, - сказал он, - работает на меня. Когда мне приходится туда, судьба мне всегда помогает.

- Я начну отсчитывать отведенный вам час, - холодно произнес Адамс, - как только вы начнете разговор.

Он быстро повернулся и зашагал в патио, по-прежнему очень прямой и строгий.

Сейчас, когда он выиграл, Саттон почувствовал слабость. Он направился к видеофону, и ноги плохо слушались его. Ашер сел перед видеофоном и взял видеофонную книгу.

"Информация" и названия под этим словом:

"География. Исторические сведения. Северная Америка".

Он нашел номер, набрал его, и экран засветился.

Робот сказал:

- Могу ли я быть полезен, сэр?

- Да, - ответил Саттон, - я хотел бы знать, где находится Висконсин.

- Где вы сейчас находитесь?

- Я нахожусь в резиденции мистера Кристофера Адамса.

- Тот мистер Адамс, который работает в департаменте Галактических расследований? - уточнил дежурный робот.

- Да, это он, - ответил Саттон.

- Тогда, - произнес робот, - вы находитесь в бывшем Висконсине.

- Бриджпорт? - спросил Саттон.

- Он находится на реке Висконсин, на северном берегу, примерно в семи милях выше слияния ее с рекой Миссисипи.

- Что это за реки? Никогда не слышал о них.

- Вы недалеко от них, сэр. Висконсин впадает в Миссисипи немного ниже того пункта, где вы сейчас находитесь.

Саттон с трудом поднялся и вышел в патио.

Адамс раскуривал свою трубку.

- Вы получили то, что хотели? - спросил он.

Саттон кивнул.

- Тогда продолжайте делать то, что вы намеревались. Отсчет вашего часа уже начался.

Саттон стоял в нерешительности.

- Интересно, - улыбнулся он, - захочешь ли ты пожать мне руку?

- Конечно, я дам тебе руку, - ответил Адамс.

Он торжественно поднялся на ноги и протянул свою руку.

- Одно из двух, - произнес Адамс, - либо ты человек больше, чем кто-либо другой, либо ты самый большой дурак, которого я когда-либо знал.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Бриджпорт казался спящим в каменном гнезде, расположенным вдоль берега реки. Летнее солнце беспощадно палило землю, расположенную между тремя горными вершинами, с такой силой, что казалось, там невозможно жить: в домах, состарив-

шихся от времени и непогоды; в пыли, лежавшей на улице; в кустах, на которых почти не было листьев; в чахлых цветах, высаженных рядами.

Железнодорожные рельсы изгибались вокруг скалы и уходили в гору, опять изгибаясь, обходя другую возвышенность, и снова тянулись куда-то. На этом коротком участке, ведущем ни откуда в никуда, они сверкали, как влажный стальной нож.

Между рельсами и рекой находилась железнодорожная станция, казавшаяся вымершей. Квадратное здание, которое выглядело как человек, опустивший плечи под ударами зимней непогоды и летнего палящего зноя и уже в течение долгих лет потерявший всякую надежду, в ожидании нового удара непогоды или судьбы.

Саттон стоял на станционной платформе и слушал голос реки: плеск волн, накатывающихся на берег, журчание воды, удары о подводные камни и бревна. И все эти звуки покрывал настоящий голос реки, ее разговор со всем земным, мощная полифония, несущая скрытую энергию и имеющая какую-то высокую цель.

Он поднял голову и прислушался, прищуриваясь от солнечного света. Взглянул на могучую конструкцию, пересекающую реку и переходящую на том берегу в высокую железнодорожную насыпь, которая тянулась через долину за рекой.

Люди пересекали реки с помощью этих огромных конструкций из металла и стали и никогда не прислушивались к разговору реки, разговору ее волн, катившихся к морю. Люди пересекали моря на крыльях при помощи могучих двигателей, и голос моря был неразборчивым в огромном пространстве неба. Люди пересекали космос в металлических цилиндрах, свободно манипулируя временем и пространством. Человек совершил огромные прыжки на своих чудесных машинах по траекториям, представляющим собой математические абстракции, о которых даже не мечтал мир этого города, Бриджпорта, в 1987 году.

Люди слишком спешили. Они ушли слишком далеко и слишком быстро. Так быстро и так далеко, что упустили из вида слишком многое... все встреченное на своем пути, что требовало времени для понимания и осмыслиения. Когда-нибудь, в отдаленном будущем, человек все равно остановится и затратит какое-то время, чтобы изучить их. Когда-нибудь человек вернется назад

по тому же пути, которым прошел, и узнает те вещи, что когда-то остались вне его понимания. И он будет удивляться, как же он пропустил их, и жалеть о тех годах, которые были безвозвратно потеряны из-за незнания этих вещей...

Саттон спустился с платформы и нашел тропинку, ведущую вниз к реке. Он осторожно пошел по ней. Осторожно, потому что она казалась мягкой и зыбкой, а камни на ней неустойчивыми.

В конце тропинки он увидел пожилого человека. Старик сидел на камне, наполовину утонувшем в глине, и держал в руках удилище. В его зубах торчала трубка. Щеки покрывала двухнедельная щетина. Рядом стоял узкий кувшин, заткнутый вместо пробки стержнем кукурузного початка так, что до него легко было дотянуться рукой.

Саттон осторожно ступил на речной песок и удивился, почувствовав прохладу, которую здесь давала тень от деревьев и кустов, такую приятную после солицепека, на котором он только что находился.

- Что-нибудь поймали? - спросил он.

- Нет, - ответил старик.

Он спокойно покуривал свою трубку, и Саттон следил за ним с удивлением. Можно было поклясться, что волосы этого человека когда-то были огненно-рыжего цвета.

- И вчера не поймал ничего, - продолжал старик. Он осторожно вынул трубку изо рта и сосредоточенно сплюнул в воду.

- И позавчера ничего не поймал.

- Но вы рассчитываете что-нибудь поймать? - вежливо поинтересовался Саттон.

- Нет, - просто ответил старик.

Он протянул руку, взял кувшин, вытащил из него пробку-затычку из кукурузы и тщательно вытер горлышко грязной рукой.

- Не хотите ли глотнуть? - предложил он, протягивая кувшин.

Саттон, помня о его грязной руке и опасаясь за себя, все же взял кувшин и поднес ко рту. Жидкость хлынула ему в рот, потекла по пищеводу. Это был жидкий огонь с каким-то странным привкусом гриба и плесени. Саттон отнял кувшин ото рта, держа его за ручку. Его рот был раскрыт. Старик взял кувшин обратно, а Саттон принялся вытирать текущие из глаз слезы.

- Недостаточно выдержанное винцо, - сказал старик извиняющимся тоном. - У меня просто не было времени возиться с ним.

Он тоже сделал глоток, вытер рот тыльной стороной ладони и с удовольствием вздохнул. Пролетавшая мимо бабочка упала замертво... Старик покосился на нее и ткнул бабочку носком ботинка.

- Слабое существо, - произнес он. Он снова заткнул кувшин пробкой и поставил рядом с собой...

- Вы нездешний, не так ли? - спросил он у Саттона. - Я не помню, чтобы видел вас здесь.

Саттон кивнул.

- Я ищу семейство Саттонов, а именно человека по имени Джон К. Саттон.

Старик рассмеялся.

- Старицу Джона? Да мы с ним друзья с детства. Он был хитрым маленьким разбойником. Настоящий человек, настоящий.. Он пошел учиться на юриста и получил образование, но не добился успеха в этом деле. Он обосновался на ферме, вон там, на холме за рекой. - Он посмотрел на Саттона. - Вы случайно не родственник ему?

- Ну, - уклончиво ответил Саттон, - в общем-то нет... во всяком случае, не близкий.

- Завтра четвертое, - рассказывал старик. - Я помню, как когда-то мы с Джоном взорвали дренажную трубу, как раз четвертого числа, в Кемп-Холле. Мы нашли динамит, которым пользовались рабочие, строившие дорогу. Мы с Джоном подумали, что взрыв будет сильнее, если закупорить динамит в замкнутом пространстве. Поэтому засунули динамит в трубу и подожгли длинный бикфордов шнур. Мистер, эта труба взорвалась к чертовой матери! Я помню, наши отцы чуть не спустили с нас шкуру.

"Совершенно точно, - подумал про себя Саттон. - Джон К. Саттон живет за рекой, а завтра как раз будет четвертое июля 1987 года, вот что было сказано в письме. И мне не надо было спрашивать, старик сам все рассказал."

Солнечные лучи расплавленным металлом отражались в реке. Но здесь, под деревьями, было довольно прохладно. Мимо проплыл листок, на котором сидел кузнец. Кузнец прыгнул на берег, но не допрыгнул, упал в воду и был унесен ею.

- У него не было никакого шанса, - сказал старик, - у этого кузнечика. Самая скверная река в Соединенных Штатах, эта старая река Висконсин. По ней сперва пытались водить пароходы, но так и не смогли этого сделать. Там, где было судоходное русло, на следующий день мог оказаться нанос песка. Течение постоянно переносило песок с одного места на другое. Какой-то чиновник однажды сделал сообщение об этом. Говорилось, что единственная возможность использовать Висконсин для судоходства, это углубить ее и укрепить дно.

Откуда-то сверху послышался шум. Скрежеща, по мосту прошел поезд, длинный товарный поезд, тянувшийся по долине. Уже после того, как поезд прошел, Саттон услышал протяжный гудок, похожий на зов затерянного в пустыне. Должно быть, там железная дорога пересекалась с другой.

- Судьба, - усмехнулся старик, - не очень-то постаралась для этого кузнечика, не правда ли?

Саттон вскочил и спросил, заикаясь:

- Что? Что вы такое сказали?

- Не обращайте на меня внимания, - ответил старик. - Я часто брожу и бормочу себе под нос. Иногда люди слышат это и думают, что я сумасшедший.

- Но судьба? Вы что-то сказали насчет судьбы?

- Тебя это интересует, парень? - спросил старик. - Однажды я написал об этом рассказ. Тогда мне это ничего не стоило сделать. Я занимался писательством в молодые годы.

Саттон успокоился и лег на спину.

Стрекоза пролетела над поверхностью воды, невдалеке, выше по течению, небольшая рыбка выпрыгнула из воды и оставила на поверхности расходящиеся круги.

- Как же все-таки насчет рыбной ловли? - снова поинтересовался Саттон. - Неужели для вас неважно, поймаете ли вы что-нибудь или нет?

- Даже лучше, если нет, - ответил старик. - Понимаешь, нужно снимать рыбу с крючка, снова насаживать, забрасывать удочку. Затем придется чистить рыбу. Это неприятная работа.

Он вынул трубку изо рта и снова, тщательно прицелившись, плонул в реку.

- Вы когда-нибудь читали Торо, парень?

Саттон покачал головой, пытаясь вспомнить. Это имя вызывало у него какое-то воспоминание. Был отрывок в учебнике по древней литературе, которую он изучал в колледже. Все, что осталось у него в памяти, так это впечатление, что это было какое-то большое произведение.

- А его следует почитать, - сказал старик. - У него были правильные мысли.

Саттон поднялся и отряхнул свои брюки.

- Оставайся, - предложил старик. - Ты мне не мешаешь. Совсем не мешаешь.

- Мне нужно идти, - объяснил Саттон.

- Найди меня когда-нибудь в другой раз, - продолжал старик, - мы можем еще поговорить. Меня зовут Клиф, но подчас меня уже называют старик Клиф. Спроси старика Клифа, меня здесь каждый знает.

- Как-нибудь я так и сделаю, - ответил Саттон вежливо.

- Не хотите ли глотнуть, прежде чем уйти?

- Нет, спасибо, - ответил Саттон, отодвигаясь, - нет, спасибо, спасибо.

- Ну хорошо, - старик поднял кувшин и сделал долгий глоток, сопровождающийся бульканьем. Затем опустил кувшин и выдохнул воздух, но теперь это выглядело менее внушительно: не было бабочки.

Саттон поднялся по берегу и вышел под обжигающее солнце...

* * *

- Да, конечно, - сказал работник станции. - Саттоны живут как раз за рекой, в округе Грант. Можно добраться туда несколькими способами. Какой предпочитаете?

- Самый длинный, - ответил Саттон. - Я не спешу.

Луна уже всходила, когда Саттон поднялся на холм, приближаясь к мосту. Он не спешил, поскольку в его распоряжении была вся ночь.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Земля была дикой, более дикой, чем любое из тех мест, какие видел Саттон на поверхности его родной земли, покрытой подстриженными газонами, аккуратно подрезанными деревьями в парках с искусственными поливом. Местность резко поднималась вверх и была загромождена громадными валунами, как будто огромная рука разбросала их в ярости в какие-то давно забытые, древние времена. Каменные гряды устремлялись вверх, покрытые кое-где могучими деревьями, которые тоже стремились достичь той же высоты, того же могущества, что и каменные нагромождения. Но остановились, не сумев этого сделать, и теперь стояли, убежденные в том, что представляют собой нечто меньшее, чем каменные громады, но все же сохранив достоинство и терпение, которым они обучились когда-то раньше, стремясь быть такими же.

Летние цветы прятались между камнями или же прижимались к основанию огромных деревьев, покрытых мхом. Белка сидела где-то неподалеку на ветке и издавала свое щелканье, словно в каком-то возмущении, что уже встает солнце.

Саттон с трудом поднимался вверх по узкой тропинке, которая вилась от дороги. Иногда он шел, но чаще полз на четвереньках, пробираясь сквозь густые заросли. Он часто останавливался и отдыхал, прислонившись к дереву, упираясь каблуками в грунт и вытирая пот с лица. В долине внизу река, казавшаяся грязноватой, когда он был рядом с ней, сейчас приняла голубой цвет, подобный голубизне неба, отражавшегося в реке. И воздух над ней был кристально чистый. Более чистый, чем он когда-либо видел. Ястреб упал с неба, промелькнул в пространстве между голубизной неба и реки, и Саттону показалось, что он мог видеть каждое отдельное перышко его сложенных крыльев.

Сквозь заросли он увидел небольшую расщелину среди камней и каменных нагромождений и вдруг понял, что это то самое место, о котором упоминал Джон К. Саттон в своем письме.

Солнце взошло только около двух часов назад. У него еще было время, так как Джон К. Саттон как раз только что поговорил с тем человеком, а затем пошел обедать.

С этого момента Саттон стал двигаться не спеша, постоянно наблюдая за расщелиной в камнях. Он достиг вершины и обнаружил большой камень, о котором упомянул его предок, и нашел его удобным для сидения.

Он сел на камень и взглянул в долину, с благодарностью принял прохладу деревьев. Здесь было спокойствие, как и говорил Джон К. Саттон. Мир и спокойное достоинство пейзажа, раскинувшегося перед ним. Странное свойство трех измерений пространства, которое было как бы живым существом, простирающимся над долиной. И необычность, необычность ожидания... И что-то, что могло произойти.

Он посмотрел на часы. Была половина десятого, поэтому он сошел с камня и прилег в ожидании за кустами. Почти в тот же момент раздался мягкий шуршащий звук двигателей. Вниз опускался корабль - очень небольшой, рассчитанный на одного человека. Он спускался по поисковой траектории над деревьями и приземлился на пастбище за изгородью.

Человек вышел из корабля и облокотился на трап, глядя на небо, как бы в удовлетворении, что он достиг места своего назначения.

Саттон внутренне улыбнулся и успокоился.

- Как декорация в театре, - подумал он. - Появление совершенно необычное и неожиданное, тем более в случае, когда испортился двигатель, и потому нет никакой нужды объяснять свое присутствие. Теперь нужно только подождать, пока придет человек и заговорит с ним. Самая естественная вещь в мире. Вы его не ждете, он видит вас, подходит, и, конечно, начинает разговор с вами. Здесь нет нужды идти по тропинке, открывать калитку, стучать в дверь и говорить: "Я пришел для того, чтобы узнать обо всем скандальном, чтобы извлечь любую грязь, которая имеет отношение к семейству Саттонов. Вы разрешите присесть и поговорить с вами?"

Но можно приземлиться на пастбище, если у вас испортился корабль, и сначала поговорить о кукурузе и траве на пастбище, о погоде, а, в конце концов, перейти к вещам, касающимся семьи Саттонов.

Этот человек достал ключ, начав что-то делать с кораблем. Кажется, приближался тот самый момент.

Саттон приподнялся на руках и внимательно огляделся сквозь плотно сплетенные ветви кустов миндаля.

Джон К. Саттон спускался вниз по холму. Тучный человек с аккуратной белой бородой, в старой черной шляпе. В его походке было нечто неуклюжее и, в то же время, изящное.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

- Это неудача, - подумала Ева Армор. - Вот как ощущается неудача. Сухость в горле, тяжесть в сердце, усталость в мозгу. Я зла, - сказала она себе, - и у меня есть все основания быть такой. Хотя я уже так устала метаться и испытывать неудачи, что острота этой злости притупилась. Психометр в комнате Адамса остановился, так сказал Херкимер, и экран погас, когда он выключил видеофон. Не было и следа Саттона, поэтому психометр не мог контролировать. Это означало, что Саттон... но не мог быть он мертв, потому что является историческим фактом то, что он должен написать книгу. А он пока еще не написал ее.

Однако история - это нечто такое, чему нельзя доверять. Она могла быть неправильно изложена или неправильно ком-то переписана, или же исправлена человеком, заинтересованном в этом, или же, в конце концов, неверно интерпретирована. Правду так трудно сохранить, а мифам и выдумкам так легко придать видимость правды, чтобы они казались более истинными, чем сама правда. Ева знала, что половина биографии Саттона была легендой, однако в ней были моменты, которые должны быть правдой.

Кто-то должен был написать книгу и это должен был быть Саттон, поскольку никто другой не мог расшифровать язык, на котором написаны его заметки. И снова книги несли в себе такую искренность, которая была присуща именно Саттону.

Саттон умер, но не на Земле и даже не в Солнечной Системе, когда ему еще не было и пятидесяти. Он умер на планете, вращающейся вокруг какой-то отдаленной звезды. Одновременно он был жив в течение еще многих и многих лет. Это была та правда, которую нельзя было исказить. Это была та правда, которая останется правдой до тех пор, пока не будет доказано обратное. И все же психометр остановился.

Ева встала со стула, прошлась по комнате, подошла к окну, которое открыло вид на ухоженную человеческими руками поверхность Ориона А. Светлячки усеяли кусты, сверкая холодным непостоянным светом. Поздняя луна выходила из-за облака, похожего на горную гряду.

- Так много усилий, - подумала она, - сколько лет усилий, планов. Андроиды, у которых не было знака на лбу и которые выглядели точным подобием человека, и другие андроиды, у которых были знаки на лбу, но которые уже не были андроидами, созданными в лабораториях восьмидесятого столетия. Тщательно разработанные и законспирированные сети шпионажа в ожидании того часа, когда Саттон вернется домой. Годы уходили на разгадывание прошлого, его надписей, в попытках определить, где правда, где полуправда, а где самая настоящая ложь.

Годы ожидания и спешки, устраниния ударов службы контрразведки ревизионистов. Годы, когда была проведена основная подготовка к тому дню, который станет днем действия. И всегда нужно было быть очень осторожными... очень осторожными, поскольку восьмидесятый век не должен знать об этом, не должен даже догадываться.

Но был ряд моментов, которые были упущены из виду. Кто-то подал ему мысль, что Саттон должен быть убит.

Два человека ожидали их на астероиде.

Но эти факторы не могли быть причиной того, что произошло. Было еще что-то. Но что?

Она стояла у окна, глядя на восходящую луну, ее брови сдвинулись, и на лбу образовались морщины. Она слишком устала и не могла ничего придумать. Ни одной мысли не приходило ей в голову, кроме мысли о поражении. Поражение все объясняет. Саттон мертв, и это означает поражение, полное и безоговорочное. Победа официальных сил, которые вели себя нерешительно и в то же время недоброжелательно. Слишком нерешительно, чтобы принять участие в борьбе. Это те официальные институты, которые стремились сохранить статус-кво и были готовы стереть с лица Земли столетия мысли, чтобы продолжать надежно удерживать власть над Галактикой.

Это поражение, понимала она, будет еще хуже, чем от ревизионистов, поскольку при победе ревизионистов все равно была

бы книга, было бы учение о человеке и о Судьбе. И это было бы лучше, чем никакого учения о судьбе.

За ее спиной мягко прозвучал вызов видеофона, и она, быстро повернувшись, поспешила в другой конец комнаты. Робот сказал:

- Звонил мистер Саттон. Он интересовался в отношении Висконсина.

- Висконсина?

- Это старинное название, - объяснил робот. - Он направился в город под названием Бриджпорт в штате Висконсин, о котором спрашивал.

- Это могло означать, что он направился туда?

- Да, можно было понять это так, - ответил робот.

Ева быстро спросила:

- Скажи мне, где находится Бриджпорт?

- На расстоянии очень многих тысяч миль от вас и не менее четырех тысяч лет назад.

У нее дыхание перехватило.

- Во времени? - спросила она.

- Да, мисс, во времени.

- Скажи мне точнее, - потребовала Ева.

Робот с сомнением покачал головой.

- Я не знаю. Я не смог этого понять. Его разум был очень возбужден. Он только что пережил сильное потрясение.

- В таком случае, ты не можешь ничего утверждать с уверенностью.

- Я бы на вашем месте не беспокоился. Он произвел на меня впечатление человека, который знает, что делает. С ним все будет в порядке, - успокоил ее робот.

- Ты в этом уверен?

- Я уверен в этом, - подтвердил он.

Ева выключила экран и опять подошла к окну.

- Аш, - подумала она, - Аш, любовь моя. Тебе просто необходимо сделать так, чтобы все было в порядке. Ты должен знать, что делаешь. Ты должен вернуться к нам, ты должен написать книгу...

Не только для меня одной, поскольку я не в большей степени, чем все остальные, могу претендовать на тебя. Но ты нужен Галактике, и, возможно, настанет день, когда ты будешь нужен

Вселенной. Маленькие мятущиеся жизни ожидают твоих слов — надежды, той уверенности в себе и достоинства, которые они дают. И больше всего достоинства. Что самое главное? Жизнь. И только она что-то значит. Жизнь — это указание на еще большее равенство и братство, чем что-либо иное, созданное человеческим разумом практически и теоретически за все время его существования.

— А что касается меня, — подумала она, — у меня нет никаких прав думать так, как я думаю, чувствовать то, что я чувствую. Но я ничего не могу поделать с этим, Али.

— Возможно, когда-нибудь настанет такой день, — сказал он, — настанет такой день.

Она стояла выпрямившись, в одиночестве, и слезы текли по ее лицу. Но она даже не подняла руку, чтобы вытереть их.

— Эта мечта, — сказала она, мечта, у которой нет надежды на осуществление, которая обречена еще до того, как она разбита. И это хуже всего.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Сухая веточка треснула под ногой Саттона, и человек с ключом медленно обернулся. Мягкая улыбка мгновенно появилась на его губах и распространилась по всему лицу. Около глаз появились морщинки, скрывающие блестевшее в глазах удивление.

— Добрый день, — сказал Саттон.

А Джон К. Саттон все еще был так далеко, что выглядел крошечной точкой, поднимающейся на холм. Солнце миновало зенит и спускалось к западу. Внизу долины реки паслись коровы, — был слышен чавкающий звук их ходьбы.

Человек протянул руку.

— Мистер Саттон, не так ли? — спросил он. — Тот мистер Саттон, который живет в восьмидесятом веке?

— Бросьте ключ, — резко сказал Саттон.

Человек сделал вид, что не услышал.

— Меня зовут Дин, — представился он. — Арнольд Дин, я из восемьдесят четвертого века.

— Брось ключ, — приказал Саттон, и Дин бросил его. А Саттон пинком отшвырнул его подальше.

- Так будет лучше, - уверенно проговорил он. - А теперь давайте присядем и побеседуем.

Дин указал в сторону.

- Скоро подойдет старик, - сказал он. - Он начал сомневаться, у него появилось много вопросов, которые он собирается задать мне.

- Не сейчас, - ответил Саттон. - Он должен еще пообедать, а после обеда поспать.

Дин недовольно хмыкнул и устроился поудобней, облокотившись на свой корабль.

- Случайность, - объяснил он, - вот что портит нам общую картину. Вы, Саттон, являетесь таким случайнм фактором. Ваше появление не было запланировано.

Саттон легко сел и поднял ключ. Он взвесил его в руке.

- Кровь, - подумал он, как бы разговаривая с ключом. - На тебе будет кровь, еще до того, как закончится этот день.

- Скажите мне, - поинтересовался Дин, - сейчас, когда вы здесь, что вы собираетесь сделать?

- Все очень просто, - объяснил Саттон, - мы поговорим с вами. Вы расскажете мне кое-что, что мне необходимо знать.

- С удовольствием, - согласился Дин.

- Вы сказали, что прибыли из восемьдесят четвертого столетия. Какой год?

- 8386 год, - ответил Дин. - Но на вашем месте я спросил бы что-нибудь другое. Для вас может найтись много интересного.

- Вы полагаете, что до этого мы не доберемся? - спросил Саттон. - Вы надеетесь выйти победителем?

- Конечно, так и будет.

Саттон принялся ковырять ключом землю.

- Некоторое время назад я встретил человека, который умер вскоре после того, как я его нашел. Он узнал меня и сделал знак, подняв скрещенные пальцы.

Дин сплюнул на землю.

- Это был андроид, - объяснил он. - Они боготворят вас, Саттон. Они сделали из вас религию, потому что, - вы понимаете? - вы дали им надежду, за которую можно уцепиться. Вы дали им то, что позволило им чувствовать себя, в какой-то мере, равными человеку.

- Я полагаю, - усмехнулся Саттон, - что вы не верите ничему из того, что я написал.

- Разве я должен верить?

- Я верю... - продолжал Саттон.

- Это ваше дело, - резко оборвал его Дин.

- Вы приняли то, что я написал, - спокойно сказал Саттон. - И вы пытаетесь использовать это для того, чтобы взобраться на еще одну ступеньку по лестнице человеческого гнёславия. Вы не поняли самого главного. У вас нет чувства Судьбы, потому что вы не дали своей судьбе ни одного шанса стать самым главным для вас.

Сказав это, он почувствовал себя очень глупо. Это походило на проповедь. Очень похоже на то, как в старые времена люди говорили о вере. Тогда вера была еще только словом, затем она стала силой, с которой нужно было считаться. Как делали старые проповедники Библии - они носили обувь, сделанную из коровьей кожи, и их длинные неопрятные волосы и развевающиеся бороды были покрыты пятнами от слюны, пропитанной нюхательным табаком.

- Я не собираюсь читать вам лекцию, - продолжал он, удивляясь, как быстро он оказался в положении обороныщегося. - Я не собираюсь читать вам проповедь. Вы или принимаете учение о Судьбе или нет. Что касается меня, то я пальцем не пошевельну, чтобы убеждать в этом хоть одного человека. Книга, которую я написал, рассказывает о том, что я знаю. Вы можете принять ее, либо отвергнуть. Это мне безразлично.

- Саттон, - сказал Дин, - вы колотитесь лбом о каменную стену. У вас нет ни одного шанса. Вы боитесь так, как боятся люди. Вся человеческая раса против вас. И никогда еще ничто не могло устоять против нее. Все, что вы имеете, все, что на вашей стороне - это небольшое количество жалких андроидов и горстка ренегатов-людей, подобных тем, что объединялись когда-то вокруг старых религиозных культов для религиозных служб.

- Империя, построенная на роботах и андроидах, - возразил Саттон. - Они могут сбросить вас в любой момент, как только пожелают. Без них вы не сможете удержать ни малейшего пространства за пределами Солнечной Системы.

- Они будут с нами в делах империи, - уверенно проговорил Дин. - Может быть, они будут нашими противниками в вопросе

учения о Судьбе, но они все равно останутся с нами, поскольку не смогут обойтись без нас. Они не могут размножаться, как вы знаете, и не могут создавать сами себя. Им необходимы люди, чтобы поддерживать их существование, их и им подобных. Для того, чтобы заменять погибших.

Он рассмеялся.

- До тех пор, пока андроид не научится создавать другого, они будут с нами работать на нас. Ведь если они этого не сделают, то это просто массовое самоубийство.

- Чего я не понимаю, - поинтересовался Саттон, - то это того, как вы определяете, кто борется против вас, а кто остается с вами.

- В этом, - объяснил Дин, - как раз и есть загвоздка. Мы этого не знаем. Если бы знали, то могли бы быстро закончить эту паршивую войну. Тот андроид, который воевал против нас вчера, может чистить вам ботинки сегодня, и нельзя сказать, что он будет делать завтра. Выход только один - нельзя никому из них доверять.

Он подобрал небольшой камень и бросил его вниз.

- Саттон, - продолжал он. - От этого можно просто сойти с ума. Не происходит никаких битв, только мелкие партизанские действия то там, то тут, когда небольшое военное соединение, посланное для проведения каких-то действий во времени, попадает в засаду, организованную другой такой же небольшой группой, которая атакует их или перехватывает с целью помешать.

- Как я перехватил вас, - сказал Саттон.

- Да, - согласился Дин, затем лицо его просияло. - Да, конечно, именно так.

И тут, в тот момент, когда Дин, казалось, совершенно расслабился и сидел, прислонившись к своему кораблю, продолжая разговор, именно в этот момент его тело с быстротой молнии метнулось вперед, по направлению к тому ключу, который Саттон держал в руке.

Саттон инстинктивно отпрянул, мышцы его ног напряглись, чтобы подняться, а рука сжала ключ. Но у Дина было преимущество в одну длинную секунду. Ведь он начал действовать раньше, первым. Саттон почувствовал, что у него вырываются ключ, видел, как он блеснул на солнце, когда Дин размахнулся для удара. Губы Дина шевелились. И в то время, когда Саттон пытался

пригнуться, поднять руки, чтобы защитить голову, он успел прощать слова, которые произнесли эти губы:

- Итак, ты видишь, это буду я.

Боль взорвалась внутри головы Саттона, и в течение одной долгой секунды, пока он падал, он видел, как земля надвигается на него. А затем уже не было ничего, была только темнота, пролегающая через бесконечную, долгую вечность.

- Обманут! Обманут! ловким человеком, который явился из времени, находящегося на пять столетий позже моего. Попал в ловушку из-за письма, которое пришло из прошлого, отстоящего на шесть тысяч лет. Попал в ловушку, - думал Саттон. - Из-за своей собственной недогадливости.

Он сел, медленно ощупал голову и почувствовал спиной тепло лучей заходящего солнца. Услышал крик птицы в кустах и шелест кукурузы, колеблемой ветром.

- Обманут и попал в ловушку, - повторил он.

Ашер отнял руку от головы и увидел на измятой траве лежавший неподалеку ключ, покрытый кровью. Саттон посмотрел на свои пальцы, они тоже были в крови. Теплая, липкая кровь. Он осторожно ощупал голову и почувствовал, что его волосы слиплись от крови. То же самое...

- Схема, - подумал он. - Все это очень точно укладывается в какую-то схему. Вот я здесь нахожусь. Вот этот ключ. Вот поле кукурузы за забором, которая подросла уже выше колена, и заканчивается прекрасный летний день. 4 июля 1987 года.

Корабль улетел, а через час или около того Джон К.Саттон придет сюда, чтобы задать вопросы, которые не успел задать перед этим. И когда пройдет десять лет с этого момента, он напишет письмо и в нем выскажет свои подозрения относительно меня, а я в это время буду на скотном дворе надаивать себе молока.

Саттон с трудом поднялся на ноги. Он стоял один в этом пустынном месте. Над его головой раскинулось небо, сливающееся с горизонтом, а внизу открывалась панорама долины с извиющейся по ней рекой.

Он дотянулся до ключа и подумал:

- Я не смогу изменить эту схему. Если я заберу ключ, то тогда Джон К.Саттон не найдет его никогда, то есть, если изме-

нишь хотя бы один факт в этой схеме, то и конец может быть другим.

- Я неправильно понял письмо, - размышлял он. - Я думал, что это будет какой-то другой человек, но только не я. Мне даже не приходило в голову, что именно моя кровь будет на этом ключе, и что я буду тем, кто затем украдет одежду с веревки.

Все-таки некоторые детали не совпадали. На нем была его одежда, и не было необходимости воровать другую. И его корабль все еще находился на дне реки, и поэтому не было никакой нужды оставаться здесь.

И все же это случилось однажды, поскольку все эти события описаны в письме. Это письмо привело его сюда, и оно было написано потому, что он приходил сюда раньше. И тогда он оставался... И остался он здесь потому, что не мог отсюда выбраться. Но на этот раз ему не было нужды оставаться.

- Еще одна возможность мне дана, - подумал он, - еще одна возможность. И все же это было неправдой. Ведь если бы этого не случилось во второй раз, то об этом бы знал Джон К. Саттон. Но в то же время, не могло быть никакого второго раза, поскольку сегодня был именно тот день, когда Джон К. Саттон разговаривал человеком из будущего.

- Был только один раз, когда все это случилось. И этот раз именно тот самый. Что-то должно произойти, - сказал себе Саттон. - Что-то такое, что не позволит мне вернуться. Что-то заставит меня украсть одежду, и, в конце концов, я пойду к той ферме и попрошу у них работу. Поскольку именно в этом состояла схема. Так она была установлена. - Саттон снова дотронул ногой до ключа. Он задумался. Затем повернулся и пошел вниз по холму, оглядываясь через плечо. Когда он проходил через лес, то увидел старого Джона К. Саттона, который поднимался вверх по холму ему навстречу.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

В течение трех дней Саттон трудился, пытаясь освободить корабль от тонн песка, который коварная река нанесла на него. Когда прошли еще три дня, он признал бесполезность этой работы, поскольку течение реки намывало песок быстрее, чем он

убирал его. С этого момента он старался хотя бы очистить входной люк. И когда прошел еще день, после многих трудов он достиг своей цели. Он устало облокотился на металл корабля.

- Это игра, - сказал он себе. - В ней нужно рисковать.

Не было никакой возможности освободить корабль с помощью двигателей. Ракетные сопла, как он понял, были забиты песком, и всякая попытка продуть их закончится тем, что корабль испарится в атомном взрыве вместе со значительной частью местности. Он поднял корабль с планеты Сигма и летел на нем одиннадцать лет в пространстве силой только своего разума. Так же он выиграл и в кости, когда наверху оказались две шестерки.

- Может быть, и на этот раз, - сказал он себе. - Возможно...

Но ведь здесь тонны песка, а он очень устал. Он чувствовал усталость, несмотря даже на то, что в его теле безотказно шла работа нечеловеческого метаболизма.

- Я перевернул две шестерки, - размышлял Саттон. - Однажды я перевернул две шестерки. Конечно, это было более сложно, чем теперешняя работа. Однако это требовало целеустремленности, требовало силы. А разве известно, какая тут потребуется сила? Какая сила потребуется, чтобы поднять затонувшую массу металла из горы песка. Не сила мускулов, а сила разума.

- Конечно, - думал он, - если я не могу поднять корабль, то могу совершить прыжок во времени. Перенести корабль, оставив его на месте, вперед на шесть тысяч лет. Однако при этом существовала опасность, последствия которой он даже не хотел себе представить. В этом прыжке через время он будет открыт всем воздействиям на него реки на протяжении шести тысяч лет.

Он дотянулся рукой до шеи, где висел на цепочке ключ.

Цепочки не было.

Его разум охватил внезапный ужас. Саттон стоял, застыв в неподвижности в течение некоторого времени.

- В кармане, - подумал он, но его руки тряслись, словно и они были уверены, что на это нет никакой надежды. Он никогда не клал ключ в свои карманы, а держал его на шее, на цепочке. Так он был в большей безопасности. Сначала он искал лихорадочно, а затем с мрачной холодной расчетливостью. В его карманах ключа не было.

- Значит, - подумал он, - цепочка порвалась. Цепочка лопнула, а затем провалилась внутрь моей одежды. - Он тщательно

ощупал себя с ног до головы, но напрасно. Он снял рубашку, осторожно вытряхнул ее в надежде найти пропавший ключ. Затем отбросил ее в сторону, сел, снял брюки и начал искать в их складках, вывернув наизнанку.

Ключа и там не было.

Он на четвереньках обыскал песок на дне реки, пытаясь найти ключ при тусклом свете, который пробивался через толщу воды.

Спустя час он прекратил поиски.

Постоянно струящаяся по дну реки смесь воды и песка занесла траншею, которую он прорыл. И сейчас не было смысла рыть ее снова, поскольку люк не может быть открыт без ключа.

Его рубашка и брюки исчезли. Они были унесены течением.

Усталый, побежденный, он поплыл к берегу, с трудом преодолевая сопротивление воды. Его голова показалась на поверхности воды, и он увидел первые вечерние звезды, сиявшие на небе. На берегу он сел, прислонившись спиной к дереву, вздохнул, сделал еще вдох, затем заставил биться сердце. Первый удар, потом второй, третий... Он заставил человеческий метаболизм снова разработаться в себе.

Речка журчала около ног, как бы смеясь над ним. В долине, покрытой лесом, ночная птица начала выкрикивать свой призыв. Светлячки танцевали в воздухе в темноте над кустами. Комар укусил его, и он удариł по месту укуса. Кажется, не попал.

- Мне нужно где-то выспаться, - подумал он, - хотя бы в стоге сена или каком-нибудь амбаре. И какой-нибудь неприхотливой пищи, хотя бы из сада фермера, для того, чтобы заполнить пустой желудок. И затем одежду. Во всяком случае он знал, где может достать одежду.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Свои выходные дни он проводил в одиночестве. В течение всей остальной недели было очень много работы, нужно было без конца работать на земле, добывая работой пропитание. Нужно было пахать, собирать урожай. Нужно было заготавливать дрова в лесу, строить ограды, чинить их, ремонтировать машины. Вообще, все это требовало физических усилий, работы мускулов,

в результате чего болела спина. Работать приходилось под палиющим солнцем, лучи которого жгли шею, либо под ударами холодного ветра, который пронизывал зимой до костей.

В течение шести дней фермер работал. Эта работа притупляла его чувства и опустошала память. А к ночи, кроме изнурительного отупления, сама по себе работа становилась чем-то таким, что вызывало у него интерес и приносило удовлетворение. Ровная линия столбов, только что установленная для ограды, становилась для него чем-то вроде личного триумфа, когда он оглядывал свою работу. Поле, с которого убирается урожай, с пылью на колосьях и запахом солнца от золотистой соломы, и характерный звук сноповязалки становились символами изобилия, довольства и радости. И были моменты, когда розовые цветы яблонь, просвечивающие сквозь серебряную сетку весеннего дождя, становились символом дикого, языческого возрождения земли от зимнего сна.

В течение шести дней человек должен был работать, и у него не было времени, чтобы задумываться. А на седьмой день он отдыхал и должен был приложить всю свою силу, всю свою волю, чтобы бороться с чувством, с отчаянием, которое приносила с собой бездеятельность. Это была тоска по людям или по своему миру и привычному образу жизни, поскольку этот мир не был более добрым, более близким, более значительным, чем тот, который он оставил в будущем.

Это была тоска по работе, которая ожидала его, о той работе, которая никак не могла дождаться его. Тоска - о той задаче, которую нужно было выполнять, и которая могла оказаться неполнимой.

Вначале еще была надежда.

- Конечно, - думал Саттон, - они будут искать меня. Конечно, они найдут способ отыскать меня.

Эта мысль была для него утешением и придавала душевное равновесие. Он не мог заставить себя тщательно проанализировать эту возможность, поскольку в глубине души понимал, хотя и гнал от себя эту мысль, что эта надежда может быть легко разрушена при таком анализе. Она выглядела слишком похожей на веру, на стремление выдать желаемое за действительное. И несмотря на то, что она давала некоторое самоуспокоение, все же могла оказаться просто призраком.

- Прошлое не может быть изменено, - думал он, - не может быть изменено полностью. Оно может быть слегка подправлено, может быть, даже обдуманным образом. Но в целом оно должно остаться таким, каким было. И вот почему я здесь. Вот почему я должен быть здесь и останусь до тех пор, пока старый Джон К. Саттон не напишет письмо. Поскольку в этом письме заключается прошлое - письмо привело меня сюда и будет удерживать до тех пор, пока, наконец, не будет написано. До этого момента схема прошлого должна сохраниться, так как это уже известное прошлое. Но с этого момента, когда письмо будет написано, прошлое уже будет неизвестно мне. И здесь может произойти все, что угодно, поскольку схемы уже не существует. После того, как письмо будет написано и все, что касается меня, произойдет, со мной может случиться все, что угодно.

Однако он сам признавал, когда думал об этом, что предпосылка была не совсем правильной. Ведь независимо от того, было прошлое известным или нет, открытым или закрытым, все равно оно уже произошло.

Он жил в том времени, которое уже было определено и имело свой определенный путь. Хотя и в этой мысли была надежда, именно в этой неизвестности прошлого, в сознании того, что в событиях, которые уже произошли, были неизменяемые моменты. Ведь где-то, когда-то он все же написал книгу, поскольку она существовала. Хотя пока не для него, но это все же произошло. Он уже видел два экземпляра этой книги. Это означало, что в будущем книга существовала.

- Когда-нибудь, - говорил себе Саттон, - они найдут меня. Надеюсь, что это не окажется слишком поздно. Они будут искать меня и найдут, им необходимо найти меня. Кто же они, - спрашивал он себя, стараясь быть честным к этим своим надеждам. - Херкимер - андроид. Ева Армор - женщина. Они - это два человека. Конечно, они, но не только эти двое. За ними, как армия теней, стояли другие андроиды и роботы, которых создал человек. И время от времени среди людей встречались индивидуумы, которые были убеждены в том, что человек не мог только потому, что он сам так считает, быть чем-то исключительным. Они понимали, что это только способствовало бы еще большей славе и величию человека, если бы он занял место среди других творений природы, в которые она вдохнула жизнь, как друг, который

мог бы вести за собой, учить других, а не подавлять, править и выделять себя среди других.

Они, конечно, будут искать его. Но где?

Имея в качестве поля поиска все времена и все пространство. Как они будут знать, где и когда его найти?

Тот робот из информационного отдела, вспомнил он, может сказать им, что он наводил справки о древнем городе под названием Бриджпорт, и это укажет им место. Но никто, наверное, не сможет сказать им когда, в каком времени искать его, поскольку об этом никто не знал... Абсолютно никто. Он припоминал, как посыпалась сухие крошки клея, когда он распечатывал конверт. Клей тогда показался ему очень старым. Он отчетливо вспомнил, как похрустывала бумага. Конечно, никто не видел содержимого этого конверта с того самого дня, как письмо было написано и до того момента, как он открыл его.

Он теперь понял, что, конечно, нужно было сообщить кому-то. Сообщить о том, куда и в какое время он собирается отправиться и что он собирается предпринять. Но он был так уверен в себе, все это казалось таким простым, а план таким великолепным.

Отличный план, преимущество которого заключалось в прямоте действий. Перехватить ревизиониста, выбить его из седла, захватить его корабль и отправиться в свое время, чтобы занять в нем свое место. Это могло быть исполнено, и он был в этом уверен. Он нашел бы андроида, который помог бы ему изменить свою внешность. На корабле должны были быть документы, несущие информацию. И андроиды в его будущем могли сообщить ему необходимые сведения.

Чудесный план... за тем исключением, что он не сработал.

- А я мог бы сообщить о своих намерениях тому же роботу из информационного отдела, - подумал Саттон. - Он непременно был одним из наших. Он передал бы эти сведения туда, куда нужно.

Он сидел, прислонившись спиной к дереву, и напряженно вглядывался в небо над речной долиной, наполненное голубизной бабьего лета. Внизу на поле тут и там были разбросаны стоящие коричнево-золотистые снопы пшеницы, напоминая поселок из вигвамов. На западе катились волны Миссисипи, розовые, как облака, отраженные в них, и набегали на берег. На севере

земля, покрытая пожелтевшей травой, вздымалась склоном холма, на котором виднелся другой холм и еще один, и еще, до того места, где земля каким-то таинственным образом прекращала свое существование и превращалось в небо. Хоть нельзя было обнаружить какую-то четкую линию, где это происходило. Не было какого-либо знака, выделявшего одну стихию от другой.

Голубая сойка быстро промелькнула в воздухе и уселилась на столб, подпирающий плетень, залитый солнцем. Она потрясла хвостом и издала резкий характерный звук, словно негодяя на что-то.

Полевая мышь выскоцила из снопа и некоторое время смотрела своими глазками, похожими на булавочные головки, на Саттона. Затем в неожиданном страхе пискнула и снова исчезла в снопе, при этом бегстве хвостик ее дергался из стороны в сторону, выражая тревогу.

- Простая жизнь, простые люди, - думал Саттон, - маленькие простые существа, покрытые шерстью. Они тоже могли бы мне помочь, если бы знали... Голубая сойка, полевая мышь, сова, ястреб и белка...

- Братство, - размышлял он, - братство жизни.

Он слышал, как мышь шуршит в глубине снопа и думал о том, что же является определяющим для этой формы жизни, которую представляла собой полевая мышь. Конечно, прежде всего страх. Всегда присутствовал страх, который является самым главным, довлеющим фактором. Страх перед другими формами жизни: перед совой, ястребом, лаской, хорьком. А также страх перед человеком, перед кошками и собаками.

- И страх перед человеком, - особенно, - сказал он. - Все боятся человека. Человек так повел себя, что все стали его бояться.

А затем еще чувство голода, страх перед угрозой голода. И инстинкт размножения. Конечно, есть жажда жизни и радости жизни, радость движения, удовлетворение от наполненного желудка и сладость сна... Что еще? Что еще может наполнить жизнь мыши?

Она жила в надежном месте. Она прислушивалась ко всему окружающему. Она знала, что все было хорошо. Все было надежно. Было достаточно пищи. Было укрытие, которое предохраняло ее от наступающих холодов. Она знала о холоде не столько по

собственному опыту, но благодаря инстинкту, который знал, что такое холод, как дрожат от холода люди, как они умирают от холода.

До его ушей донеслось шуршание из снопа. Это другая форма жизни, родственная ему, занималась своими делами. Он ощутил сладковатый запах, доносившийся из гнезд, свитых из травы, теплых и уютных. Он почувствовал запах пшеницы, которая зимой послужит пищей для этих существ.

- Все в порядке, - думал он. - Все так и должно быть. Но нужно всегда быть настороже. Никогда нельзя забывать об осторожности, поскольку безопасность - это такая вещь, которая может исчезнуть в любой момент. Поскольку мы являемся такими слабыми. Такими слабыми и хрупкими. И, кроме того, нужно есть. Чьи-то шаги в темноте могут означать и ужасный конец.

Он открыл глаза и представил себе, что поджал под себя ноги, а хвостом обвил свое тело.

Саттон сидел, прислонившись спиной к дереву, и, внезапно, прежде чем сумел осознать это, вдруг почувствовал неприятное ощущение, что с ним это произошло. Он закрыл глаза и потянул под себя ноги, обвил себя хвостом и познал простые страхи существования, простого, без каких-либо претензий существования другой формы жизни... формы жизни, которая пряталась в снопе, пряталась там от лап и крыльев хищника, которая спала в снопе, пропитанном солнцем, и испытывала радость жизни от уверенности в том, что есть пища и теплое убежище.

Он не просто чувствовал или знал это. Он был этим маленьким существом, был мышью, которая пряталась в снопе. И в то же время он был Ашером Саттоном, сидевшим у прямого, покрытого корой ствола дерева и глядевшим в пространство над долиной, окрашенной в цвета осени.

- Нас двое, - подумал Саттон, - я и мышь... Мы оба существуем в одно и то же время. Каждый представляет собой отдельную личность. А мышь не знает об этом, ведь если бы она знала или догадывалась, то я знал бы это тоже, поскольку в настоящий момент настолько же являюсь мышью, насколько самим собой.

Он сидел спокойно и неподвижно, все мускулы его были расслаблены. Но в то же время он был полон удивления. Удивления и страха перед теми неведомыми силами, которые таились в его мозгу.

Он сумел привести корабль с Сигмы. Он воскрес из мертвых. Он перевернул шестерку, когда играл в кости. А теперь?

Когда рождается человек, у него есть тело и разум, которые обладают многими функциями: некоторые из них довольно сложны, и требуются годы, чтобы научиться ими пользоваться, и еще много лет, чтобы усовершенствовать их. Требуются месяцы, прежде чем сделаешь первый шаг, прежде чем произнесешь первое слово.

Годы, прежде чем мысль и логика становятся отточенными инструментами...

- А иногда, - подумал Саттон, - они так и не становятся таковыми.

И кто-то руководит человеком. Руководство это осуществляется опытными руководителями: сначала родителями, затем учителями, профессорами, церковью, всеми остальными людьми, контактами с ними, всеми силами, формирующими человека в часть общества, способную использовать те таланты, которыми он обладает, на пользу себе и обществу, которое им руководит и удерживает его в определенной стезе.

- А также наследственность, - продолжал размышлять Саттон, - врожденные знания и свойства, стремление делать некоторые вещи и думать о них определенным образом. Традиции, порожденные другими людьми, которые поступали определенным образом, а также представления, которые были выработаны мудростью прошедших веков.

Обычный человек имеет только одно тело и один разум. И, конечно, этого достаточно любому человеку, чтобы жить. Но я, очевидно, имею второе тело и, возможно, второй разум. И для этого второго тела у меня нет никаких руководителей и, тем более, наследственности. Я даже не знаю, как ими пользоваться. И делаю первые неуверенные шаги. И только сейчас начинаю медленно понимать, на что я способен. Даже если я проживу достаточно долго, то смогу научиться, как пользоваться этими возможностями более эффективно. Но ведь есть и ошибки, неизбежные в процессе обучения.

Ребенок спотыкается, когда делает первые шаги, и его слова отдаленно напоминают настоящие слова, когда он начинает говорить. Кроме того, из-за отсутствия необходимых познаний ребенок может обжечь палец, зажигая спичку.

- Джонни, - позвал он. - Джонни, поговори со мной.
- Да, Аш.
- Есть еще что-нибудь? Еще Большее?
- Подожди и увидишь, - ответил Джонни, - я не могу сказать тебе. Ты должен обнаружить это сам.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Андроид-исследователь сказал:

- Мы проверили историю Бриджпорта до 2000 года и убеждены, что в нем ничего значительного не произошло. Это небольшое селение, лежащее в стороне от тех мест, где происходили основные события.

- Это не должно быть большим событием, - объяснила Ева Армор. - Это могло быть что-то незначительное. Нужен хоть какой-то, пусть незначительный, но след. Что-либо такое, что говорит о будущем. Нет ли сообщения, из которого может следовать, что Саттон был там в какой-то момент, когда был беззащитен, и кто-то выбрал этот момент и использовал его? Например слово, которое могло бы стать употребительным среди проживающих там людей.

- Мы проверили все, даже незначительные моменты, мисс, - ответил исследователь. - Мы изучили все отклонения, любой намек на то, что могло указать на пребывание Саттона в этом обществе людей, мы пользовались общепринятым методом и исследовали все данные, но ничего не обнаружили. Абсолютно ничего. В этом пункте нет никакого ключа к нашей проблеме.

- Он должен был туда уехать, - повторила Ева. - Робот из информационного центра говорил о нем. Он спрашивал о Бриджпорте. Это означает, что он почему-то интересовался этим местом.

- Но это вовсе не означает, что он направился туда, - возразил робот

- Но ведь куда-то же он отправился, - настойчиво сказала Ева. - Куда же?

- Мы использовали большую группу исследователей, такую, какую только возможно использовать, чтобы не возбудить подозрения как здесь, так и в будущем, - объяснил исследователь. -

Наши люди буквально сталкивались друг с другом. Мы рассылали их как продавцов книг, под видом точильщиков ножей и как безработных, ищащих работу. Мы исследовали окрестности на расстоянии двадцати миль. Сначала, с двадцатилетними интервалами, мы ничего не обнаружили, потом с десятилетними, наконец, с пятилетними. Если бы действительно были какие-то слухи или какое-то слово, то, конечно, они бы не прошли мимо нашего внимания.

- Вы сказали до 2000 года? - спросил Херкимер. - Но не до 1990 или до 2950 года?

- Мы должны были установить для себя хотя бы приблизительную границу, - ответил исследователь.

- Семья Саттонов жила в этой местности, - обратилась к нему Ева. - И я полагаю, что вы исследовали ее довольно тщательно.

- Некоторые из наших людей работали в разное время на ферме Саттонов. Как только эта семья нуждалась в помощи наемного работника, мы тотчас посыпали кого-нибудь из наших людей на ферму, и он получал там работу. Когда необходимости в такой помощи не было, мы посыпали разных людей наемными рабочими на фермы, расположенные рядом. Один из наших людей купил участок леса в этой местности и провел там десять лет, занимаясь его вырубкой. Он мог бы растянуть это занятие на значительно больший срок, но мы боялись, что это вызовет подозрения. Мы делали все это на протяжении периода с 2000 до 3150 года, когда последний из представителей этой семьи выехал из этого района.

- Значит, эта семья была исследована всесторонне? - спросила Ева, взглянув на Херкимера.

Херкимер кивнул.

- До самого того дня, когда Саттон ушел в космос к 61 Лебедю. Не обнаружено ничего, что могло бы нам помочь.

Ева сказала:

- Все это выглядит безнадежным. Ведь он должен быть где-то. Что-то с ним случилось. Возможно, это будущее.

- Это то, о чем я думал, - проговорил Херкимер. - Возможно, что его захватили ревизионисты, возможно, они его держат.

- Они его не удержат. Только не Ашера Саттона, - возразила Ева. - Они бы не смогли удержать его, если бы он знал все о своих возможностях.

- Но он о них пока не знает, - напомнил Херкимер. - А мы никак не можем сказать ему или хотя бы привлечь его внимание к ним. Он должен сам вдруг обнаружить их, будучи поставлен в критическую ситуацию, и естественным путем из нее выйти. Его нельзя научить этому. Он должен сам развить в себе свои способности.

- Мы делаем все так хорошо, так тщательно, - горько усмехнулась Ева. - Мы заставили Моргана совершить непродуманные действия, начиная с того, что вынудили Бентона бросить вызов Саттону. Это был быстрый способ отделаться от Ашера, когда Адамс оказался неспособным участвовать в плане его уничтожения. И этот случай с Бентоном заставил Ашера проявлять осторожность без нашего предупреждения. А теперь? Что же теперь?

- Книга была написана, - ответил Херкимер.

- Но она не обязательно должна быть написана, - возразила Ева. - Вы и я можем оказаться не более чем марионетками в каком-то вероятном, могущем возникнуть мире, который мы увидим завтра.

- Мы исследуем все основные моменты будущего, - предложил Херкимер. - Мы увеличим усилия нашей разведки в отношении ревизионистов. Мы проверим все их тактические силы, которые были использованы в прошлом. Может быть, мы что-нибудь узнаем.

- Все это случайные факторы. Тут в любое время все может случиться. Мы не можем знать, где искать, в каком направлении. Должны ли мы пробиваться вперед через все возможные направления и события только для того, чтобы найти то, что мы ищем?

- Вы забыли об одном факторе, - спокойно сказал Херкимер.

- Один фактор?

- Да. Самого Саттона. Он где-то существует, и я очень верю в него. В него и в его Судьбу. Поскольку, как вы понимаете, он прислушивается к голосу своей Судьбы, и, в конечном счете, это сослужит ему хорошую службу.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

- Вы странный человек, Вильям Джонс, - сказал ему Джон К. Саттон. - И к тому же хороший парень. У меня никогда не было лучшего наемного рабочего. Никто из остальных не оставался больше чем на год или два. Они всегда куда-то уходили.

- Мне некуда идти, - ответил Ашер Саттон. - Нет такого места, куда мне хотелось бы направиться. Это место ничуть не хуже любого другого.

"Это место даже лучше, - подумал он, - лучше, чем я предполагал, поскольку здесь спокойствие, умиротворенность и образ жизни, близкий к природе. Настолько близкий, что человек его возраста, как правило, не живет такой жизнью."

Они облокотились на ограду пастбища и наблюдали за мерцающими огоньками домов за рекой и идущих по дороге автомобилей. В темноте внизу по склону холма белело стадо, возвращающееся с пастбища, на ходу пережевывая последние порции травы перед вечерним доением. Ветерок, несущий прохладу, пролетал вдоль склона холма и приятно обувал лицо.

- У нас всегда по вечерам дует прохладный ветерок, - заметил старый Джон К. Саттон, - независимо от того, каким бы жарким не был день, у нас всегда хорошо спится.

Он вздохнул.

- Я много думал, можно ли позволить себе быть таким довольным всем. Может быть, это грех? Поскольку человек по своей природе постоянно чем-то неудовлетворен, обеспокоен и несчастлив. И именно это подталкивает его к действиям, как удар бича, и заставляет совершать великие поступки.

- Чувство довольства, - ответил Саттон, - это показатель того, что человек полностью приспособлен к какому-то определенному образу жизни, к окружающей среде. Это то, что не так уж часто встречается. Точнее - встречается очень редко. Наступит такое время, когда человек и другие существа узнают, как достичь этого. И тогда наступит спокойствие и счастье по всей Галактике.

Джон К. Саттон засмеялся.

- Вы говорите об очень большой территории, Вильям.

- Я говорю в смысле очень далекой перспективы, - объяснил Саттон. - Наступит день, когда человек отправится к звездам.

Джон К. Саттон кивнул головой.

- Да, я полагаю, что так и будет. Но они сделают это слишком рано. Прежде чем отправиться к звездам, человек должен научиться жить на Земле.

Он зевнул и сказал:

- Пожалуй, пора идти спать. Я становлюсь старым, видите ли, мне нужен отдых.

- Я пойду еще немного прогуляюсь, - проговорил Саттон.

- Вы очень много ходите пешком, Вильям.

- После наступления темноты, - объяснил Саттон, - земля выглядит совсем по иному, не так, как при дневном свете. Она даже пахнет по другому: чем-то сладким, свежим, чистым, словно ее только что умыли. В тишине можно слышать такие вещи, которых не услышишь днем. Когда гуляешь вот так, то чувствуешь себя наедине с землей, и она принадлежит тебе.

Джон К. Саттон покачал головой.

- Дело не в том, что земля становится другой. Дело в вас. Я думаю, что вы видите и слышите такие вещи, о которых остальные люди просто не знают. Иногда я думаю, Вильям, что вы...

Он замялся, потом продолжил:

- ... что вы не являетесь одним из нас.

- Иногда мне это тоже кажется, - усмехнулся Саттон.

- Запомните, - возразил Джон К. Саттон, - вы один из нас... может быть, даже член семьи. Позвольте вспомнить, сколько лет вы с нами?

- Десять, - ответил Саттон.

- Правильно, - согласился Джон К. Саттон. - Я хорошо помню тот день, когда вы пришли к нам. Но иногда я об этом забываю. Иногда мне кажется, что вы всегда были здесь. Иногда даже ловлю себя на мысли, что вы являетесь членом семьи Саттонов.

Он откашлялся и сплюнул.

- Я на днях взял у вас пишущую машинку, Вильям, - вновь обратился он к Саттону. - Мне нужно было написать письмо. Это было очень важное письмо. И я хотел, чтобы оно выглядело соответственно.

- Все в порядке. Пожалуйста, - ответил Саттон. - Я уверен, что она пригодилась вам.

- Вы что-нибудь пишете сейчас, Вильям?

- Нет, нет, - ответил Саттон. - Я бросил это. Я не мог ничего сделать. Я даже потерял все свои записки. Я все продумал и записал на бумагу. И я думал, что, может быть, запомнил все это. Но я не сумел запомнить. Теперь нет смысла даже пытаться.

- Вы попали в какую-нибудь неприятность, Вильям? - в темноте голос Джона К.Саттона прозвучал мягко, низким рокочущим тембром.

- Нет, - ответил Саттон, - это нельзя назвать неприятностью.

- Может, я могу помочь? - поинтересовался Джон К.Саттон.

- Нет, вы ничего не сможете сделать.

- Но если я смогу помочь, дайте знать об этом, - сказал Джон К.Саттон. - Мы сделаем для вас все.

- Возможно, наступит день, когда мне придется уйти, - проговорил Саттон, - может быть, неожиданно. Если это случится, мне бы хотелось, чтобы вы забыли обо мне.

- Это ваше желание?

- Да.

- Мы не сможем забыть вас, Вильям, - объяснил старый Джон К. Саттон. - Мы никогда не сможем этого сделать. Но мы не будем говорить о вас. Если кто-нибудь придет и будет спрашивать о вас, мы будем вести себя так, как будто вас здесь никогда не было.

Он сделал паузу.

- Именно этого вы хотите, Вильям?

- Да, - ответил Саттон. - Если вы не возражаете, это именно то, что мне хочется.

Так они стояли некоторое время, глядя друг на друга в темноте. Затем старик повернулся и зашагал в направлении освещенных окон дома. А Саттон, тоже повернувшись, облокотился руками на изгородь и напряженно гляделся в пространство через реку, где мерцали веселые огоньки, как будто из волшебной земли, в которую нет дороги.

- Прошло десять лет, - подумал Саттон. - И вот письмо написано. Прошло десять лет, и выполнены условия прошлого. Теперь прошлое может развиваться без меня, поскольку я здесь оставался только для того, чтобы Джон К. Саттон мог написать

письмо... Для того, чтобы он мог написать его, а я мог найти его в старом сундуке через шесть тысяч лет после этого момента, прочитать на астероиде, который я получил из-за убийства человека в месте, которое будет называться "ДОМ ЗАГА".

- "ДОМ ЗАГА", - подумал он, - будет расположен где-то там, за рекой, в прерии над древним городом Душиен с его великолепными по красоте башнями. Он будет расположен там, на холмах к северу. А дом Адамса тоже будет неподалеку от места слияния Миссисипи и Висконсин. Огромные корабли будут подниматься в небо из прерий Айовы и отправляться к звездам, которые сейчас наверху... И к другим звездам, которые не видны невооруженным глазом.

"ДОМ ЗАГА" будет расположен воин там за рекой. Именно там, когда-нибудь, шесть тысяч лет спустя, я встречу маленькую девочку в клетчатом переднике.

- Как в книге сказок, - подумал он. - Мальчик встречает девочку, причем мальчик со светлыми прилизанными волосами, но несмотря на это кое-где торчащими в стороны. А девочка мнет свой передник руками и говорит, как ее зовут...

Он выпрямился и ухватился руками за изгородь.

- Ева, - позвал он. - Где ты?

Ее волосы были как медь, а ее глаза... какого же цвета были ее глаза?

"Изучала меня в течение двадцати лет", - сказала она. И я поцеловал ее за это, не веря словам, которые она произнесла, но готовый поверить невысказанному слову, тень которого можно было прочесть на ее лице и исходящему от ее тела.

Где-то она все еще существовала. Где-то во времени и в пространстве. Где-то она даже могла думать о нем, как он сейчас думает о ней. Если бы он попытался, то, может быть, смог установить с ней контакт? Мог послать к ней свое стремление обладать ею через неизмеримую бездну пространства и времени, дать ей знать, что он все еще помнит ее. Дать ей знать, что когда-нибудь вернется к ней.

Но даже когда он думал об этом, то знал, что все бесполезно, что он барахтается в каком-то прошедшем времени, давно забытом, как человек барахтается в бушующем море. Но он должен стремиться к ней, а она к нему. Она и Херкимер. Или кто-

нибудь другой, кто должен найти его. Если это вообще когда-нибудь случится...

Прошло десять лет, и они забыли обо мне, потому что не могут найти меня или, может быть, обнаружив, не могут помочь мне. А может, все это делается с целью и если это так, то какую цель они могут преследовать? Иногда у него было такое ощущение, будто за ним следят. Это неприятное ощущение холода между лопатками. И однажды был случай, когда кто-то убегал от него, в то время как он летним вечером бродил поздно по лесу в поисках косоглазой телки, которая все время забиралась за изгородь и терялась.

Он повернулся и пересек двор перед сараем, двигаясь в темноте свободно, как в хорошо знакомой комнате. От сарая исходил запах свежескошенного сена, и пищал во сне какой-то цыпленок.

Когда он шел, его внимание было отвлечено тем, что сознание как бы объединилось с мозгом этого цыпленка, которого что-то беспокоило. Было какое-то неясное чувство неизвестного... какой-то сигнал, который проникал в мозг цыпленка даже во сне. И это - сигнал неизвестной опасности. И невозможность уйти куда-то в сторону и спрятаться от нее. Темнота и звук. Опасность.

Саттон вернулся в свое собственное сознание и продолжал идти.

- Дать немного уверенности, стабильности жизни цыпленка, - подумал он. - Корова была существом довольным, ее цели и ощущения были такими же медленными, как и процесс поглощения ею пищи. Собака была очень живым и очень дружелюбным существом. Кошка, независимо от того, как бы она не была приручена, все равно будет в полудиком состоянии.

- Я знаю их всех, - подумал Саттон. - Я был каждым из них. Некоторые не особенно приятные создания. Например, крыса... или ласка, или же щука, которая застыла в ожидании среди водорослей. Но вот скунс... скунс - очень приятное существо. Кому понравится такая жизнь, которую ведет скунс. Ради любопытства или ради пользы? Возможно, ради любопытства, - признал он, - поскольку всегда существует человеческое стремление проникнуть туда, за те двери, над которыми висит надпись: "Вход закрыт. Личные владения. Не входить. Не беспокоить." Но и польза тоже, которая состоит в том, чтобы узнать и изучить механизм

второго тела. Обучиться проникновению в чужой разум. Изучить и почувствовать все оттенки его умственных и эмоциональных реакций. Но в этом тоже была какая-то граница... Граница, которую он никогда не пересекал. Может быть, из-за врожденного чувства деликатности, а, может быть, из-за страха, что его схватят с поличным. Он даже не мог сказать, почему именно.

Дорога выглядела белой пыльной полосой, извивающейся вдоль холма, местами пропадая во тьме, как будто в этих местах зияли глубокие расщелины. Саттон шел очень медленно, и шаги его звучали приглушенно по пыльной дороге. Земля была черной, а дорога - белой, а звезды - огромными, мягко светившими в летней ночи.

- Они так отличаются от зимних звезд, - подумал Саттон. - Зимой звезды светят высоко, светят холодным, жестким, стальным светом.

- Мир и спокойствие, - сказал он себе, - в этом уголке старой Земли были мир и спокойствие, которые не нарушались никакими потрясениями двадцатого века.

Из такой вот местности выходили уравновешенные люди. Люди, которые через несколько поколений поведут корабли к звездам. Здесь, в спокойных уголках мира, создавались стойкость и храбрость, глубина характера, твердые убеждения, которые помогут вести машины, созданные блестящими, но менее уравновешенными людьми, к отдаленным районам Галактики. И там они завоюют стратегически важные миры и будут их удерживать во имя славы и блага человечества.

- Благополучие, - подумал он. - Десять лет - это непредвиденная задержка. Но теперь условия выполнены, теперь я свободен и могу направляться, куда пожелаю и в любое время.

Но идти было некуда. И не было способа уйти отсюда.

- Мне хотелось бы остаться, - сказал себе Саттон. - Здесь хорошо.

- Джонни, - позвал он. - Что мы с тобой теперь собираемся делать?

Он почувствовал в своем разуме какое-то движение. Что-то напоминающее виляние хвостом старого пса. Какой-то уют, наподобие тех одеял и пеленок, в которые закутан ребенок в своей колыбельке.

- Все в порядке, Аш, - ответил Джонни. - Я пришел, когда ты появился на свет, и останусь до тех пор, пока ты не умрешь.

- А затем?

- Когда я не буду тебе нужен, я пойду куда-либо еще. Никто не является одиноким.

- Никто не является одиноким, - повторил Саттон и произнес это как молитву.

И он не был одиноким.

Кто-то шел рядом с ним, и откуда это появилось и как долго находилось здесь, этого Саттон не знал.

- Очень приятная прогулка, - сказал человек. Лицо его было неразличимо во тьме. - Вы часто так прогуливаетесь?

- Почти каждый вечер, - ответил Саттон, и его мозг сказал ему: "Спокойно, спокойно".

- Здесь очень тихо, - продолжал человек. - Тихо, спокойно и одиноко. Это очень помогает думать. Можно очень многое обдумывать, прогуливаясь здесь вечером.

Саттон не ответил.

Они медленно шли рядом, и, несмотря на то, что Саттон старался быть спокойным, его тело напряглось.

- Вы очень много думаете, Саттон, - обратился к нему человек, - целых десять лет вы размышляли.

- Вы знаете это? - спросил Саттон. - Вы следите за мной?

- Мы следили, - спокойно ответил человек, - и следили наши приборы. Мы все записали на пленку. Мы многое знаем о вас. Гораздо больше, чем знали десять лет назад.

- Десять лет назад, - напомнил Саттон, - вы послали двух человек, чтобы подкупить меня.

- Я помню, ответил человек. - Мы не знаем, что с ними случилось.

- Все очень просто, - усмехнулся Саттон, - я убил их.

- Они сделали вам предложение, - голос незнакомца был по-прежнему невозмутим.

- Я знаю. Они предложили мне планету.

- Я знал уже в то время, что это ни к чему не приведет, я говорил Тревору, что это не сработает.

- Полагаю, у вас сейчас есть другое предложение, - поинтересовался Саттон. - Насколько повысилась цена?

- Не совсем так, - ответил человек. - Нам пришло в голову, что не следует торопиться. Мы дадим вам возможность назначить свою цену.

- Я подумаю об этом, но не уверен, что смогу назвать цену.

- Как желаете, Саттон, - сказал человек. - Мы будем ждать... И следить. Просто дайте нам знак, когда вы решитесь.

- Знак?

- Конечно. Просто напишите нам записку. Мы в это время будем смотреть через ваше плечо. Или просто скажите: "Ну, я решился". Мы будем слушать, и мы услышим.

- Просто, - согласился Саттон. - Очень просто.

- Мы делаем это простым для ВАС, - заметил незнакомец, - до свидания, мистер Саттон.

Саттон не видел этого, но почувствовал, что человек присунулся к шляпе... Если, конечно, у него была шляпа. А затем он ушел, свернув, с дороги пройдя через кладбище, уходя куда-то в сторону леса.

Саттон стоял на пыльной дороге и слушал звук удаляющихся шагов, мягкие, свистящие звуки трения подошв о траву, покрытую росой.

Наконец-то контакт! Через десять лет. Контакт с людьми из другого времени. Но это не те люди, не его люди.

Ревизионисты следили за ним. Он всегда чувствовал, что они следили. Ревизионисты следили и ждали. Ждали в течение десяти лет. Но, конечно, десять лет его времени, не их. Механизмы и наблюдатели могли выполнять эту работу в течение года или даже недели, если они бросили на это дело достаточное количество людей и техники.

Но для чего нужно было ждать десять лет? Только для того, чтобы дождаться, когда он ослабеет и будет готов согласиться на любое их предложение?

Пока он ослабеет? Это не укладывалось в правила игры.

Но затем в его сознании вдруг появилась картина, и он остановился в несколько неуклюжей позе, удивляясь, почему эта мысль не пришла к нему раньше.

Они не ждали, чтобы он ослабел. Они ждали, пока Джон К. Саттон напишет письмо. Они все записали на пленку и тщательно изучили его жизнь. И потому они могли предвидеть, как сработает его разум и как он будет действовать. Письмо было клю-

чом ко всему. Письмо послужило той приманкой, которую и использовали они, чтобы завлечь Ашера Саттона в ЭТО ВРЕМЯ. Они завлекли его и оставили здесь в ловушке и держали крепко, крепко, крепче, чем если бы он был в клетке. Они изучили его теперь и могли с уверенностью предполагать, как он будет действовать. Они знали об этом с такой же надежностью, с какой представляли действия старого Джона К. Саттона.

Его разум снова как бы раздвоился и начал осторожно прощупывать мозг человека, удаляющегося по холму. Ни цыплята, ни кошки, ни собаки, ни полевые мыши - никто из них не мог даже подозревать и знать, что другой разум проникал в них. С ними было легко, как с марионетками. Что касается мозга человека, то здесь все могло быть по другому. Высокоразвитый и чувствительный, он может почувствовать вмешательство извне, если даже не будет знать об этом.

"Девушка не будет долго ждать. Я слишком долго отсутствовал. Ее чувства не так глубоки. И в общем-то у нее нет никаких моральных обязанностей передо мной, я это слишком хорошо знаю. Очень долго я находился в этом временном склепе. Ей наверняка надоело ждать уже тогда, когда я отсутствовал всего три часа, ну и черт с ней. Я могу найти себе другую, но вряд ли такую же... м-да... Не совсем такую... Нигде больше не существует такой, как она..."

Саттон отчетливо воспринимал чужую мысль.

"Тот, кто сказал, что Саттон сдается, сам был ненормальный. Боже мой! Если бы я провел десять лет в этой дыре, то любому, кто пришел бы ко мне из времени, из моего времени, бросился бы на шею и расцеловал. Кого угодно... друга... врага... это не имеет значения. А что делает Саттон? Ни одного слова, ни одного звука удивления во всем, что он сказал. Когда я заговорил с ним, то он даже не изменил походки. Он продолжал шагать, как будто я все время находился рядом с ним. Бог мой! Надо бы выпить. Эта работа действует мне на нервы... Хорошо бы забыть эту девушку... Но лучше, если бы она дождалась меня... Нет, она не станет ждать... Хорошо бы..."

Саттон ушел из его разума, спокойно стоя на дороге.

Он ощутил внутренний триумф, и чувство облегчения жаром разлилось в груди.

Они на протяжении десяти лет следили за ним и за десять лет слежки не увидели больше, чем поверхностные факты. Они все записали на пленку, но не знали, что творилось в его душе. Они могли изучить любого человека, но его душа оставалась закрытой для них. Эти люди способны полностью обнажить человеческий мозг и проанализировать его, прочесть в нем все, что их интересует... Но его разум был закрыт для них. Он открывал им только то, что хотел открыть, и лишь для того, чтобы не вызывать подозрений, чтобы многое осталось им недоступным. Десять лет назад люди Адамса тоже пытались получить информацию из его мозга, но практически ничего не добились.

Ревизионисты следили за ним в течение десятилетия, знали каждое его движение, а также много из того, о чем он думал, ио они не догадывались, что он может раздваивать свой разум и воплощаться в разум мыши, рыбы... или человека. Если бы они знали это, то, конечно, приняли бы какие-то меры и были бы еще опаснее. Но они не сделали этого, а значит...

Он посмотрел назад, туда, где стояла ферма Саттонов, и в какой-то момент ему показалось, что он видит этот дом, массивный темный силуэт на фоне ночного неба. Но это была игра воображения. Он просто знал, что дом находится там и представлял себе эту картину. Одну за другой он представил себе вещи в своей комнате: книги, несколько исписанных листов бумаги, бритву. Там не осталось ничего, что могло бы возбудить подозрение, ничего, что он мог бы случайно забыть и ничего такого, что могло бы быть использовано против него.

Он был готов к этому дню, знал, что этот день наступит, когда Херкимер или ревизионисты, или правительственные агенты выйдут из-за дерева и пойдут рядом с ним.

Знал ли он об этом?

Нет, этого нельзя было сказать. Он больше надеялся, вернее, готов был надеяться.

Много лет назад его попытка написать книгу - книгу Судьбы - без заметок, написанных за это десятилетие, оказалось безнадежной. Все, что осталось от нее - это кучка пепла, смешавшаяся за прошедшие годы с землей, с дождевой влагой, просочившейся вглубь почвы, и питанная корнями пшеницы, кукурузы в виде химических элементов.

Он был готов... его разум был собранным и ясным, он готовился к этому в течение многих лет.

Саттон сошел с дороги и направился вниз по пастбищу, следя за человеком впереди. Тот быстро шел к небольшой возвышенности у реки, но, несмотря на это, разум Саттона опережал его, ощупывая темноту и отыскивая дорогу, как гончая собака, которая пользуется только обонянием, когда идет по следу куници. Он нагнал его уже через несколько минут, когда человек только входил в тень лесных деревьев, и шел за ним на небольшом расстоянии, осторожно ступая, легко и бесшумно, как пантера, боясь спугнуть преследуемого.

Корабль лежал в глубоком овраге. В нем зажегся свет, и люк открылся. В круге света стоял второй человек и напряженно вглядывался в темноту.

- Это ты, Гас? - спросил он.

- Конечно, я. Кто еще, по-твоему, может шляться по этому лесу ночью? - грубо отвергнул первый.

- Я уже начал беспокоиться, - проворчал человек с корабля.

- Ты отсутствовал дольше, чем я предполагал. Я уже собирался идти на поиски.

- Ты постоянно суетишься, - недовольно ответил Гас. - Между нами говоря, ведь нас никто не услышит в этом мире, я должен сказать, что мне все это надоело. Пусть Тревор поищет кого-нибудь другого для этой работы. Я больше не намерен выполнять ее.

Он взобрался по трапу на корабль.

- Собирайся, - обратился он ко второму человеку. - Мы уходим отсюда.

Он повернулся для того, чтобы закрыть люк, но к этому времени его уже закрыл Саттон. Гас медленно отступил назад на два шага, пока не уперся в привинченное к полу кресло и остановился, нелепо улыбаясь.

- Взгляните-ка на него! - воскликнул он. - Эй, Пинки! Погляди, кто шел за мной до самого корабля.

Саттон невесело улыбнулся им.

- Если вы не возражаете, джентльмены, то я прокачусь с вами.

- А если мы возражаем? - спросил Пинки.

- Тогда я сам поведу этот корабль, - твердо сказал Саттон. - С вами или без вас? Выбирайте.

- В этом весь Саттон, Гас, - рассмеялся Пинки. - Этот самый мистер Саттон. Тревор будет рад увидеть вас, Саттон.

Тревор... Тревор...

Он уже слышал это имя раза три. И когда-то он слышал его еще раз. Саттон стоял, прислонившись спиной к закрытому люку. Его мысли вернулись в прошлое, в другой корабль, к другому человеку.

- Тревор, - говорил Кейс. Или это сказал Прингл?

Тревор... Ну, конечно, это глава корпорации.

- Все эти годы я мечтал о том, чтобы встретиться с мистером Тревором, - усмехнулся Саттон. - Нам есть о чем поговорить.

- Включай двигатель, Пинки, - приказал Гас, - и пошли срочное сообщение. Пусть Тревор выставляет почетный караул. Мы везем Саттона.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Тревор поднял кусочек бумаги и бросил его в чернильницу, стоявшую на столе. Бумажный шарик попал точно в чернила.

- Хорошее попадание, - усмехнулся Тревор. - Я попадаю семь раз из десяти. Когда-то я промахивался семь раз из десяти.

Он изучающе посмотрел на Саттона.

- Вы похожи на обычного человека. Я хотел бы поговорить с вами, хотел бы, чтобы вы поняли меня.

- Вы хотите сказать, что у меня нет рогов и копыт? - улыбнулся Саттон, - если вы это имеете в виду.

- А также сияния и нимба вокруг головы, насколько я понимаю, - подтвердил Тревор.

Он бросил другой клочок бумаги в чернильницу, но не попал.

- Семь из десяти, - повторил он и бросил еще раз. На этот раз попал, - чернила забрызгали стол.

- Саттон, - сказал Тревор, - вы очень много знаете о Судьбе. Вы когда-нибудь думали о том, как показать ее?

Саттон пожал плечами.

- Вы пользуетесь неудачным и стариным термином из незамысловатой и откровенной пропаганды девятнадцатого столетия. Была страна, которая сделала этот термин избитым.

- Пропаганда, - повторил Тревор. - Лучше назовем ее психологией. Можно говорить о чем-то очень часто, много и хорошо в настоящий момент, и наступит время, когда все поверят в это. И, в конце концов, даже тот, кто ведет эту пропаганду, поверит в нее.

- И это показывает Судьбу? - спросил Саттон. - Человеческой расе, я полагаю.

- Естественно, - ответил Тревор. - В конце концов, мы именно те существа, которые могут использовать это наилучшим образом.

- Вы упустили один момент. Человек не нуждается в этом. Он уже считает себя великим, во всем правым и почти святым. Вы ведь не желаете пропагандировать именно это?

- Если все упростить, то вы правы, - согласился Тревор. - Но только - если упростить.

Он неожиданно ткнул пальцем в Саттона.

- Как только мы захватим всю Галактику, что мы тогда будем делать?

- Как? - спросил Саттон. - Ну, я полагаю...

- Вот именно. Вы не знаете, что делать потом. И этого не знает вся человеческая раса.

- А если мы будем иметь Судьбу, которую можно показать? - спросил Саттон. - Если мы будем иметь именно такую Судьбу, то все будет выглядеть иначе?

Слова Тревора были произнесены почти шепотом:

- Существуют другие Галактики, Саттон. Еще более огромные, чем наша. Много других Галактик.

"Боже мой," - подумал Саттон.

Он начал что-то говорить, но затем закрыл рот и молча сидел в кресле. Шепот Тревора доносился к нему через стол.

- Вас это привело в замешательство, не правда ли? - спросил он.

Саттон попытался говорить громко, но у него тоже получился шепот.

- Вы ненормальный, Тревор. Абсолютно ненормальный.

- Вы неправы... Это просто взгляд в даль, с дальней перспективой, - пояснил Тревор. - Как раз то, что нам нужно. Абсолютно непоколебимая вера в человеческую Судьбу. Всеобъемлющее убеждение, что человек предназначен для этого, для того, чтобы подчинять себе не только свою Галактику, но и все Галактики, всю Вселенную.

- Этого придется ждать очень долго, - в голосе Саттона послышалось насмешка.

- Я, конечно, этого не увижу, - согласился Тревор. - Не увидите и вы, и даже дети наших детей, и еще много поколений.

- Для этого нужно употребить миллионы лет.

- Больше, чем миллионы, - спокойно согласился Тревор. - У нас даже нет представлений о размерах Вселенной. Через миллионы лет у нас будет только хороший почин.

- Тогда почему, бога ради, вы и я сидим здесь и разговариваем обо всем этом?

- Логично, - усмехнулся Тревор.

- Нет никакой логики в том, - заявил Саттон, - чтобы планировать на миллионы лет вперед. Человек может планировать на протяжении жизни одного поколения, если пожелает. В этом есть какая-то логика. Наконец, на протяжении жизни внуков. Но дальше нет уже никакой логики...

- Саттон, - перебил Тревор. - Вы раньше слыхали о Корпорации?

- Да, конечно. Но...

- Корпорация может планировать на протяжении миллиона лет. И планировать уверенно.

- Корпорация - это не человек, - возразил Саттон. - Это не личность.

- Именно личность, - настаивал Тревор. - Личность, составленная из людей, сделанная людьми, чтобы выполнять их желания. Это живущая, действующая идея, которая передается от одного поколения к другому, чтобы обеспечить выполнение плана, слишком обширного для жизни одного человека.

- Ваша Корпорация тоже издает книгу, не так ли? - спросил Саттон.

Тревор напряженно посмотрел на него.

- Кто вам сказал об этом? - спросил он.

- Двое людей, которых звали Кейс и Прингл, - ответил Саттон. - Они пытались купить мою книгу для вашей корпорации.

- Кейс и Прингл находятся на задании, - возразил Тревор, - я ожидаю их возвращения.

- Они не вернутся.

- Вы убили их, - невыразительно произнес Тревор.

- Сначала они пытались убить меня, но меня трудно убить.

- Это было вопреки моим приказаниям, Саттон. Я не хотел, чтобы вас убили.

- Они действовали по собственному усмотрению, - объяснил Саттон. - Они собирались продать мой труп Моргану.

"Трудно представить, - подумал Ашер, - чем можно потрясти этого человека. Ни малейшего признака растерянности в глазах, ни тени волнения на лице."

- Хорошо, что вы убили их, - спокойно сказал Тревор. - Вы избавили меня от необходимости сделать это самому.

Он бросил бумажный шарик в чернильницу и попал.

- Это логично, - повторил он, - что корпорация должна планировать на миллион лет вперед. Существование такого плана обеспечивает выполнение какого-то проекта, несмотря на то, что люди, работавшие над ним, будут меняться...

- Минуточку, - перебил его Саттон. - Существует такая Корпорация или все это сказки?

- Она существует, - ответил Тревор. - И я как раз тот человек, который ее возглавляет. У нас различные сферы деятельности, различные источники финансирования... И наши возможности будут еще большими с течением времени - по мере того, как мы сможем предъявить какие-то существенные результаты своей деятельности.

- Под существенными результатами вы имеете в виду Судьбу для Человечества?

Тревор кивнул.

- Именно поэтому нам следует поговорить. У вас есть товар на продажу, который является существом наших торговых операций.

Саттон покачал головой.

- Я не вижу того, что вы можете приобрести у меня.

- Три вещи, - ответил Тревор. - Богатство, власть и знание. Богатство, власть и знание Вселенной. Только для человека, как

вы понимаете. Для единой расы существ таких, как вы и я. Из этих трех моментов знание, пожалуй, является самым большим призом, поскольку знание, соответствующим образом направленное и скоординированное, ведет к еще большему знанию.

- Это безумие, - сказал Саттон. - Я и вы, Тревор, мы превратимся в пыль. И не только мы, но вся эра, в которой мы живем, будет забыта, прежде чем вся эта работа будет закончена.

- Помните о Корпорации.

- Я помню о Корпорации. Но я не могу мыслить иначе, чем в общечеловеческих категориях.

- Тогда давайте подумаем в этих категориях, - мягко сказал Тревор. - Наступит такое время, когда жизнь, точно такая же, как в вас и во мне, будет биться в мозгу и в крови, и в теле человека, который будет совладельцем Вселенной. Будут триллионы и триллионы форм жизни, которые станут служить ему. Будет богатство, не поддающееся исчислению. Будет знание, которое вы и я даже представить себе не можем.

Саттон спокойно сидел в своем кресле, опустив плечи.

- Вы являетесь единственным человеком, который стоит на нашем пути, - продолжал Тревор. - Вы - единственный человек, мешающий исполнению проекта, рассчитанного на миллионы лет.

- Вам нужна Судьба, - сказал Саттон, - но Судьба - это не что-то, принадлежащее только мне.

- Вы всего лишь человеческое существо, Саттон. Вы - человек. Мы говорим с вами именно о людях, которые принадлежат к той же расе, что и вы.

- Судьба, - возразил Саттон, - принадлежит всему. Всему, что живет. Не только человеку, но и всем формам жизни.

- Это совсем не обязательно, - сказал Тревор. - Вы являетесь единственным человеком, который знает об этом. Единственным человеком, который может сообщить этот факт остальным. Вы можете сделать так, что это будет Судьба именно для человеческой расы, вместо того, чтобы Судьбой для всего, что ползает, прыгает, извивается, для всего, что наделено жизнью.

Саттон не ответил.

- Достаточно одного вашего слова, - продолжал Тревор, - и все будет в порядке.

- Он не сработает, этот ваш план. Подумайте, ведь для его выполнения необходимы миллионы лет. А время, которое потребуется, чтобы пересечь Галактические пространства на имеющихся у вас кораблях? Хотя бы до ближайшей Галактики.

Тревор вздохнул.

- Вы забываете то, что я вам сказал об увеличении знаний. Два плюс два не равно четырем, мой дорогой друг. Это гораздо больше, чем четыре. А в некоторых случаях в тысячи и тысячи раз больше, чем четыре.

Саттон покачал головой.

Но он знал, что Тревор прав. Знания и технология будут расти именно так, огромной пирамидой. Но даже если человек будет иметь достаточно времени, чтобы все это сделать, знание, полученное только в одной Галактике...

- Достаточно одного вашего слова, - сказал Тревор, - и война во времени будет прекращена. Только одно слово - и безопасность человеческой расы будет гарантирована навечно, поскольку все, что нужно си - это знанис, которое вы можете дать.

- Но это не будет правдой, - возразил Саттон.

- Это не имеет никакого значения, - буркнул Тревор.

- Никому не нужна декларированная Судьба только для того, чтобы выполнить ваш план, - сказал Саттон.

- Мы должны иметь за собой всю человеческую расу, - настаивал Тревор. - У нас должно быть нечто очень значительное, что могло бы полностью захватить воображение, чтобы мы всерьез обратили на это внимание. А декларированная Судьба, имеющая своей целью покорение всей Вселенной - это как раз то, что может выполнить эту задачу.

- Двадцать лет назад я, может быть, пошел бы с вами.

- А сейчас? - спросил Тревор.

Саттон пожал плечами.

- Сейчас нет. Сейчас я знаю больше, чем двадцать лет назад. Тогда я был человеческим существом, Тревор. Я не уверен, что в полной мере являюсь таковым сейчас.

- Я еще не упомянул о вознаграждении, - сказал Тревор. - Это само собой разумеется.

- Нет, спасибо. Мне хотелось бы пожить еще.

Тревор бросил бумажный шарик в чернильницу и промахнулся.

- Вы невнимательны, - поддел его Саттон. - Ваша точность сегодня ниже обычного уровня.

Тревор взял другой бумажный шарик.

- Хорошо, - зло проговорил он. - Продолжайте наслаждаться жизнью. Сейчас идет война, и мы победим в ней. Так драться очень трудно, но мы сделаем все, что можем. Войны нет как таковой, нет внешних признаков войны, поскольку, как вы понимаете, Галактика пребывает в полном мире и спокойствии под управлением добрейших жителей Земли. Мы победим и без вас, Саттон, но с вами - это было бы проще.

- Вы собираетесь отпустить меня? - спросил Саттон с удивлением, в котором проскальзывала и насмешка.

- Конечно, - ответил Тревор. - Можете идти и биться головой о каменную стену еще какое-то время. В конце концов вам это надоест, и вы прекратите это занятие просто потому, что устанете. Тогда вы вернетесь и дадите то, что нам нужно.

Саттон поднялся с кресла. Он некоторое время стоял в нерешительности.

- Чего вы ждете? - спросил Тревор.

- Меня очень удивила одна вещь, - объяснил ему Саттон. - Книга как-то и где-то ведь уже была написана. Этот факт имел место на протяжении почти пяти столетий. Как вы собираетесь изменить его? Если я напишу ее так, как вы хотите, то как это повлияет на весь ход человеческой истории за весь этот период времени?..

Тревор только рассмеялся.

- Мы уже все продумали. Скажем так: через какое-то время, допустим, через несколько лет, будет найдена рукопись вашей книги. Она будет своевременно и несомненно определена как подлинник, по некоторым характерным признакам, которые вы внесете в рукопись, когда напишете ее. Она будет найдена и опубликована, и, более того, апробирована. Человеческая раса получит свою Судьбу. Мы объясним, что те неприятности, которые имели место в прошлом, служат неопровергимыми доказательствами того, что кто-то раньше пытался изменить рукопись. Даже ваши друзья-андроиды будут вынуждены поверить в то, что мы им скажем.

- Умно, - согласился Саттон.

- Я тоже так думаю, - кивнул Тревор.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

У входа в здание его ожидал человек. Он поднял руку в жесте, похожем на уже знакомое Саттону приветствие.

- Минуточку, мистер Саттон.

- Да, в чем дело?

- Некоторые из нас будут следить за вами, сэр. Таков приказ, вы знаете...

- Но...

- Мы ничего не имеем против вас лично, сэр. Мы не будем вам мешать в чем-либо. Мы будем только охранять вас, сэр.

- Охранять меня?

- Конечно, сэр. Существует банда, как вы знаете. Банда Моргана. Мы не можем позволить, чтобы они вас уничтожили.

- Вы даже не представляете себе, - улыбнулся Саттон, - как глубоко я ценю ваше участие.

- Не за что, сэр, - невозмутимо ответил человек. - Это часть нашей каждодневной работы. Я с удовольствием буду делать ее. Не надо благодарностей.

Он отошел в сторону, и Саттон сошел вниз по ступенькам, а затем по усыпанной гравием дорожке, ведущей вдоль проспекта. Солнце уже склонилось к закату, и, повернувшись назад, он увидел строгие вертикальные линии административного гигантского здания, в котором он встретился с Тревором. Оно четко вырисовывалось на фоне закатного неба. Но он не увидел никого, кто бы следил за ним.

Ему некуда было идти. Он просто не представлял себе, что ему теперь делать. Но он понимал, что не может просто так стоять здесь и потирать руки.

- Я буду прогуливаться, - сказал он себе, - буду думать и ждать, что же произойдет со мной дальше.

Он встречал других прохожих, и некоторые оглядывали его с любопытством. Только сейчас Саттон вспомнил, что одежда его была одеждой двадцатого века, одеждой рабочего фермы... Он был одет в хлопчатобумажный комбинезон и такую же рубашку. На ногах его были тяжелые грубые ботинки. Но в этом мире даже такой костюм не вызовет подозрений, поскольку на Земле

всегда находилось много визитеров из других звездных систем, причем высокопоставленных персон. Когда вокруг настоящего вавилонского столпотворение представителей разных рас, работающих в различных сферах межзвездных контактов, да еще учитывая, что существует обмен студентами, дипломатами, которые представляли отдельные планеты - все это приводит к тому, что никакой, даже самый необычный вид одежды не может вызвать ни малейшего подозрения.

- К утру, - сказал он себе, - надо найти какое-то место, где можно надежно укрыться. Место, где он может хотя бы немного расслабиться и спокойно обдумать все аспекты своего пребывания в этом мире; мире, который существует во времени на пять столетий позднее его собственного мира.

Он, возможно, сделает именно так. Или найдет какого-нибудь андроида, которому он сможет доверять и через которого он мог бы вступить в контакт с организацией андроидов...

И хотя ему никто не говорил об этом, у него не было ни малейших сомнений в том, что такая организация существует, иначе кто же тогда ведет войну во времени?

Он повернулся по тропинке, идущей вдоль проспекта, и завернулся на другую, очень узкую, которая вела через низину к гряде невысоких холмов на севере.

Внезапно он почувствовал, что голода и что ему следовало бы зайти перекусить в какое-нибудь кафе в административном здании. Затем он вспомнил, что у него нет денег, чтобы купить себе еду. Хотя несколько долларов двадцатого столетия и были у него в кармане, но здесь они не имели хождения, представляя ценность только для нумизматов.

Сумерки опустились на землю, и лягушки начали свой вечерний концерт. Сначала откуда-то издалека, затем все ближе и ближе - ему казалось, что его подошвы не касаются земли. Он хотел лететь, несомый звуком, поднимающимся к слабомерцающим звездам в вечернем небе, сияющем из черных глубин над его головой.

- Всего лишь несколько часов назад я шел по пыльной дороге, спускающейся с холма, в двадцатом столетии, собирая белую пыль на своих башмаках, - думал Саттон, - и остатки этой пыли все еще были на них.

И его воспоминание о той дороге и всем остальном в прошлом все еще было в его сознании.

- Память и эти пылинки - вот и все, что связывает меня с прошлым.

Он достиг холмов и начал подниматься на один из них. Воздух был очень чистым и свежим, пропитанным запахом сена и лесных цветов. Ашер поднялся на самую вершину холма и остался там, вглядываясь в окружающую его темноту ночи. Где-то очень близко от него начал осторожно настраивать свою скрипку кузнечик. Из болота доносился звук приглушенного лягушачьего кваканья. В темноте прямо перед ним слышался плеск ручья. Он как будто говорил с деревьями, с травой на берегу и склонившимися над ним в дремоте цветами, пробегая мимо них.

- Мне хотелось бы остановиться, - говорил ручей, - остановиться и поговорить с вами, но я не могу. Понимаете, мне нужно спешить, спешить к какому-то неведомому месту, куда я должен добраться.

"Так же как человек, - подумал Саттон. - И человека что-то гонит вперед и вперед. Человека подгоняют обстоятельства и необходимость, а также амбиции других беспокойных людей, которые не позволяют ему остаться в покое."

Он не слышал звука, но почувствовал, как чья-то рука, большая и сильная, схватила его за руку и как бы выдернула с пешеходной дорожки. Извиваясь, он попытался освободиться от захвата. И в то же время он увидел неясный черный силуэт человека, который схватил его. Саттон сжал кулак и ударил в направлении, где была голова этого человека, но промахнулся. Затем нападающий ударил его в пах - Ашер согнулся. Его рванули за ноги, и он упал лицом вниз.

Он поднялся и где-то справа услышал щелканье скорострельных ружей и боковым зрением уловил яркие огоньки в ночи.

Затем откуда-то вновь появилась рука, закрыв ему рот и нос.

Порошок, - подумал он, ощущив странный незнакомый запах. И после этого он уже не слышал звуков стрельбы, лягушачьего кваканья и журчания ручья в лесу.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Саттон открыл глаза. Он лежал на кровати. Из открытого окна веяло прохладой. Комната была украшена фантастическими настенными росписями и вся была залита солнцем. Ветерок приносил запах цветов и счастливое пение птиц.

Ашер медленно вобрал в себя всеми чувствами явления и предметы, находящиеся в комнате - все было незнакомым. Незнакомая мебель, даже сами очертания комнаты были незнакомыми. Зеленые, пурпурные или красные обезьяны, изображенные в натуральную величину, носились одна за другой по волнистой желтой лиане, служащей бордюром. Его сознание скользило по следу времени в комнате, когда он пришел в себя.

Были люди, стрелявшие в темноте. И была рука, которая зажала ему рот.

Меня усыпили, - подумал он, - и похитили. А перед этим был кузнец, кваканье лягушек и ручей, с журчанием бегущий по склону холма к какой-то своей цели. А перед этим был человек, сидевший напротив него и рассказывающий ему о Корпорации, о мечте и плане, который стоял перед этой Корпорацией.

Фантастический план, - продолжал думать Саттон. В этой, наполненной солнцем комнате даже сама идея казалась чистой фантазией... которая заключалась в том, что человек направится не только к звездам, но и к другим Галактикам. Но в этом было величие, чисто человеческое величие. Было время, когда фантазией являлась лишь мысль о том, что когда-нибудь человек оторвется от планеты, на которой он родился. Было время, когда считалась фантазией только мысль о том, что человек выйдет за пределы Солнечной Системы и направится через эти чудовищные пространства, представляющие собой ничто, к другим звездам.

Но в Треворе была сила. А также - убежденность. Этот человек знал, куда он идет и почему он туда идет, и что нужно сделать для того, чтобы добиться своей цели.

- Указанная и декларированная Судьба, - сказал он. - Вот, что нужно для этого. Вот, что необходимо. Человек станет великим - он станет богом. Концепция жизни и мысли, которые были

рождены на Земле, станут концепцией всей Вселенной, этого хрупкого пузыря в пространстве и времени, который продвигается в каком-то океане мистических явлений. И в этот океан человеческий разум проникнуть не может. И все же, к тому времени, когда человек доберется до нынешнего предела, он, возможно, будет способен проникнуть туда тоже.

Зеркало стояло внутри комнаты, и Саттон увидел в нем отражение нижней половины своего тела, которое было распластерто на постели и обнажено. На нем оставались одни трусы. Он пошевелил пальцами и проследил за их отражением в зеркале.

- Вы являетесь единственным человеком, который останавливает нас, - сказал ему Тревор, - вы являетесь единственным человеком, который препятствует на пути человечества, вы мешаете людям стать богами.

Но не все люди думают так, как Тревор. Не все запугались в темном механизме человеческой расы.

Делегаты из Лиги Равенства для андроидов однажды говорили с ним. Они перехватили его, когда он вышел из лифта и направлялся обедать. Они стояли вокруг него, словно ожидая, что он сделает попытку убежать от них, и были готовы помешать ему в этом. Один из них вертел в руках поношенную кепку, волосы у женщины были растрепаны, и она складывала руки на животе - жест, присущий решительным и солидным людям. Они, конечно, были немного тронутые и чем-то напоминали новых христиан, убежденных бойцов за веру, которая выделяла их среди других людей и из-за которой они подвергались преследованиям. Преследованиям и презрению, спокойному и уничтожающему. Даже андроиды, ради которых они работали, видели неэффективность их действий и вульгарность их методов.

- Сама человеческая раса, - продолжал думать Саттон, - не может ни на мгновение забывать о том, что она является человеческой, не может достичь такого смирения, которое должно идти рядом с равенством. И в то время, когда члены Лиги вели борьбу за равенство для андроидов, они просто не могли не относиться к ним свысока, к этим почти людям, ради которых они вели борьбу и которых хотели сделать равными себе.

Как об этом сказал Херкимер?

- Равенство не может быть даровано, оно не должно быть результатом человеческой терпимости.

Но это была единственная возможность для человеческой расы достичь равенства. Только таким путем, путем бесконечной терпимости. И все же эта жалкая горстка людей, которая свысока относилась к андроидам, были единственными людьми, к которым он мог сейчас обратиться за помощью. Человек, который вертел кепку в грязных руках, пожилая растрепанная женщина и еще один человек, которому, по-видимому, нечем было заняться.

- И все же, - напряженно думал Саттон, - и все же была еще Ева Армор.

Могли быть еще и другие, похожие на нее. Где-то могли быть работающие вместе с андроидами, такие, как они.

Он опустил ноги на пол и сел на краю постели. Пара ночных туфель стояла на полу. Он надел их, встал и подошел к зеркалу.

Странное лицо смотрело на него из зеркала. Лицо, которое он никогда раньше не видел, и на какое-то время его охватила паника.

Затем он мгновенно понял причину этой перемены, его рука поднялась ко лбу и потерла пятно, нарисованное на нем.

Он низко наклонился над зеркалом и убедился в правильности своей догадки. Пятно на лбу было знаком, означающим андроида. Знак и серийный номер.

Саттон пальцами осторожно потрогал свое лицо и обнаружил на нем пластиковое покрытие, изменившее его внешность до неузнаваемости. Он повернулся, снова подошел к кровати и сел на нее, ухватившись руками за матрас.

- Мне изменили внешность, - сказал он себе. - Сделали из меня андроида. Когда меня похитили, я был человеком, а когда я проснулся, то оказался андроидом.

Щелкнула дверь, и Херкимер произнес:

- С добрым утром, сэр. Полагаю, вы чувствуете себя удобно?

Саттон резко поднялся.

- Так это были вы? - спросил он.

Херкимер довольно кивнул головой.

- К вашим услугам, сэр. Чем могу быть вам полезен?

- Вам не следовало лишать меня сознания, - заметил Саттон.

- Нам нужно было действовать быстро, сэр, - извиняющимся голосом ответил Херкимер. - Мы не могли позволить осложнить

ситуацию. Вы задержали бы нас своими вопросами, пытаясь разобраться в том, что происходит. Мы вас усыпили и похитили. Поверьте, сэр, этот способ был гораздо проще.

- Но была какая-то стрельба? - спросил Саттон. - Я слышал выстрелы.

- Да, - согласился Херкимер. - Там было несколько ревизионистов, которые прятались в засаде. В общем, если рассказывать об этом, получится слишком сложно.

- Вы вступили в конфликт с ревизионистами?

- Сказать по правде, - объяснил Херкимер, - у некоторых из них оказались настолько горячие головы, что они пустили в ход ружья и пистолеты. Это было очень глупо с их стороны, сэр. Они, признаться, получили по заслугам.

- Это не принесет никакой пользы, - возразил Саттон, - если ваша акция заключалась только в том, чтобы вырвать меня из рук банды Тревора. У Тревора работает психометр, настроенный на меня. Он знает, где я нахожусь и это место будет тщательно обыскано.

- Оно уже обыскано, сэр. Его люди буквально заполнили все вокруг и натыкались друг на друга.

- А зачем вы придали мне такой вид? - сердито спросил Саттон. - Зачем было нужно изменять мою внешность?

- Видите ли, сэр, - объяснил Херкимер, - дело вот в чем. Мы исходили из того, что ни один человек, будучи в здравом уме, не захочет стать андроидом. Поэтому мы превратили вас в андроида. Они будут искать человека. Им и в голову не придет даже взглянуть на андроида, когда они ищут человека.

Саттон вздохнул.

- Хитро придумано, - сказал он. - Я полагаю...

- Да, конечно, они поймут через некоторое время, сэр, - весело согласился Херкимер. - Но это даст нам лишнее время. Время для того, чтобы выработать дальнейший план.

Он двигался вдоль стены, открывая шкафчики и вытаскивая оттуда одежду.

- Очень приятно, сэр, что вы опять с нами. Мы пытались найти вас, но это было очень трудно. Мы полагали, что вас где-то держат ревизионисты и поэтому удвоили меры предосторожности, тщательно наблюдая за их действиями... В течение последних пяти недель мы знали каждый шаг Тревора и его банды.

- Пяти недель? - воскликнул Саттон. - Вы сказали - пяти недель?

- Конечно, сэр. Пяти недель. Вы исчезли как раз семь недель назад.

- По моему календарю, - сказал Саттон, - это было десять лет назад.

Херкимер слегка кивнул, ничуть не удивляясь.

- Время - удивительная вещь, сэр. Оно не перестает ставить человека в тупик.

Он положил одежду на постель.

- Если вы наденете это, сэр, мы сможем пойти позавтракать. Ева ожидает вас. Она будет рада видеть вас, сэр.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

Тревор промахнулся три раза подряд. Он печально покачал головой.

- Вы в этом уверены? - спросил он человека, который сидел напротив него.

Человек кивнул головой. Губы его были плотно сжаты.

- Это ведь может быть пропагандой андроидов, вы понимаете? - еще раз спросил Тревор.

- Они хитры. Этого никогда не следует забывать. Андроиды, несмотря на то, что они постоянно кланяются и шаркают ножкой, так же хитры, как и мы. Вы понимаете, что это означает? - требовательно спросил человек.

- Что это означает?

- Я могу вам ответить. С этого момента мы не можем уже с уверенностью сказать, кто из нас является человеком, а кто - андроидом. Вы можете быть андроидом или я...

- Совершенно верно, признал Тревор. - Так вот почему Саттон был так самоуверен вчера. Он сидел там же, где сидите сейчас вы, и у меня все время было такое ощущение, что он смеялся надо мной...

- Я не думаю, что Саттон знает это, - возразил человек. - Это секрет андроидов. Только некоторые из них знают его. Они не станут рисковать, чтобы позволить человеку узнать свою тайну.

- Даже Саттону?

- Даже Саттону.
 - Как вы, однако, любите подчеркивать их интеллект, их высокий интеллект, - раздраженно проговорил Тревор.
 - Вы, конечно, собираетесь что-нибудь предпринять в этом направлении? нетерпеливо спросил человек
- Тревор уперся локтями о стол и сложил пальцы рук.
- Конечно, - усмехнулся он. - А теперь слушайте внимательно. Вот что мы сделаем...

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Ева Армор поднялась из-за стола и подняла руки в приветствии.

Саттон притянул ее к себе и поцеловал.

- Это, - сказал он, - за те миллионы раз, когда я думал о тебе.
- Она засмеялась ему в ответ, веселая и счастливая.
- Неужели миллионы раз, Аш?
- У него время шло иначе, - объяснил Херкимер. - Он отсутствовал десять лет:

- О, - удивилась Ева, - о, Аш, как это ужасно!

Он усмехнулся, глядя на нее.

- Не так уж это ужасно. Всего десять лет отдыха. Десять лет мира и спокойствия. Я работал на ферме, если ты знаешь. Сначала это было довольно тяжело, а потом я даже пожалел, когда пришло время уходить.

Он придвинул ей стул и сел между ней и Херкимером.

На завтрак у них были ветчина, яйца, поджаренный хлеб с джемом и крепкий черный кофе.

Во дворике, где стоял стол, было очень приятно. В листве деревьев над ними беззлобно ссорились птицы. На клевере, росшем в щелях между плитами, которыми был вымощен дворик, жужжали пчелы.

- Как тебе нравится мой дом, Аш? - спросила Ева.
- Здесь чудесно, - ответил он. И, как будто это имело какую-то связь с предыдущим, он продолжал:
- Вчера я видел Тревора. Он пригласил меня на вершину горы и показал лежащую под ногами Вселенную.

Ева судорожно вздохнула, и Саттон поднял на нее взгляд. Херкимер ждал со странным выражением на вытянувшемся лице, вилка застыла на полдороге к его рту.

- Что с вами обоими происходит? - спросил Саттон. - Вы мне не доверяете? - тут же сам ответил он на свой вопрос.

Конечно, они не доверяют ему. Ведь он был человеком и мог предать их. Он мог так исказить понятие Судьбы, что она оказалась бы Судьбой только для человеческой расы. И не было уверенности, что Саттон никогда не сделает этого.

- Аш, - произнесла Ева, - ты отказался?

- Я ушел от Тревора, оставив у него впечатление, что еще вернусь обсудить это. Я ему ничего не обещал, просто он уверен, что все так и будет. Он сказал, что я пока свободен и могу, как он выразился, "биться головой о стену еще некоторое время".

- Думали ли вы об этом, сэр? - Херкимер напрягся еще больше.

Саттон покачал головой.

- Нет. Совсем мало. У меня просто еще не было времени и возможности спокойно подумать об этом. В этом что-то есть. Вы бы поняли меня, если бы были людьми. Честно говоря, я иногда задумываюсь, как много человеческого еще осталось во мне.

- Насколько хорошо ты информирован об этом, Аш? - спросила Ева мягким голосом.

Саттон потер лоб.

- Достаточно, как я полагаю. Я знаю о войне, которая ведется во времени, и о том, как она ведется. У меня два тела и два разума. Во всяком случае, у меня есть тело, которое может заменить человеческое, и такой же разум. Я знаю кое-что о том, на что я способен. Может быть, у меня есть еще способности, о которых я пока не знаю. В это надо как бы врасти. Каждая новая способность появляется с трудом.

- Мы не могли сказать тебе об этом раньше, - мягко объяснила Ева. - Хотя это было бы очень просто сделать. Но ты бы не поверил нам. Когда дело идет о времени, нужно вмешиваться как можно меньше, ровно настолько, насколько можно изменить событие в нужном направлении. Я пыталась предупредить тебя, Аш, понимаешь? Насколько осторожность позволяла мне.

Он кивнул головой.

- После того, как я убил Бентона в доме ЗАГА, ты сказала мне, что не видела меня в течение двадцати лет.

- Ты помнишь! Я была той самой маленькой девочкой в клетчатом переднике, когда ты ловил рыбу...

Он удивленно посмотрел на нее.

- Ты знала об этом? Это не было частью сна ЗАГА?

- Вопрос определения, - вмешался Херкимер, - для того, чтобы вы могли признать ее как друга, как человека, которого знали раньше и который был близок вам.

- Но это был сон!

- Это был сон ЗАГА. ЗАГ - один из нас. Его раса получит выгоду, если Судьба будет принадлежать каждому, а не только человеку.

Саттон задумчиво произнес:

- Тревор слишком уверенно ведет себя. На самом же деле он просто притворяется - в действительности он не уверен. Я все время возвращаюсь к этой фразе: "Идите и еще побейтесь головой о стену".

- Он пытается найти подход к вам, как к человеческому существу, - проговорила Ева.

Саттон покачал головой.

- Я не думаю, что дело только в этом. Возможно, у него есть какой-то тайный план, который мы пока не разгадали.

Херкимер медленно заговорил:

- Мне все это не очень нравится, сэр. Война все еще продолжается. И если бы мы не должны были победить, мы пропали бы уже сейчас.

- Если мы не должны победить? Я не понимаю.

- Мы не обязательно должны победить, сэр, - объяснил Херкимер. - Все, что от нас требуется - это вести активную борьбу и не позволить ревизионистам уничтожить книгу, которую вы должны написать. С самого начала мы не пытались изменить хоть что-нибудь. Мы лишь старались не позволить им внести изменения.

Саттон кивнул.

- С другой стороны, Тревор должен обязательно победить. Он должен уничтожить оригинал рукописи. Он должен сделать все, чтобы предупредить его написание или дискредитировать настолько, что даже андроид не поверит ему.

- Вы правы, сэр, - согласился Херкимер. - Если он этого не сделает, человеческая раса не будет иметь Судьбу только для себя, не сможет заставить другие формы жизни поверить, что Судьба предназначена только для человека.

- И это все, что он хочет, - вставила Ева. - Он не хочет получить Судьбу, поскольку ни один человек не будет верить в нее так, как верит хотя бы андроид. Для Тревора это лишь вопрос пропаганды... заставить человеческую расу целиком поверить в то, что она имеет предназначение овладеть Вселенной, и он не успокоится до тех пор, пока не выполнит то, что задумал.

- До тех пор, - сказал Херкимер, - пока мы можем удержать его от этой цели, от ее достижения, мы считаем, что не побеждены. Ситуация настолько тонко сбалансирована, что любой новый подход с любой из сторон может привести к очень серьезным последствиям. Новое оружие может стать решающим фактором, который будет означать либо победу одной из сторон, либо поражение.

- У меня есть оружие, - проговорил Саттон. - Как раз такое оружие, которое способно нанести им поражение... Но нет никакой возможности использовать это оружие.

Никто из них не задал вопроса вслух, но он увидел этот вопрос на их лицах и ответил на него.

- Есть только одно такое оружие, всего один экземпляр. Невозможно вести войну с одним единственным пистолетом, верно?

Послышался звук быстрых шагов за углом дома, обернувшись, они увидели андроида, бегущего к ним. Его одежда была покрыта пылью, а лицо раскраснелось. Он подошел и уставился на них, ухватившись за край стола.

- Они пытались остановить меня, - сказал он, тяжело дыша. Слова с трудом выходили из его рта. - Это место окружено...

- Энджи, ты идиот, - резко выпалил Херкимер. - Зачем ты побежал прямо сюда? Они узнают...

- Они узнали о колыбели... - выдавил из себя Энджи.

Херкимер быстро и резко поднялся. Стул, который он оттолкнул при этом, чуть не упал, его лицо внезапно стало таким белым, что знак, вытатуированный на его лбу, стал заметен необычайно отчетливо.

- Они знают, где...

Энджи покачал головой.

- Нет, не где. Они просто узнали об этом. Только что. У нас есть время...

- Мы соберем все корабли, - сказал Херкимер. - Мы должны отозвать всех, кто дежурит в пунктах кризиса.

- Мы не можем этого сделать! - крикнула Ева. - Это как раз то, чего они добиваются. Ведь это мешает им...

- Мы вынуждены это сделать, - печально произнес Херкимер. - У нас нет выбора. Если они уничтожат колыбель...

- Херкимер, - обратилась Ева, и было в ее неторопливых словах какое-то ледяное спокойствие, - знак!

Энджи быстро повернулся к ней, затем отшатнулся в сторону. Рука Херкимера оказалась под его одеждой, и Энджи внезапно бросился к невысокой стене, отгораживающей дворик.

Нож в руке Херкимера блеснул на солнце и внезапно превратился в крутящееся, сверкающее колесо, которое настигло убегающего андроида. Нож настиг его прежде, чем он успел добежать до стены.

Мертвый андроид походил на бесформенную кучу тряпья.

Нож, как увидел Саттон, почти по рукоятку вошел в его шею.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

- Вы заметили, сэр, - сказал Херкимер, что иногда какие-то мелочи, незначительные факторы играют большую роль в любых событиях. - Он коснулся тела убитого левой ногой.

- Прекрасно, - продолжал он, - прекрасно задумано. За исключением того, что прежде чем явиться к нам с этим сообщением, ему следовало покрыть свой знак лаком. Многие андроиды делают это, чтобы скрыть знак. Но очень редко им это удается. Через некоторое время знак снова становится заметным.

- Но что это за лакировка? - спросил Саттон.

- Это небольшой условный знак, - объяснил Херкимер. - Очень просто. Это опознавательный знак для агента, который приходит с известием. В сущности, это пароль. Для этого нужно лишь секунду времени, немного лака на палец и нужно провести им по лбу.

- Это настолько просто, - добавила Ева, - что никто практически не замечает этого.

Саттон кивнул.

- Это один из людей Тревора? - спросил он.

- Да, - ответил Херкимер, - и он прикинулся одним из наших, его послали, чтобы выкурить нас отсюда, чтобы заставить нас мчаться сломя голову спасать Колыбель.

- Что это за колыбель?

- Ее еще можно назвать "Лоном".

- Но это значит, - вмешалась Ева, - что Тревор знает о ее существовании. Он не знает, где она находится, но он знает о ней. Он будет охотиться за ней, пока не найдет, и тогда...

Харкимер жестом остановил ее.

- В чем дело? - снова спросил Саттон.

Что-то было не так. Что-то трагическое чувствовалось вокруг, вся атмосфера этого места была ненатуральной. Исчезло дружелюбие, доверие и единство души. Все было уничтожено* с появлением этого андроида, который, пробежав через дворик, говорил о какой-то "Колыбели". И умер несколько секунд спустя с ножом в горле.

Разум Саттона инстинктивно простерся к разуму Херкимера, но тут же вернулся обратно. - Нельзя эту способность, - сказал он себе, - использовать против друга. Эту способность нужно бережно хранить, а не использовать для удовлетворения любопытства. Цель должна оправдывать ее применение. Но что же произошло не так, как надо? - спросил он себя. - Что произошло не так?

- Сэр, - мягко сказал Херкимер, - вы человек, а это дело андроидов.

Некоторое время Саттон стоял выпрямившись. И его разум старался преодолеть шок, вызванный словами Херкимера, а в его душе бушевала черная буря смятенных чувств, кипящая, но в то же время холодная. Затем он расчетливо, как будто давно обдумал свои действия, сжал кулаки и выбросил руку вперед.

Это был ужасный удар... Всем весом и со всей силой.

Херкимер рухнул, как бык под ударом молота.

- Аш! - вскрикнула Ева. - Аш!

Она схватила его за руку, но он отнял ее.

Херкимер медленно сел. Его лицо было закрыто руками, яркая кровь просачивалась между пальцами.

Саттон заговорил:

- Я не продал Судьбу. И я не собираюсь продавать ее. Хотя, бог знает, может вы и заслужили это.

- Аш, - осторожно сказала Ева, - мы должны быть уверены.

- Ну и как я должен поступать, чтобы убедить вас? - спросил он. Вам придется верить только моим словам.

- Это твой народ, Аш, - ответила она. - Твоя раса. Их величие - это твое величие тоже. Ты не можешь винить Херкимера за то, что он думал.

- Они так же являются твоим народом, - возразил Саттон, - этот недостаток так же твой, как и мой.

Она покачала головой.

- Мой случай особый, - объяснила она. - Я осталась сиротой, когда мне было всего несколько недель от роду. Семья андроидов взяла меня к себе. Они воспитали меня. Одним из них был Херкимер. Я являюсь больше андроидом, чем человеком, Аш.

Херкимер все еще сидел на земле рядом с распростертым мертвым телом агента Тревора, не отнимая рук от своего лица. И не было похоже, что он собирается делать это. Кровь все еще сочилась через его пальцы и стекала вниз по рукам.

Саттон сказал Еве:

- Очень приятно было увидеть тебя. И благодарю за завтрак.

Он стремительно повернулся и зашагал прочь, через дворик к калитке в стене и к тропинке, ведущей к дороге.

Он слышал, как Ева окликала его и просила остановиться, но сделал вид, что не слышал.

- ...меня воспитали андроидом, - сказала она.

А его воспитал Бастер. Бастер, который всему учил его, учил драться, который когда-то поколотил его. Бастер, который надавал ему оплеух, когда Саттон наелся зеленых яблок. Он был воспитан Бастером, который ушел пять лет назад для того, чтобы сделать своим домом другую планету.

Он шел, ощущая ледяное кипение крови.

- Они не доверяют мне, - сказал он. - Они думают, что я могу предать. После всех этих лет ожиданий, планов и надежд.

- Что происходит, а, Аш?

- Да, что происходит, Джонни? Что это?

- Твой поступок плохо пахнет, Аш.

- Черт с тобой, - проговорил Саттон. - С тобой и со всеми остальными.

Люди Тревора, он знал, должны быть где-то рядом с домом. Он ожидал, что его остановят, но этого не случилось. Вокруг не было ни души.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

Саттон вошел в будку видеофона и закрыл за собой дверь. С полки на стенке он взял справочник, нашел нужный номер, набрал и нажал кнопку. На экране появился робот.

- Информация, - сказал робот. Взгляд его был направлен на лоб человека, делающего вызов. Поскольку это оказался андроид, он не добавил обычного "сэр".

- Информация. Архив. Чем могу быть полезным?

- Есть ли вероятность, что этот вызов может быть подслушан? - спросил Саттон.

- Нет, - уверенно ответил робот. - Абсолютно никакой возможности подслушивания не существует. Вы понимаете?

- Я хочу видеть архивное дело на земельные владения 7990 года, - проговорил Саттон.

- Земельные архивные дела?

Саттон кивнул.

- Одну минутку, - проговорил робот.

Саттон наблюдал за тем, как робот выбрал нужную катушку и поставил ее на проектор.

- Они расположены в алфавитном порядке, - объяснил робот. - Какая фамилия вас интересует?

- Она начинается на букву "С", - ответил Саттон. - Дайте мне возможность проверить все, что начинается на букву "С".

Вращаясь, катушка сначала дала на экране туманное свечение. Она замедлилась на букву "М", затем перешла к букве "П", а затем еще больше замедлила свое вращение.

Список фамилий, начинающихся на букву "С", проецировался очень медленно.

- Ближе к концу, - сказал Саттон, - придержите.

Именно здесь был тот пункт, который он искал.

"Саттон. Бастер".

Он трижды прочел описание этой планеты, чтобы быть твердо уверенным, что запомнил его.

- Все, - наконец произнес он. - Большое вам спасибо.

Робот что-то пробурчал в ответ и выключил экран. Выйдя из кабинета, Саттон непринужденно прошел через фойе административного здания, которое он выбрал, чтобы сделать вызов. Оказавшись на дороге, он пошел по ней, затем свернул на тропинку, найдя там уютную скамейку.

Он сел и заставил себя расслабиться.

За ним следили, и он знал это. Тревор уже должен был знать, что андроид, который вышел из дома Евы Армор, не может быть никем иным, как Ашером Саттоном. Психометр давно уже должен был рассказать им все, проследить все его перемещения, и указать место нахождения, чтобы люди Тревора могли обнаружить его.

Спокойно, - сказал он себе. - Тяни время, бездельничай. Веди себя так, как будто тебе нечего делать, как будто ты ни о чем не думаешь. Ты не одурачишь их, но, во всяком случае, ты так можешь выбрать момент, что они будут неподготовлены, когда подойдет время для дальнейших действий.

Было многое, что еще надо было сделать. И еще многое нужно было обдумать, хотя он был доволен, что линия поведения, избранная и спланированная им, была такой, как надо.

Сначала нужно вернуться в дом Евы, чтобы забрать рукопись, оставленную на охотничьем астероиде. Забрать записки, которые Ева и Херкимер хранили в течение всех этих лет... или недель.

Это, в лучшем случае, будет тонкое и щепетильное дело. Но это была его рукопись, и он имел право вернуть ее себе. У него не было никаких обязательств перед ними.

Он мысленно проигрывал предстоящий разговор с Евой:

- Я пришел забрать свои записки, я полагаю, что они все еще хранятся где-то здесь?

Или:

- Ты помнишь ту папку, которая была у меня? Интересно, она сохранилась?

Или:

- Я собираюсь уезжать и буду благодарен тебе, если ты отыщешь мои записки.

Или: ...

Что бы он ни сказал, что бы ни сделал, в первую очередь надо вернуть рукопись.

Можно было тянуть время, но лишь до последнего момента. К дому надо было идти неспеша и поспеть как раз к сумеркам, чтобы взять рукопись незаметно. И вот тогда ему надо действовать быстро, так быстро, чтобы люди Тревора не смогли проследить за ним.

Затем нужен корабль, - продолжал думать Саттон. - Корабль, который надо похитить.

Он приметил его раньше во время прогулки у космопорта. Обтекаемый и небольшой. Это был быстроходный корабль, и строгий офицер с военной выпрямкой, руководивший заправкой горючего, был еще одним указанием на то, что корабль надежен и быстроходен.

Прогуливаясь за оградой космопорта с видом бездельника-андроида, он осторожно проник в разум офицера. Через несколько минут Саттон быстро уходил прочь, имея всю информацию, которая была ему необходима.

На корабле летела команда, занимающаяся изменением событий во времени. И он не должен был стартовать до следующего утра.

А ночью корабль будет охраняться.

Без сомнения, - сказал себе Саттон, - это один из кораблей Тревора, один из кораблей Ревизионистов.

Нужны крепкие нервы для того, чтобы захватить этот корабль - он знал это. Потребуется выдержка, быстрая реакция, готовность и способность убивать.

Неспеша он войдет на поле космодрома, смешавшись с толпой ожидающих. Затем он отделится от толпы и пройдет по полю, как будто имея на это право. Он не будет бежать... Он будет медленно идти, побежит в том случае, если кто-нибудь попытается остановить или окликнуть его. Тогда он побежит, будет драться, убивать, если потребуется. Но он получит этот корабль.

А овладев кораблем, увеличит скорость до предела и направит его в сторону, противоположную месту назначения. Он выжмет из корабля все, что сможет.

Через два года или, может быть, раньше он отключит временно генераторы и перенесет себя вместе с кораблем на пару столетий в прошлое. Оказавшись в прошлом, ему придется выключить двигатели, так как в них, несомненно, естьстроенная сигнализация, которая способствует обнаружению корабля. Он отделит двигатели и пустит их в направлении, в котором летел.

Затем корабль без двигателей перейдет в подчинение его нечеловеческого тела. Он повернет корабль и направит его к планете Бастера, увеличивая и увеличивая скорость до фантастической величины, необходимой для того, чтобы перепрыгнуть через звездное пространство.

Подсознательно он думал, что его тело, являющееся приемником энергии, будет подобно настоящему двигателю во время этого длительного перелета. Оно будет служить лучше, решил он, лучше, чем двигатели. Быстрее и мощнее.

Но для этого потребуется много лет, так как Бастер находится далеко. Саттон еще раз проверил свой план. Отделение двигателей приведет к тому, что его преследователи направятся за ним, и пройдет много времени, прежде чем они достигнут их и обнаружат свою ошибку.

Еще раз все проверить, - приказал себе Саттон.

Переход в другое время сделает бесполезными психометры Тревора. Они не могут действовать в ином временном измерении.

Нужно все проверить, до малейшей случайности.

К тому времени, когда психометры будут установлены в других временах, чтобы его обнаружить, он будет уже так далеко, что даже на предельном режиме они вряд ли смогут найти его в необозримом межзвездном пространстве Галактики.

Все нужно проверить.

Если бы только это сработало. Если бы только не было какой-нибудь ошибки, какого-нибудь непредвиденного препятствия.

Белка запрыгала в траве, встала на задние лапы и пристально посмотрела на него. Затем, решив, что он не представляет опасности, принялась искать в траве какие-то свои сокровища.

Надо отрешиться, - подумал Саттон, - от всего, что удерживает меня здесь. Оторваться от всего и сделать свою работу. Забыть о Треворе и ревизионистах, забыть о Херкимере и андроидах. Надо написать книгу.

Тревор хочет меня купить, а андроиды мне не доверяют. А Морган, если только будет такая возможность, убьет меня.

Андроиды мне не доверяют.

Это глупо, - сказал он себе, - это по-детски.

И все же они ему не доверяли.

- Ты человек, - говорила ему Ева. - Это твой народ. Ты принадлежишь к человеческой расе.

Он встрихнул головой, поставленный в тупик сложившейся ситуацией. Лишь одна вещь ясно выступала из всего этого. Одна вещь, которую он должен сделать. Одно обстоятельство, которое должно быть выполнено. Тогда все остальное не будет иметь никакого значения.

Есть нечто, что называется Судьбою.

Знание этой Судьбы было ниспослано ему не как человеческому существу, не как члену человеческой расы, но как посреднику, который должен передать эти знания всем. Всем видам разумной жизни.

- Я должен написать книгу, чтобы выполнить это. Я должен сделать так, чтобы книга была ясной и сильной, а главное, такой честной, какой только может быть.

Когда я сделаю это, то освобожусь от своих обязанностей и обязательств.

Позади скамейки послышались голоса и шаги, Саттон обернулся.

- Мистер Саттон, не так ли? - спросил человек.

Саттон кивнул.

- Садитесь, Тревор, - сказал он. - Я ждал вас.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

- Вы недолго оставались со своими друзьями, - заметил Тревор.

Саттон покачал головой.

- У нас возник спор.
 - Это имело отношение к вопросу о Колыбели?
 - Можно сказать, что и так, - подтвердил Саттон. - Но причина гораздо глубже. Это фундаментальная предвзятость, которая гнездится в отношениях между андроидами и людьми.
 - Херкимер убил андроида, который принес ему известие о Лоне? - спросил Тревор.
 - Он думал, что его послали вы. Он понял, что тот только изображал андроида. Вот почему он убил его.
- Тревор лицемерно поджал губы.
- Это плохо, - произнес он, - очень плохо. Скажите, как он узнал... Как сумел распознать обман?
 - Этого, - отрезал Саттон, - я вам не скажу
- Тревор попытался изобразить невозмутимость.
- Главное, что оно не сработало, - продолжал он.
 - Вы имеете в виду, что андроиды не бросились сломя голову и не указали вам, где находится Колыбель?
- Тревор кивнул.
- В этом есть еще и другой аспект. Они могли отозвать своих наблюдателей из стратегически важных пунктов. Это могло бы помочь нам.
 - Как выстрел сразу по двум целям, - усмехнулся Саттон.
 - Именно так, - согласился Тревор. - Нет ничего лучше, чем поставить противника в безвыходное положение.
- Он прищурился, глядя в лицо Саттону.
- С каких это пор, - прямо спросил он, - и почему вы являетесь дезертиром по отношению к человеческой расе?
- Саттон поднял руку к лицу и ощущал твердость пластика, который изменил его черты и сделал похожим на андроида.
- Это была мысль Херкимера, - объяснил он. - Он думал, что в таком виде меня будет труднее обнаружить. Вы не стали бы меня искать среди андроидов, верно?
- Тревор кивнул.
- Это могло бы помочь, - согласился он. - Это могло на какое-то время сбить нас с толку. Но, пока вы дышите, психометр продолжает следить за вами, и мы знаем, где вы.
- Белка подпрыгнула ближе, села напротив и принялась их рассматривать.

- Саттон, - спросил Тревор. - Так вы не знаете об этой проблеме, связанной с Колыбелью?

- Ничего, - ответил Саттон. - Они сказали мне, что я являюсь человеческим существом, а это дела, касающиеся только андроидов.

- Из этого можно сделать вывод, что они считают это очень важным для себя?

- Да, пожалуй, - согласился Саттон.

- Можно догадаться по названию, что это может быть?

- Это не слишком трудно сделать.

- Поскольку нам нужно было больше людей, - размышлял Тревор, - мы начали изготавливать андроидов тысячу лет назад. Они были нужны нам для того, чтобы численно увеличить человечество. Мы делали их как можно больше похожими на человека. Они могли делать все, что и люди, за исключением одного, одной вещи.

- Они не могут размножаться, - перебил Саттон. - Интересно, Тревор, а если бы это было возможным? Если бы мы дали им эту возможность?

- Если дать им эту возможность или способность, то они стали бы настоящими людьми. Не было бы никакой разницы между человеком, предки которого были созданы в лаборатории, и тем, предки которого вышли из океана. Андроиды стали бы расой, которая сама себя продолжает. Тогда они уже не были бы андроидами. Они стали бы людьми. Численность человечества пополнялась бы как биологическим, так и химическим путем. Не знаю, - продолжал Тревор, - честное слово, я этого не знаю. Конечно, является чудом уже то, что мы вообще их создали, что мы смогли воспроизвести жизнь в лаборатории. Подумать только о необходимом уровне технологических и научных достижений, чтобы добиться этого. В течение столетий люди пытались узнать, что же представляет собой жизнь. Мы шли сначала по одному неправильному пути, затем перешли на другой, тоже неправильный, путь, бились о каменную стену. Не в состоянии найти научный ответ, многие обращались к источникам сверхъестественным, к мистическим ответам, к вере, что это является даром свыше, чем-то божественным. Эта идея великолепно выражена Дьюнайте, который писал в двадцатом столетии.

- Мы дали андроидам одну вещь, которой нет у нас, - спокойно сказал Саттон.

Тревор внимательно посмотрел на него. Черты его лица внезапно заострились, и в нем появилась подозрительность.

- Вы...

- Мы дали им неполноценность, - продолжал Саттон. - Мы сделали их менее совершенными, чем человек. Мы дали им основание бороться против нас. Мы не дали им чего-то, ради чего им пришлось бороться. Мы дали им тот мотив, который человек потерял много лет назад. Человеку уже не нужно доказывать, что он такой же, как и все другие, лучше, чем все другие, что он самое великое существо в Галактике.

- Теперь они добились этого? - произнес Тревор с горечью.

- Андроиды размножались не биологическим, а химическим путем в течение длительного времени.

- Мы должны были этого ожидать, - сказал Саттон. - Мы дали им такой же мозг, как у нас. Мы должны были подозревать это уже давно.

- Все это так, - произнес Тревор. - Но мы пытались дать им и возможность человека к интуитивному предвидению.

- Мы поставили знак им на лоб, - заметил Саттон.

Тревор сердито махнул рукой.

- Это незначительное различие уже устраниется. Когда андроиды производят другого андроида, они уже не берут на себя труд ставить знак на его лбу.

Саттон вздрогнул и отшатнулся. Ему показалось, что гром ударили в его сознание, растущее болезненное ощущение перекаивающегося грома, который заглушал все.

Он сказал об оружии! Он сказал, что было оружие...

- Они могут сделать себя лучше, чем были поначалу, - продолжал Тревор. - Они могут улучшать свои модели, создать расы, даже сверхрасы мутантов или как там ее называть...

- Только одно оружие, - сказал он. - Нельзя вести войну только одной единственной пушкой.

Саттон поднял руку ко лбу и крепко потер его, он отчетливо вспомнил разговор с Херкимером.

- Конечно, - усмехнулся Тревор. - Можно сойти с ума, думая об этом. У меня уже голова раскалывается. Возможны различные

варианты. Они могут нас вытеснить, как новое поколение вытесняет старое.

- Но раса все равно останется человеческой, - возразил Саттон.

- Мы создавали себя постепенно, - сказал Тревор. - Старая раса. Биологическая раса Мы пришли с самого начала рассвета человечества. Мы начинали с обтесанных камней, с каменных топоров, пещер и жилищ на деревьях. Мы создавали себя слишком медленно, слишком большой болью и большой кровью, чтобы позволить взять наше наследство кому-то, кто не знает того труда, этой боли, этой крови, для которых все это ничего не означает.

Одна пушка, - подумал Саттон, но он был неправ, были тысячи пушек, миллионы пушек, выкатывающихся на линию огня. Миллионы пушек, которые должны спасти Судьбу для жизни, которая была и будет через миллионы лет.

- Я предполагаю, - произнес он срывающимся голосом, - что у вас сложилось такое впечатление, будто я и в самом деле обязан пойти с вами.

- Я хочу, - прямо сказал Тревор, чтобы вы обнаружили, где находится Колыбель.

- Чтобы вы могли уничтожить ее? - спросил Саттон.

- Чтобы я мог спасти человечество, - ответил Тревор. - Старое человечество. Настоящее человечество.

- Вы полагаете, что все человеческие существа должны быть сейчас заодно?

- Если в вас есть хоть что-то человеческое, - ответил Тревор, - то вы должны быть сегодня с нами.

- Были времена на Земле, - возразил Саттон, - до того, как люди отправились к звездам, когда человечество считалось наиболее важным из всего, что знал человеческий разум. Сейчас это уже не является правдой, Тревор. Существуют другие расы, такие же великие.

- Каждая раса, - поправил Тревор, - должна заботиться о себе. Человеческая раса должна блюсти свои интересы.

- Я буду предателем, - твердо произнес Саттон. - Может быть, я и не прав, но все же я думаю, что Судьба - это гораздо более важная вещь, чем человечество.

- Вы хотите сказать, что отказываетесь помочь нам?

- Не только это, - сказал Саттон. - Я буду бороться с вами. Я говорю вам это сейчас, чтобы вы знали. Если вы хотите убить меня, Тревор, то сейчас самое время сделать это. Потому что потом будет слишком поздно.

- Я ни за что на свете не стану пытаться убивать вас, - резко проговорил Тревор, - потому что мне нужны те слова, которые вы написали. Независимо от вашего желания или желания андроидов, мы прочитаем их так, как хотим прочитать. И так же их будут понимать все эти незначительные коношащиеся существа, которыми вы так восхищаетесь. Нет ничего в мире, что может встать на пути человеческой расы, что может сравниться с ней.

Саттон увидел на лице Тревора презрение к себе.

- Я оставляю вас наедине с самим собой, Саттон, - продолжал Тревор, - ваше имя будет черным пятном на всей истории человечества. Звуком вашего имени поперхнется любой человек, как только попытается произнести его. "Саттон" станет таким бранным словом, которым один человек станет обзывать другого, если захочет нанести ему страшное оскорблениe.

Он произнес слово "Саттон" таким тоном, словно оно вызывало у него отвращение. Саттон даже не пошевелился в ответ. Тревор резко встал и пошел прочь, но затем обернулся. Его голос был не громче шепота, но вонзился в сознание Саттона как раскаленный нож:

- Идите и вымойте лицо, отмойте этот пластик и знак. Но вы никогда не сможете опять стать человеком, Саттон. Вы никогда не сможете назвать себя человеческим существом.

Он резко повернулся и пошел прочь. И, глядя на его спину, Саттон увидел спину всего человечества, навсегда отвернувшегося от него.

Где-то в глубине его сознания, откуда-то издалека, он услышал, казалось, звук захлопнутой перед ним двери.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

Горела только одна лампа в углу комнаты. Папка лежала на столе перед лампой, а Ева Армор стояла около кресла, как будто ожидала его.

- Ты вернулся, - тихо спросила она, - чтобы забрать папку? Я подготовила ее для тебя.

Он остановился в дверях и покачал головой.

- Пока нет, - ответил он. - Позднее она мне понадобится, но не сейчас.

Вот то, что беспокоило меня весь день, - подумал он. - Вот оно, та вещь, которую я пытался облечь в слова.

- Я говорил тебе сегодня утром за завтраком об оружии, - обратился он к Еве. - Тебе нужно запомнить то, что я сказал об этом. Я говорил, что есть единственный экземпляр этого оружия и что нельзя вести войну, имея одну только пушку.

Ева кивнула. Ее лицо в свете лампы казалось слегка удивленным.

- Я помню, Аш...

- Их существует целый миллион, - продолжал он. - Столько, сколько захочешь иметь.

Он медленно прошел через комнату и остановился, глядя ей прямо в лицо.

- Я на твоей стороне, - просто сказал он ей. - Днем я видел Тревора. Он проклял меня от лица всего человечества.

Она медленно провела поднятой рукой по лицу Саттона. Он почувствовал ее холодную и гладкую ладонь. Нежные пальцы Евы остановились в его волосах. Она ласково и осторожно покачала его голову.

- Аш, - произнесла она, - ты вымыл свое лицо, ты снова прежний, Аш.

Он кивнул.

- Я снова хотел стать человеком.

- Тревор говорил тебе о Колыбели, Аш?

- Кое о чем я догадался сам. Он рассказал мне остальное. Об андроидах, которые не имеют знака.

- Мы используем их как шпионов, - объяснила она, словно это была естественная вещь. - Некоторые из них проникли в штаб-квартиру Тревора под видом людей.

- А как Херкимер? - спросил Саттон.

- Его здесь нет, Аш. Его здесь не будет после всего того, что случилось во дворике.

- Конечно, - согласился Саттон. - Конечно, его здесь не будет. Ева, мы, человеческие существа, такие странные и не всегда хорошие.

- Присядь, Аш, - пригласила Ева, - вот в это кресло. Ты говоришь так странно, что даже пугаешь меня.

Они сели.

- Расскажи мне, что произошло, - попросила она.

Он оставил ее слова без внимания.

- Я думал о Херкимере днем, когда Тревор разговаривал со мной, - развивал Ашер свою мысль. - Я ударил его и снова ударю, если он скажет мне то же самое. Это что-то такое, что присутствует в человеческой крови, Ева. Мы боролись для того, чтобы пробиться. Мы действовали топором и дубинкой, огнестрельным оружием и атомной бомбой, и...

- Перестань, - закричала Ева. - Пожалуйста, замолчи!

Он с удивлением посмотрел на нее.

- Ты сказал "человеческие существа", - сказала она уже спокойным голосом, - а кто, - по твоему, Херкимер? Разве он не является человеческим существом? Он - человек, созданный человеком. Робот может произвести другого робота, но он все равно останется роботом, не так ли? Человек создает человека, и оба они - люди.

Саттон смущенно пробормотал что-то.

- Тревор боится, что андроиды захватят власть. Что они станут выше людей, первоначальных, биологических человеческих существ.

- Аш, - продолжала Ева, - предметом твоего беспокойства является проблема, которая будет решаться еще в течение тысячи будущих поколений. Какой в этом смысл?

Он покачал головой.

- В этом действительно нет смысла. Но это беспокоит мой мозг, мне нет от этого покоя. Когда-то все было четко, ясно и просто. Я думал, что напишу книгу. Галактика прочтет ее и примет, и все будет чудесно.

- Все еще может произойти именно так, - уверенно произнесла она, - через некоторое, может быть - значительное, время. Но для этого нам нужно остановить Тревора. Он ослеплен теми же запутанными проблемами, которые беспокоят и тебя.

- Херкимер сказал, что с помощью одного оружия можно достичь этого. Только это оружие перевесит чашу весов. Ева, андроиды достигли значительных результатов в исследовании человеческого организма, не так ли? Они должны были это сделать, это видно по имеющимся результатам.

Ева кивнула.

- Они прошли большой путь, Аш. У них есть анализатор и еще... у них есть устройство, которое как бы разбирает человека на молекулы, на атомы и записывает информацию почти о каждом атоме. Создает кальку для другого тела. Мы сделали кальку для людей Тревора. Мы похитили их и сделали дубликаты, которые послали обратно. А людей мы похитили и лишили свободы, но содержим в приличных условиях. Именно благодаря таким условиям-уловкам мы способны удерживать наши позиции.

- Можете ли вы продублировать меня? - спросил Саттон.

- Конечно, Аш, но...

- Конечно, другое лично, но в точности такой же разум и... некоторые другие части.

Ева кивнула.

- Твои особенные способности, - пошутила она.

- Я могу проникнуть в разум другого человека, - объяснил Саттон. - Это не простая телепатия, а способность действительно стать другим существом, другим разумом, чтобы понимать, знать, чувствовать то же самое, что и это другое существо. Я не знаю, как это происходит. Это, должно быть, связано со структурой моего мозга. Если вы сможете сделать дубликат моего мозга, то он будет обладать способностями оригинала. Может быть, не все двойники будут способны на это. Может быть. Но будут и такие, которые овладеют этими способностями.

Она задержала дыхание.

- Аш, - это будет означать...

- Вы будете знать все, о чем думает Тревор. Каждую мысль и каждое слово, которые проходят через его разум, поскольку один из вас будет Тревором И то же самое относится к любому другому человеку, имеющему отношение к войне во времени. Вы будете знать, что они собираются делать, в тот момент, что и они сами. Вы сможете во всеоружии встретить любую угрозу, которую они готовят. Вы сможете помешать им во всем, что бы они ни предприняли.

- Это создаст равновесие сил, - сказала Ева, - как раз то, чего мы хотим. Стратегия перемирия, Аш. Они не смогут понять, что им мешает. Это будет выглядеть так, как будто их постоянно преследуют неудачи... И Судьба тоже против них.

- Сам Тревор подал мне эту идею, - сказал Саттон. - Он предложил мне пойти побиться головой о стену еще некоторое время. Он сказал, что мне, в конце концов, надоест это и я прекрашу свои попытки.

- Десять лет, - задумчиво произнесла Ева. - За десять лет можно выполнить эту задачу. Но если не удастся за десять, тогда за сто или тысячу лет, если потребуется. У нас в распоряжении есть много времени.

- В конце концов, - отозвался Саттон, - они уменьшат свои усилия, буквально опустят руки и прекратят все действия. Все будет бесполезно. Они никогда не смогут нас побить. Будут бороться с полным напряжением сил, но всегда будут проигрывать.

Они сидели в маленьком оазисе света, который противоборствовал темноте, окружающей их со всех сторон. И в душах их не было триумфа, поскольку решение этого вопроса не могло вызвать такого чувства. Это был вопрос необходимости, а не какого-то успеха или достижения, которые могли радовать. Речь шла о человеке, который борлся с самим собой и побеждал, и проигрывал в одно и то же время.

- Ты сможешь побыстрее организовать дело с этим аналитиком? - спросил Саттон.

Ева кивнула.

- Как насчет завтрашнего дня, Аш? - она посмотрела на него каким-то странным взглядом. - Почему ты так спешишь?

- Я уезжаю, - ответил Саттон. - Отправляюсь в укрытие, о котором я думал. Это в том случае, если ты дашь мне корабль.

- Любой корабль, который ты пожелаешь.

- Да, это было бы удобно, - сказал он ей. - В противном случае мне бы пришлось его украсть.

Она не задала ему вопроса, который он ждал, поэтому Саттон продолжал:

- Я должен написать книгу.

- Существует много мест, Аш, где ты мог бы написать книгу. Надежных мест. Таких мест, которые можно организовать таким образом, что они будут абсолютно надежными.

Он покачал головой.

- Есть старый робот. Это единственное близкое существо для меня. Когда я был на Сигме, он отправился в одну из звездных систем на самом краю Галактики и обосновался там. Я отправлюсь к нему.

- Я понимаю, -согласилась Ева очень грустно.

- Есть еще кое-что, - продолжал Саттон. - Я все время вспоминал маленькую девочку, которая подошла ко мне и заговорила, когда я ловил рыбу. Я знаю, что она была создана как бы моим разумом и появилась там с определенной целью. Но это не имеет значения. Я все время продолжаю думать о ней.

Он посмотрел на Еву и увидел, как в свете лампы цвет ее волос снова превратился в медное сияние.

- Я не знаю, любил ли я когда-нибудь. Я не могу с уверенностью сказать, люблю ли я тебя, Ева. Но мне бы очень хотелось, чтобы ты поехала со мной на планету Бастера.

Ева покачала головой.

- Аш, я должна остаться здесь хотя бы на некоторое время. Я занимаюсь этим делом в течение многих лет. Я должна довести его до конца.

Ее взгляд в свете лампы казался затуманенным.

- Может быть, когда-нибудь, Аш, если ты еще будешь ждать видеть меня рядом. Возможно, некоторое время спустя я смогу приехать.

Саттон сказал ей просто:

- Я всегда буду хотеть, чтобы ты была рядом, Ева.

Он протянул руку и нежно коснулся медного завитка волос, упавшего ей на лоб.

- Я знаю, что ты никогда не приедешь. Если бы это было хотя бы немножко по-другому... Если бы мы были два обычных человека, у которых самая обычная человеческая жизнь.

- В тебе есть величие, Аш, - тихо проговорила она. - Ты будешь богом для многих людей.

Он стоял, безмолвно ощущая, как вечное одиночество опускается на его плечи. Не было того величия, о котором она говорила, а было лишь одиночество и горечь человека, который одинок и который всегда будет одиноким.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Саттон плыл в море света, и откуда-то недалеко от него доносились жужжание работающих механизмов, маленьких механизмов, которые расчленяли всего его тончайшими пальцами световых лучей. Щелкали какие-то переключатели. Светочувствительная бумага протекала, как поток серебра через ролики.

Расчленение, взвешивание, опробование, измерение... Ничего не пропуская, ничего не добавляя. Точная запись его каждой частицы, каждой клетки, каждой молекулы, каждого нерва и волокна мускулов.

И откуда-то издалека, из какого-то места за гранью этого моря света, в котором он плыл, голос говорил только одно слово, которое он все время повторял про себя:

- Предатель.
- Предатель.
- Предатель.

Одно слово, без восклицания. Голосом, который не имел эмоциональной окраски. Одно безликое слово.

Сначала это слово произносил один голос. Затем к нему присоединился другой, потом еще, это были голоса целой толпы. Толпа стала гигантской, а звук ее голосов настолько усилился, что стал целым морем, выкрикивающим только одно слово.

Оно выкрикивалось до тех пор, пока не потеряло всякий смысл, пока не стало звуком, который слишком долго повторяется, чтобы сохранить смысл.

Саттон попытался ответить, но ему это не удалось. Не было никакой возможности ответить. У него не было голоса, не было губ, языка, горла. Он был чем-то, что плавало в море света, а слово продолжало звучать, никогда не меняясь, никогда не умолкая...

Но за ним были еще какие-то другие, невысказанные слова.

- Это мы, те, кто впервые использовал камни, чтобы создать первые инструменты, это мы, кто разжег первобытный огонь, это мы, кто изгнал диких зверей из пещер и занял эти пещеры и в них создал прообраз человеческой культуры. Мы, те самые, кто изобрел охрой бизона на стенах пещер при свете ламп с фитилем

из мха, в качестве масла взяв обычновенный жир. Это мы, те, кто обработал землю и приучил дикие растения, чтобы они послушно росли под нашей рукой. Мы, те, кто построил великие города, чтобы подобные нам существа могли жить в них вместе и добиваться величия, которого не может достичь одна маленькая горстка людей. Мы, те, кто мечтал о звездах, кто расщеплял атом и подчинил себе его силу, добиваясь целей, рожденных в наших умах.

Ты предаешь наше наследство. Ты отдаешь наши традиции, отдаешь их существам, которых мы создали с помощью наших искусственных машин, наших умелых рук и нашего острого разума...

Механизмы продолжали пощелкивать, а голос продолжал говорить одно и то же слово.

Но был еще один голос, где-то внутри трудноопределяемого понятия, которым был сейчас Ашер Саттон. Очень слабый голос...

Тот голос не произносил никаких слов, так как мысль, передаваемую им, нельзя было выразить словами.

Саттон ответил ему:

- Спасибо, Джонни. Очень тебе благодарен.

Он был удивлен тем, что смог ответить Джонни. А тем, другим, ответить не мог.

Механизмы продолжали пощелкивать.

* * *

Серебристый корабль пронесся по взлетной эстакаде, прошел по закруглению стартовой полосы и устремился вверх, как дыхание огня, перечеркнувшее голубизну неба.

- Он не знает, - сказал Херкимер, - что мы организовали это для него. Он даже не предполагает, что мы много лет назад послали туда Бастера для создания укрытия. Мы знали, что оно потребуется, и сделали это последнее для него дело.

- Херкимер, - прошептала Ева, - Херкимер...

Голос ее прервался.

- Он попросил меня поехать с ним, Херкимер. Он сказал, что нуждается во мне. А я не могла поехать и не могла объяснить причину.

Ева стояла, подняв голову, следя за крохотной точкой огня, устремляющейся в космос.

- Ему необходимо думать, что есть еще человеческие существа, которым он помог и которые верят в него.

Херкимер кивнул головой.

- Ты все сделала правильно, Ева, только так и нужно было поступить. Мы получили от него достаточно, от его человеческой сущности. Но не можем же мы отнять у него все человеческое.

Она подняла руки к лицу, затем охватила ими плечи и долго-долго стояла так. Женщина-андроид, выплакивающая свое сердце.

ДЖОН УИНДЕМ

"ПОПРОБУЙ, ПОЙМИ ЕЕ..."

Не было ничего, кроме меня. Я висела в каком-то вакууме без времени, пространства и силы, который не был ни тьмой, ни светом. Я имела сущность, но без формы, знание, но без чувства, ум, но без памяти. Интересно, и это-то ничто - моя душа? Мне казалось, что я вечно блуждала так, и буду блуждать до бесконечности...

Но, как-то вдруг, безвременность прекратилась. Теперь я знала, что есть сила: что меня движут и что, следовательно, прекратилась и внепространственность. Никаких признаков движения не было, но я просто знала, что меня что-то влечет. Я была счастлива, потому что знала, что это было что-то или кто-то, к кому мне хотелось двигаться. У меня не было других желаний, кроме как повернуться подобно игле компаса и провалиться сквозь вакум...

Но меня ждало разочарование. Никакого гладкого, быстрого падения не последовало. Вместо этого на меня устремились другие силы. Меня тащили то в одну, то в другую сторону. Не представляю откуда я это знала, ведь не было никакого соотношения, никакой неподвижной точки, даже направления. И все же я могла чувствовать, что меня дергают туда-сюда, как будто против сопротивления какого-то внутреннего гороскопа. Как будто одна сила завладела мной на какое-то время только для того, чтобы ослабев, уступить меня новой силе. Потом я вдруг начинала скользить к невидимой цели, пока меня не задерживали и не перекладывали на другой курс.

Меня швыряло то так, то этак, со все сильнее растущим ощущением осознанности. Я хотела понять, что за силы - соперницы борются за меня. Может быть, добро и зло, жизнь и смерть...

Ощущение, что меня тащат то назад, то вперед, становилось все определеннее, пока я просто не стала перескакивать с одного курса на другой. Тут чувство борьбы резко прекратилось. Я ощущала, что перемещаюсь все быстрее и быстрее, проносясь, как блуждающий метеорит, который наконец-то поймали.

- Все в порядке, - произнес голос. - Приход в сознание по какой-то причине немножко задерживается. Лучше сделайте-ка пометку в ее карточке. Какой номер? Ах, у нее это только в четвертый раз. Да, конечно, отметьте. Все в порядке. Она приходит в себя.

Это был женский голос, говоривший с легким незнакомым акцентом. Поверхность на которой я лежала, дернулась подо мной. Я открыла глаза, увидела движущийся надо мной потолок и снова сомкнула веки. Тотчас же другой голос, опять же с незнакомой интонацией, сказал мне:

Выпейте это.

Рука приподняла мою голову, и к моим губам прижали чашку. Выпив содержимое, я легла обратно с закрытыми глазами. На некоторое время я впала в беспамятство и, очнувшись, почувствовала себя крепче. Несколько минут я лежала, уставясь в потолок и смутно недоумевая, где-же я нахожусь. Я не могла припомнить ни одного потолка, который был бы покрашен вот в такой розовый оттенок кремового цвета. И вдруг, внезапно, все еще уставясь в потолок, меня передернуло, как будто бы что-то резко воинзилось в мой мозг. Я с испугом осознала, что чужим был не только розовый потолок - чужим было все. Там, где положено было бы быть воспоминаниям, был один сплошной пробел. Я не имела ни малейшего понятия, кто я и где я, я не могла припомнить как или почему я оказалась здесь... В панике я попыталась сесть, но рука удержала меня и тотчас же приставила к губам чашку.

- С вами все в порядке. Только расслабьтесь, - убеждающее сказал мне тот же голос.

Мне так хотелось спросить, но я чувствовала себя такой утомленной, а все вокруг причиняло слишком много беспокойства. Первая волна паники спала, оставив меня в полной апатии. Я недоумевала, что же со мной случилось? Может быть, несчастный случай? Но разве так бывает с теми, кто серьезно ранен? Я не знала, и на несколько мгновений мне не было никакого дела до этого. За мной ухаживали. Я чувствовала себя такой сонной, что вопросы могли и подождать.

Наверное, я впала в беспамятство, это могло длиться и несколько минут, а может, и час. Знаю только, что когда я открыла глаза снова, я чувствовала себя спокойнее: скорее озадаченно, чем встревоженно, и я лежала некоторое время без движения. Я достаточно пришла в себя, чтобы утешиться мыслью, что если это и был несчастный случай, по крайней мере, не было боли.

Тотчас же у меня прибавилось энергии, а вместе с нею и любопытства, где же я нахожусь? Я повернула голову на подушке, чтобы оглядеться вокруг.

В нескольких метрах от себя я увидела приспособление на колесах, что-то среднее между кроватью и вагонеткой. На ней, заснув с открытым ртом, лежала самая неимоверно огромная женщина, которую я когда-либо видела. Я уставилась на нее, недоумевая, не надето ли на нее что-то вроде каркаса, чтобы убавить вес одежды, что придавало ей гороподобный вид, но движения при дыхании показали мне, что это не так. Тогда, присмотревшись, я увидела за нею еще две вагонетки, обе содержавшие точно таких же огромных женщин.

Я изучила лежавшую ближе всех более скрупулезно и обнаружила, к моему удивлению, что она совсем молоденькая – не старше 22-23 лет. Ее лицо было немного пухленьким, возможно, но ни в коем случае не страдало полнотой: в самом деле, с ее свежими здоровыми красками молодости и коротко остриженными золотыми кудряшками она была очень хорошенькой. Я впала в недоумение, что за странное расстройство желез могло вызвать такую степень аномалии в ее возрасте.

Прошло где-то 10 минут, и послышалось приближение энергичных деловых шагов. Голос поинтересовался: "Как вы теперь себя чувствуете?"

Я повернула голову в другую сторону и прямо перед собой обнаружила лицо почти что на уровне с моим. В первое мгновение я подумала, что оно принадлежит ребенку, но потом увидела, что черты под белым колпаком были определенно не моложе 30 лет. Не дожидаясь ответа она нашла под пижамой мою руку и проверила пульс. Его частота удовлетворила ее, потому что она уверенно мне кивнула:

- У вас все будет в порядке, мать, - сказала она мне. Я уставилась на нее озадаченно. - Машина стоит как раз за дверью, как вы думаете:, вы сможете дойти? - продолжала она.

Изумленно я спросила:

- Какая машина?

- Ну, чтобы отвезти вас домой, конечно, - сказала она с профессиональным спокойствием. - А теперь пойдемте, - и она стащила пижаму.

Я задвигалась и бросила взгляд вниз. То, что я там увидела, заставило меня замереть на месте. Я подняла руку. Ни на что она не была так похожа, как на пухлый белый валик со смешной маленькой ладошкой, приделанной к его концу. Тут я услышала отдаленный вскрик и потеряла сознание...

Когда я вновь открыла глаза, рядом оказалась женщина, нормальная женщина в белой спецодежде со стетоскопом на шее, в замешательстве наклонившаяся надо мной. Женщина в белой шапочке, которую я приняла сперва за ребенка, стояла перед нею, приходясь ей чуть выше локтя.

- Я не знаю, доктор. - говорила она. - Она только внезапно вскрикнула и потеряла сознание.

- Что это? Что со мной случилось? Я знаю, что я не такая - не такая, не такая, - вырвалось у меня. До моего слуха долетело, как мой голос, сбиваясь на плач, выкрикивал слова.

Доктор продолжала озадаченно смотреть на меня.

- Что она хочет этим сказать? - спросила она.

- Не представляю, доктор, - ответила малышка. - Это было совсем неожиданно, что-то вроде шока - но я не знаю почему.

- Ну, она ведь уже выпущена и выписана, и в любом случае не может оставаться здесь. Нам нужно это помещение, - сказала доктор.

- Лучше дам ей болеутоляющее.

- Но что же случилось? Кто я? Произошла какая-то ужасная ошибка. Я знаю, что я не такая. П-пожалуйста, с-скажите мне... - умоляла я ее и под конец как-то растерялась, запинаясь и путаясь от волнения.

Движения доктора стали успокаивающими. Она мягко положила ладонь мне на плечо.

- Все в порядке, мать. Беспокоиться не о чем. Отнеситесь к вещам спокойно. Скоро мы отвезем вас домой.

Другая служительница, в белой шапочке, не выше первой, подбежала со шприцем в руке и вручила его доктору.

- Нет! - запротестовала я. - Я хочу знать, где я? Кто я? Кто вы такие? Что со мной случилось? - я попыталась выбить шприц из ее руки, но обе маленькие служительницы повисли у меня на руках и держали их, пока она втыкала иглу.

Да, это было болеутоляющее. Оно отключило меня, но не полностью. Странное чувство: я, казалось, парила в нескольких

футах от своего тела и рассматривала себя с неестественным спокойствием. Я была или чувствовала себя в состоянии оценивать происходящее с полной ясностью изображения...

Очевидно, я страдаю амнезией. Какое-то потрясение вызвало у меня "потерю памяти", как это часто определяют. Очевидно, пропала только малая часть моей памяти - как раз личная часть: кто я, откуда - весь механизм, помогавший жить изо дня в день, казалось, был не тронут, я не забыла, как говорить или как думать и даже наоборот, мой мозг оказался достаточно забит для этого.

С другой стороны, меня выводило из себя сознание того, что во всем вокруг что-то неладно. Я откуда-то знала, что никогда до этого не была здесь, я знала также, что в присутствии двух маленьких медсестер было что-то подозрительно странное, но самое главное, я знала с абсолютной определенностью, что эти массивные формы, лежащие тут, - не мои. Я не могла припомнить, что за лицо я увижу в зеркале, даже будет оно темным или светлым, старым или молодым, но в чем не было у меня ни тени сомнения, это в том, что каким бы оно ни было, оно никогда не принадлежало этому телу.

А в комнате были еще другие гигантские молодые женщины. Очевидно, дело было не в расстройстве желез у нас всех разом, иначе не могло быть и речи о том, чтобы послать меня "домой", каким бы он ни оказался.

Я все еще продолжала спорить с самым умным видом сама с собой о происходящем, хотя и без особых успехов. Тут потолок над моей головой вновь стал двигаться, и я поняла, что меня везут. Двери в конце помещения распахнулись и вагонетка подо мной слегка накренилась, пока мы спускались под уклон.

В конце спуска стояла машина, похожая на "скорую помощь", с розовой крышей, вычищенной до блеска, и ожидала меня с уже открытой необычной дверцей. Я заинтересованно наблюдала, что играю роль в привычной процессии. Команда из восьми крохотных служительниц принялась с трудом перетаскивать меня с вагонетки на пружинный диван в скорой помощи, будто это было чем-то вроде силового упражнения. Две из них задержались после других, чтобы подоткнуть мои покрывала и подложить еще одну подушку мне под голову. Затем они вышли, закрыв за собой дверцу, и через пару минут мы поехали.

Именно с этого момента - и возможно, тут помогло болеутоляющее - у меня возникло растущее ощущение равновесия и чувство, что я понимаю ситуацию.

Скорее всего, со мной произошел несчастный случай, как я и подозревала, но моя же ошибка и главная причина тревоги была в уверенности, что я на целый этап выздоровления дальше, чем на самом деле. Я решила, что прошло уже достаточно времени для восстановления моего сознания, тогда как в действительности было не так. Я, должно быть, еще не окончательно пришла в себя после сотрясения мозга, скорее всего, а это было сном, галлюцинацией. Через некоторое время проснусь в условиях, которые смогу хотя бы ощутить, если и не вспомню сразу.

Я недоумевала, как эта утешительная и успокаивающая мысль не пришла мне в голову раньше и решила, что именно тревожное ощущение реальности до мелочей бросило меня в панику. Удивительно глупо с моей стороны было поверить выдумке, что этот сон вроде Гулливера среди довольно разных по размерам лилипутов. Очень характерно было для большинства снов и то, что я четко не осознавала, кто я, так что не нужно было удивляться и этому. А вот что необходимо было сделать, так это с разумным интересом вбирать в себя все, что я наблюдала: здесь был набито символическим содержанием, над которым было бы очень интересно поработать после.

Открытие совершенно изменило мое отношение к окружающему, и я смотрела вокруг с обостренным вниманием. Совсем уж поразительно странным показалось мне то, что все, попадавшееся мне на глаза, было обстоятельно до мелочей. Не было и в помине чувства переднего плана, никакой явно выраженной расплывчатости или какого-либо фона, которые часто встречаются во сне. Все представлялось убедительно материальным в трехмерном пространстве. Мои собственные ощущения тоже казались совершенно настоящими. Боль от укола, к примеру, была самой настоящей. Иллюзия действительности настолько подействовала на меня, что я стала с большим вниманием отмечать все это про себя.

Внутри фургон или "скорая помощь", или что-то в этом роде, был выкрашен в тот же игрушечно-розовый цвет, как и снаружи - кроме крыши, которая была небесно-голубой, с россыпью маленьких серебряных звездочек. Напротив передней перегородки

были нагромождены несколько буфетов с никелированными ручками. Мое ложе или носилки находились вдоль левой стороны, а справа были закреплены два сидения, довольно маленькие, обтянутые похожей на стекло тканью соответствующего всей обивке цвета. Между двумя окнами, расположенными во всю длину фургона, оставался небольшой простенок. Каждое из окон было украшено занавесками чудесной вязки из розовой тесьмы и поднятыми наверх шторами. Достаточно было повернуть голову, и я могла наблюдать за пейзажем, который тянулся за окнами. Машина двигалась какими-то рывками, которые, исходя из ее назначения были довольно-таки странными, хотя и предположительно объяснимыми плохой дорогой. Что бы то ни было, я чувствовала себя независимо и удобно на пружинившем ложе.

Бесконечный пейзаж за окном был однообразен и безлик. Вдоль нашего пути, в 20 ярдах от дороги, среди аккуратных газонов стояли здания. Каждое было высотой в три этажа, 150 ярдов в длину, крытое черепицей и в стиле, смутно напоминавшем итальянский. Построенные из однотипных блоков дома, с резко выделяющимися дверями и окнами, с однообразными занавесями, отличались друг от друга лишь цветом покраски. Они казались нежилыми, сколько бы я ни вглядывалась в окна, лишь то тут, то там мелькали женщины в белых спецовках, занимающиеся поливкой газонов и украшением клумб.

Дальше от дороги, где-то в 200 ярдах от нее, стояли дома побольше и выше, более утилитарного вида. Некоторые имели 2 трубы, похожие на заводские. Я подумала, что это, может быть, действительно какие-то фабрики, но расстояние и дома, заслонявшие их, давали возможность лишь мельком взглянуть на них.

Машина двигалась по дороге, поворачивая то в одну, то в другую сторону с равными промежутками по времени, что наводило на мысль, что строители были больше заинтересованы в расположении домов, а не улиц. Движения на дороге почти не наблюдалось, а то, что этим словом можно было назвать, состояло из грузовиков, преимущественно больших. Они были покрашены в яркие тона, с надписями из комбинации пяти букв на бортах для опознавания, а по конструкции выглядели совершенно обычно, как где-либо в другом месте.

Мы продолжали наше лишенное событий путешествие в умеренном темпе еще 20 минут, пока не подъехали к прямому

проезду, где дорога ремонтировалась. Машина замедлила ход, а рабочие отошли к обочине, освобождая нам путь. Пока мы проезжали вперед по развороченной дороге, я была в состоянии хорошенько их разглядеть. Это были женщины или девушки, одетые в брюки вроде джинсов, фуфайки без рукавов и рабочие сапоги. Все были коротко подстрижены, а на некоторых были шляпы. Они были высоки, широкоплечи, загорелы, выглядели здоровыми и похожими на мужчин из-за огрубевших, с бицепсами сильных рук, державших кирки и лопаты.

Рабочие с заботливостью наблюдали, как машина прокладывала путь по ремонтируемой дороге, но когда мы поравнялись с ними, они обратили все свое внимание внутрь машины и толпились, вытягивая шеи, чтобы разглядеть меня. Они широко улыбались белозубыми улыбками, подняв правую руку, как бы подавая какой-то знак. Их добрые намерения были так очевидны, что я улыбнулась в ответ. Они пошли рядом, стараясь попасть в ритм ползущей машины, ожидающие глядя на меня, пока их улыбки не переросли в недоумение. Они что-то говорили, но я не могла расслышать слов. Некоторые настойчиво повторяли знак. По их разочарованному виду стало ясно, что от меня ожидали большего, чем улыбка. Все, что пришло мне в голову, это поднять правую руку в подражание их жесту. Это был, по крайней мере, частичный успех, их лица просветлели, хотя озадаченный вид сохранился. Затем машина, раскачиваясь, снова свернула на большую дорогу, оставляя позади их озабоченные лица, набирая скорость до прежнего сдержанного темпа. И это тоже символика, но уже не нечто обычное из учебника. "Что вообще могла делать, - недоумевала я, - компания дружелюбных амазонок, снаженных орудиями землекопов вместо луков, в моем подсознании? Последствия какой-то фрустрации, - предположила я. - Или подавленное желание повелевать..."

Я, кажется, незаметно углубилась в рассуждения, пока мы проезжали последние из пестрых, но тем не менее однообразных блоков, и вырвались на открытое пространство. По клумбам я уже поняла, что была весна, и теперь я любовалась на сочные пастбища и опрятные пахотные поля, уже тронутые зеленью. Над постриженными изгородями стоял как бы зеленый туман; и некоторые из деревьев, в педантично расположенных рощицах, были покрыты молодыми листочками. Ярко светило щедрое солнце

на этот аккуратнейший из всех сельских пейзажей, какие я когда-либо видела. Только рогатый скот, точками усеявший поля, вносил некоторый беспорядок в тщательную планировку. Даже фермерские домики были ее частью. Незанятая территория около домов была с огородом в акр с одной стороны, фруктовым садом - с другой и сеновалом - с третьей. В голову приходил кукольный ландшафт бабушки Мозес, но только ухоженный и рационализированный. Я не могла увидеть ни одного одинокого коттеджа, случайно расположенного сарай или не симметричной пристройки. И что же за вывод я должна сделать из этой довольно патологической выставки аккуратности? Что я еще более не-надежная личность, чем предполагала. Да еще подсознательно страдаю по простоте и безопасности.

Открытый грузовик, ехавший впереди нас, свернул в проход к одной из ферм, окаймленный красивой ухоженной изгородью. В нем сидело с полдюжины молодых женщин, державших какие-то орудия: "снова амазонки", - подумала я. Одна из них, заметив нас, привлекла к нам внимание остальных. Они подняли руки в том же приветствии, что и те, другие, и помахали. Я помахала в ответ.

"Довольно ошеломляющее", - подумала я: амазонки - как желание доминировать, и этот пейзаж - как стремление к пассивной безопасности. Но это не очень-то вяжется вместе.

Мы катились дальше в прежнем темпе - 20 миль в час или где-то так, - как я определила, - три четверти часа лишь со слегка изменяющейся перспективой, низкие холмы тянулись вдаль на много миль до подножия невысоких голубых гор. Аккуратные фермерские домики провожали нас почти что с регулярностью верстовых столбов, хотя и чаще в два раза. Иногда на полях попадались группы людей, еще реже - отдельные фигурки, хлопотавшие на ферме или управлявшие трактором, но все они были слишком далеко от меня, чтобы разглядеть их поподробнее. Тотчас они пропадали из виду.

Снова слева от дороги, отходя от нее под прямым углом более чем на милю, показался ряд деревьев. Я сначала подумала, что это лес, но потом заметила, что пространства между стволами были ровными, а сами деревья - подрезаны, чтобы создавать впечатление живой ограды. Она заканчивалась где-то через 20 футов от поворота, и мы проехали вдоль нее с полмили, пока

машина не замедлила свой бег, свернула налево и остановилась перед высокими воротами. Водитель дала пару гудков.

Ворота были украшены орнаментом и, вероятно, сделаны из нержавеющего железа, покрашенного розовой краской. Арка ворот была оштукатурена и выкрашена в тот же цвет. Почему, спрашивала я себя, в любом случае это преобладание розового, который я считала сентиментальным цветом? Или это цвет плоти? Символика пылкости плоти, которую я недостаточно удовлетворяю? "Вряд ли", - подумала я. Не розовый, а скорее уж ярко-красный... Я не думаю, что знаю хотя бы одного человека, который бы воспламенился благодаря розовому цвету.

Пока мы ожидали, во мне росло чувство, что в воротах есть что-то неправильное. Сооружение, стоявшее за ними, было однотажным зданием, соответствующей с воротами расцветки. Деревянные части здания бледно-голубого цвета, а на окнах белели вязаные занавески. Дверь открылась, и вышла женщина средних лет в белом костюме, состоявшем из брюк и блузы. Волосы ее были темными, с несколькими седыми прядями, коротко подстриженные. Голову ничего не покрывало. Увидев меня, она подняла руку в таком же приветствии, как у амазонок, хотя и небрежно, и пошла открывать ворота. Только тогда, когда она пропустила нас, я неожиданно увидела, какая она маленькая - не выше 1 метра роста. И это-то и объясняло, что было не так в воротах: они были построены полностью по ее мерке...

Я продолжала глязеть на нее и ее маленький домик, пока мы проезжали мимо. Ну, а что же с этим? Мифология богата гномами и другими крохотными людьми и тем, что они совершенно спокойно могут проникнуть в сны, так что кто-нибудь, я уверена, должен уж решить, какой стандартный символ они означают, но в тот момент я не могла его вспомнить. Было ли это подавленное желание иметь ребенка?

Я отложила это тоже для дальнейшего созерцания и перенесла свое внимание снова на окружающее. Мы продолжали неторопливо наш путь по какой-то скорее подъездной аллее, чем дороге, с окрестностями, представлявшими из себя что-то среднее между общественным парком и муниципальным: широкие газоны - цвета нетронутого зеленого вельвета, то тут, то там усыпанного клумбами, изящные собрания серебряных берез и случайные большие деревья. Между ними то тут, то там стояли

трехэтажные розовые здания, построенные, видимо, без какого-либо плана.

Пара, типа амазонок, в фуфайках и брюках цвета опавшей листвы, занималась посадкой на клумбе рядом с аллеей, и нам пришлось остановиться, пока они перетаскивали свою тележку, полную тюльпанов, на траву, чтобы дать нам проехать. Они послали мне обычное приветствие и дружелюбную ухмылку, когда мы проезжали мимо.

Минутой позже у меня возникло ощущение, что с моим зрением что-то не так, потому что стоило нам проехать один дом, как перед нами предстал другой. Он был белый, а не розовый, но тем не менее в точности таким же, хотя и составлял где-то одну треть от первого...

Я заморгала и с усилием уставилась на дом, но он продолжал оставаться таких же размеров. Невдалеке через газон, в розовом одеянии, шла медленно и тяжело карикатурно огромная женщина. Ее сопровождали 3 маленькие женщины в белых костюмах, выглядевшие по сравнению с ней детьми или ожившими куклами: невольно вспоминались буксиры, суевившиеся вокруг лайнера.

Я почувствовала, что засыпалась: профиль и комбинация символов выходили за пределы моей подготовки.

Машина повернула направо и подъехала к пролету ступенек, ведущих к розовому зданию нормального размера, но не без странностей, т.к. ступеньки были разделены центральной балюстрадой: те ступеньки, которые вели налево от нее, были обычными, а те, что направо, - меньше и многочисленнее.

Гудки водителя объявили о нашем прибытии. Где-то через 10 секунд полдюжины маленьких женщин появились на пороге и побежали вниз по ступенькам справа. Дверь хлопнула, когда водитель выбрался из машины и пошел встретить их. Когда он попал в поле моего зрения, я увидела, что это была тоже малышка, но не в белом, как другие: она была одета в сияющий розовый костюм, как ливерная колбаса, который цветом в точности соответствовал машине.

Малышки перекинулись парой слов между собой, прежде чем открыть мне дверцу, и затем чей-то голосок радостно пропищал:

- Добро пожаловать, Мать Орчис. Добро пожаловать домой.

Ложе или носилки, на которых я лежала, скользнули по ремням, и на них малютки опустили его на землю. Одна из молодых женщин с розовым крестом св. Андрея, прикрепленного с левой стороны блузы, наклонилась надо мной. Она деликатно поинтересовалась:

- Как вы думаете, Мать, вы сможете идти?

Момент был неподходящим, чтобы вдаваться в размышления о форме обращения. Очевидно, я была единственной мишенью для вопроса.

- Идти? - повторила я, - конечно, я могу идти.

И я села при помощи около восьми рук. Конечно же, это было явным преувеличением. Я осознала это в тот момент, когда поднимала ногу. Даже при всей той помощи, что оказывали мне малышки, это было напряжением и достаточной нагрузкой. Я посмотрела на чудовищные формы, волнами вздывающиеся под розовыми одеяниями, с болезненным отвращением и чувством, что как бы эта масса символически не была замаскирована, она потом наверняка окажется противным разоблачением.

Я попыталась сделать шаг. "Идти" было вряд ли подходящим словом для моего передвижения: оно выглядело серией замедленных усилий воли, а эти женщины, не выше моего локтя, порхали вокруг меня как встревоженные насекомые. Раз уж начав, я должна была идти вперед, передвигаясь подобно огромной волне, сначала через несколько метров гравия, затем с тяжеловесной неторопливостью вверх по левой стороне ступенек.

Когда я достигла верха, вокруг явно ощущалось чувство облегчения и триумфа. Мы на несколько мгновений задержались там, чтобы я могла перевести дыхание, а затем двинулись дальше внутрь здания.

Коридор с тремя или четырьмя дверями по обе стороны вел прямо вперед. Мы свернули налево в конце его, и я, впервые с начала галлюцинаций, уперлась нос к носу в свое изображение в зеркале. Мне пришлось собрать весь запас решимости, чтобы не запаниковать снова, увидев то, что там было. Первые несколько секунд я потратила на то, чтобы не впасть в истерику.

Передо мной стояла возмутительнейшая пародия на меня: слоноподобные нижние формы, выглядевшие более массивными из-за розовых обмоток. Благо они закрывали все, кроме головы и рук, но, выставленные напоказ, они сами были потрясением дру-

гого рода: руки, нежные, с ямочками, выглядевшие совершенно непропорциональными, были красивы, а голова и само лицо и вовсе девичьи. А она, эта девушка, была к тому же красива. Ей не могло быть больше 21 года. Вьющиеся светлые волосы слегка выгорели на солнце и были коротко подстрижены. Краски лица были розовые и кремовые, а нежные руки были красными без всяких подделок. Она глядела на меня из зеркала, на маленьких женщин, собравшихся около меня, парой зелено-голубых глаз из-под выгнутых дугой линии бровей. И это прелестное лицо, как бы сошедшее с полотен Фрагонара, было приделано к этому чудовищному телу. Не более жестоким было бы вырастить бутон на реке.

Когда я шевельнула губами, шевельнулись и ее губы, когда я подняла руку, ее рука поднялась тоже. И все же, стоило немногого отодвинуться, как она исчезла, дав повод к размышлению. Она ничем не была похожа на меня, поэтому должна была быть посторонним, которое я рассматриваю, хотя и не без грусти и жалости к ней. Я наблюдала, как слезы наполняли ее, нежные веки набухали от слез, как сквозь туман я видела побежавшие слезы.

Одна из крохотных женщин за моей спиной поймала мою руку.

- Мать Орчис, дорогая, что случилось? - спросила она, полная внимания.

Я не могла ей сказать, я сама не имела полного представления. Изображение в зеркале покачало головой с тянувшимися по щекам слезами. Маленькие ручки барабанили по мне то тут, то там, тонкие успокаивающие голоса подбадривали меня идти вперед.

Следующая дверь была открыта, и, заботливо суетясь, меня провели в комнату за нею. Мы вошли в место, поразившее меня смешением будуара с большой палатой. Впечатление от будуара заключалось большей частью в розовом цвете ковра, покрывал, подушек, абажуров ламп, а от больничной палаты - в шести покрытых kleenкой диванах или ложах, одна из которых пустовала.

Это была довольно просторная комната для трех кроватей, разделенных сундуком, стулом и столом около каждой, создававших впечатление загроможденности, и с достаточным пространством в середине, чтобы уместить несколько обширных мягких кресел и центральный стол с мудрым украшением из цветов.

Все помещение было пропитано не таким уж неприятным запахом, и откуда-то доносился приглушенный звук струнного квартета, исполнявшего что-то в сентиментальном духе. Пять из диванов были уже заняты чем-то гороподобным. Двое из команды помощниц поспешили вперед и сдернули розовое сатиновое покрывало с шестого. Лица со всех пяти лож повернулись ко мне. Трое из них приветливо улыбались, другие хранили вежливое молчание.

- Привет, Орчис, - дружелюбно приветствовала меня одна из них.

Потом с оттенком заботы добавила:

- Что случилось, дорогая? Тебе было плохо?

Я поглядела на нее. У нее было доброжелательное кукольно-хорошенькое лицо, обрамленное светло-каштановыми волосами. По лицу она выглядела на 23 - 24 года. Остальное было огромной насыпью розового сатина. Я не могла ничего ответить. Но я попыталась как можно приветливее возвратить ей улыбку, когда с чужой помощью тащилась мимо нее.

Мой конвой сгрудился около пустой постели. После некоторых приготовлений мне помогли на нее взгромоздиться и под голову пристроили подушку.

Усилия путешествия от машины до ложа были столь значительными, что я была рада возможности расслабиться. Пока две малышки натягивали покрывало и подтыкали его под меня, третья вытащила носовой платок и мягко приложила его к моим щекам. Она подбадривала меня.

- Вот и все, дорогая! Снова теперь дома, в покое. Отдохните немного и будете совсем в порядке. Попытайтесь просто заснуть на чуток.

- Что с ней стряслось? - поинтересовался решительный голос с одной из кроватей. - Она что, вляпалась во что-нибудь?

Маленькая женщина с платком, та, что носила крест св. Андрея и, как оказалось, отвечала за перевозку, резко повернула голову.

- Нет надобности говорить в таком тоне, Мать Хейзел. Конечно же, у Матери Орчис - четверо чудесных малышей. Ведь так, дорогая? - добавила она, повернувшись ко мне. - Она просто немножко устала после поездки, вот и все.

- Хм-ф! - произнесла девушка, к которой обращались по имени Хейзел, презрительным тоном, но продолжать не стала.

Суета продолжалась. Тотчас маленькая женщина вручила мне стакан чего-то, выглядевшего как вода, но неопределенной крепости. Первое ощущение было невнятно и неопределенно, но потом я быстро вошла во вкус. Поубиравшись и посуетившись еще немножко, моя свита удалилась, оставив меня лежащей головой на подушке под пристальными изучающими взглядами пяти гигантских женщин.

Жуткое молчание было нарушено той девушкой, которая приветствовала меня, когда я вошла.

- Куда они отправляли тебя в отпуск, Орчис?

- Отпуск? - тупо спросила я.

Она и остальные уставились на меня в изумлении.

- Я не знаю, о чём вы говорите, - сказала я им.

Они продолжали тупо и флегматично глядеть на меня.

- Ну, тогда это не слишком-то похоже на отпуск, - сделала вывод одна из них, явно озадаченная. - Я свой последний не забуду. Меня отправили на море и дали мне маленькую машину, так что я могла везде побывать. Все были так милы с нами, а там было шесть Матерей, включая меня. Ты ездила на море или в горы?

Они были полны решимости и дальше досаждать мне своим любопытством, и рано или поздно ответ пришлось бы дать. Я выбрала то, что казалось на тот момент самым простым выходом.

- Я не могу вспомнить, - сказала я. - Ни капли не могу вспомнить. Кажется, я полностью потеряла память.

Это было также принято без особого сочувствия.

- Ох! - произнесла та, которую звали Хейзел, с ноткой удовлетворения. - Я так и думала, что здесь что-то есть. Догадываясь, что ты даже не можешь вспомнить определенно были ли на этот раз твои малыши Первой степени. Если бы нет, Орчис не вернулась бы сюда. Ее бы дисквалифицировали как Мать второй степени и послали в Уайтвиг, - С большой доброжелательностью в голосе она спросила меня: - Когда это случилось, Орчис?

- Я... Я не знаю, - ответила я. - Ничего не могу вспомнить до сегодняшнего утра в больнице. Все полностью вылетело из головы.

- Больнице! - презрительно повторила Хейзел.

- Она, должно быть, имеет в виду Центр, - сказала другая.

- Но, неужели ты хочешь сказать, что не можешь даже нас вспомнить, Орчис?

- Нет, - подтвердила я, кивнув головой. - Прошу прощения, но все до того, как я попала в больн... Центр - все улетучилось.

- Чудно это, - сказала Хейзел неприязненным тоном. - А они знают?

Одна из остальных взяла мою сторону.

- Конечно, они обязательно знают. Скорее всего, они думают, что есть память у Матери или нет, это не мешает ей рожать детей первой степени. Ведь при чем здесь память?

- Почему бы не дать ей отдохнуть чуточку, - отрезала другая, - не думаю, чтобы она себя прекрасно чувствовала после Центра и после того, как добралась сюда. Я так - никогда. Не обращай на них внимание, Орчис, дорогая. Просто постараися чуточку споспать. Наверняка, когда проснешься, все окажется в порядке.

Я с благодарностью приняла ее предложение. Все это было настолько ошеломляюще, что совладать с ним в тот момент было невозможно. Более того, я действительно вымоталась. Я поблагодарила ее за совет и откинулась на подушку. Я постаралась нарочито закрыть глаза, насколько это было возможным. И что было самым удивительным, если можно так сказать - спать внутри галлюцинации - то я спала.

В момент пробуждения, перед тем, как открыть глаза, во мне вспыхнула надежда, что галлюцинация уже исчезла. К несчастью, это было не так. Чья-то рука осторожно тряслася меня за плечо, и первое, что я увидела, было лицо главной из малышек вблизи моего.

Она произнесла:

- Ну же, Мать Орчис, дорогуша. Вы чудненько спали, вы ведь себя получше чувствуете?

За ее спиной еще две малышки принесли поднос-столик на низких ножках. Они так установили его, что он перекрывал меня, подобно мосту, и до него было удобно дотянуться. Я уставилась на то, чем он был нагружен. Без всякого сомнения, я до этого еще ни разу не видела, чтобы перед одним человеком ставили такое чудовищное количество самой питательной еды. В первое мгновение вид ее вызвал у меня отвращение - но тут я почувствовала, что внутри меня произошел разлад, потому что вид ее не оттол-

кнул ту огромную тушу, что я заполняла: у этой последней изо рта текли слюни, и ей не терпелось начать. Внутренняя часть меня изумлялась, соприкасаясь с остальным телом, которое в это время поглощало две или три рыбы, целого цыпленка, несколько ломтиков мяса, кучу овощей, фрукты, утопавшие в горах взбитых сливок, и большие кварты молока, без малейшего чувства пресыщения. Случайные взгляды по сторонам показывали мне, что другие "Матери" так же глубокомысленно обходились с содержимым их подносов.

Я поймала пару любопытных взглядов, но все были слишком серьезно заняты, чтобы в тот момент вновь возобновить свою назойливость. Я недоумевала, как мне отдельаться от них после, и мне пришло в голову, что если бы только у меня была книга или журнал, я, возможно, была бы в состоянии успешно, хотя и не очень вежливо, погрузиться в чтение.

Когда вернулись прислужницы, я попросила ту с крестом, не смогла бы она позволить мне что-нибудь почитать. Эффект от этой простой просьбы был ошеломляющим: те две, что переносили мой поднос, ни мало ни много как уронили его. А та, что была рядом, широко раскрыла рот и стояла так в изумлении до тех пор, пока не привела в порядок свои мозги. Она поглядела на меня сперва подозрительно, а потом озабоченно.

- Все еще чувствуете себя не совсем в порядке, дорогая? - спросила она.

- Да нет же, - запротестовала я, - я прекрасно себя чувствую.

Однако выражение озабоченности на ее лице настаивало на этом.

- Я бы на вашем месте снова попыталась бы поспать, - посоветовала она.

- Но я не желаю. Я только хочу тихонечко почитать, - возразила я.

Она похлопала меня по плечу, несколько неуверенно.

- Боюсь, вас порядком вымотало, Мать. Но не волнуйтесь, уверена, что скоро все пройдет.

Я почувствовала беспокойство.

- Но что такого в том, что я хочу почитать? - потребовала я.

Она улыбнулась чопорной профессиональной улыбкой медсестры.

- Ну же, ну же, дорогая. Постарайтесь просто поспать немного. Ведь, боже сохрани, с какой стати может понадобиться Матери чтение?

С этими словами она поправила мое одеяло и заторопилась прочь, оставив меня наедине с пятью моими товарками, глазевшими на меня во всю мочь. Хейзел насмешливо хмыкнула; однако никаких внятных замечаний не последовало в течение нескольких минут.

Я достигла того состояния, когда моя отрешенность уже не выдерживала натиска галлюцинаций. Я чувствовала, что еще немного и я потеряю уверенность и начну сомневаться в ее нереальности. Все происходившее раздражало меня. Непоследовательные преувеличения и нелепости, дурацкие виды, в самом деле, любая из этих привычных черт сна успокоили бы меня, но вместо этого продолжался все тот же явный бред с тревожащим видом убедительности и последовательности.

Я начала ощущать неуютное чувство, что, копни другой раз поглубже, можно было бы докопаться и до конечных причин абсурда. Вживание в сон было слишком сильным, чтобы успокоить ум - даже факт удовольствия от еды, как-будто я полностью бодрствовала и сознательно чувствовала себя лучше от нее, приводил в смятение реальность произошедшего.

- Читать? - неожиданно произнесла Хейзел с презрительным смешком. - И писать, я думаю, тоже?

- А почему бы и нет? - отпарировала я.

Они все уставились на меня еще внимательнее, чем прежде, и потом объяснялись многозначительными взглядами. Две из них улыбнулись друг другу. Я раздраженно потребовала:

- Что тут такого? Или от меня ждут, что я вообще не умею ни читать, ни писать и тому подобное..?

Одна из женщин доброжелательно и успокаивающе сказала:

- Орчис, дорогуша. Ты не думаешь, что лучше бы тебе провериться у доктора? Просто так, на всякий случай.

- Нет, - решительно ответила я. - Со мной ничего такого нет. Я только пытаюсь понять. Я просто прошу книгу, а вы всеглядите на меня, будто я сошла с ума. Почему?

После неловкой паузы та же девушка пугливо произнесла почти те же слова, что и малышка прислужница.

- Орчис, дорогая, постарайся взять себя в руки, что хорошего может быть Матери от чтения и писанины. Разве поможет ей это лучше рожать малышей?

- В жизни есть еще вещи, кроме того чтобы рожать детей, - коротко ответила я.

Если раньше они были удивлены, то теперь их как громом поразило. Даже Хейзел, казалось, лишилась дара речи. Их идиотские лица довели меня до белого каления и я неожиданно почувствовала себя болезненно уставшей от всего этого бреда. На время я действительно забыла о своей роли отрешенного наблюдателя.

- Черт возьми, - прорвало меня. - Что здесь за чертовщина? Орчис, Мать Орчис! Ради Бога! Где я? Или это что-то вроде желтого дома?

Я зло уставилась на них, ненавидя даже сам их вид. Интересно? Уж не сговорились ли они против меня? Каким-то образом, внутри себя я была совершенно уверена, что кем бы и чем бы я ни была, я не Мать. Я выпалила это вслух и тут, к моему огорчению, расплакалась.

За отсутствием чего-нибудь другого, я приложила к глазам рукав. Когда я смогла снова ясно видеть, я обнаружила, что четыре из пятиглядят на меня с доброжелательной заботой. Четыре, но не Хейзел.

- Я же говорила, что с ней что-то странное, - торжествующе обратилась она к другим. - Она с ума сошла, вот что.

Та, что была до этого расположена ко мне доброжелательнее всех, попыталась снова:

- Но Орчис, конечно же, ты - Мать. Ты - Мать первой степени, с тремя зарегистрированными родами. Двенадцать чудных малышей первой степени, дорогуша. Не можешь же ты забыть это!

Я снова всхлипнула. Я чувствовала, будто что-то пытается прорваться сквозь пустоту в моем мозгу, но я не знала, что это, только то, что оно делало меня неизмеримо несчастной.

- Ох, это жестоко, жестоко! Почему я не могу прекратить это? Почему оно не уйдет и не оставит меня в покое? - молила я. - В этом всем ужасная жестокая насмешка, но я не понимаю ее. Что случилось со мной? Это не навязчивая идея - нет- нет - ох, ну помогите же мне..!

Некоторое время я крепко зажмуривалась, всем сердцем желая, чтобы вся галлюцинация растаяла и исчезла.

Но этого не случилось. Когда я вновь открыла глаза, они все еще были там, бессмысленно уставясь на меня своими глупыми хорошенькими лицами над отвратительными грудами розового сатина.

- Я намерена отсюда убраться, - сказала я.

Последовало неимоверное усилие подняться до сидячего положения. Я чувствовала, что остальные наблюдают с широко открытыми глазами, как я это делаю. Я и так и этак билась над тем, как бы спустить ноги с кровати, но они запутались в сатиновом покрывале и я не могла их высвободить. Это была настоящая, отчаянная истерика во сне. Я услышала свой голос, молящий: "Помоги, Дональд, милый, пожалуйста, помоги..."

И внезапно, будто со словами "Дональд" расцвела весна, что-то, казалось, повернулось в моей голове. Затор в мозгу раскрылся не полностью, но достаточно, чтобы знать, кто я. Я неожиданно поглядела на других. Они все еще глядели на меня, полуизумленно, полувстревоженно. Я оставила попытки встать и опять откинулась на подушку.

- Больше вам меня не одурачить, - сказала я им, - Теперь я знаю, кто я.

- Но, Мать Орчис, - начала одна.

- Хватит, - огрызнулась я на нее. Казалось, я из жалости к самой себе пришла к чему-то вроде мазохистского бессердечия.

- Я не Мать, - резко сказала я. - Я всего лишь женщина, у которой когда-то был муж и которая надеялась - но только надеялась, - что у нее будут от него дети.

За этим последовала пауза, довольно странная, потому что хотя бы смешок должен был раздаться в ответ. Но на то, что я сказала, не обратили даже внимания. На лицах ничего не отразилось, на них было не больше мысли, чем на кукольных.

Тотчас же самая дружелюбная, казалось, почувствовала долг прервать молчание. Нахмурив брови и сморкнув носик, она спросила:

- Что такое муж?

Я тяжело переводила взгляд с одного лица на другое. Ни на одном ни следа коварства, ничего кроме озадаченного выражения, которое можно увидеть иногда в детских глазах. На мгновение

ние я готова была впасть в истерику, но взяла себя в руки. Ну что ж, раз галлюцинация не оставит меня в покое, я буду воевать с ней ее же оружием и посмотрим, что же из этого выйдет. Я начала с невозмутимым видом и серьезностью объяснять просты-ми словами:

- Муж - это тот человек, которого женщина...

Из выражения их лиц явствовало, что я не очень-то просветила их. Однако они дали мне закончить три или четыре предложений, не прерывая. Затем же, когда я остановилась перевести дыхание, доброжелательница вмешалась с тем, что, очевидно, требовало для нее объяснения:

- Но что, - спросила она явно недоумевая, - что такое мужчина?

Холодное молчание повисло над комнатой после того, как я объяснила. Но я даже не соизволила обратить на это внимание. Я была слишком занята, пытаясь принудить раскрыться дверцу моей памяти еще чуть-чуть, и обнаружила, что с определенной точки ее уже не сдвинуть.

Я знала теперь, что я - Джейн. Я была до этого Джейн Саммерс, а стала Джейн Уотерлей, когда вышла замуж за Дональда. Мне... было.... 24, когда мы поженились, только 25, когда погиб Дональд, 6-ю месяцами позже. И там все закончилось. Это казалось вчерашним днем, но я не могла сказать...

До этого все было совершенно ясно. Мои родители и друзья, мой дом, моя школа, учеба в колледже, работа в качестве доктора Саммерс в рейгестерской больнице. Я могла вспомнить, как впервые увидела Дональда, когда его принесли однажды вечером с переломом ноги - и все, что за этим следовало...

Я вспомнила теперь лицо, что я должна была увидеть в зеркале - и оно, конечно же, было совсем не таким, какое я видела в коридоре - оно было овальное, с летним загаром, рот должен был быть меньше, аккуратнее, с каштановыми волосами, вившимися без всякой химии, с карими глазами, довольно широко расставленными и, возможно, слегка тяжелым взглядом...

Знала я теперь, как выглядит и мое тело - стройное, с длинными ногами и маленькими крепкими грудями - чудесное тело, которое я сначала принимала как должное, пока Дональд своей любовью научил меня гордиться им.

Я посмотрела вниз на омерзительную гору из розового сатина и содрогнулась. Во мне закипела ярость. Я тосковала по Дональду, который успокоил бы и приласкал меня и сказал бы мне, что все будет в порядке, что я не такая, какой вижу себя сейчас, и что все это в самом деле - сон.

В то же время меня поразил ужас при мысли, что он когда-нибудь увидит меня толстой и жирной. И тут я вспомнила, что Дональд никогда уже не увидит меня - никогда - и я снова стала так несчастна и разбита, слезы потекли у меня по щекам.

Остальные просто продолжали смотреть на меня, широко раскрыв глаза и недоумевая. Прошло полчаса, все в том же молчании, потом дверь открылась, впустив целый отряд малышек, всех в белых спецовках. Я увидела, как Хейзел поглядела на меня и потом на начальницу. Она вроде как собралась что-то сказать, но передумала. Малышки разделились по две на кровать. Встав по бокам, они стащили покрывала, закатали рукава и начали массаж.

Сперва это было даже приятно и вполне успокаивающе: оставалось только откинуться назад и расслабиться. Но вскоре мне это стало нравиться все меньше, а потом я нашла это даже обидным.

- Хватит, - сказала я резко той, что справа.

Она остановилась, дружелюбно улыбнулась мне, хотя и седва заметной неуверенностью и потом продолжила.

- Я сказала хватит! - повторила я, отталкивая ее.

Ее глаза встретились с моими. В них была озабоченность и боль, хотя с губ не сходила профессиональная улыбка.

- Я же сказала, - добавила я отрывисто.

Она продолжала колебаться и взглянула на вторую с другой стороны кровати.

- Ты тоже, - сказала я другой. - Достаточно.

Она даже не замедлила ритма. Та, что справа, собралась с духом и тоже возобновила работу как раз там, где я ее остановила. Я протянула руку и толкнула ее, на этот раз сильнее. В этом валике, должно быть, было куда больше мускулов, чем можно было предположить. От толчка она пролетела с полкомнаты, споткнулась и упала. Движение в комнате замерло. Все уставились сперва на нее, потом на меня. Пауза была короткой. Все снова принялись за работу. Я оттолкнула ту девушку, что рабо-

тала слева, хотя и осторожно. Другая взяла себя в руки. Она плакала и выглядела испуганной, но упрямо стиснула зубы и собралась вернуться назад.

- Держитесь подальше от меня, вы, маленькие пугала, - угрожающе сказала я им.

Это остановило их. Они замерли и поглядывали несчастно друг на друга. Та, что была с повязкой начальницы, засуетилась.

- Что такое, мать Орчис? - поинтересовалась она.

Я сказала. Это ее озадачило.

- Но все же в порядке, - уверевала она.

- Но не для меня. Мне это не нравится, и я этого не потерплю, - ответила я.

Она стояла неуклюже в затруднении.

С другого конца комнаты раздался голос Хейзел:

- Орчис чокнулась. Она говорила нам тут самые отвратительные вещи.

Малышка повернулась посмотреть на нее, а потом вопрошающие на одну из остальных. Ей ответили кивком с выражением отвращения, и она, повернувшись ко мне, начала изучающе разглядывать.

- Вы две, пойдите и доложите, - сказала она моим пребывавшим в замешательстве массажисткам. Обе они плакали и вместе поплелись вон из комнаты. Та, что руководила, бросила на меня еще один глубокомысленный взгляд и последовала за ними. Несколько минутами позже все остальные собрались и ушли. Мы шестеро были одни. Последовавшее молчание нарушила Хейзел:

- Ну и гадко же было так делать. Эти бедные дьяволята всего лишь выполняли свою работу, - заметила она.

- Если это их работа, она мне не нравится, - ответила я ей.

- Ну и склонотала им порку, бедняжкам. Но, я полагаю, это опять потеря памяти. Ты не вспомнила ведь, что Слугу, огорчившую Мать, наказывают поркой, не так ли? -sarcastically добавила она.

- Поркой? - повторила я с трудом.

- Да, поркой, - передразнила она. - Но тебе ведь дела нет, что с ними станет? Не знаю, что случилось с тобой, пока тебя не было, но что бы это ни было, результат, кажется, получился прегадкий. Мне никогда не было до тебя дела, Орчис, хотя другие и думали, что я не права. Ну, а теперь мы знаем все.

Никто не стал продолжать. Сильно чувствовалось, что все разделяют мнение Хейзел, но, к моей удаче, я избежала их упреков из-за того, что дверь открылась.

Вновь вошла старшая служительница с полдюжины маленьких клевретов, но на этот раз ими предводительствовала красивая женщина лет тридцати. Ее внешность доставила мне несимворное успокоение. Она не была ни крошечной, ни амазонкой, не была она и толстой. На фоне сопровождающей ее служительницы она выглядела длинноватой. Я определила ее рост приблизительно 1 метр 60 см. Это была нормальная, приятно сложенная молодая женщина, с коричневыми волосами, коротко подстриженными, в плиссированной черной юбке, видной из-под белой спецовки. Старшая служительница почти семенила, чтобы поспеть за ее широкими шагами, и говорила что-то о заблуждениях и "только что обратно из Центра сегодня, доктор..."

Женщины остановились около моего ложа, в то время как малышки столпились вместе, поглядывая на меня с недоверием. Она воткнула мне в рот термометр и подержала запястье. Удовлетворившись показаниями обоих, поинтересовалась:

- Головная боль? Беспокоит что-нибудь другое?

- Нет, - ответила я ей.

Она внимательно меня оглядела. Я возвратила ей взгляд.

- Что...? - начала она.

- Да у нее с головой не в порядке, - вмешалась Хейзел с другого угла комнаты. - Она говорит, что потеряла память и не знает о нас.

- Она говорила о жутких отвратительных вещах, - добавила другая из пяти.

- У нее галлюцинации. Она думает, что может писать и читать, - подлила масла в огонь Хейзел.

На это доктор улыбнулась.

- Это так? - спросила она у меня.

- Не вижу, почему бы и нет... - но это было бы легко проверить, - резко ответила я.

Она ошарашенно поглядела на меня, но потом пришла в себя, повторив терпеливую полуулыбку.

- Отлично, согласилась она миролюбиво.

Она вытащила из кармана маленький записной блокнот и предложила его мне вместе с ручкой. Ручка непривычно легла в

мою ладонь и непослушные пальцы не сразу удобно взялись за нее, но, несмотря на это, я написала.

... я всего лишь слишком хорошо осознаю, что вижу галлюцинацию - а вы только ее часть.

Хейзел хмыкнула, когда я вручила блокнот обратно. Если у доктора не отвалилась челюсть, то улыбки-то уж как не бывало. Она напряженно поглядела на меня. Все остальные в комнате, видя выражение ее лица, стихли, будто я совершила чудо.

Доктор обернулась к Хейзел.

- Что она вам тут рассказывала? - спросила она.

Хейзел поколебалась, но потом выпалила:

- Такую гадость! Она рассказывала о двух полах у человека - так, будто мы были как животные. Это было отвратительно.

С минуту доктор размышляла, потом обратилась к старшей служительнице:

- Лучше доставить ее в лазарет. Я осмотрю ее там.

Как только она вышла, малыши рванулись подтащить низкую каталку из угла к моему ложу. С десяток рук помогли мне перебраться на нее и проворно увезли прочь.

- Ну, а теперь, - зловеще прошипела доктор, - вернемся к нашему разговору. Кто тебе рассказал всю эту чепуху о двух полах? Мне нужно ее имя.

Мы были одни в маленькой комнате с розовыми обоями в золотых звездочках. Служительницы тут же отчалили, как только привезли меня. Доктор сидела, держа наготове блокнот на коленях и ручку в руке. У нее был вид инквизитора, которого не проведешь. Мне было не до правил вежливости. Поэтому я попросила ее не быть дурой. Она, казалось, на мгновение была в нерешительности от овладевшего ею гнева, но потом взяла себя в руки и промолвила:

- После того, как ты покинула клинику, у тебя был отпуск, конечно же. И куда тебя посылали?

- Я не знаю, - ответила я. - Все, что я могу вам сказать - это то что и другие. Все это галлюцинация или обман - или что бы там ни было - началось в той больнице, что вы зовете Центром.

С полным решимости спокойствием она сказала:

- Послушай, Орчис. Когда ты уехала от нас, б недель назад, ты была совершенно нормальной. Ты поехала в Клинику и в обычном порядке родила своих малышей. Но в тот промежуток

времени, что прошел между родами и сегодня, кто-то вбил тебе в голову всю эту дрянь - заодно научив тебя читать и писать. Теперь ты мне скажешь, кто это был. И предупреждаю, не отговаривайся от меня потерей памяти. Если ты была в состоянии помнить этот вызывающий тошноту бред, который ты рассказывала другим, ты уж сможешь вспомнить, от кого ты его узнала.

- Да ради бога, говорите же разумно, наконец, - ответила я. Она снова вспыхнула.

- Я могу выяснить в Клинике, куда они тебя послали, и в Доме Отдыха - кто были твои основные друзья, пока ты находилась там, но я не хочу терять время, прослеживая все твои контакты, поэтому я прошу тебя не создавать сложностей и сказать сразу. Ты это прекрасно можешь. Мы не хотим, чтобы пришлось принудить тебя говорить, - заключила она зловеще.

Я закрутила головой.

- Вы на неверном пути. Насколько я поняла эту галлюцинацию, включая мою связь с этой Орчис, все началось каким-то образом в Центре. Как это случилось - я не могу сказать, и что случилось с нею прежде, не могу представить.

Она нахмурилась, явно обеспокоенная.

- Какая галлюцинация? - осторожно переспросила она.

- Вся эта фантастическая система - и вы тоже, - махнула я на все вокруг, - это тошнотворное огромное тело, все эти крохотные женщины, все. Очевидно, все это родилось в моем подсознании - и состояние моего подсознания меня беспокоит, так как осуществлением желаний его никак не назовешь.

Она продолжала глядеть на меня, еще больше забеспокоившись.

- Кто вообще мог рассказать тебе о подсознании? - неуверенно спросила она.

- Не вижу, почему даже в галлюцинациях от меня ждут, чтобы я была неграмотной идиоткой, - ответила я.

- Но Мать не может ничего знать о таких вещах. Ей это не нужно.

- Послушайте, - сказала я . - Я же вам объяснила, как и тем несчастным пародиям на женщин в той комнате, что я не Мать. То, чем я являюсь - это всего лишь несчастный Б.М., которому снится какой-то кошмар.

- Б.М.? - спросила она рассеянно.

- Бакалавр Медицины. Я практикую врачебное дело, - сказала я ей.

Она продолжала с любопытством разглядывать меня. Ее взгляд с неуверенностью блуждал по моим мощным формам.

- Ты утверждаешь, что ты доктор? - спросила она странным голосом.

- В обычном смысле - да, - согласилась я.

В ее голосе послышалось негодование, смешанное с изумлением, когда она возразила.

- Но это же полнейший вздор! Тебя воспитали и вырастили, чтобы ты была Матерью. Ты и есть Мать. Да ты только посмотри на себя!

- Да, - повторила я с горечью. - Только посмотрите на меня.

Воцарилось молчание.

- Мне кажется, - произнесла я наконец, - галлюцинация это или нет, мы недалеко уйдем, если будем просто обвинять друг друга во вздоре. Предположим, вы объясните мне, что это за место, кем, вы думаете, я являюсь. Это может подтолкнуть мою память.

Но она воспротивилась этому.

- Думаю, - сказала она, - что сперва ты расскажешь мне то, что можешь вспомнить. Это лучше навело бы меня на мысль, что тебя так озадачило.

- Отлично, - согласилась я и пустилась в пространное повествование о себе, насколько я могла вспомнить все - до того момента, то есть когда разбился самолет Дональда.

Было глупо с моей стороны попасться на эту удочку. Конечно же, она и не собиралась что-нибудь мне рассказывать. Когда она выслушала все, что я смогла ей сообщить, она ушла, оставив меня в бессильной ярости.

Я дождалась, пока все в доме не затихло. Вскоре отключили музыку. Заглянула служительница, спросить, не нужно ли мне чего, видно, заканчивая последние дневные обязанности, и затем я уже ничего не смогла услышать. На всякий случай я подождала еще полчаса, пролетевшие незаметно, и попыталась с усилием встать, на этот раз разбив всю задачу на маленькие этапы. Самым трудным делом было встать на ноги из сидячего положения, но, запыхавшись, мне это удалось. Потом я подошла к двери и обнаружила, что она не заперта. Я приоткрыла ее чуть-чуть, прислу-

шиваясь. В коридоре не было ни звука, ни какого-нибудь движения, поэтому я широко раскрыла дверь и отправилась исследовать все, что могла, в этом доме. Двери всех комнат были закрыты. Прикладывая к ним плотно ухо, я могла расслышать за некоторыми размеженное тяжелое дыхание, но никаких других звуков в безмолвии. Я продолжала путь, свернув несколько раз за угол, пока не увидела перед собой парадную дверь. Я попыталась найти замок, но она не закреплялась ни болтами, ни засовом. Я замерла, прислушиваясь, на несколько мгновений и затем открыла ее и вышла наружу.

Передо мной расстипался сад паркового типа, с резкими от лунного света тенями. Между деревьями справа поблескивала вода, слева стоял дом, похожий на тот, что за моей спиной, в чьих окнах не было ни огонька.

Я недоумевала, что же дальше? Пойманная, как в ловушку, в эту гигантскую тушу и совершенно беспомощная, я могла мало что сделать, но я решила пойти дальше и хотя бы выяснить, что я могу, пока есть возможность. Я подошла к началу ступенек, по которым взбиралась до этого из машины скорой помощи, и начала осторожно спускаться по ним, держась за балюстраду.

- Мать, - произнес резкий, язвительный голос за моей спиной. - Что вы делаете?

Я обернулась и увидела одну из малышек в белой, освещенной лунным светом спецовке. Она была одна. Я не ответила и шагнула дальше. До этого я могла рыдать в ярости от этого тяжеловесного, неуклюжего тела, но теперь оно научило меня осторожности.

- Бернитесь. Немедленно вернитесь, - сказала мне малышка.

Я не обратила внимания. Она, легко ступая, спустилась за мной и уцепилась за мои одежды.

- Мать, - снова сказала она. - Вы должны вернуться. Вы там простудитесь.

Я собралась сделать еще шаг, но она потянула за одежду, чтобы удержать меня. Я наклонилась вперед, сопротивляясь. Раздался резкий звук рвущейся ткани. Я качнулась и потеряла равновесие. Последнее, что я увидела - это остаток пролета ступенек, летящий мне навстречу...

Когда я открыла глаза, чей-то голос произнес:

- Так то лучше, но зачем же так капризничать, Мать Орчис. Счастье еще, что не случилось ничего худого. Сделать такую глупость. Мне стыдно за вас - действительно стыдно.

Голова моя раскалывалась, и я с раздражением обнаружила, что вся эта глупость все еще продолжается. Одним словом, я не была в настроении выслушивать град упреков. Я послала ее к черту. На мгновение она выпучила на меня глаза, а потом стала натянуто холодна. Она в молчании прилепила мне слева на лоб корпию и пластырь и удалилась, сдерживая себя.

Мне с неохотой пришлось признать, что она была совершенно права. Что вообще намеревалась я сделать - и что вообще могла я сделать, обремененная этой жуткой массой плоти? Огромная волна отвращения к ней и чувство беспомощного страха снова довели меня до слез. Я тосковала по моему собственному чудесному, стройному телу, которое мне так нравилось и делало то, что я его просила. Я вспомнила, как Дональд однажды указал мне на молодое деревце, раскачивавшееся на ветру, и представил его мне, как моего близнеца. И всего через пару дней...

Тут внезапно я сделала открытие, от которого я снова попыталась сесть. Пустота в моем мозгу заполнилась до конца. Я смогла вспомнить все... От усилий у меня все зазвенело, поэтому я расслабилась и откинулась на подушки, перебирая в памяти все до того момента, когда у меня из руки вытащили иголку и протерли кожу...

Но что случилось после того? Я ожидала галлюцинации и сны... но не такое ясное, до мельчайших деталей, последовательное ощущение действительности... не это состояние, которое, как кошмар, стало всеобъемлющим.

Что же, что, Господи, что со мной сделали?

Я, должно быть, снова заснула, потому что когда я открыла глаза, за окнами было светло и стайка малышек забралась ко мне помочь с туалетом.

Они проворно расстелили простыни и перекатывали меня то так, то этак при помощи искусной технологии для умывания. Я терпеливо вынесла их усердие, ощущала себя свежее и с радостью обнаружила, что головная боль постепенно исчезла. Когда мы почти уже подошли к концу омовения, раздался властный стук в дверь и, не ожидая разрешения, вошли две фигуры, одетые в черную униформу с серебряными пуговицами. Они были типа

амазонок, высокие, ширококостные, крепко сложенные и симпатичные. Малышки побросали все и забились, повизгивая от испуга, в дальний угол комнаты, где сбились в кучку.

Те две отдали мне знакомый уже салют. Со странной смесью решимости и почтительности одна из них спросила:

- Вы Орчис - Мать Орчис?

- Так они меня здесь зовут, - допустила я.

Девушка заколебалась, затем, скорее умоляюще, чем приказывая, сказала:

- У меня приказ на ваш арест, Мать. Пожалуйста, следуйте за нами.

Малышки в углу разразились взволнованными, недоверчивыми возгласами. Девушка в униформе успокоила их одним взглядом.

- Оденьте Мать и приготовьте ее к поездке, - скомандовала она,

Малышки нерешительно вышли из своего угла, направляя в сторону пришедших нервные примирительные улыбки. Вторая резко, хотя и не зло, сказала им:

- Идите же, поторопливайтесь!

Меня уже почти запеленали в розовые одежды, когда в комнату вошла доктор. Она нахмурилась при виде тех двух в униформе.

- Что здесь такое? Что вы здесь делаете? - спросила она.

Главная из них объяснила.

- Арестовать?! - воскликнула доктор. - Арестовать Мать! В жизни не слышала такого вздора! В чем обвинение?

Девушка в униформе, слегка смущившись, ответила:

- Она обвиняется в Реакционизме.

Тут доктор просто уставилась на нее.

- Мать - реакционистка! Что ваши люди придумают следующим? А ну, убирайтесь-ка обе.

Молодая женщина запротестовала.

- У нас приказ, доктор.

- Вздор. На это нет права. Слышали вы когда-нибудь, чтобы арестовывали Мать?

- Нет, доктор.

- Не хотите же вы устроить такой прецедент сейчас. Идите же.

Девушка в униформе, расстроенная, заколебалась, но тут ей в голову пришла идея.

- Если бы вы дали мне подписанный вами отказ сдать Мать..? - предложила она с надеждой.

Когда обе отбыли, вполне удовлетворенные своим листком бумаги, доктор мрачно посмотрела на малышек.

- Не можете удержаться и не насплетничать, а, слуги? Все, что вам случается услышать, проходит через вас, как огонь по кукурузному полю, и сеет неприятности повсюду. Ну так вот, если я услышу хоть что-нибудь, я буду знать, откуда ветер дует.

- Она повернулась ко мне: - А вы, Мать Орчис, на будущее ограничьте свой лексикон до "да" и "нет" в присутствии этих болтливых маленьких вредителей. Вскоре я вас вновь увижу. Нам хотелось бы задать вам несколько вопросов, - добавила она и вышла, оставив за собой подавленную прилежную тишину.

Она вернулась, как только был увезен мой поднос, на котором был до этого мой достойный Гаргантюа завтрак, и вернулась не одна. Четыре сопровождающие ее женщины выглядели так же нормально, как и она, а за ними следовало несколько малышек, волочивших стулья, которые они и расставили около моего ложа. Когда они удалились, пять женщин, все в белых спецовках, сели и уставились на меня как на диковинку. Одна казалась где-то около того же возраста, что и доктор, две - около 50 лет, а одна - под 60 или больше.

- Ну, Мать Орчис, - сказала доктор таким тоном, будто открывала собрание. - Теперь нам ясно, что здесь имело место что-то в высшей степени необычное. И, естественно, мы заинтересованы выяснить только - что, и, если возможно, почему. Тебе не надо беспокоиться об этих полицейских сегодня утром, с их стороны было неуместно вообще приходить сюда. Это просто расследование - научное расследование - чтобы установить, что же произошло.

- Я хочу этого не меньше вашего, - был мой ответ.

Я посмотрела на них, на комнату вокруг меня и под конец на распростертые внизу массивные формы. - Я сознаю, что все это должно быть галлюцинациями, но что больше всего меня беспокоит, это то, что я всегда считала, что в любой галлюцинации должно недоставать по крайней мере одного измерения - должна отсутствовать реальность каких-нибудь ощущений. Но это не

так. Все мои чувства в порядке, и я могу их использовать. Все существенно: я заключена в плоть, которая на ощупь слишком, слишком материальна. Единственный поразительный недостаток, который я до сих пор наблюдала - это причина, даже чисто символическая причина.

Четверо других женщин уставились на меня в изумлении. Доктор взглянула на них с видом: ну теперь-то вы мне поверите. Потом снова повернулась ко мне.

- Мы начнем с нескольких вопросов, - сказала она.

- Прежде, чем вы начнете, - вставила я, - мне надо кое-что добавить к тому, что я сообщила вам прошлым вечером. Я снова его вспомнила.

- Наверное, удар при падении, - предположила она, взглянув на пластырь. - Что ты пыталась сделать?

Я проигнорировала вопрос.

- Я думаю, мне лучше рассказать вам остальное - что могло бы, по крайней мере, немного помочь.

- Что же, - согласилась она, - ты рассказала мне, что была замужем, но твой муж вскоре после свадьбы погиб, - она бросила взгляд на других, на их лицах было написано непроницаемое равнодушие. - После этого шла та часть, которой недоставало, - добавила доктор.

- Да, - сказала я, - мой муж был летчиком-испытателем. И то, что произошло с ним, случилось после свадьбы через 6 месяцев - всего за месяц до того, как истекал срок его контракта. После его гибели тетя увезла меня на несколько недель. Не думаю, что я когда-нибудь... вообще, что-то смогу вспомнить из того времени. Я... я... вообще тогда ничего не в состоянии была воспринимать.

Но помню, как однажды, проснувшись утром, я ясно себе представила, что так жить больше нельзя. Я осознавала, что мне необходимо чем-то занять себя, скорее всего работой. Доктор Хеллиэр, заведовавший больницей во Врейгестуле, где я работала до свадьбы, сообщил, что рад был бы снова меня там увидеть. Так что я вернулась и усердно работала, чтобы не оставалось много времени на размышления. Это было где-то восемь месяцев назад.

Однажды доктор Хеллиэр рассказал о медикаменте, который удалось синтезировать его другу. Не думаю, чтобы он в

действительности просил найти добровольцев для проведения опыта, но из того, что он сказал, выходило, что медикамент обладает необычными и эффективными свойствами. Я предложила себя для испытаний. Мне было все равно, случится со мной что-нибудь или нет, так как меня ничто ни с кем не связывало.

Та доктор, что говорила со мной, прервала меня вопросом:

- Что это был за медикамент?
- Он называется чайнжуатин, - ответила я. - Вы его знаете?
- Да, я слышала название. Что же это такое?
- Наркотик, - ответила я. - В естественном виде он содержится в листьях дерева, растущего главным образом на юге Венесуэлы. Его открыло одно из индейских племен, обитающих там, как, в свою очередь, другие открыли хинин. И почти так же они его используют в оргиях. Некоторые жуют эти листья, впадая в транс, подобно зомби, от одной порции в 6 унций. Состояние транса длится 3-4 дня, в течение которых принявшие наркотик совершенно беспомощны, как дети, и не в состоянии ничего делать, поэтому присматривать за ними и охранять их поручают другим членам племени.

По повериям этого племени, охранять впадших в транс необходимо, так как чайнжуатин высвобождает душу из тела, давая ей свободно блуждать повсюду в пространстве и времени, и самой важной работой охраняющего является присмотр за тем, чтобы никакая другая блуждающая душа не прокользнула в тело, пока истинный владелец в отлучке. Когда испытавшие транс приходят в себя, то утверждают, что пережили что-то волшебно-мистическое. Никаких неблагоприятных для здоровья эффектов чайнжуатин, кажется, не оказывает и не становится болезненно необходимым раз принявшему его как наркотик.

О своих же мистических переживаниях принявшие чайнжуатин рассказывают, что они очень сильны и хорошо запоминаются.

Друг доктора Хеллиэра испытывал синтезированный чайнжуатин на лабораторных животных, отрабатывая тойлерантную дозу или что-то в этом роде, но он не мог узнать, насколько достоверны рассказы о мистических переживаниях. Безусловно, они были результатом воздействия наркотика на нервную систему, но какое же состояние он вызывал: экстаз, страх, трепет, ужас или еще что-то из десятка других состояний. Без "подопытного

кролика", обладающего мозгом как человеческий, узнать что-либо было невозможно.

Так вот на что я себя предложила.

Я, замолчав, посмотрела на серьезные, озадаченные лица, обращенные ко мне и на море розового сатина подо мной.

- А на самом деле, - добавила я, - как оказалось, эти наркотические переживания были каким-то сочетанием абсурда, непостижимости и гротеска.

Но их, этих женщин, не так-то легко было сбить с толку, слишком уж они были добросовестны. Им надо были разоблачать ненормальность во что бы то ни стало.

- Понятно, - произнесла главная из них, скорее пытаясь сохранить умный вид, чем сказать что-нибудь. Она заглянула в бумажку, на которой время от времени делала пометки.

- А теперь ты можешь назвать время и дату, когда состоялся эксперимент?

Я могла и сделала это. Потом последовали один вопрос за другим... Что меня меньше всего устраивало, так это то, что от моих ответов в них росла неуверенность в себе, по мере того, как они их получали, но стоило мне задать им вопрос, они его или не замечали, или отвечали на него небрежно, как на не имеющий к разговору отношения.

Все это продолжалось непрерывно, пока не пришлось прерваться из-за моей очередной кормежки. Они ушли, оставив меня в покое.

У меня была слабая надежда, что они вернутся, но когда этого не произошло, я задремала и очнулась от очередного наступления малышек. Они тащили с собой вагонетку и вскоре уже катили меня вон из здания тем же путем, что и по приезде. На сей раз мы проехали по наклонной плоскости, внизу которой ожидала все та же или, быть может, другая "скорая помощь". Когда меня благополучно в нее погрузили, трое из малышек забрались внутрь, чтобы составить мне компанию. Но что было невыносимым, так это их безостановочная болтовня на протяжении всего полуторачасового путешествия.

Местность немного отличалась от той, что я уже видела, но за воротами были все те же аккуратные поля и похожие одна на другую фермы. Случайных построек было немного, все они были тесно расположеными строениями одного типа.

Мы продолжали ехать по такой же неудобной дороге. На полях - кое-где группы амазонок, занятых работой, и еще реже - отдельные фигуры. Все уличное движение состояло из редких грузовиков, больших и маленьких, да случайных автобусов, но без единой частной машины. "Моя иллюзия, - отметила я, - удивительно обстоятельна в деталях. Ни одна из амазонок, к примеру, не забывала поднять правую руку в дружественном уважительном приветствии розовой машине.

Один раз мы проехали выемку железнодорожного пути. Сперва, взглянув с моста вниз, я подумала, что это высущенное дно канавы, но потом заметила среди травы и сорняков следы рельс. Большинство деталей уже развалилось, но вполне еще можно было различить семафор.

Мы проехали через скопление одинаковых строений, по размерам напоминавших город, но это было единственным сходством. В 2-х или 3-х километрах от него мы очутились в чем-то вроде парка, миновав украшенные орнаментом ворота.

С одной стороны, парк напоминал чем-то то имение, что мы покинули, так как все здесь было тщательно ухожено: бархатистые газоны, пестревшие весенними ярко-красными клумбами, но строения существенно отличались от прежних. Это были не блочные дома, а в большинстве своем довольно маленькие, разные по стилю домики, некоторые всего в одну комнату. У моих маленьких спутников это место вызвало подавленное настроение, впервые они перестали тараторить и глазели по сторонам с явным благоговением.

Один раз водитель остановила машину, чтобы узнать дорогу у шедшей неспеша с корытом на плече амазонки в спецовке. Она указала дорогу, одарив меня веселой, уважительной улыбкой через окошко, и через некоторое время мы подъехали к опрятному маленькому 2-х этажному домику в стиле Регентства.

На этот раз вагонетки не оказалось. Малышки с помощью водителя, суетясь, помогли мне выбраться из машины и, служа мне своеобразной опорой, поддерживая, ввели в дом.

С трудом удерживая, довели меня до двери, находившейся слева, и я очутилась в прелестной комнате, со вкусом обставленной и украшенной в том же стиле, что и дом. В кресле около камина сидела седовласая женщина в платье из цурупурного шелка. Лицо и руки ее говорили о достаточно почтенном возрасте,

но взгляд, которым она посмотрела на меня, был проницательным и живым.

- Добро пожаловать, дорогая моя, - произнесла она голосом, в котором не было и следа старческой дрожи.

Она перевела взгляд на стул. Потом снова на меня и задумалась.

- Я полагаю, на тахте вам будет удобнее, - предложила она.

Я оглядела тахту: да, это была настоящая грузинская работа, подумала я с сомнением.

- А она выдержит? - поинтересовалась я.

- О, я думаю, что да, - сказала она, но тоже с сомнением.

Моя свита осторожно уложила меня и встала рядом с озабоченными лицами. Когда стало ясно, что тахта, хоть и скрипнув, выдержала мой вес, пожилая леди прогнала их вон и позвонила в маленький серебряный колокольчик. Вшла миниатюрная девушка, настоящая горничная ростом в метр.

- Пожалуйста, херес, Милдред, - приказала пожилая леди. - Вы ведь пьете херес, моя дорогая? - обратилась она ко мне.

- Да-да... да, спасибо, - слабо ответила я. После паузы добавила: - Прошу прощения, миссис... мисс..?

- Ох, мне следовало сразу представиться. Меня зовут Лаура, не мисс и не миссис, а просто Лаура. Вы, я знаю, Орчис... мать Орчис.

- Так они говорят, - с отвращением призналась я.

Некоторое время мы изучали друг друга. Впервые с начала галлюцинации я увидела в чьих-то глазах сочувствие, даже жалость. Я снова огляделась, отметив про себя совершенство обстановки.

- Это же... Я ведь не сошла с ума? - спросила я.

Она медленно покачала головой, но не успела ответить, так как вернулась миниатюрная горничная, неся на стеклянном подносе графин граненого стекла и бокалы. Пока та наливалась нам, я заметила, что пожилая леди, как бы сравнивая, переводит взгляд с нее на меня и обратно. На ее лице было любопытное необъяснимое выражение. Но я сохраняла спокойствие, внимательно наблюдая за горничной, разливающей вино по стаканам.

- Разве это не мадера? - спросила я.

Она удивилась, а потом, улыбнувшись, кивнула с уважением.

- Думаю, вы в одном предложении заключили весь смысл вашего визита, - сказала она.

Горничная ушла, и мы подняли наши бокалы. Пожилая леди отпила глоток и поставила свой на особый столик рядом с собой.

- Однако, - продолжила она, - давайте-ка побеседуем. Вам сказали, почему вас послали ко мне, моя дорогая?

- Нет, - покачала я головой.

- Потому что я историк, - ответила она мне. - Доступ к истории - это привилегия. В наши дни он предоставляется немногим - и даже тогда с неохотой. Но, к счастью, до сих пор существует мнение, что ни одна из отраслей знания не должна исчезнуть, хотя некоторые из них и преследуются по определенным политическим целям. - Она неодобрительно улыбнулась и затем продолжила. - Потому что, когда требуется что-либо утверждать, нужна консультация специалиста. Вам сказали что-нибудь насчет вашего диагноза?

Я снова отрицательно покачала головой.

- Я думала иначе. Ох, уж эти профессионалы! Ну, я расскажу вам, что мне было сказано по телефону из Дома Матери, так будет легче прояснить ситуацию. Мне сообщили, что вас опросили несколько врачей, которых вы заинтересовали, озадачили и, боюсь, основательно расстроили, бедняжек. Ни у одной из них не было даже минимального поверхностного знания истории. А еще короче: две из них придерживаются мнения, что вы страдаете галлюцинациями на почве шизофрении, а три остальных склонны считать ваш случай подлинным переселением душ. Такое бывает чрезвычайно редко. Существует не более трех достоверных задокументированных случаев и один спорный, как они мне сказали. Но из тех, что признаны, два связаны с медикаментом чайнжуатин, а один с очень схожим с ним препаратом.

Таким образом, три из них нашли, что ваши ответы в основном последовательны, и почувствовали, что подробности в них достоверны. Это значит, что ничего из вами сказанного не противоречило тому, что они знали. Но так как за пределами своей профессии они мало что знают, они решили, что тут есть много другого, во что трудно и невозможно поверить. Поэтому попросили сделать это меня, имеющую для этого средства.

Она замолчала и задумчиво оглядела меня.

- Я также думаю, - добавила она, - что за всю мою довольно долгую жизнь это будет самое интересное, что со мной случалось. Ваш бокал пуст, моя дорогая.

- Переселение душ, - недоуменно повторила я, протягивая бокал. - Но, если бы это было возможно.

- О, в этом нет сомнения. Те упомянутые мной три случая совершенно достоверные.

- Может быть и так... почти, - допустила я. - По крайней мере, с одной стороны да, но с другой - нет. Ведь есть приметы ночных кошмаров. Вы кажетесь мне совершенно нормальной, но взгляните на меня - и на вашу крохотную горничную! Это же несомненно часть галлюцинаций. Мне кажется, что я здесь говорю с вами, но в действительности этого не может быть, тогда где же я?

- Думаю, что я больше чем кто-нибудь другой могу понять, каким далеким от реальности должно казаться это вам. Я сама провела за книгами так много лет, что иногда оно и мне кажется неистоящим, будто я живу не совсем здесь. А теперь скажите мне, дорогая моя, когда вы родились?

Я сказала ей. С минуту она размышляла.

- Хм! - произнесла она, - Георг VI - но вы же не помните второй большой войны?

- Нет, - подтвердила я.

- Но вы, может быть, помните коронацию следующего монарха? Кто он был?

- Елизавета... Елизавета Вторая. Моя мама водила меня посмотреть шествие, - сообщила я ей.

- Вы что-нибудь помните?

- Не так уж много, только то, что шел дождь, почти целый день, - призналась я.

Некоторое время мы продолжали в том же духе, потом она успокоенно улыбнулась.

- Ну, я думаю, этого достаточно, чтобы обосновать свое мнение. До этого я уже слышала о коронации, из вторых рук. Должно быть, была замечательная сцена, в аббатстве, - она задумалась на мгновение и вздрогнула слегка. - Вы были так терпеливы со мной, моя дорогая, если вы вернетесь, это будет только справедливо, но, боюсь, вам придется приготовить себя к нескольким потрясениям.

- Думаю, что уже приучила себя к этому за последние 36 часов - или то, что кажется 36-ю часами, - сказала я ей.

- Сомневаюсь, - ответила леди, серьезно глядя на меня.

- Объясните, - попросила я, - пожалуйста, объясните, если можете.

- Ваш бокал, моя дорогая. Потом я вам расскажу, в чем суть дела. Налив нам обеим, она спросила:

- Какая черта произошедшего вас больше всего поразила до сих пор?

Я подумала:

- Так много всего...

- Не то ли, что вы не видели ни единого мужчины? - подсказала она.

Я мысленно вернулась назад. Вспомнила недоуменную интонацию в голосе одной из Матерей, спросившей: "Что такое мужчина?"

- Да, конечно, это одна из них, - согласилась я. - А где они?

Она покачала головой, в упор глядя на меня.

- Их больше нет, моя дорогая. Совсем нет. Ни единого.

Я уставилась на нее, ничего не понимая. Выражение ее лица было совершенно серьезным и сочувственным. Ни следа хитрости или коварства, в то время как я содрогнулась от подобной мысли. Под конец я выдавила:

- Но... но это невероятно! Должны же быть хоть где-нибудь?.. Не могли же вы... то есть, каким образом? То есть, - я запуталась в выражениях и смолкла.

Леди покачала головой.

- Я знаю, что это должно казаться тебе невероятным, Джейн. Можно, я буду звать тебя Джейн? Но это так. Я теперь старуха, мне почти 80, и за всю свою долгую жизнь я никогда не видела мужчины, кроме как на старинных картинах и на фотографиях. Допей херес, моя дорогая. Тебе станет лучше, - Она помолчала. - Бьюсь, что это огорчает тебя.

Я подчинилась, слишком изумленная в тот момент, чтобы возразить, но протестуя внутренне. Вместе с тем я не могла не верить, потому что действительно не видела ни единого мужчины до сих пор, даже намека на его присутствие. Леди тихо заговорила, давая мне время собраться с мыслями:

- В некоторой степени я могу понять, что ты чувствуешь. Всю мою историю я изучала не только по книгам. Когда я была девочкой, лет 16 или 17, я частенько слушала мою бабушку. Она была такой же старой, как и я теперь, но память о ее молодости была в ней сильна. Я даже почти видела те места, о которых она рассказывала, но они были частью настолько чуждого мне мира, что я с трудом представляла, что она чувствовала. Когда она говорила о молодом человеке, с которым была помолвлена, из ее глаз катились слезы – не только по нему, конечно, но по всему миру, который она знала девушкой. Мне было жаль ее, хотя на самом деле я не могла понять, что она чувствовала. Да и как я могла? Но теперь я, постарев и прочитав много книг, лучше понимаю ее чувства. - Она с любопытством поглядела на меня.

- А вы, моя дорогая. Вы, наверное, тоже были помолвлены, чтобы выйти замуж?

- Я была замужем, немножко, – сказала я ей.

Несколько минут она размышляла.

- Должно быть очень странное ощущение иметь над собой хозяина, – задумчиво заметила она.

- Хозяина? – изумленно воскликнула я.

- Быть управляемой мужем, – пояснила она сочувственно.

Я уставилась на нее.

- Но... все не так было... – но я смолкла, потому что еще немного и расплакалась бы. Чтобы отвлечься, я спросила:

- Но что случилось? Что вообще случилось с мужчинами?

- Все умерли, – сообщила мне леди, – заболели. И никто не мог сделать ничего, вот они и умерли. Меньше чем через год уже никого не осталось, кроме очень немногих.

- Но ведь тогда, тогда бы все разрушилось?

- О, да. И очень сильно. Настали плохие времена. Жуткое количество умерло от голода. Наиболее пострадали промышленные районы. В наиболее отсталых странах и сельских районах женщины смогли заняться земледелием и пахать, чтобы выжить самим и их детям, но почти вся огромная цивилизация полностью развалилась. Вскоре исчез транспорт: бензин кончился, а уголь уже не добывали. Состояние дел было ужасное, потому что, хотя и было очень много женщин и по числу они превосходили мужчин, все, чем они в основном занимались до этого, было потребление и трата денег. Вот почему, когда пришел крахис, едва ли

одна из них знала, как делать все самой, потому что почти всеми ими владели мужчины и им приходилось вести жизнь домашних животных и паразитов.

Я хотела было возразить, но ее тонкая ручка предостерегающе взметнулась вверх.

- Это не их вина - не совсем, - пояснила она. - Катастрофа застигла их на полу пути, все как будто сговорилось мешать их освобождению. А процесс его был очень долг, уходя корнями еще в XI столетие, в Южную Францию. Там, в виде элегантной и развлекательной моды праздных слоев общества и берет свое начало романтическая концепция. Постепенно, со временем, она проникла почти во все слои общества, но только в последней четверти 19 столетия по-настоящему разумно были оценены ее коммерческие возможности, и только в 20-м их стали использовать.

В начале 20-го столетия женщины впервые предоставили шанс вести собственную полезную, творческую интересную жизнь. Но это не устраивало коммерцию: ей больше подходили женщины в виде массового потребителя, чем производителя, за исключением самого что ни есть бытового уровня. Таким образом, появилась и совершенствовалась Романтика, как оружие против дальнейшего развития женщин, чтобы обеспечить беспребойное потребление и его усердно использовали.

Женщине ни на мгновение не позволялось забыть свой пол и на равных конкурировать с мужчиной. Все должно было иметь "женскую точку зрения", отличную от "мужской", о которой кричали не прекращая на каждом углу. Конечно, если бы заводы-ладельцы открыто объявили лозунг: "Назад на кухню" - это не принесло бы им популярности, но ведь были и другие способы. Была приобретена безличная профессия, названная "домохозяйка". Кухню возвеличивали и делали все более дорогой, заставляли мечтать об этой кухне и давали понять, что достичь ее можно только через замужество. В это вмешивалась пресса, по сотне тысяч экземпляров еженедельно, непрестанно и настойчиво, журналы, сосредотачивающие внимание женщин на необходимости продать себя какому-нибудь мужчине, чтобы получить маленькую неэкономичную единицу жилья, на которую можно было бы изводить деньги.

Романтическую атрибутику усвоили целые отрасли торговли, романтический ореол все заметнее и заметнее пробивался в рекламе. Романтика находила себе место во всем, что могла бы купить женщина, от нижнего белья до мотоциклов, от "здоровой" пищи до кухонных плит, от дезодорантов до заграничных путешествий, пока вскоре это не начало их смущать, а не развлекать.

Повсюду раздавались бесполезные жалобы. Бессвязно бормоча перед микрофонами, женщины существуют только потому, чтобы "подчиняться" и "отдавать себя", обожать и быть обожаемыми. Больше всего этой пропаганды нес кинематограф, убеждая свою основную и важную часть аудитории, состоявшую из женщин, что ничто в жизни не может быть лучше, чем беспомощно лежать в сильных руках рыцаря с увлажнившимися от страсти глазами. Давление выросло до такой степени, что большинство молодых женщин все свое свободное время проводили в романтических мечтах и средствах их достижения. Их довели до состояния искренней веры в то, что принадлежать мужчине и обосноваться в собственной крошечной кирпичной коробке, чтобы пощупать то, что предлагают заводовладельцы, и есть высшая форма блаженства, которую может дать жизнь.

- Но, - снова хотела я возразить. Но пожилая леди уже завелась и ничего не замечала вокруг.

- Все это, конечно, не могло сдержать извращенности общества. Процент разводов увеличился. Настоящая жизнь не могла и близко подойти к той степени романтического ореола, которым она была окружена в воображении каждой девушки. В общей сумме, разочарования, неудовлетворенности и утраченных иллюзий среди женщин стало больше, чем когда либо раньше.

Что же оставалось делать любой сознательной идеалистке с ее смешными и вычурными идеалами, почерпнутыми из бесконечной рекламной шумихи, как не решиться на разрыв необдуманного брака и пуститься на поиски идеала, по праву, по ее понятию, ей принадлежащего?

Это жуткое положение дел родилось из умышленно подогреваемой неудовлетворенности, что-то вроде мышиной возни с соблазнительно сияющим где-то в недосягаемой высоте романтическим идеалом. Наверное для нескольких исключений он действительно осуществился, но для других это оставалось же-

стоким бессердечным обманом, на который они бесполезно рас-трачивали себя и свои деньги.

На сей раз мне удалось вмешаться.

- Но это было не так. Кое-что из сказанного вами, может быть, и правда, но остальное - искусственно надуманное. Все шло не так, как вы утверждаете. Я там жила. Я знаю.

Она осуждающе покачала головой.

- Вы были слишком тесно связаны с вашим временем, чтобы сделать правильную оценку. Нам же с расстояния видно лучше. Мы воспринимаем его так, как оно и было - жуткой, бессердечной эксплуатацией слабовольного большинства. Некоторые образованные и решительные женщины смогли устоять против него, но какой ценой! Выдерживать натиск большинства всегда обходится недешево - и даже тогда им не всегда удавалось избежать чувства, что они ошибаются и что участникам мышиной возни жить интереснее.

Вот так великие надежды женщин на эмансипацию, с которых начался 20 век, были вытеснены на второй план. Покупательная способность была предоставлена малообразованной и легкоубеждаемой части общества. Жажда Романа - в основном эгоистическое желание, а когда ему дают волю превозобладать над всеми остальными - оно разрушает любой женский коллектив. Женщина была отделена, таким образом, и в то же время вовлечена в состязание со всеми другими женщинами, что делало ее совершенно беспомощной; она становилась добычей всеобщего внушения. Если ей представляли, будто отсутствие определенных товаров или услуг нанесет непоправимый ущерб Роману, она начинала беспокоиться, что делало возможным эксплуатировать ее сверх меры. Она могла верить только в то, что ей говорили, и большую часть времени проводила в хлопотах, все ли она правильно делает, чтобы приблизить Роман. Таким образом, эксплуатация ее повышалась, по-новому и утонченнее, а она более теряла независимость, активность и способность к творчеству, чем когда-либо.

- Ну, знаете, - сказала я. - Такой до смешного неузнаваемой истории моего мира мне еще не приходилось слышать. Будто кто-то что-то списал, а все пропорции спутал. Что насчет творчества - да, наверное, семьи стали меньше, но женщины все еще продолжали рожать детей. Насилие все так же росло.

Взгляд пожилой леди задержался на мне.

- Вы, несомненно, дитя своего века в каком-то смысле, - заключила она. - Почему вы считаете, что в рождении детей есть что-то творческое? Разве в гормоне есть что-то от творчества, потому что в нем прорастают семена? Это механическое действие и, как все они, в основном, так же легко воспроизводится менее разумными существами. А вот воспитать ребенка, выучить его, помочь стать личностью - это творчество. Но, к несчастью, в то время, о котором мы говорим, женщины были, в основном, поставлены в такие условия, что могли воспитать из своих дочек только себе подобных - невежественных потребительниц.

- Но, - сказала я беспомощно, - я знаю это время. Это моя эпоха. А у вас все искажено. - Но это ее не впечатлило.

- Историческая перспектива всегда правдивее, - снова заявила она и продолжила. - Но если тому, что произошло, было суждено произойти, то время было самое подходящее. Случись это на сто или пятьдесят лет раньше, это скорее всего означало бы вымирание. 50-ю годами позже вполне могло бы быть поздно, потому что катастрофа произошла бы в мире, где все женщины выгодно бы ограничились домашней жизнью и потребительством. Но на удачу в середине века некоторые женщины продолжали получать различные профессии и в огромном числе их можно было найти в рядах медицины - где только, кстати, они и были многочисленны и опытны, а это ведь та профессия, которая жизненно необходима для выживания. Я почти не разбираюсь в медицине, поэтому не могу подробно рассказать, что было предпринято. Все, что я могу вам сказать - это то, что начались интенсивные исследования, которые скорее будут понятны вам, чем мне. Биологический вид, даже наш вид, обладает огромной волей к выживанию, и врачи увидели, что и у нее есть средства самовыражения. Несмотря на всеобщий голод, хаос и другие лишения, дети каким-то образом продолжали появляться на свет. Да так и должно было быть. Восстановление могло и подождать. На повестке дня стояло новое поколение, которое смогло бы помочь восстанавливать и потом наследовать восстановленное. Поэтому продолжали рожать: девочки выживали, мальчики умирали. Это было ужасно да и бесполезно, поэтому вскоре стали рожать только девочек - опять же, средства достижения этого скорее поймете вы, чем я.

Как мне сказали, это не так уж здорово, как кажется на первый взгляд. Саранча, кажется, при отсутствии мужских особей будет продолжать производить женские особи, так же в одиночестве может размножаться и тля, но на 8 поколений, вряд ли больше. Так неужели мы с помощью знаний и исследовательских возможностей не можем превзойти в этой области саранчу или тлю?

Она замолчала, насмешливо ожидая отклика с моей стороны. Наверное, она надеялась, что я буду недоверчиво изумлена и даже потрясена. Если так, то я ее разочаровала: технические достижения перестали вызывать простодушное удивление с тех пор, как физики-атомщики продемонстрировали, что перед хорошей мозговой атакой любое препятствие - ничто. Но не следует думать, что возможно почти все: совершенно разные вещи - желаемое и нужное, и это было единственное, что казалось мне уместным ответить ей.

Я спросила:

- И чего же вы достигли?

- Выживания, - просто ответила она.

- Фактически, да, - согласилась я, - достигли. Но если оно стоило всего остального, если во имя существования в жертву были принесены любовь, искусство, поэзия, наслаждение и физическое удовольствие, что осталось, кроме бездушных отбросов? В чем остался смысл для выживания?

- Насчет смысла не знаю, если не считать, что это желание, общее для всех видов. Уверена, что не лучше понимали эту причину и в 20-м веке. Но остальное, почему вы считаете, что оно исчезло? Разве Сафо не писала стихи? Ваше утверждение, что наличие души зависит от двуполой системы, удивляет меня: так часто утверждалось, что оба пола пребывают в своего рода конфликте, ведь так?

- Как историк, изучавший мужчин, женщин и их побуждения, вы могли бы лучше понять, что я имела в виду! - сказала я ей.

Она осуждающе покачала головой.

- Вы настолько являетесь продуктом своей эпохи, моя дорогая. Вам внушали на всех уровнях, начиная с работ Фрейда и кончая пустячным женским журнальчиком, что возвышенный до романтической любви секс движет миром, а вы им верили. Но

мир продолжает двигаться и для других: для насекомых, для птиц и рыб, животных. Как вы думаете, много знают они о романтической любви, пусть даже за короткие сезоны спаривания? Вас ввели в заблуждение, моя дорогая. Договорившись между собой, они направили ваши интересы и тщеславие по тому пути, который наиболее подходил социально, был выгоден и почти безвреден.

Я покачала головой.

- Я этому просто не верю. О да, кое-что о моем мире вы знаете - со стороны. Но вы не понимаете его, не чувствуете.

- Это вы так считаете, моя дорогая, - спокойно ответила она.

Ее повторяющееся утверждение разозлило меня. Я спросила:

- Предположим, я вам верю, что же тогда заставляет мир вертеться?

- Это же просто, моя дорогая. Это воля к власти. В нас это заложено с детства, сохраняется это и в старости. Она есть равно и в мужчинах, и в женщинах. Это основа сильнее и желаннее, чем секс. Говорю вам, вас ввели в заблуждение - эксплуатировали, подавляли во имя экономического удобства. После того, как разразилась болезнь, женщины впервые в истории перестали быть эксплуатируемыми. Как только правители-мужчины перестали путать и отвлекать их, они начали понимать, что вся истинная власть принадлежит женскому началу. Самец служит только одной краткой цели, а остальную часть своей жизни он оставался болезненным и дорогостоящим паразитом.

Осознав свою власть, ее захватили врачи. Через 20 лет весь контроль был в их руках. С ними было несколько женщин из инженеров, архитекторов, юристов, администраторов, несколько учителей и так далее, но только врачи держали в руках нити жизни и смерти. Будущее зависело от них, и по ходу того, как все постепенно оживало, они, вместе с другими профессионалами, остались Главенствующим классом и стали известны как Докторат. Он получил власть, он установил законы, он ввел их в действие. Была, конечно, и оппозиция. Ни память о старине, ни 20 лет беззакония так легко не проходят, но перевес был на стороне врачей. Каждая женщина, которая хотела родить, должна была идти к ним. А они уже заботились, чтобы ее должным образом

устроили в общине. Постепенно банды разбойниц выродились, и был восстановлен порядок.

Но позднее против Доктората поднялась лучше организованная оппозиция. Эта партия заявила, что болезнь, поразившая мужчин, изжила себя, и что можно и нужно восстановить старый порядок. Они известны под названием Реакционисток и встали значительным препятствием на пути прогресса. У Большинства, в Совете Доктората, еще живы были воспоминания о системе, использовавшей каждую женскую слабость, и она была не более как наивысшей точкой их многовековой эксплуатации. Они помнили, как неохотно допускали их до образования. Теперь же приказы отдавали они: у них не было ни малейшего желания отдавать свою власть и авторитет, а неизбежно, без всякого сомнения и свободу, существу, ни в коей мере не оправдавшему биологически свое назначение. Единодушно они отказались предпринять то, что привело бы к всеобщему самоубийству, а Реакционистки были объявлены вне Закона как подрывная преступная организация.

Но это оказалось только полумерой. Вскоре стало ясно, что, борясь со следствием, они пренебрегли причиной. Докторату пришлось согласиться с мыслью, что общество, которым он правит, неустойчиво. Общество, способное выжить, но по структуре своей напоминавшее тень от исчезнувшего, так сказать, тела. Дальше существовать в такой усеченной форме оно не могло, а привело бы только к еще большему недовольству. Следовательно, если власть должна была стать крепкой, надо было найти более подходящую систему.. В решении этого вопроса были учтены все естественные стремления любой малообразованной или неграмотной женщины, иерархический принцип и предрасположенность почитать искусственные отличия. Вы, без сомнения, вспомните, как, стоило в ваше время мужу какой-нибудь дурочки неожиданно прославиться или приобрести влияние, как все остальные женщины начинали ей завидовать, хотя она продолжала оставаться такой же дурочкой. И что стоило не занятым ничем женщинам собраться и организовать общество, как оно запутывалось в установлении и охране все новых и новых социальных отличий. С этим было связано и то важное значение, которое они придавали безопасности. Были учтены и способность к самопожертвованию и бессознательное рабское подчинение канонам

местной общины. Надо сказать, что они - очень послушные существа. Большинство из них были счастливы, придерживаясь всех правил, какими бы странными они ни показались человеку со стороны. Трудности управления ими лежали, главным образом, в установлении наиболее соответствующих правил.

Было ясно, что успех системы зависел от того, насколько полно ее сущность отразит все характерные черты женской натуры. Взаимодействие сил должно было поддерживать равновесие в обществе и уважение к властям. А вот детали оказались куда труднее.

В течение нескольких лет были предприняты исследования возможных общественных форм и устройств, но какой бы план не выдвигался, он отвергался как неподходящий по той или иной причине. Говорят, что окончательно выбранная структура была навеяна, хотя и не знаю, насколько это правда, Библией, тогда еще не запрещенной и причинившей много беспокойства. Мне рассказывали, что там сказано так: "Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым". Совет, как оказалось, посчитал это изречение, в слегка измененном виде, вполне подходящим, чтобы привести общество к состоянию, учитывавшему все необходимые характеристики.

За основу взяли четырехплановую систему и постепенно ввели сильные разграничения среди населения. С их установлением была достигнута и стабильность, потому что простор для личного честолюбия ограничивался пределами данного класса, а возможности перейти в другой класс не было. Таким образом, у нас есть Докторат - образованный правящий класс, на 50% состоящий из медицинских работников. Матери - чье название говорит само за себя. Слуги, многочисленные и в определенных психологических целях - маленькие ростом. Рабочие, физически сильные, с развитой мускулатурой для тяжелых работ. Все три нижних класса подчиняются власти Доктората. Оба трудовые класса чтят матерей. Слуги считают, что их задачи более почетны, чем у рабочих, рабочие склонны относиться к слугам подчеркнуто полупрезрительно, потому что их наказывают.

Как видите, равновесие было достигнуто, и хотя пока еще не все достаточно слаженно, нет сомнения, что скоро все будет в порядке. Например, возможно, что уже давно следовало бы ввести дополнительное разделение в классе Слуг, а полиция, как

считают некоторые, поставлена в невыгодное положение, так как по образованию ее служители не намного отличаются от обычных Рабочих.

Она продолжала объяснять, вдаваясь во все подробности, в то время как во мне росло сознание чудовищной глупости этого преступления.

- Муравьи! - внезапно перебила я ее. - Муравейник, так вот что вы взяли за образец!?

Она удивилась как моему тону, так и тому, что ее слова доходили до меня так долго.

- А почему бы и нет, - спросила она. - Несомненно, это одна из самых выносливых общественных структур, когда либо созданных природой, хотя кое-какие изменения...

- Так вы... вы утверждаете, что иметь детей могут только Матери? - спросила я резко.

- О, члены Доктората тоже, когда захотят, - заверила она меня.

- Но... но...

- Совет устанавливает пропорции, - продолжала она объяснять. - Врачи в клинике осматривают младенцев и распределяют по соответствующим классам. А дальше это уже вопрос наблюдения за их особым питанием, тщательным контролем и правильным обучением.

- Но, - бурно возразила я, - ради чего? В чем здесь смысл? Что хорошего в такой жизни?

- Ну, а в чем смысл жизни вообще? Скажите мне, - предложила она.

- Наше назначение в том, чтобы любить и быть любимыми, и рожать детей от тех, кого мы любим.

- Опять ваши условности, прославление и воспевание примитивного анимализма. Как вы считаете, мы выше животных?

- Конечно, но...

- Вы говорите - любовь, но что вы знаете о любви между матерью и дочкой, когда их отношения не омрачаются ревностью из-за мужчины? Знаете ли вы чувство чище, чем любовь девушки к ее малюткам сестрам?

- Да ничего вы не понимаете, - снова возразила я. - Как вы можете понять любовь, которая придает прелесть всему миру? Как она поселяется в вашем сердце, постепенно наполняет собой

все ваше существо, изменяет все вокруг, к чему бы вы ни прикоснулись, что бы ни услышали... Да, она может больно ранить, я знаю это, слишком хорошо знаю, но она может и подобно солнечному лучу заставить кровь бежать быстрее по жилам... Она может превратить развалины в цветущий сад, лохмотья - в платье королевы, голос - в божественную музыку. В чьих-то глазах вы сможете увидеть целую вселенную. О, вы не понимаете... вы не знаете... не можете... Ох, Дональд, милый мой, как же мне объяснить ей то, о чём она даже никогда и не догадывалась..?

Последовала неуверенная пауза, но вскоре она сказала:

- Естественно, что в вашем обществе такая условная реакция была необходима, но вряд ли вы можете ожидать, что мы подчиним нашу свободу и будем потакать нашему вторичному закабалению, вновь вызывая к жизни собственных угнетателей.

- Да вы не хотите понять! Только глупцы среди женщин и мужчин постоянно воевали между собой. Большинство же взаимно дополняло друг друга. Мы были парами, составляющими целое.

Она улыбнулась.

- Моя дорогая, или вы на удивление дезинформированы о вашей же собственной эпохе, или та глупость, которую вы изрекли, слишком крепко вбита вам в голову пропагандой. Ни как историк, ни как просто женщина не могу я считать оправданным воскрешение такого общества. Примитивная ступень развития уступила место цивилизации. На какое-то время женщина, сосуд жизни, имела несчастье посчитать мужчину необходимым для жизни, но теперь ситуация изменилась. Неужели вы предполагаете, что следует сохранять такое бесполезное и опасное бремя только из чистой сентиментальности? Да, я допускаю, что некоторых удобств мы лишены, вы ведь, думаю, уже заметили, что мы менее изобретательны в механике и, скорее повторяем те образцы, что достались нам по наследству от мужчин, но это нас мало волнует. Нас, в основном, интересует органика и то, что обладает чувствительностью. Возможно, мужчины смогли бы научить нас передвигаться в два раза быстрее, как летать на Луну, или как убивать побольше людей и быстрее, но для нас эти вещи не стоят вторичного закабаления. Нет, наш мир нам лучше подходит - нам всем, за исключением разве что нескольких Реакционисток. Вы видели наших слуг. Ведут они себя, наверное, не-

сколько застенчиво, но разве они подавлены или грустны? Разве между собой они не щебечут как воробышки, весело и оживленно? А Рабочие - те, кого вы назвали амазонками, - разве они не выглядят сильными, здоровыми, радостными?

- Но вы обкрадываете их всех, крадете у них право, данное им от рождения.

- Не надо лицемерить, моя дорогая. Разве ваша социальная система не лишила женщину ее "права, данного от рождения", если она не была замужем? Вы не только давали ей это понять, но еще и обливали общественным презрением. А у нас Слуги и Рабочие не знают о нем, а физическая разница их не беспокоит. Материнство - функция Матерей и принимается ими как естественная.

Я затряслась головой: "Все равно их обкрадывают. У женщины есть право на любовь..."

На мгновение она вышла из себя, резко оборвав меня:

- Вы продолжаете повторять мне лозунги вашего времени. Любовь, о которой вы говорите, моя дорогая, существовала только в вашем маленьком, надежно защищенном мире, благодаря вежливому и выгодному соглашению. Едва ли вам когда-нибудь позволили заглянуть в ее лицо, неприкрашенное романтикой. Вас никогда открыто не продавали и не покупали, как живой товар, вам никогда не приходилось предлагать себя первому встречному, чтобы было на что жить, вы не были на месте тех женщин, что на протяжении столетий кричали, бились в агонии и умирали под захватчиками в разграбленных городах - как не кидали вас в пламя, чтобы вы им не достались, никогда не приходилось вам всходить на погребальный костер вашего мужа, чтобы умереть на нем, вы никогда не томились, всю жизнь запертая в гареме, вы никогда не были живым грузом рабовладельческого судна, вы никогда не зависели от одного только удовольствия вашего господина и хозяина...

Такова оборотная сторона - уходящая в глубь времен. Но больше такого не будет. С этим, наконец-то, покончено. Осмелитесь ли вы сказать, что мы должны снова воскресить их, снова страдать под их игом?

- Но большинство из того, что вы сказали, уже давно исчезло, - возразила я, - мир становился лучше!

- Неужели? - сказала она. - Интересно, что думали женщины Берлина, когда он был взят? Неужели лучше? Или он стоял на грани нового варварства?

- Но если от зла вы можете избавиться, только выбросив на свалку и хорошее, что останется?

- Очень многое. От мужчины польза была только в одном. Он был нужен для зачатия ребенка. Всю остальную энергию он тратил на разрушение мира. Без него мы стали куда лучше.

- И вы действительно думаете, что усовершенствовали природу, - усмехнулась я.

- Довольно, - сказала она, взбешенная моим тоном, - цивилизация - вот усовершенствование природы. Или вы предпочли бы жить в пещере и видеть, как многие из ваших детей умирают в младенчестве?

- Но есть же нечто... нечто главное... - начала я, но она остановила меня жестом, требуя тишины.

В вечерней тишине, издалека, неслось пение женских голосов. С минуту мы вслушивались в него, пока песня не закончилась.

- Как прекрасно! - сказала пожилая леди, - даже сами ангелы смогли бы разве спеть сладостней? В этом слышится счастье, не правда ли? Наши милые дети - среди них две мои внучки. Они счастливы и у них есть причина быть счастливыми: они растут в мире, где им неприходится, чтобы выжить, отдаваться на милость какого-то мужчины, им никогда не придется работать перед их хозяином и господином, им не придется столкнуться с опасностью быть изнасилованными или убитыми из-за ревности. Прислушайтесь!

Послышалась следующая песня, весело зажурчала к нам из темноты сумерек.

- Почему вы плачете? - спросила меня пожилая леди, когда песня закончилась.

- Я знаю, что это глупо... Я не могу поверить всему, что вижу... поэтому, наверное, я плачу, по всему тому, что вы потеряли, если это правда, - ответила я. - Под этими деревьями могли бы стоять влюбленные, они могли слушать эту песню, держась за руки, и любоваться восходящей луной. Но влюбленных теперь не бывает и не будет больше... - Я взглянула на нее. - Слышали ли вы когда-нибудь строки:

Как много роз невидимо цветет,
Даря свой сладкий аромат пустыне.

Разве вы не чувствуете все одиночество созданного вами мира? Неужели вы действительно не понимаете? - спросила я.

- Я знаю, что вы у нас видели очень мало, но неужели вам так и не стало ясно, как это великолепно, когда женщины уже не приходится сражаться с другими за милость мужчины? - ответила она вопросом на вопрос.

Мы беседовали, пока сумерки не перешли в ночь и между деревьями замерзали огоньки других домов. Она была очень начитана. К некоторым периодам истории у нее было даже что-то вроде привязанности, но ничто не могло поколебать ее одобрения собственной эпохи. В ней она не замечала никакой сухости. Вечно мои "условности" мешали мне понять, что золотой век женщины, наконец-то, наступил.

- Зачем вы цепляетесь за все эти выдумки, - говорила мне пожилая леди. - Вы рассказываете о полноте жизни, а пример ваш - какая-то несчастная женщина, не расстающаяся со своими цепями даже на загородной вилле. Полнота жизни, чепуха! Но вот для торговцев было удобным, чтобы она так думала. А по-настоящему полноценная жизнь в любом обществе была бы чрезвычайно короткой.

И так далее...

Под конец вновь появилась малютка горничная и доложила, что мои провожатые готовы к отъезду, как только понадобится. Но перед тем как покинуть пожилую леди, мне хотелось задать ей еще один вопрос.

- Скажите, пожалуйста, как это... как это могло случиться? - спросила я ее.

- Несчастный случай, моя дорогая. Хотя несчастный случай такого рода был исключительно продуктом своего времени. Какие-то исследования, вызвавшие неожиданные вторичные последствия.

- Но как?

- Довольно любопытно, так сказать, мимоходом. Вы когда-нибудь слышали о человеке по фамилии Перриган?

- Перриган? - повторила я. - Не думаю, это нераспространенная фамилия.

- О, он получил позже большую известность, - заверила она меня. - Доктор Перриган был биологом и занимался уничтожением крыс, в частности бурых крыс - вредителей, которые обходятся довольно дорого. Его метод состоял в том, чтобы найти болезнь, которая бы поражала их насмерть. Для этого он взял за основу вирусную инфекцию, обычно губительную для кроликов, или скорее группу вирусов с повышенной избирательным действием и изменчивостью, потому что они легко подвергались мутации. Вирусы были до того разнообразны, что когда инфекцию испытывали на австралийских кроликах, успешной оказалась лишь шестая попытка, все предыдущие вирусы погибали из-за иммунитета, выработанного кроликами. В других странах тоже проводились такие исследования, хотя и с переменным успехом, пока во Франции не вывели вирусную инфекцию, которой переболело все поголовье европейских кроликов.

Взяв за основу несколько таких вирусов, Перриган при помощи излучения и других средств вызвал в них новые мутации и успешно вывел разновидность, поражавшую крыс. Однако этого было недостаточно, и он продолжил работу до тех пор пока наследственная избирательность вируса не обрушилась со всей яростью на бурых крыс. Этим он избавил мир от выносливого вредителя, потому что после этого бурые крысы перевелись полностью. Но что-то вышло неладно. До сих пор вопрос открыт - произошла ли новая мутация крысиного вируса или инфекцию вынесли из лаборатории сбежавшие крысы-носители, зараженные в предшествующих опытах, практического значения это уже не имеет. Важно то, что произошла утечка вируса, способного поражать людей, и прежде, чем его обнаружили, он успел широко распространиться, до к тому же проделывал он это с ошеломляющей скоростью, слишком огромной, чтобы сдержать его любыми мерами.

У большинства женщин против новой болезни нашли иммунитет, а из тех 10 процентов, что все-таки заболевали, выздоравливали около 80 процентов. У мужчин же наоборот, не оказалось никакого иммунитета, выздоравливали единицы, да и то частично. Благодаря тщательным предосторожностям некоторым удалось избежать заражения, но невозможно вечно сидеть взаперти, и под конец вирус, обладавший невероятным растяжимым инкубационным периодом, настигал и их.

Во время рассказа мне в голову пришло несколько существенных вопросов, но вместо ответа пожилая леди покачала головой.

- Боюсь, я не смогу вам помочь. Может быть, врачи согласятся объяснить, - сказала она, но на лице ее было написано сомнение.

Я перевела себя в сидячее положение, скинув ноги с тахты.

- Понятно, - сказала я, - просто несчастный случай... да, думаю, едва ли кто ожидал, что такое может случиться.

- А почему бы... - заметила она, - почему бы не взглянуть на это, как на вмешательство свыше?

- Не пахнет ли это ересью?

- Я имела в виду Смерть Перворожденного, - задумчиво произнесла она.

Я не нашлась, что ответить на это. Тогда я спросила:

- Ответьте мне по совести, неужели у вас никогда не бывает ощущения, что вы живете в каком-то тоскливом кошмаре?

- Никогда, - ответила она. - Кошмаром был ваш мир, но теперь он исчез. Прислушайтесь!

Звучание голосов, усиленное игрою оркестра, плыло к нам из темноты парка. Нет, в них не было тоски, в них слышалось почти что ликовение, но как же объяснить им, беднягам...?

Прибыли мои сопровождающие и помогли мне встать с тахты. Я поблагодарила пожилую леди за терпение ко мне и доброту, но она покачала головой.

- Моя дорогая, это я в долгу перед вами. За короткое время я узнала о воспитании женщин в смешанном обществе больше, чем могли бы дать мне все мои книги. Я надеюсь, моя дорогая, что врачи сделают возможным для вас забыть эти ужасы и жить счастливо с нами, здесь.

В дверях я остановилась и обернулась к ней, заботливо поддерживаемая моими сопровождающими.

- Лаура! - впервые назвала я ее по имени. - Так многие из приведенных вами аргументов верны, и все же в целом вы не правы. Ох, как не правы. Неужели вы ничего не читали про истинную любовь? Девушкой не вздыхали по Ромео, который сказал бы: "И здесь есть свет, а ты, Лаура, солнце".

- Не думаю, хотя пьесу читала. Миленькая идеализированная басня. Интересно, скольким будущим Джулетам стояла она

разбитого сердца? Но на ваш вопрос я отвечу своим, моя дорогая Джейн. Неужели вы никогда не видели цикла рисунков Гойи "Ужасы войны"?

Розовый фургон повез меня не обратно в "Дом Матерей", пунктом нашего назначения оказалось более строгое, больничного вида здание, где меня суетливо уложили в постель в отдельной комнате. Утром после плотного завтрака меня навестили три врача. Они держались скорее приветливо, чем официально, и мы дружески проболтали около получаса. Очевидно они были хорошо осведомлены о моей беседе с историком Лаурой и не уходили от ответов на мои вопросы. Многие из них даже доставляли им удовольствие, хотя я этого понять не могла, потому что не находила в них ничего утешительного: все, что они рассказывали было до ненормальности практически, подчинено единой, раз и навсегда выработанной технологии. Однако под конец их настроение переменилось. Одна из них, перейдя на деловой тон, произнесла:

- Вы должны понять, что столкнули нас со сложной проблемой. Нельзя сказать, чтобы Матери были восприимчивы к недовольству, но вы за довольно короткий срок сумели возмутить и ошеломить их. Ваше влияние на более неустойчивые элементы может оказаться еще серьезнее. Дело даже не в том, что вы говорите, ваше отличие от других вытекает из всего вашего мировоззрения. Не вы в этом виноваты и, откровенно говоря, мы не видим, как вы, образованная женщина, смогли бы приспособиться к тому безмятежному и бездумному одобрению всего, что требуется от Матери. Ваше терпение быстро истощится. Да и те условности, что вбила вам в голову ваша система, не дадут вам отнестись к нам доброжелательно.

Я поняла, что это беспристрастное суждение обо мне было правдой. И я не могла его оспаривать. Перспектива провести остаток среди этих розовых, шпионящих, мягкотелых Матерей с регулярными перерывами на роды, несомненно, быстро выбила бы меня из колеи.

- И что же тогда? - спросила я. - Сможете вы уменьшить эту тушу до нормальных размеров?

Она покачала головой.

- Скорее всего, нет, - хотя не знаю, такого еще не делали. Но даже если бы и смогли, вряд ли вы сможете ужиться в Док-

торате, не говоря уже о вашей приверженности влиянию Реакционизма.

Это понимала и я.

- Что тогда?

Она поколебалась, но затем сказала:

- Единственное действенное средство, которое мы может предложить - это гипнотическая операция, заменившая бы вашу память.

Как только до меня дошло значение этих слов, мною овладела паника. Я боролась с ней, убеждая себя, что они, по крайней мере, разумно изложили свое предложение. И мне необходимо ответить так же. И несмотря на это, прошло несколько минут, прежде чем я смогла ответить дрожащим голосом.

- Вы просите, чтобы я совершила самоубийство. Моя память и мой ум - одно и то же: это я. Потеряв их, я умру так же верно, как если бы вы убили мое тело.

Им нечего было возразить на это.

В этой жизни у меня осталось только одно - память, что ты любил меня, мой милый, милый Дональд. Ты живешь теперь только там. Если умрет она - это станет твоей второй смертью, навсегда.

В течение дня мое одиночество нарушили лишь нашествия малюток, сгибавшихся под тяжестью пищи. В остальное время я была наедине с моими мыслями, а они едва ли веселили.

- Откровенно говоря, - как сказала мне не без сочувствия одна из врачей, - мы не видим другого выхода. Умственные расстройства - самый большой источник беспокойства для нас со временем катастрофы, они случаются ежегодно. Даже если пострадавшие загружали себя неимоверным количеством работы, многие из них не могли приспособиться. А вам мы не может предложить и этого.

Я понимала, что со своей стороны она честно меня предстерьгала. И я знала, что даже если галлюцинация, становящаяся день ото дня все реальнее, будет вынуждена растаять, я была в ловушке.

В течение долгого дня и последовавшей за ним ночи я упорно пыталась вернуть ту ясность, которую умудрилась внушить себе в самом начале, но не смогла. Я уже была не в состоянии справиться с наступившими на меня противоречиями, мои чувст-

ва слишком ясно свидетельствовали о реальности окружавшего мира, во всем настойчиво просматривался дух последовательности и логичности...

Отпустив мне на размышления 24 часа, в комнату явилось все то же трио.

- Я думаю, - сообщила я им, - что теперь лучше понимаю. То, что вы мне предлагаете - это безболезненное забвение, вроде того, что следует за умственным расстройством, Вы ведь не видите другого выбора?

- Нет, - согласилась главная из них, а две другие кивнули, - но во время гипноза нам, конечно, понадобится ваше содействие.

- Знаю, - ответила я, - и понимаю также, что в данной ситуации возражать было бы пустой тратой времени. Поэтому я... я... да, я готова согласиться, но на одном условии.

Они вопросительно посмотрели на меня.

- Оно вот в чем, - объяснила я. - Вы должны сперва попытаться применить другой способ. Я хочу, чтобы вы мне сделали инъекцию чайнжуатина. Пусть это будет та же доза, что и в первый раз, количество я вам назову. Видите ли, если это очень идеальная галлюцинация или что-то вроде проекции, что придает им большое сходство с действительностью, то они как-то связаны с этим медикаментом. Я должна обязательно попытаться, ничего подобного со мной никогда еще не происходило. Поэтому я подумала, что если воспроизвести те же условия - или, скажем, поверить в это - у меня будет хотя бы шанс... Не знаю. Может, это и глупо, но даже если ничего не выйдет, хуже ведь не будет? Так что, вы позволите мне попытаться...?

Все три с минуту соображали.

- Не вижу причин, почему бы и нет... - сказала одна.

Главная из них кивнула.

- Не думаю, чтобы в данной ситуации были сложности с санкцией, - согласилась она. - Если вы хотите попытаться, справедливо дать вам возможность, но... я не очень-то на это надеюсь.

Во второй половине дня появились шесть малюток слуг, поспешно приготовивших меня и мою комнату к опыту. Затем прибыла еще одна, везя огромный, выше ее роста столик на колесах, уставленный бутылками, подносами и пузырьками, который она подкатила ко мне.

Вошли сразу три врача. Одна из малюток стала закатывать мой рукав. Та врач, что говорила больше всех, взглянула на меня дружелюбно, но серьезно.

- Это же чистый риск, понимаете? - сказала она.

- Понимаю. Но это мой единственный шанс. И я хочу его использовать.

Она кивнула, взяла шприц и пока малютка протирала мою гигантскую руку, проверила его. Потом приблизилась к кровати и застыла в сомнении.

- Ну же! - попросила я. - Иначе что ждет меня здесь?

Она кивнула и вонзила иглу...

* * *

Все вышеизложенное написано мною намеренно. Оно будет храниться в моем банке непрочитанным, пока это не понадобится.

Я никому не рассказывала об этом. Доклад по воздействию чайнжуатина, сделанный мной доктору Хеллиеру, где я описала мои ощущения просто как полет в пространстве, лжив. Истина - в вышеизложенном. Я скрыла ее потому, что после возвращения, когда я обнаружила, что вновь нахожусь в моем собственном теле, в обычном нормальном мире, пережитое мной стало преследовать меня так же часто, как если бы это была действительность. Все в нем до мелочей было слишком живо, слишком ясно в памяти, и я не могла выбросить его из головы. Оно висело надо мной подобно угрозе и мысль о нем не покидала меня...

Я не осмелилась рассказать об этом доктору Хеллиеру, он бы назначил мне лечение. Если другие мои друзья и не принимали его достаточно всерьез, чтобы звонить в больницу, то это только потому, что смеялись надо мной и иронизировали по поводу содержания. Поэтому я продолжала молчать. Перебирая в уме еще и еще раз все произошедшее, я злилась на себя, что не расспросила пожилую леди о таких удобных для проверки мелочах, как даты и имена.

Если бы, к примеру, катастрофа по ее расчетам случилась несколько лет назад, то весь смысл угрозы растаял бы, он противоречил фактам. Но мне в голову не пришло задать столь элементарный вопрос... Но, продолжая думать об этом, я вспом-

нила, что есть все-таки одна деталь, которую можно проверить, и навела справки. Лучше бы я не делала этого, но что-то заставило меня...

Так я обнаружила, что Доктор Перриган существует, что он биолог и работает с кроликами и крысами... В своей области он хорошо известен. В ряде журналов напечатаны его статьи о борьбе с грызунами. Но нет никакого секрета в том, что он выводит новые вирусы миксоматозиса, предназначенные для истребления крыс, он уже создал целую группу и называет их "макозиморбус", хотя сделать вирусы устойчивыми или избирательными для использования ему пока не удалось.

Но я никогда не слышала об этом человеке или его исследованиях до того, как о них упомянула пожилая леди в "галлюцинации"... Я много думала об этом. Что же за тайну описала я выше? Если это что-то вроде предвидения неизбежного предопределенного будущего, никто не сможет изменить его. Но в этом я не вижу смысла, будущее предопределяет то, что случилось и случается сейчас. Следовательно, существует огромное число возможных будущих, каждое из которых - возможное следствие, и того, что происходит сейчас. Мне кажется, что под воздействием чайнжуатина я видела одно из них... Это было, я думаю, предостережение о том, что может случиться, если не предотвратить его...

Сама мысль об этом настолько отвратительна и порочна, она требует такого чудовищного исполнения естественного хода вещей, что не обратить внимание на такое предостережение - значит пренебречь долгом перед самим собой.

В силу этого я под свою собственную ответственность и не доверяясь никому более, делаю все возможное, чтобы то, что я описала, не произошло никогда.

На тот случай, если кого-либо несправедливо обвинят в содействии мне в том, что я намериваюсь сделать, этот документ должен быть использован. Вот почему я пишу его. Нельзя допустить, чтобы доктор Перриган продолжил свою работу, таково мое единственное решение.

Подписано: Джейн Четерлей.

Несколько мгновений стряпчий недоуменно рассматривал подпись, потом кивнул.

- А потом, - сказал он, - она села в машину, поехала к Перригану - и такой трагический результат.

Насколько я знаю ее, она, наверняка, приложила все усилия, чтобы убедить его оставить эти исследования, хотя вряд ли ожидала, что это ей удастся. Трудно представить себе человека, готового отказаться от многолетней работы из-за того, что должно казаться ему чем-то вроде гадания по картам. Поэтому ясно, что она ехала туда, приготовившись бороться не по правилам, если потребуется. Полиция, кажется, правильно предположила, что она застрелила его намеренно. Но они ошиблись, посчитав, что дом она сожгла, чтобы скрыть доказательства преступления. Из завещания вполне ясно, что ее основное желание было стереть исследования Перригана с лица земли.

Он покачал головой:

- Бедняжка! В последних двух страницах такое чувство долга, какая-то неведающая о последствиях святая простота, что движет мучениками. Она даже не отрицала, что сделала это. Но чего она не сказала полиции, это "почему" она это сделала.

Помолчав, он добавил:

- В любом случае, благодарю небо за этот документ. По крайней мере, он должен спасти ей жизнь. Я бы очень удивился, если подкрепленная этим ссылка на невменяемость провалит-ся. - Он щелкнул ногтями по рукописи. - Счастье еще, что она не отправила его в банк, как собиралась.

На изборожденном морщинками лице доктора Хеллиера была написана тревога.

- Как горько укоряю я себя за это, - сказал он. - Мне не следовало разрешать ей испытывать этот чертов медикамент, но я думал, что она все еще находится под потрясением от смерти мужа. Она старалась полностью загрузить себя работой и с нетерпением ждала опыта. Вы ее достаточно знаете, чтобы понять, какой целенаправленной может быть эта женщина. Для нее это был шанс внести свой вклад в медицину - и так оно и было. Но мне следовало быть более осторожным и заметить, что после эксперимента с ней было что-то неладно. Я несу всю ответственность за это несчастье, только я.

- Хм, - произнес поверенный, - как врачу вам сильно повредит, если вы дадите ход этому в качестве главного аргумента защиты, доктор Хеллиер.

- Возможно, и нет. Этим я займусь, когда подойдет срок. Дело в том, что помимо всего другого я нес за нее ответственность как за подчиненного. Нельзя отрицать, что если бы я отказался допустить ее до эксперимента, этого бы не случилось. Поэтому мне кажется, что мы обязаны отстоять констатацию невменяемости, что она была умственно повреждена воздействием медикамента, который назначил ей я. Если мы сможем выбрать такой приговор, ее направят для осмотра и лечения в психиатрическую больницу, может быть, на совсем короткий срок.

- Трудно сказать. Мы, конечно, можем сказать это адвокату и посмотреть, что он об этом думает.

- Это к тому же обосновано, - настаивал Хеллиер. - Такие люди, как Джейн, не совершают убийства, если они в здравом уме, и когда их припрут к стенке, они делают это очень рассудительно. И, конечно же, она не стала бы убивать совершенно незнакомого ей человека. Ясно, что медикамент вызвал у нее настолько яркую галлюцинацию, что она не смогла точно разграничить действительное и воображаемое. Она поверила фантазии и действовала в соответствии с нею.

- Да. Да, полагаю, можно думать и так, - согласился Стряпчий. Он снова взглянул на лежавшую перед ним кипу бумаг. - В общем, все это, конечно, бессмысленно, - сказал он, - и все же рассказ пропитан каким-то духом логичности. Интересно... - он печально замолчал и потом продолжил, - это исчезновение мужчин, Хеллиер. Она находит это не столько невозможным, сколько нежелательным. Для законоведа, считающего естественный порядок само собой разумеющимся, это кажется довольно странным, но что сказали бы вы как ученый-медик, возможно ли такое, ну, в теории?

Доктор Хеллиер нахмурился.

- Я всегда хотел, чтобы вопросам такого рода уделялось больше внимания. Объявить такое невозможным было бы слишком опрометчиво. Если же подходить к нему с точки зрения чистой абстракции, я вижу две или три линии решения... Конечно, если бы возникла совершенно невероятная ситуация, требующая таких исследований... Ну, вроде тех, в которых другиеились над атомом - кто знает? - Он передернул плечами.

Стряпчий вновь кивнул.

- Как раз это я хотел узнать, - заключил он.

- А в общем-то для такого достаточно лишь чуток сбиться с верного курса. Подумайте, если взять правдоподобность рассказа в сочетании с ее глубочайшей убежденностью, для защиты это должно помочь. Но, что касается меня, уже от такого предложения мне делается несколько не по себе.

Доктор резко взглянул на него.

- Ну и ну! Вот это да! А еще такой прожженный законник! Только не говорите мне, что собираетесь фантазировать. А если и собираетесь, то примите в расчет еще одно. Если бедняжка Джейн что и натворила, так это лишила свою собственную выдумку будущего. С Перриганом покончено, а все его исследования развеяны пеплом по ветру.

- Хм, - снова произнес стряпчий. - Все равно лучше было бы, если бы мы знали каким образом, кроме этого, - он постучал по кипе бумаг, - каким еще образом могла узнать она о Перригане и его исследованиях. Насколько известно, больше он никак не мог попасть в поле ее зрения - или, может быть, она интересуется ветеринарным делом?

- Нет. Я уверен в этом, - покачав головой, ответил Хеллиер.

- Тогда это так и остается неясным. Но есть еще вот что. Вы, наверное, считаете меня дураком, и время без сомнения докажет, что вы правы, но должен сказать, что, будь Джейн более внимательна, наводя справки перед убийством, я чувствовал бы себя чуточку спокойнее.

- То есть..? - озадаченно спросил доктор Хеллиер.

- А то, что она, кажется, не выяснила, что есть еще и сын. Но он есть, понимаете? Он интересуется почти тем же, чем и отец, и считает, что медлить тут нельзя. Он даже успел уже заявить, что будет продолжать дело отца с несколькими уцелевшими от пожара микробами... Весьма похвально для сына, вне всякого сомнения. Но все же меня пугает еще чуточку больше то, что он также является доктором наук, биохимиком, и, что вполне естественно, его имя тоже Перриган...

СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ

В конце декабря 1958 года в контору юридической фирмы "Кроуптори, Дэггит и Хоуи" на улице Бэдфорд зашел мр. Реджи-

нальд Астер. Там он был встречен уже поджидавшим его мр-ром Фраттоном, любезным молодым человеком едва старше 30 лет, но уже тогда являвшимся главою этого предприятия, унаследованного от покойных господ Кропторна, Дэггита и Хоуи.

Когда м-р Фраттон сообщил м-ру Астеру, что по статье завещания умершего недавно сэра Эндрю Винселла он является наследником 6 тыс. обычных акций Британской компании "Винвинил Лимитид", м-р Астер, как выразился м-р Фраттон позднее в разговоре с коллегой, был так потрясен, что некоторое время не мог ничего взять в толк.

В статье завещания, касавшейся мистера Астера, добавлялось, что все это сделано "в признательность за наиценнейшую услугу, которую он мне однажды оказал". Характер этой услуги не был точно оговорен, профессиональная скромность мистера Фраттона запрещала ему дальнейшие расспросы, но вряд ли завеса, скрывавшая его любопытство, была достаточно непрозрачна.

Эта неожиданная удача, оценившаяся тогда как раз по 83 фунта и 6 пенсов за акцию, пришла мистеру Астеру как нельзя кстати. Реализация небольшой части акций дала ему возможность разрешить пару неотложных вопросов, и по ходу дел он и мистер Фраттон встретились еще несколько раз. Наконец, пришло время, когда последний, подстегиваемый любопытством, приступил чуть ближе к границе осторожности, чем он обычно себе позволял, чтобы заметить вскользь:

- Вы ведь не слишком хорошо знали сэра Эндрю?

Это было своего рода вступление, которое мистер Астер мог смело отвергнуть, если бы захотел, но в действительности он не сделал и попытки отразить удар. Вместо этого он погрузился в задумчивость и испытывающе разглядывал мистера Фраттона.

- Да, встретился с ним однажды, - произнес он. - Мы провели вместе где-то часа полтора.

- Примерно так я и предполагал, - сказал мистер Фраттон, давая своему замешательству стать чуть более заметным.

- Где-то в прошлом июне, не так ли?

- 25 июня, - подтвердил мистер Астер.

- Но перед этим - никогда?

- Ни до - ни после.

Мистер Фраттон озадаченно покачал головой.

После паузы мистер Астер сказал:

- Есть в этом всем, знаете ли, что-то вовсе уж непонятное.
- Мистер Фраттон кивнул, но не сделал никакого ответного замечания. Астер продолжил:

- Хотелось бы... ну... послушайте, вы не отобедаете со мной завтра?

Мистер Фраттон согласился, и когда на следующий день с обедом было покончено, они удалились с кофе и сигарами в тихий уголок клубной гостиной, после нескольких минут размышлений мистер Астер произнес:

- Надо сказать, что я чувствовал бы себя счастливее, будь этот случай с Винселлом хоть чуточку яснее. Я не вижу... гм!.. во всем этом есть что-то необычное. Так и быть, расскажу вам всю эту историю. Вот как все было.

Вечер 25 июня выдался приятный, в отличие от самого лета. Чтобы получить побольше удовольствия, я решил прогуляться с работы до дома. Совершенно не спеша и раздумывая, не завернуть ли мне куда-нибудь выпить, я вдруг увидел старину Винселла. Он стоял на тротуаре, на улице Танет, держась за поручни одной рукой и, с выпученными от изумления глазами, ошеломленно оглядывался вокруг себя.

Видите ли, в нашей части Лондона, как вы знаете, всегда много иностранцев со всего света, особенно летом, и достаточное число их выглядит слегка потерянно. Но старик Винселл - ему было уже где-то за 70, как я решил - не имел к ним никакого отношения. Конечно, он был не турист. И действительно, "элегантный" - вот то слово, что пришло мне в голову, когда я его увидел. У него была седая аккуратно подстриженная остроконечная бородка, тщательно вычищенная черная фетровая шляпа, темный костюм превосходной ткани и покроя, на нем были дорогие ботинки, таким же был и его умеренно яркий шелковый галстук. Не то чтоб в наших краях такие господа, как старик Винселл, были нам совсем уж в диковинку, но к нам они редко заглядывают, а чтобы так, один, да еще с выпученными от изумления глазами. Пара людей, шедших передо мной, коротко взглянули на него, машинально отметили про себя его состояние и прошли мимо. Но я этого не сделал, мне показалось, что он просто напился, более того, он действительно был как-будто бы напуган.

Поэтому я остановился перед ним.

- С вами все в порядке? - спросил я его. - Может, вызвать такси?

Он повернулся и посмотрел на меня. В его глазах было изумление, но лицо было интеллигентным, слегка аскетичным и узким, что еще сильнее подчеркивали заросшие седые брови. Пожале, что он только с трудом сосредоточил на мне внимание, его ответ был еще медленнее и сделан с усилием.

- Нет, - неуверенно сказал он. - Нет, спасибо. Я... Со мной все в порядке.

Мне показалось, что это не вполне было правдой, но не высказал он и явного нежелания разговаривать со мной, поэтому, попытавшись один раз, я не собирался оставить его вот так.

- Вас что-то потрясло? - спросил я его.

Его глаза следили за машинами на проезжей части. Он кивнул, но ничего не сказал.

- Через пару улиц отсюда есть больница... - начал я. Но он затряс головой.

- Нет, снова ответил он. - Я буду в порядке минуты через две.

Он все еще не просил меня уходить, и у меня было чувство, что он не совсем хочет этого. Его глаза смотрели то в одну сторону, то в другую, и затем взгляд снова обращался на него самого. Тогда он становился совершенно неподвижен и напряжен, уставясь на свою одежду с сильным удивлением, которое не могло быть не искренним. Отойдя от ограды, он поднял руку, чтобы разглядеть рукав, потом заметил кисть руки - красивой, ухоженной руки, но худой от возраста, с иссохшими суставами, выступающими голубыми венами. На мизинце было надето кольцо с печаткой...

Все мы читали про глаза навыкате, но это был единственный раз, когда я их видел. Казалось, что они готовы выскоить из орбит, а вытянутая рука начала мучительно дрожать. Он попытался что-то сказать, но ничего не вышло. Я начал бояться, что у него может случиться сердечный приступ.

- Больница... - начал я снова, но он еще раз покачал головой.

Я не знаю точно, что надо делать, но подумал, что ему следует присесть, да и брэнди в таких случаях частенько помогает. Он не ответил ни да, ни нет на предложение зайти куда-нибудь,

но послушно пошел за мной через улицу в отель "Вилсбурн". Я провел его к столику в тамошнем баре и послал за двойным брэнди для каждого из нас. Когда я отвернулся от официанта, старик сидел, уставившись в другой конец комнаты с выражением ужаса. Я тут же взглянул туда. Он смотрел на себя самого в зеркале.

Не отрываясь глядя в него, Винселл снял шляпу и положил ее рядом на стул, затем поднял все еще трясущуюся руку, чтобы дотронуться сперва до своей бороды, а затем до красивых серебристых волос. После этого он сел совершенно неподвижно, тараща глаза.

Я почувствовал облегчение, когда принесли брэнди. Он, видимо, тоже. Добавив туда немного содовой, он выпил весь бокал. Сейчас же рука стала спокойнее, на щеках выступил едва заметный румянец, но он продолжал, не отрывая взгляда, смотреть в другой конец комнаты. Затем с внезапным видом решимости поднялся.

- Извините меня, на минутку, - вежливо сказал он.

Старик пересек комнату. Добрых две минуты он стоял перед зеркалом, изучая себя вблизи. Затем отвернулся и пошел обратно. Хотя и не вполне уверенный, у него был вид большей решимости и он сделал знак официанту, указав на наши бокалы.

С любопытством глядя на меня, он сказал, сев обратно на свое место:

- Я прошу вас извинить меня. Вы были чрезвычайно любезны.

- Что вы, вовсе нет, - уверил его я. - Был рад помочь.

- Вас верно что-то здорово потрясло?

- Гм... даже несколько раз, - признался он и добавил, - забавно, до чего реальным может выглядеть сон, когда даже и не догадываешься, что спишь.

На это трудно было что-то ответить, и поэтому я и не пытался.

- Сперва вроде бы и не нервничашь, - добавил он с некоторой принужденной веселостью.

- Что случилось? - спросил я, чувствуя, что до сих пор не могу взять в толк смысл его слов.

- Это моя вина, полностью моя вина, но я спешил, - объяснил он. - Я стал переходить улицу перед трамваем, когда вдруг уви-

дел еще один, идущий в противоположную сторону почти передо мной. Могу предположить только то, что, должно быть, он меня сбил.

- Да, - сказал я. - Мм... да, конечно. Мм... где это случилось?

- Как раз здесь, на улице Танет, - сообщил он мне.

- Вы... вы, кажется, ничуть не ушиблись, - заметил я.

- Не совсем, - согласился он с сомнением. - Да, кажется, не ушибся.

Он ничуть не пострадал, даже не запачкался. Его одежда, как я уже сказал, была безупречна - кроме того, трамвайную линию перенесли с улицы Танет около 25 лет назад. Я раздумывал, должен ли я ему это сказать, но затем решил подождать с этим. Официант принес наши бокалы. Старик потрогал карман жилетки и посмотрел на него в оцепенении.

- Мой кошелек! Мои часы! - воскликнул он.

Я рассчитался с официантом, дав ему один фунт. Старик внимательно наблюдал, как официант отсчитал мне сдачу и отошел.

- Если вы извините меня, - сказал я. - Думаю, это потрясение вызвало у Вас потерю памяти. Вы... э-э... помните, кто Вы такой?

Все еще держа пальцы в кармане жилетки и с подозрительностью в глазах, он тяжело уставился на меня.

- Кто я такой? Конечно помню. Я - Эндрю Винселл. Живу в двух шагах отсюда, на улице Харт.

Я поколебался, а затем сказал:

- Тут недалеко была улица Харт. Но ее название изменили, кажется, в 30-х, во всяком случае до войны.

Искусственная уверенность, которую он старался у себя вызвать, покинула его и несколько минут он сидел совершенно неподвижно. Затем он запустил руку во внутренний карман пиджака и вытащил оттуда бумажник. Он был сделан из хорошей кожи, имел золотые уголки и тиснение из инициалов Э.В. Старик с интересом уставился на него. Потом раскрыл. Из левого отделения он вытащил чек на один фунт и озадаченно нахмурился над ним. Дальше последовал чек на 5 фунтов, который, казалось, озадачил его еще больше.

Не говоря ни слова, он еще раз поискал в кармане и вытащил оттуда тонкую книжечку, составлявшую комплект с бумажником. На ней в нижнем правом углу тоже были инициалы Э.В., а

в верхнем было вытеснено "Дневник 1958". Он держал ее некоторое время в руке, разглядывая, прежде чем поднял глаза на меня.

- Пятьдесят восьмой? - неуверенно произнес он.

- Да, - сказал я ему.

Последовала долгая пауза, затем:

- Не понимаю, - совсем по-детски произнес он. - Моя жизнь! Что стряслось с моей жизнью?

Его лицо сморщилось и стало жалким.

Я пододвинул к нему бокал и он выпил немного бренди. Открыв дневник, он посмотрел внутрь на календарь.

- Боже мой! - произнес он. - Это слишком похоже на действительность. - Что... что со мной произошло?

Я сочувственно ответил:

- Видите ли, частичная потеря памяти нередка после потрясений. Через некоторое время память, как правило, возвращается в норму. Предлагаю вам заглянуть туда, - я указал на бумажник, - очень может быть, что-нибудь там напомнит вам обо всем.

Он поколебался, но потом открыл правое отделение. Первое, что он вытащил, был цветной снимок, очевидно, семейная фотография. В центре стоял он сам, моложе лет на 5 или 6, в костюме из твида, черты другого мужчины, лет около 45, носили фамильное сходство с ним. Были там также две женщины помоложе и две девочки и два мальчика в возрасте от 10 до 15 лет. На фоне за ухоженным газоном виднелся старинный дом XVIII века.

- Не думаю, чтобы Вам надо было беспокоиться за свою жизнь, - сказал я. - Она, кажется, была вполне удовлетворительной.

Затем последовали три визитные карточки, разделенные тканью, просто гласившие: сэр Эндрю Винселл, но не дававшие адреса. Там же был конверт, адресованный тому же лицу, Британская компания "Пластмассы Винвенил Лимитид", где-то в Лондоне.

Он покачал головой, сделал еще глоток из своего бокала, снова взглянул на конверт и невесело рассмеялся. Затем с видимым усилием он овладел собой и сказал решительно:

- Какой-то глупый сон, как же это обычно просыпаются? Он закрыл глаза и твердым тоном объявил: - Я Эндрю Винселл. Мне 23 года. Живу на улице Харт, 48. Сейчас прохожу обучение по

контракту в фирме "Пенберти и Тралл", присяжная бухгалтерия, площадь Блумсбери, 102. Сейчас 12 июля 1906 года. Сегодня утром меня сбило трамваем на улице Танет. Должно быть я здорово ударился и все это время страдаю галлюцинациями. Итак!

Он открыл глаза и выразил искреннее удивление, найдя меня все на том же месте. Затем он свирепо посмотрел на конверт и выражение его лица стало брюзгливым.

- Сэр Эндрю Винселл! - издал он презрительное восклицание. - И "Пластмассы Винвинил Лимитид". Какого дьявола все это значит?

- Не думаете ли Вы, - предположил я, - что, судя по всему, вы член этой фирмы, по виду один из ее директоров, я бы сказал.

- Но я же вам говорю, - вмешался он. - Что такое пластмасса? Ничего это мне не говорит, кроме как моделирование клея. Что могу я иметь общего с kleem?

Меня охватило сомнение. Выглядело так, будто потрясение, каково бы оно не было, вырезало из его памяти около 50 лет. Возможно, подумал я, если мы заговорим о деле, которое по всему было для него близким и важным, наш разговор разбудит некоторые воспоминания. Я постучал по поверхности стола.

- Вот это, к примеру, пластмасса, - сообщил я ему.

Он исследовал ее и щелкнул по ней ногтями.

- Я бы это так не назвал. Это же очень твердое, - заметил он.

Я постарался объяснить.

- Она была мягкой до того, как затвердела. Существует множество видов пластмасс. Эта непельница, обивка вашего стула, эта ручка, обложка моей чековой книжки, плащ von той женщины, ее сумочка, ручка ее зонтика, десятки других вещей вокруг вас - даже ткань моей рубашки из пластмассового волокна.

Он не сразу ответил, а сидел переводя взгляд от одной вещи к другой с растущим интересом. В конце концов он снова повернулся ко мне. На этот раз его глаза смотрели в мои с огромным напряжением. Его голос слегка дрогнул, когда он еще раз спросил:

- Это действительно 1958 год?

- Конечно, 58-ой, - уверил я его. - Если Вы не верите собственному дневнику, за стойкой висит календарь.

- Никаких лошадей, - пробормотал он про себя. - И деревья на площади выросли так сильно... сон не бывает таким последовательным в деталях, ну, не до такой степени... - он остановился, потом вдруг:

- Боже мой! - застонал он, - Боже мой, если это в самом деле... - он повернулся ко мне снова с нетерпеливым блеском в глазах. - Расскажите мне об этих пластмассах, - срочно потребовал он.

Я не химик и знаю о них не больше, чем любой другой. Но он по-видимому был в нетерпении и, кроме того, как я уже сказал, мне подумалось, что близкая ему тема сможет помочь оживить его память. Поэтому я решил попытаться. Я указал на пельницу.

- Вот эта, кажется, наиболее напоминает пластмассу Бейнлайта, если так, то это одна из самых первых пластмасс, полученных при помощи термоустановок. Человек по имени Бейнлайт запатентовал ее примерно в 1909 году, насколько я помню. Что-то связанное с фенолом и формальдегидом.

- Термоустановка? Что это такое? - стал он выспрашивать.

Я постарался ответить наилучшим образом и затем продолжил объяснять то немногое, что я успел нахвататься о молекулярных цепях и связях, полимеризации и т.д., некоторые их характеристики и использование. Он ни в чем не дал мне почувствовать себя так, будто я пытаюсь учить собственную бабушку. Наоборот, он слушал со сосредоточенным вниманием, иногда повторял слово, как бы пытаясь утвердить его в своем мозгу. То, что он так тщательно меня слушает, льстило моему самолюбию, но я мог не обманывать себя, что это хоть сколько-нибудь восстанавливает его память.

Мы - по крайней мере я - проговорили около часа, и все это время он сидел серьезный и напряженный, с крепко сцепленными ладонями. Тут я заметил, что действие брэнди ослабло, и он опять далеко не в лучшем состоянии.

- Я действительно думаю, что пора мне проводить вас домой, - сказал я ему. - Вы можете вспомнить где вы живете?

- Улица Харт, 48, - произнес он.

- Нет, я имею в виду, где вы теперь живете, - настаивал я.

Но он уже не слушал. На его лице все еще была написана огромная сосредоточенность.

- Если бы только я смог вспомнить... если бы только я смог вспомнить, когда проснусь, - бормотал он безнадежно, скорее для себя, чем для других. Затем он снова поднял глаза на меня.

- Как вас зовут? - спросил он.

Я ответил.

- Это я тоже запомню, если, конечно, смогу, - заверил он меня на полном серьезе.

Я перегнулся через стол и приподнял обложку не его дневнике. Его имя и адрес где-то в начале улицы Гросвенор были на форзаце. Я сложил бумажник и дневник вместе и вложил их ему в руку. Он спрятал все автоматически в карман, и пока швейцар вызывал нам такси, сидел с совершенно отсутствующим видом.

Пожилая женщина, скорее всего экономка, открыла нам дверь впечатляющей квартиры. Я посоветовал ей позвонить врачу сэра Эндрю и оставался там до тех пор, пока он не приехал, чтобы объяснить ситуацию.

На следующий день я позвонил туда выяснить, как он себя чувствует. Мне ответил более молодой женский голос. Она сообщила, что сэр Эндрю хорошо выспался после болеутоляющего, проснулся несколько утомленным, но вполне самим собой, без каких-либо признаков потери памяти. Доктор не видел никаких причин беспокоиться. Она поблагодарила меня за то, что я о нем позаботился и привез его домой - и все.

Я действительно забыл про этот случай, пока не увидел в газете объявление о его смерти в декабре.

Мистер Фраттон некоторое время воздерживался от замечаний, потом вытащил изо рта сигару, хлебнул кофе и сказал, не вполне логически обоснованно:

- Странно это.

- Вот и я тоже думал... думаю, - подтвердил мистер Астер.

- Я имею в виду, - продолжил мистер Фраттон, - я имею в виду, что вы, конечно, оказали ему полезную услугу, без всяких сомнений, не едва ли - вы меня простите - едва ли такую, которую можно оценить в 6 тыс. одно фунтовых акций, оцениваемых в 13 фунтов и 6 пенсов.

- Именно так, - согласился мистер Астер.

- Что еще непонятнее, - продолжил мистер Фраттон, - так это то, что встреча ваша случилась прошлым летом. Но завещание, содержавшее упоминание о вас, было составлено и подпи-

сано 7 лет назад. - Он снова многозначительно вынул сигару изо рта. - И я не вижу здесь нарушения доверенности, если скажу вам, что ему предшествовало другое, написанное 20 лет назад, где присутствовал тот же пункт. - И он углубился в размышления о своем собеседнике.

- Я уже махнул рукой на это, - сказал мистер Астер.

- Но если Вы коллекционируете странный случаи, Вы, может быть пожелаете взглянуть на это?

Он достал записную книжку и вынул оттуда газетную вырезку. Полоска бумаги гласила: "Некролог. Сэр Эндрю Винселл - пионер в производстве пластмасс". Мистер Астер выделил абзац в середине колонки и зачитал его:

"Любопытно отметить, что в юности сэр Эндрю ничем не предвосхитил свои более поздние интересы и даже некоторое время был в обучении по контракту в фирме присяжных Бухгалтеров. Тем не менее, в возрасте 23 лет, летом 1906 года, он резко и довольно неожиданно прервал свою учебу и посвятил себя химии. За несколько лет он сделал первые из тех важных открытий, на которых впоследствии была построена его компания".

- Гм! - произнес мистер Фраттон. Он внимательно поглядел на мистера Астера. - Он был сбит трамваем на улице Танет в 1906 году.

- Конечно. Он же сам об этом сказал, - ответил мистер Астер.

Мистер Фраттон покачал головой.

- Все это очень подозрительно, - заметил он.

- И в правду странно, - согласился мистер Астер.

ПЕТЛЯ ВО ВРЕМЕНИ

На той стороне дома, что находилась в тени, было жарко. Мисс Долдерсон поближе подкатила кресло к открытому двухстворчатому окну, доходившему до пола, так, чтобы голова оставалась в тени, а тело нежилось на солнце.

Откинув голову на подушку, она смотрела в окно.

Там все было для нее вне времени.

За ровным газоном стоял неизменный кедр, она догадывалась, что его однообразно распустертые сучья должно быть

вытянулись еще немнога с той поры, когда она была ребенком. Но трудно было это утверждать. Дерево казалось огромным тогда, огромным казалось оно и теперь. Чуть дальше живая изгородь на границе участка была такой же подстриженной, опрятной, как и всегда. По обе стороны ворот в рощицу все еще топорщились два куста, подстриженные в виде не поддающихся определению птичек: Куки и Олли - чудесно, что они еще были там, хоть перья в хвосте Олли и стали слишком ветвистыми от времени.

Клумба, слева перед зарослями кустарника, пестрела красками, как и прежде - ну, возможно, немнога ярче; было такое ощущение, что цветы со временем становятся чуть резче в своих очертаниях, оставаясь все же восхитительными.

Рощица за оградой, однако, немного изменилась, прибавилось больше молодых деревьев, а некоторые из тех, что побольше, исчезли. Между ветками, там где в былые времена не было никаких соседей, проглядывала черепичная крыша. Если бы не это, можно было бы забыть на мгновение всю прожитую жизнь.

Послеполуденная дремота, когда отдыхают птицы, жужжение пчел, нежный шелест листьев, стук мяча о ракетку с теннисного корта за углом, и случайный выкрик счета. Это мог бы быть любой солнечный летний полдень из 50 или 60 прожитых лет.

Мисс Долдерсон улыбнулась всему, что она так любила, любила еще тогда, когда была девочкой, а теперь еще больше.

В этом доме она родилась, в нем она выросла, вышла замуж, вернулась в него после смерти отца, вырастила двух детей, состарила... Через несколько лет после второй войны она чуть было не потеряла его - но не совсем, и вот она все еще здесь...

Это Харольд сделал такое возможным. Умный мальчик и чудесный сын. Когда стало совсем ясно, что она больше не сможет содержать дом и его придется продать, это Харольд смог уговорить правление своей фирмы купить его. "Их интересует, - сказал он, - участок, как и любого другого покупателя". Сам по себе дом теперь уже не имел почти никакой цены, но месторасположение его было удобным. По условию продажи 4 комнаты на южной стороне были превращены в квартиру, которая предназначалась для нее на все оставшиеся дни жизни. Остальное стало общежитием, обеспечивающее жильем где-то около 20-ти молодых людей, работавших в лабораториях и конторах, которые

располагались теперь на северной стороне, на месте конюшни и части выгона. Когда-нибудь, она знала, старый дом снесут, она видела чертежи, но в настоящем, пока она жива, оба они, и дом, и сад с юга и запада, могли оставаться нетронутыми. Харольд заверил ее, что они не понадобятся еще лет 15-20, намного дольше, чем ей будет нужно...

Не жалеет она по-настоящему, спокойно думала мисс Долдерсон, и того, что надо уходить. В старости становишься бесплезной, а теперь, когда ей было необходимо кресло на колесах, еще и обузой для других. У нее появилось чувство, что она уже не принадлежит этому миру, что она стала посторонней в мире других людей. Он так изменился, этот мир: сперва она перестала его понимать, когда же мир еще более усложнился, оставила всякие попытки понять его.

Харольд был милым мальчиком, и ради него она старалась не казаться слишком глупой - но часто это было трудным для нее...

Сегодня за завтраком, к примеру, он был так возбужден из-за какого-то эксперимента, который они должны были провести после полудня. Ему необходимо было поговорить о нем, хотя даже он должен был знать, что практически ничего из его речи она понять не могла. Что-то опять про измерения - это более всего запало ей в память, но она только кивала и не пыталась вникать дальше. В последний раз, когда возникла эта тема, она заметила, что в ее молодости их было только три, и она не могла понять, как даже самый сильный прогресс в мире мог добавить еще что-то. Это дало ему повод прочесть целую лекцию про взгляд математика на мир, существование которого он, очевидно, был в состоянии воспринимать лишь через серию измерений. Даже момент существования относительно времени был, казалось, своего рода измерением. "С философской точки зрения...", - начал объяснять Харольд; тут она сразу же потеряла ход его мыслей, он вел прямо к неразберихе. В душе она была уверена, что в ее молодости философия, математика и метафизика, как науки, были в достаточной мере раздельны - в теперешнее же время, они, как оказалось, были совсем непонятно соединены вместе. Поэтому, на сей раз, она слушала молча, издавая тихие, подбадривающие восклицания, пока он уныло не улыбнулся и не сказал, что она была так мила и терпелива с ним.

После того он обошел вокруг стола и поцеловал ее нежно в щеку, положа ей руку на плечо, и она пожелала ему удачи в послеобеденном таинственном эксперименте. Потом вошла Дженин убрать со стола, и подкатила ее ближе к окну...

Тепло солнцевого послеполуденного времени унесло ее в полудрему, на 50 лет назад, как раз к тому дню, когда она сидела у того самого окна - конечно же, и не помышляя о кресле-качалке, ожидая с болью в сердце Артура..., а Артур так никогда и не пришел...

Странно, как порой все решает случай. Если бы Артур пришел в тот день, она почти точно вышла бы за него замуж. И никогда бы не родились Харольд и Синтия. У нее были бы, конечно, дети, но не Харольд и Синтия. Какая странная, случайная вещь - чье-то существование... только сказав "нет" одному человеку и "да" другому, женщина дает, возможно, существование потенциальному убийце... Как глупы они все в теперешние дни, пытаясь увязать все вместе, сделать жизнь безопасней, в то время как за их спиной, в прошлом каждого, простирается в бездну, заполняемый случаем, ряд женщин, сказавших "да" или "нет", как им это вздумалось...

Странно, к чему ей теперь вспоминать Артура, должно быть, годы прошли с тех пор, как она думала о нем...

Она была совершенно уверена, что он сделал бы ей предложение в тот день. Это было до того, как она впервые услышала о Колине Долдерсоне. И она согласилась бы. Да, да, несомненно.

Но объяснений никаких не последовало. Она никогда не узнала, почему он не пришел тогда - или после. Он так и не написал ей: 10 днями или, скорее, 2-мя неделями позже была краткая записка от его матери, сообщавшей, что он был болен, и что доктор посоветовал отправить его заграницу. Но после этого - ничего больше до того дня, когда она увидела его имя в газете, более 2-х лет спустя.

Она некоторое время очень сердилась, конечно, испытывая уязвление своей девичьей гордости, и даже душевную боль.

И все-таки кто знает, что было бы лучше в конце концов? Были бы его дети так же дороги ей, и настолько добры, и умны как Харольд и Синтия...

Такая неопределенность случая... Все эти гены и другие вещи, о которых они говорят теперь...

Глухой стук теннисных мячей прекратился, игроки ушли скорее всего обратно к своим ремонтным работам.

Продолжали деловито жужжать пчелы, там же с дилетантским и беззаботным видом порхали с полдюжины бабочек. За ними мерцали в поднимавшемся от земли тепле деревья. После полуденная дремота стала всесильной. Мисс Долдерсон не сопротивлялась ей. Она откинула назад голову, смутно отметив про себя, что где-то начался другой жужжащий звук, выше по частоте, чем у пчел, но не настолько громкий, чтобы раздражать. Она сомкнула веки...

Неожиданно, всего лишь в нескольких ярдах, в той части дорожки, что вне поля зрения, послышались шаги. Звук их начался совсем внезапно, как если бы кто-то только что ступил на дорожку с травы, но тогда она увидела бы кого-нибудь, проходящего по саду... Одновременно послышался звук голоса, напевавшего баритоном, но не громко, ка бы для себя. Он тоже начался совсем неожиданно, даже на полуслове: "... жизни это делает, делает, делает...".

Голос внезапно прервался. Шаги тоже замерли. Глаза мисс Долдерсон были теперь открыты - широко открыты. Ее тонкие руки нашупали ручку кресла. Она мысленно воспроизвела тембр умолкнувшего голоса, более того, она даже была уверена в нем - после всех этих лет... "Глупый сон", - сказала она себе... Она вспомнила его всего за несколько минут до этого, перед тем как закрыла глаза... Как глупо!

И все же, это было до странности не похоже на сон. Все было так резко и ясно, так похоже на действительность. Ручки кресла были вполне материальными под ее пальцами...

Другая мысль проскользнула в ее мозг. Она умерла. вот посему это не похоже на обычный сон. Сидя здесь на солнце, она, должно быть, тихо скончалась. Доктор говорил, что это может случиться совсем неожиданно... И вот - случилось!

На какой-то краткий миг она почувствовала облегчение, не потому, что она боялась смерти, а потому что до этого было ощущение большого испытания впереди. Теперь оно ушло, а самого испытания так и не было.

Так же просто, как заснуть. Она почувствовала неожиданно радость от этого, быть может даже оживление...

Хотя было странно, что она, кажется, все еще привязана к креслу.

Гравий скрипнул под сдвинувшейся ногой. Изумленный голос произнес:

- Вот чудно! До жути странно. Что же, черт возьми, случилось?

Мисс Долдерсон сидела в кресле, не шелохнувшись. У нее не было никаких сомнений насчет голоса.

Пауза. Было слышно, как кто-то переминается с ноги на ногу, как бы неуверенно. Затем пошли вперед, но теперь медленно. В поле ее зрения попал молодой человек. О, он выглядел так молодо, этот человек. Она почувствовала как защемило ее сердце.

Он был одет в полосатый блейзер и белые фланелевые брюки. Вокруг шеи был повязан шелковый шарф, а на затылке сидела соломенная шляпа с цветным бантом. Его руки были засунуты в карманы брюк, под мышкой - теннисная ракетка.

Она увидела его сначала в профиль, и не в самом лучшем виде, так как выражение лица у него было изумленное, а рот слегка открыт, когда он глядел в сторону рощицы, на одну из черепичных крыш за нею.

- Артур, - нежно произнесла мисс Долдерсон.

Он был поражен. Ракетка выскользнула и со стуком упала на дорожку. Он попытался поднять ее, снять шляпу и восстановить свое спокойствие - все это в одно и то же время, и вполне безуспешно. Когда он расправился, его лицо было пунцовыми, и все еще смущенным.

Он посмотрел на старую леди в кресле, чьи колени были укрыты пледом, а тонкие руки сжимали ручки кресла. К его растущему смущению примешалась тревога. Потом взгляд снова остановился на лице старой леди. Она внимательно его разглядывала. Он не мог припомнить, чтобы когда-нибудь видел ее до этого, не понимая, кто бы это мог быть - и все же в ее глазах было, казалось, что-то едва-едва знакомое.

Она опустила взгляд на свою правую руку. С мгновение изучала ее, как будто озадаченная немного, потом снова подняла глаза на него.

- Ты меня не знаешь, Артур? - тихо спросила она.

В ее голосе была нотка грусти, которую он принял за разочарование, с оттенком укора.

- Я... Я боюсь, что нет, - сознался он. - Видите ли, я... м-м... Вас... м-м..., - он замялся, а потом продолжал безнадежно: - Вы, должно быть, тетя Тельмы... мисс Кильдер?

Она смотрела не отрываясь на него несколько мгновений. Он не понял выражения ее глаз, но тут она ответила:

- Нет. Я не тетя Тельмы.

Снова его взгляд ушел вглубь комнаты, за нее. На этот раз он в изумлении покачал головой.

- Все по-другому. Нет, как-то наполовину по-другому, - сказал он в огорчении. - Послушайте, я не мог зайти не в тот... - он смолк и обернулся поглядеть на сад еще раз. - Нет, конечно не это, - ответил он решительно сам себе.

- Но что..., что случилось?

Его удивление переросло обычное, он выглядел потрясенным. Его изумленные глаза снова вернулись к ней.

- Пожалуйста..., я не понимаю, откуда Вы меня знаете? - спросил он.

Его усиливающееся расстройство обеспокоило ее и заставило быть осторожнее.

- Я узнала тебя Артур. По-моему, мы встречались раньше.

- Разве? Я не могу припомнить... Мне очень неудобно...

- Ты выглядишь нездоровым, Артур. Пододвинь этот стул и немного отдохни.

- Благодарю, мисс... э-э... мисс??

- Долдерсон, - подсказала она ему.

- Благодарю, мисс Долдерсон, - сказал он, слегка нахмурившись, пытаясь отыскать имя в памяти.

Она наблюдала, как он ближе подтащил стул. Каждое движение, каждая черточка были родными, даже локон русых волос, что всегда падал на лоб, когда он нагибался. Он сел и с минуту молчал, уставясь через сад из-под нахмуренных бровей.

Мисс Долдерсон тоже сидела тихо. Она была изумлена едва ли меньше его, хотя старалась не выдать этого. Несомненно, что мысль о смерти была вовсе глупой. Она ощущала себя, как обычно, все еще в каталке, с сознанием боли в спине, с сознанием возможности нащупать ручки кресла и почувствовать их.

Это все же был не сон - все было слишком вещественным, слишком реальным, каким не бывают никогда вещи во сне. И даже слишком ощутимыми, не такими ли, какими они были бы, будь на месте Артура любой другой молодой человек..?

Не была ли это галлюцинация? - обман ее мозга, навязавший лицо Артура совершенно другому.

Она взглянула на него. Нет, не это, он откликнулся на имя "Артур". Несомненно, он и был Артуром - и одет в его блейзер... И не стригутся так в настоящем времени, и прошли годы и годы с тех пор, как она видела, чтобы молодой человек носил соломенную шляпу...

Что-то вроде привидения...? Но нет, он был из плоти и крови, стул скрипел, когда он садился, гравий хрустел под его ботинками... Кроме того, слышал ли кто когда-либо о привидении в виде глубоко изумленного молодого человека и, тем более, совсем недавно порезавшемся во время бритья..?

Он резко прервал ее мысли, повернув голову.

- Я думал, что Тельма будет здесь, - сказал он ей. - Она обещала это. Пожалуйста, скажите мне, где она?

"Как маленький испуганный мальчик", - подумала мисс Долдерсон. Ей хотелось успокоить его, а не испугать еще больше. Но она ничего не могла придумать, кроме как:

- Тельма отсюда недалеко.

- Я должен ее найти. Уж она то будет в состоянии объяснить то, что случилось, - он приподнялся, чтобы встать.

Мисс Долдерсон взяла его за руку и нежно заставила сесть обратно.

- Подожди немного, - сказала она ему. - Что же, как тебе кажется, случилось, что так сильно беспокоит тебя?

- Это, - сказал он, махнув рукой на все вокруг него. - Оно все другое, и все такое же, и все же нет... Я чувствую будто... будто я немного сошел с ума.

Она пристально посмотрела на него и потом покачала головой.

- Я не думаю. Скажи мне, что-то не в порядке?

- Я шел сюда играть в теннис, ну, на самом деле увидеть Тельму, - поправился он. - Все было в порядке тогда, как и обычно. Я свернул с дороги и прислонил велосипед к большой

ели там, где начинается дорожка. Я пошел по ней и, как только я добрался до угла дома, все стало как-то чудно.

- Чудно? - переспросила мисс Долдерсон. - Что стало чудно?

- Ну, почти все. Солнце будто подскочило на небе. Деревья вдруг стали вроде бы больше и не совсем теми же. Цветы на той вот клумбе совершенно изменили краски. Этот плющ, который раньше покрывал всю стену, вдруг неожиданно оказался лишь наполовину выросшим и это придает ему вид какого-то другого сорта плюща. И вот там есть дома. Я никогда их до этого не видел - за рощицей было только открытое поле. Даже гравий на дорожке выглядит еще желтее, чем я думал. И эта комната... Это та же комната. Я знаю этот письменный стол и этот камин, и эти две картины. Но обои совсем другие. Я их никогда до этого не видел - но ведь они же... Пожалуйста, скажите мне, где Тельма... Я хочу ей объяснить... Я, должно быть, немного сошел с ума.

Она твердо положила свою ладонь на его.

- Нет, - решительно сказала она. - Чтобы то ни было, я совершенно уверена, что это - не то.

- Но что же тогда..? - он внезапно замолчал и прислушался слегка наклонив голову. Звук нарастил. - Что это? - спросил он с беспокойством.

Мисс Долдерсон сжала его руку в своей.

- Все в порядке, - сказала она так, будто это был ребенок. - Все в порядке, Артур.

Она могла почувствовать, как его напряжение росло по мере усиления звука. Он пронесся как раз над их головами, на высоте чуть меньше тысячи ярдов, повизгивая реактивным мотором, с грохотом, оставляя за собой сжатый воздух, постоянно содрогаясь, все тише и тише по мере удаления.

Артур видел его. Следил, как он исчез. Его лицо, когда он обернулся к ней, было белым от испуга. Каким-то странным голосом он спросил:

- Что... что это было?

Тихо, как бы стараясь его успокоить, она ответила:

- Просто аэроплан, Артур. Такие уж это жуткие, беспокойные штуки.

Он бросил еще взгляд на удалявшийся самолет.

- Но я видел аэроплан и слышал его. Он не похож на это. Шум от него, как от мотоцикла, только по громче. Это же было ужасным! Я не понимаю... Я не понимаю, что случилось... - его голос звучал жалобно.

Мисс Долдерсон только хотела ответить, как поймала себя на внезапной четко возникнувшей в ее сознании мысли о том, как Харольд говорил об измерениях, что они могут сдвинуться в различные плоскости, будто это было еще одно измерение. Толчок интуиции, и она поняла - нет, поняла - это было слишком неточно, ощущила всем существом своим, что это было именно так. Но, воспринимая, она почувствовала свое поражение. Она снова взглянула на молодого человека. Он все еще был в напряжении, слегка дрожа. Он думает, что сходит с ума! Она должна остановить его. Это нельзя было не сделать помягче, но как же избежать по возможности резкости?

- Артур, - сказала она быстро.

Он растерянно посмотрел на нее. Она намеренно заставила свой голос звучать оживленнее.

- В буфете ты найдешь бутылочку брэнди, пожалуйста, достань еще и два стакана, - приказала она.

Он подчинился как во сне. Она наполнила брэнди треть стакана для него и плеснула на дно для себя.

- Выпей это, - сказала она Артуру. Он сомневался.

- Ну же, - скомандовала она. - Тебя что-то взбудоражило, а это пойдет тебе на пользу. Я хочу поговорить с тобой, но не могу же я это сделать, пока ты соображаешь только на половину.

Он отпил, слегка кашлянул и снова сел.

- Допей это, - твердо сказала ему она.

Он допил. Тотчас же она поинтересовалась:

- Теперь чувствуешь себя лучше?

Он кивнул, но ничего не сказал. Она приняла решение и осторожно перевела дыхание. Отбросив весь свой оживленный тон, она спросила:

- Артур, скажи мне, какое сегодня число?

- Число? - удивленно произнес он. - Да пятница сегодня... или... 27 июня.

- А какого года, Артур? Какого года?

Он полностью обернулся к ней.

- Но я же не сумасшедший, на самом деле. Я знаю, кто я, где я, я думаю... Что-то произошло с вещами, а не со мной.

- Все, что я хочу от тебя услышать - это год, Артур.

В ее голосе вновь послышалась повелительная нотка.

- 1913, конечно, - сказал он, неотрывно глядя ей в глаза.

Мисс Долдерсон перевела взгляд на цветы. Она нежно кивнула. Это был тот самый год, и это была пятница: странно, что она это вспомнила. Это вполне могло быть и 27 июня... Но конечно же, пятница летом 1913 года был тот день, когда он не пришел... Все это было так давно, так давно...

Его голос окликнул ее. Он дрожал от беспокойства.

- Почему, почему Вы меня об этом спрашиваете, о том, который год, то есть?

Его брови изогнулись, глаза были полны нетерпения. Он был так молод. Ее сердце страдало за него. Она снова положила свою руку, такую тонкую и слабую на его сильную и большую.

- Мне кажется, я знаю, - сказал он прерывающимся голосом. - Это... не знаю почему, но Вы не спросили бы меня, если бы не... Странно как-то вышло, ведь правда? каким-то образом это больше на 1913 год - вот что Вы имели в виду? То, как выросли деревья..., этот аэроплан... - он остановился, уставясь не нее широко открытыми глазами.

- Вы обещали мне сказать..., пожалуйста, пожалуйста... Что это за место?

- Бедный мой мальчик,- пробормотала она.

- О, пожалуйста...

Из-за обивки стула, стоявшего перед нею торчала "Таймс", с наполовину решенным кроссвордом. Неохотно она вытащила газету, сложила ее и протянула ему. Его рука дрожала, когда он брал ее.

- Лондон, понедельник, 1-е июля, - прочел он.

И недоверчивым шепотом: "1963-й"?

Он перевел взгляд на статью ниже, изучающе рассматривая страницу. Она дважды медленно кивнула. Они сидели молча, уставившись друг на друга. Постепенно выражение его лица менялось. Брови сошлись на переносице, как будто от боли. Он, как от резкого толчка, оглянулся вокруг, как будто в поиске спасения. Потом перевел взгляд обратно на нее. Он зажмурился на мгновение. Потом опять открыл глаза, полные боли... и страха.

- О нет... нет..! нет..! Не может быть... Вы... вы сказали мне... Вы - мисс Долдерсон, ведь так? Вы так сказали... Вы ведь... Вы не... Тельма?

Мисс Долдерсон ничего не ответила. Они посмотрели друг на друга. Его лицо сморщилось как у маленького ребенка.

- О, боже! Ой-ой-ой.. - заплакал он, закрыв лицо руками.

Мисс Долдерсон закрыла на мгновение глаза. Когда же снова открыла их, то уже взяла себя в руки. Печально глядела она на трясущиеся плечи. Ее тонкая, вся в голубых венах левая рука протянулась к склоненной голове и нежно погладила светлые волосы.

Ее правая рука нашла под столом перед ней кнопку звонка. Она нажала ее и продолжала держать пальцы на ней, пока хватало сил...

На звуки движения она открыла глаза. Подъемные жалюзи затемняли комнату, но пропускали достаточно света, чтобы заметить стоявшего перед постелью Харольда.

- Я не хотел разбудить тебя, мама, - сказал он.

- Ты меня не разбудил, Харольд. Я дремала, но не спала. Садись, дорогой мой. Я хочу с тобой поговорить.

- Ты не должна утомлять себя, мама. У тебя снова заговорила старая болезнь, ты же знаешь.

- Осмелюсь сказать, что нахожу не менее утомительным ломать голову над загадкой, чем знать ее. Я тебя ненадолго задержу.

- Ну, что ж, мама, - он придинул стул вплотную к постели и сел, взяв ее руку в свою. Она смотрела в полумраке на его лицо.

- Ведь это ты все натворил, Харольд? И это твой эксперимент перенес сюда бедного Артура?

- Это был несчастный случай, мама.

- Расскажи мне.

- Мы проводили опыт. Просто предварительное испытание. Мы знаем, что теоретически это возможно. Мы доказали, что, если бы мы могли, ох, это так трудно объяснить в словах - если бы мы могли, ну, свернуть измерение, как бы сломать его пополам, то 2 точки, раздельные в нормальном состоянии, совпали бы... Я боюсь, что не очень понятно...

- Не беспокойся, продолжай.

- Ну, когда мы установили наш генератор искажений полей, мы закрепили его механизм на сведение вместе двух точек, которые отделяют друг от друга 50 лет. Представь себе длинную полоску бумаги, которую сложили так, что эти отметины севали.

- Ну же?

- Выбор был сделан совершенно произвольно. 10 лет, или 100, но все сразу согласились на 50-ти. Ведь мы и попали, поразительно близко, мама, просто замечательно близко. Искажение всего в 4 календарных дня за целые 50 лет. Нас всех это потрясло. Теперь нам надо выяснить источник искажения, но если бы ты попросила любого из нас держать пари...

- Да, дорогой, я уверена, что это было просто чудесно. Но что случилось?

- Ой, извини. Ну, как я уже сказал, это был несчастный случай. Прошли первые 3 или 4 минуты, как мы включили генератор. И тут он, должно быть, вошел в поле совпадения. Посторонний - это же 1 шанс из миллиона. Жаль, что так случилось, но едва ли мы могли знать...

Она повернула голову к подушке.

- Нет. Вы не могли знать, - согласилась она. - А потом?

- Да, на самом деле ничего. Мы ничего не знали, пока Джуллия не пошла на твой звонок и не нашла тебя в обмороке, а этого парня Артура, чуть не в истерике. Она тут же послала за мной. Одна из девушек помогла уложить тебя в постель. Пришел доктор Соул и осмотрел тебя. Потом он всадил в этого Артура какое-то успокоительное. Бедняга в нем нуждался. Сущий ад, конечно же, когда ты ожидаешь поиграть с любимой девушкой в теннис, а тут такое?

- Когда этот Артур поутих немного, он сказал нам, кто он и откуда. Ну, это было как раз для тебя. Живое свидетельство несчастного случая с первого попадания. Но все, что он желал, этот несчастный, это как можно скорее вернуться обратно. Он был очень расстроен, что всегда довольно болезненно. Доктор Соул хотел остановить его как врач, желая не допустить, чтобы он свихнулся. А было на то похоже, и не думаю, чтобы ему стало лучше, когда он вернулся обратно.

Мы не знаем, смогли ли послать его туда. Если перемещение "вперед", грубо говоря, можно рассматривать как бесконеч-

ное ускорение естественной прогрессии, то мысль о перемещении "обратно", если разобраться, привела нас в полное замешательство. Мы долго спорили, пока доктор Соул не прервал нас. Если есть определенный шанс, сказал он, - этот парень имеет право на попытку, и на нас лежит обязанность искупить перед ним вину за то, что мы ему причинили. А, кроме того, если бы мы не попытались, нам бы, кокетично, пришлось бы объяснять кой-коему, как мы дошли до того, что у нас на руках оказался бредящий полуумный да еще, так сказать, 50-ти летней давности.

Мы попытались растолковать этому Артуру, что мы не можем быть уверены, сработает ли машина в обратную сторону и что все равно раз получилась эта ошибка в 4 календарных дня, то даже в лучшем случае, на точность нельзя рассчитывать. Не думаю, чтобы он действительно понял. Бедняга был в ужасном состоянии, все, чего ему хотелось - это просто шанс, любой шанс выбраться отсюда. Его просто заело на этом. Вот почему мы решили рискнуть, в конце концов, если бы это оказалось невозможным, он бы, ну, он бы ничего не почувствовал или вообще ничего бы не случилось.

В установке генератора ничего мы не меняли, оставили около него одного из наших, отвели этого Артура обратно на дорогу, около твоей комнаты и поставили его там.

- Теперь иди вперед, - сказали мы ему. - Как ты шел до того, как все случилось - и подали сигнал включать. Из-за дозы доктора и всего прочего он еле держался на ногах, хотя и постарался взять себя в руки. Он пошел вперед как-то в раскачку. Дотошний парень, он почти плакал, но странным каким-то голосом пытался петь: "Все это делают, делают".

И тут он исчез: - просто совсем растворился. Харольд замолчал и сожалением добавил: " Все доказательства, которые у нас сейчас есть - не очень-то убедительны - одна теннисная ракетка, совершенно новая, но старой модели, одна соломенная шляпа, такая же!"

Мисс Долдерсон лежала, ничего не говоря.

- Мы сделали все, что смогли, мама, а мы могли только попытаться...

- Конечно, дорогой! И вам это удалось. Не твоя вина, что вы не в состоянии были исправить то, что сделали... Нет, мне просто стало интересно: что случилось бы, произойди все не-

сколькими минутами раньше или позже. Но я не думаю, чтобы это вообще тогда случилось.

Он взглянул на нее слегка встревоженно.

- Что ты имеешь в виду, мама?

- Ничего, дорогой. Это, как ты сказал, был несчастный случай. По крайней мере, я предполагаю, что так, - хотя слишком много важных вещей кажутся несчастными случаями, что просто диву даешься, не написаны ли они в самом деле где-то там...

Харольд посмотрел на нее, пытаясь что-то в этом понять, потом решил спросить:

- Но почему ты думаешь, что нам удалось вернуть его обратно, мама?

- О, я знаю, дорогой. Потому что, я очень ясно помню тот день, когда прочла в газете, что лейтенант Артур Чаренг Батлей награжден орденом "За боевые заслуги" - где-то в ноябре 1915 года это было, я думаю. И, во-вторых, я только что получила письмо от твоей сестры.

- От Синтии? Но, боже мой, причем же здесь она?

- Она хочет приехать и увидеть нас. Она думает снова выйти замуж и хотела бы привезти молодого человека, ну, не такого уж и молодого человека, я хотела сказать, чтобы показать его нам.

- Отлично, но я не вижу...

- Она думает, что ты, наверное, заинтересуешься им. Он - физик.

- Но...

Мисс Долдерсон не обратила внимание на слова, она продолжала:

- Синтия говорит, что его фамилия Батлей, и он - сын полковника Артура Чаренга Батлея, кавалера ордена "За боевые заслуги" из Найроби, Кения.

- Ты имеешь в виду, что он сын...

- Похоже на то, дорогой. Странно, не так ли? - она с минуту размышляла и добавила. - Надо сказать, что если вот это и предписано, то иногда кажется, что у писавшего до странности исказенный стиль, та так не думаешь?

ОХ, ГДЕ ЖЕ ТЕПЕРЬ ПЕГГИ МАК-РАФФЕРТИ?

- Ох, где же... - раздаются вздохи в маленьком сером домике, покоящемся в изумрудных травах Барранакло, там где Слив Гамф уносит свои воды в болото. - Ох, где же наша Пегги? Где же наша девочка с глазками, черными как торфяной омут, и щечками, как пионы папаши О'Крейсигана, наша милая и хорошенская девочка? Сколько писем написали мы ей, с тех пор как она уехала, но ни на одно из них не ответила нам Пегги, потому что мы не знаем куда их слать. Ох-хой! А вот как это случилось. В домик пришло письмо, адресованное мисс Маргарет Мак-Рафферти. Почтальон, принесший его, заметил Пегги, что конверт подписан очень изящно, на что она согласилась, и не без волнения, потому что до этого ни разу не получала писем себе лично. Когда у Майкла из Канады, Патрика из Америки, Катлин из Австралии или Бригит из Ливерпуля руки доходили до бумаги, они писали обычно сразу всем Мак-Рафферти, чтобы не тратить времени попусту.

Кроме того, оно было напечатано на машинке. Некоторое время Пегги любовалась им, пока Эйлин не сказала нетерпеливо:

- От кого это?
- Почем я знаю? Я его еще не открыла, - ответила Пегги.
- Ну, так открой, - сказала Эйлин.

Когда конверт распечатали, в нем оказалось не только письмо, но и почтовый перевод на 20 шиллингов. Изучив его, Пегги внимательно прочла письмо, начиная с заголовка, где было напечатано "Популярное Объединенное Телевидение", и, не отрываясь, до подписи.

- Ну, что там такое? - потребовала ответа Эйлин.
- Какой-то человек хочет задать мне пару вопросов, - сообщила ей Пегги.
- Полиция? - неожиданно воскликнула ее мать. - Что ты там натворила? А ну, дай сюда.

Под конец они разобрались, что к чему. Кто-то, не вполне ясно кто, подсказал автору письма, что мисс Маргарет Мак-Рафферти, наверное, пожелала бы принять участие в викторине, где победившие получат ценные подарки в городском холле Балли-

лориша. Писавший надеялся, что она сможет приехать, а остальные детали уладятся по получении ее ответа. А тем временем он покорнейше просил ее взять из конверта фунт стерлингов на расходы.

- Но ведь билет на автобус до Баллилориша стоит только 3 шиллинга и 6 пенсов, - обеспокоенно сказала Пегги. - Ну, вернешь ему остальное, когда увидишься с ним, - подсказала Эйлин, - или по крайней мере, - добавила она еще практичнее, - дашь ему какую-то мелочь. Шиллинга два.

- А вдруг я не смогу ответить на вопросы? - возразила Пегги.

Господи, боже мой! Да в чем дело? Ну и что? Билет стоит 3 шиллинга и 6 пенсов, обратно ты дашь ему два, чтобы выглядело по приличнее, три пенса за марку, которую ты наклеишь на конверт. Это 5 и 9, а вместе получается 14, а три пенса тебе за то, что ты будешь трястись с автобусе до Баллилориша и обратно.

- Но я не люблю телевидение, - возразила Пегги. - Вот если бы кино...

- Ах, опять ты со своим кино. Вечно ты так старомодна. Фигура не телевидении - вот кем хотят все быть в наши дни.

- Но не я, - ответила Пегги. - Я хочу попасть в кино.

- Ну ведь тебя должны же где-нибудь увидеть? Надо же где-то начинать, - сказала ей Эйлин.

Поэтому Пегги написала в ответ свое согласие.

Но оказалось, что все зависело скорее от случая, чем от самих вопросов. Сперва она плотно поужинала в отеле Баллилоришского Замка. Слева от нее сидел молодой ирландец, имевший ко всему этому какое-то отношение, и был с нею очень вежлив и мил, а справа другой молодой человек, тоже старавшийся быть таким же вежливым и милым, но у него это хуже получалось, потому что он был англичанином. После этого они пошли пешком в городской холл, битком набитый хаосом проводов, камер и слепящих огней, а заодно и всем населением Баллилориша.

К счастью, начали не с Пегги, и она внимательно вслушивалась в вопросы, задававшиеся ее предшественницам. На самом деле, они были не такие уж страшные, как она ожидала: первый - самый легкий, второй - не очень легкий, а третий - немножечко потруднее, и по мере того как все те, кто смог выдержать первый,

срывались на втором, ее настроение улучшалось. Наконец, подошла ее очередь, и она заняла место в кабине.

Мистер Хассоп, ведущий, улыбнулся ей.

- Мисс Пегги Мак-Рафферти, а ну-ка, Пегги, тебе посчастливилось вытащить географический раздел, так что, надеюсь, в школе ты хорошо учила географию.

- Не особо, - ответила Пегги, что по-видимому понравилось зрителям.

Пробормотав что-то скороговоркой, мистер Хассоп добрался до первого вопроса.

- Сколько графств нашей прекрасной земли станет еще под иностранным ярмом, и как они называются?

Это было совсем легко. Публика зааплодировала.

- Ну, а теперь мы переберемся через залив. Назови-ка мне пять университетских городов в Англии.

Она сделала это даже с излишком, потому что ей не пришло в голову, что "Оксфорд" и "Кембридж" - это разные города, и названий оказалось шесть.

- А теперь в Америку...

Пегги почувствовала облегчение, услышав про Штаты. Отчасти потому, что в Америке был Голливуд, а еще потому, что кроме ее брата Патрика, работавшего на автомобильном заводе в Детройте, у нее было два дяди в полиции Нью-Йорка, один - в полиции Бостона, один - в Чикаго, застреленный там в старые добрые времена, а еще один жил в местечке под названием Сан-Квенин. Поэтому она всегда интересовалась Америкой, и теперь внимательно слушала вопрос.

- Соединенные Штаты, - сказал мистер Хассоп, - это, как ты знаешь, и как говорит нам их название, не единая страна, а союз штатов. Я, конечно, не требую, чтобы ты их перечисляла, ха-ха-ха! Но я хочу, чтобы ты сказала мне из скольких штатов состоит этот союз. Не торопись. Помни, что никто до сих пор за этот вечер не ответил правильно на все три вопроса. Итак, вот призы - и вот твой шанс получить их. Ну-ка, ради них, сколько штатов заключает в себя название США?

Пегги осторожно соображала. Облизав губы кончиком языка она произнесла:

- 49 штатов.

Стеклянная кабина, охранявшая опрашиваемых от подсказок, защитила ее и от всеобщего недовольного ропота. Чарльз Хассоп выразил вежливое сожаление. Он слышал недовольный шум в зале, но будучи доброжелательно настроенным к своей жертве, попытался затянуть время.

- Ты сказала, что в Америке 49 штатов. Ты уверена, что хотела сказать именно 49?

Пегги в стеклянной кабине кивнула.

- Конечно. Но не думаю, что с вашей стороны это честно, - добавила она.

У мистера Хассопа мгновенно исчезло выражение сочувствия.

- Не честно? - переспросил он.

- Да, - отважно сказала Пегги. - Разве вы нам только что не сказали, что никаких "обманных вопросов" не будет? А сами пытались только что заставить меня сказать "50".

Мистер Хассоп уставился на нее.

- Ну... - начал он, но Пегги резко его прервала.

- Я сказала 49 штатов и повторяю еще раз 49, - подтвердила Пегги, - 49 штатов, 2 федерации и округ Колумбия, - решительно добавила она.

У мистера Хассопа глаза полезли на лоб. Он открыл рот, чтобы ответить, посомневался и еще посоображал. Он знал ответ на карточке, но в его голове смутно замаячило возможное препятствие, ловушка у самых ног. Он с усилием изобразил свой привычный апломб.

- Минуточку, пожалуйста, - сказал он зрителям и поспешил отступить в сторону от кабины - посовещаться.

Когда представление закончилось все вернулись в отель Баллилорицкого Замка на ужин - все, за исключением мистера Хассопа, который удалился, довольно сдержанно поздравив Пегги с победой.

- Мисс Мак-Рафферти, - сказал милый молодой человек - ирландец, вновь оказавшийся ее соседом. - Насколько я мог заметить, Вы обладаете невероятной долей нашего национального обаяния, но не могу ли я поздравить Вас теперь и с той же долей нашей национальной удачливости?

- Уверена, что в любом случае с Вашей стороны это будет очень мило. Даже хотя все там, кроме нескольких телевизион-

щиков, были тоже ирландцами, - ответила Пегги. - И ведь я знала ответ.

- Конечно, знали. И это настолько же здорово, насколько Вы очаровательны, - согласился он. - Но мог выпасть и другой вопрос, - молодой человек помолчал и хихикнул. - Бедняга Чарльз. Он умеет задавать каверзные вопросы, несмотря на все уверения, но каверзные ответы... Здорово же он потрясся. Хотя сам напросился. пришлось звонить в Дублин, в американское консульство, его до сих пор пот прошибает при воспоминании об этом.

- Вы что же, хотите сказать, что никакой каверзы не было? - удивилась Пегги.

Он взглянул на нее многозначительно и счел за лучшее переменить тему.

- Что Вы хотите сделать с добычей? - поинтересовался он.

- Ну, - сказала Пегги, - электричества у нас в Барранакло нет, но, думаю из этого холодильника выйдет чудесный ящик для зерна.

- Без сомнения, - согласился молодой человек.

- Но эти бумажные штуковины - сплошное жульничество, - добавила она.

- Вы имеете в виду годовой запас салфеток для снятия косметики Титании Кобвеб?! Не совсем понял...

- Ну, еще бы. Разве Вы не видите, они ждут, что все деньги истрачу на косме... косми... косметику, чтобы их использовать. нет уж. В Америке это называется вымогательством, - объяснила Пегги.

- А-а, я не подумал об этом, - признался молодой человек.

- С деньгами, надеюсь, все в порядке? - добавил он с опаской.

Пегги достала из сумочки чек и разгладила его на столе. Она и двое молодых людей, справа и слева от нее с уважением посмотрели на него.

- Еще бы, - сказала она. - Это так мило. Это мое маленькое состояние. Полтысячи долларов, как говорят в Америке.

- Пять тысяч фунтов лучше полтысячи американских долларов, а иметь их у себя еще лучше, - согласился молодой ирландец. - Но едва ли состояние. Не в наши дни. Правда, без

налогов... Хоть в этом мы обошли Америку. Что Вы с ними собираетесь делать?

- О, я оправлюсь в США, и займусь кино, как они его там называют, - объяснила Пегги.

Молодой человек укоризненно покачал головой.

- Вы хотите сказать, ТВ, - поправил он, - кино - его песенка давно уже спета.

- Я говорю не про ТВ. Я там только что была. Я говорю про кино, - твердо повторила Пегги.

- Но послушайте, - сказал молодой человек, и стал красноречиво доказывать свою правоту.

Пегги вежливо выслушала его до конца.

- Вы очень преданы своей работе, - ответила она, как только он закончил. - Но я все-таки говорила о кино.

- Вы хоть кого-то там знаете? - спросил ирландец.

Пегги начала перечислять ему полный список своих дядей, двоюродных братьев, но он прервал ее.

- Нет, я имел в виду Голливуд. Видите ли, пятьсот фунтов - это здорово, но долго на них там не продержишься.

Пегги пришлось признаться, что ни один из ее родственников не имел связи с Голливудом, насколько ей было известно.

- Ну.. - начал он, но тут его прервал молодой англичанин, который уже некоторое время задумчиво разглядывал Пегги.

- Ты это серьезное про кино? Это жестокая игра - учти.

- К легкой жизни я приготовлюсь, когда буду немного постарше, - сказала ему Пегги.

- В Голливуде околачивается полно таких вот "будущих звезд".

- Но некоторые же пробиваются, - ответила отважно Пегги.

На некоторое время он погрузился в раздумья, но тут же вернулся к начатой теме.

- Послушай, - сказал он. - Думаю, что ты даже не представляешь, с чем тебе придется столкнуться, и во что это тебе станет. Не лучше ли попытаться сперва в английском кино, и начать оттуда?

- А разве это проще?

- Может быть. Я знаю тут одного продюсера...

- Ну, ну, - сказал молодой ирландец. - Это уже забито.

Но его молодой приятель проигнорировал замечание.

- Его имя, - продолжал он, - Джордж Флойд...
- Да, да. Я слышала о нем, - сказала Пегги с возрастающим интересом.
- Он сделал "Страсть для троих" в Италии, да?
- Именно. Я могу представить тебя. Конечно, ничего не могу гарантировать, но если на следующий день он скажет хоть пол-слова, тебе уже стоило его увидеть. Если ты, конечно, захочешь.
- Да, да, - нетерпеливо ответила Пегги.
- Э-э... слушай, старина... - начал второй молодой человек, но англичанин обернулся к нему.

- Не будь идиотом, Майлз. Неужели ты не видишь сути? Если Джордж возьмет ее, получится, что "популярное объединенное телевидение" открыло новую звезду. Каждый раз при упоминании о ней, за ее именем будет следовать:" открытие "П.О.Т.", это чего-то стоит. Уж во всяком случае, это стоит того, чтобы рискнуть и свозить ее в Лондон, поместив на неделю в хороший отель. Даже если Джордж откажется, какая-то реклама из этого выйдет, а ей не встанет ни в пенни. Но думаю, он, скорее всего, заинтересуется. Судя по тому, что он говорил недавно, она может оказаться как раз тем, что он ищет. А хватка у нее крепкая, я смотрел в монитор.

Оба повернулись к Пегги, и начали изучать ее суровым, профессиональным взглядом. Через некоторое время молодой ирландец произнес:

- А знаешь что? Ты это действительно здорово... - с такой серьезной убежденностью, что Пегги начала заливаться румянцем, пока не поняла, что он обращается к своему коллеге.

Но потом, они совсем перестали говорить на профессиональные темы и вечер вышел просто замечательный, после чего они отвезли ее на машине домой, к изумлению тех, кто еще не спал в Барранакло.

Через неделю пришло другое письмо, длинное и тоже напечатанное на машинке. После поздравлений с успехом оно сообщало, что предложение, поставленное мистером Роббинсом, которого она без сомнения вспомнит перед советом "Популярного Объединенного Телевидения", принято. Поэтому компания счастлива пригласить ее и надеется, что ее устроит следующий план действий: в среду, 16-го в восемь утра за ней в Барранакло приедет машина...

Вместе с письмом в конверте находился авиабилет из Дублина в Лондон и приколотая к нему записка от руки, гласившая: "Трудился до сих пор, как ломовая лошадь. Обаял всех. Подчисти перышки. Встречаю тебя в лондонском аэропорту. Билл Роббинс".

По деревне прокатилась волна радостного возбуждения, омраченная только тем, что никто не знал, какие это перышки должна подчистить Пег.

- Но ты не волнуйся, - сказала Эйлин после раздумья, - это, наверняка, англичане так выражаются про завивку. Надо запомнить.

В среду, точно по времени, приехала машина и в ней Пегги отбыла прочь с таким шиком, как ни один эмигрант не отбывал до этого из Барранакло.

В лондонском аэропорту в зале для встречающих уже стоял мистер Роббинс и, помахав рукой, начал протискиваться сквозь толпу, чтобы встретить ее.

Кто-то разрядил рядом всполошившую всех вспышку и Пегги представили огромной приличной на вид леди в черном костюме и серебристой лисе.

- Мисс Трамп, - пояснил мистер Роббинс. - Задача мисс Трамп в том, чтобы сопровождать тебя, давать тебе советы, вообще присматривать за тобой и отбиваться от волков.

- Волков? - ошарашено переспросила Пегги.

- Волков, - заверил он ее, - здесь все кишит ими.

До нее неожиданно дошло.

- А, понятно, это те кто в Америке свистят девушкам на улице, - спросила она.

- Ну, с этого они только начинают, хотя уверяю тебя они водятся не только в Америке.

Затем она, мистер Роббинс, мисс Трамп и человек по имени Берт, с несчастным видом щелкавший всех из фотоаппарата, забрались в огромный автомобиль и отправились в гостиницу.

- Наши люди взялись за это дело с размахом, - сказал мистер Роббинс Пегги. - Где-то через пару часов у тебя встреча с прессой. Свидание с Джорджем Флойдом я назначил на послезавтра. Но ребятишкам из прессы о нем ни слова. Учти это. Нехорошо, если будет выглядеть будто мы этим пытаемся его шантажировать. А в нашей программе сегодня вечером для тебя будет ма-

териал в одну минуту. Надо бы заодно придумать, что рассказать о тебе прессе? Например, о твоей семье? Играли ли кто-нибудь из твоих предков важную роль в истории? Солдаты, моряки, исследователи?

Пегги подумала.

- Ну, вот мой пра-пра-дедушка, он ехал на чью-то землю, это исследование?

- Не совсем в обычном смысле. А если что-нибудь поновее.

Пегги снова поразмыслила.

- Были еще братья у моей мамы, они просто здорово жгли дома англичан, - предложила она.

- Ну, это тоже несколько не то. Попробуй вспомнить еще, - настаивал мистер Роббинс.

- Я не знаю... Да, был еще мой дядя Син, конечно же! Он был довольно знаменит.

- Что он делал? Взрывал что-нибудь? - поинтересовался с надеждой Берт.

- Не думаю, но он попал под пулю другого тоже довольно-таки известного человека по имени Аль Капоне, - сказала Пегги.

Отель "Консорт" оказался очень величественным местом, но едва приехав, они быстрым шагом проскочили вестибюль, чтобы избежать любых неприятных встреч с журналистами, готовыми в любой момент вскинуть пушку фотоаппарата, и со свистом понеслись вверх, прежде чем Пегги могла понять, где это они едут.

- Это что - грузоподъемник? - поинтересовалась она.

- Возможно, хотя если бы американцы действительно додумались до него первыми, это был бы Вертикальный Персональный Распределитель, а мы называем это лифтом, - разъяснил ей Берт.

В коридоре, покрытом тонким ковром, они остановились перед дверью с металлическим номером, и тут мисс Трамп впервые заговорила:

- Эй вы, двое, забирайтесь в гостиную. И не теряйте головы, - проинструктировала она мужчин.

- У тебя только полчасика, Далси. Не больше, - сказал ей мистер Роббинс.

Они зашли в роскошную комнату, в основном отделанную в оттенках серо-зеленого с проблесками золота. Там уже сидела

девушка в изящном платье черного шелка, а на переливчатом пуховом стеганом одеяле лежали хорошеный серый костюм и два платья, зеленое шелковое и сияющее белое.

- Сегодня нам надо постараться быть по-шикарнее, Ваша честь, - объявила Трамп. - Наполните ванну. По-моему, ей лучше одеть зеленое.

Пегги подошла в постели, подняла зеленое платье и приложила к себе.

- Это милое платье, мисс Трамп, как раз для меня. Как Вы угадали?

- Мистер Роббинс сказал нам твой размер и цвета, мы подобрали вот это.

- Как это умно с Вашей стороны. У Вас наверное полно опыта, как надо возиться с такими девчонками как я.

- Я уже 12 лет на службе, - ответила мисс Трамп, пока Пегги стаскивала жакет с приготавливавшуюся к ванне.

- В рядах Королевской женской Армии? - спросила Пегги.

- Нет, в Холлоуэе, - сказала мисс Трамп. - А теперь иди-ка сюда, дорогуша, у нас не очень-то много времени.

- Стой ровно, - приказал Берт, продолжая ползать по ковру, согнувшись в три погибели.

- Ритуальный танец современного фотокорреспондента, - прокомментировал мистер Роббинс.

- Не надо поворачиваться ко мне всем лицом, - сказал Берт с колен. - Мне хочется уловить только три четверти. Держи лицо вот так, - и он переместился еще несколько по окружности. - Теперь прими позу.

Пегги стояла не шелохнувшись. Берт устало опустил камеру.

- Христа ради, неужели же в Барранакло никто не знает, что такое фотоаппарат?

- Нет, не совсем, - сказала Пегги.

- Отлично. Начнем с основных принципов. Стой, где стоишь. Отведи руки за спину, сцепи ладони. Теперь смотри сюда в камеру, отлично. Теперь сведи брови чуть вместе и улыбнись. Нет, еще лучше, чтобы был виден каждый зубик. Не волнуйся, если тебе кажется что выйдет жуткая ухмылка, художественный редактор лучше знает. Вот это уже лучше. Теперь держи улыбку. Держи брови вместе и сделай глубокий вдох, как только мо-

жешь. Это лучшее, что можешь сделать? Выглядит почти в норме - ну...

Яркая вспышка. Пегги расслабилась.

- Подходит?

- Будешь удивлена, - сказал Берт, - кое-чему мы можем научить природу, еще как можем.

- Но для фотографа это сплошные трудности, - заметила Пегги.

Берт взглянул на нее.

- Милочка, - сказал он, - много ли ты видела фотографий за последнее время? - он достал журнал с картинками и щелкнул ногтем по одной странице, потом по другой.

- Вот! - произнес он, протягивая ей.

- Ах! - только и сказала Пегги. - Вы думаете, я буду выглядеть вроде этого?

- Это то, что я подразме... подразумевал, черт возьми, более или менее, - заверил ее Берт.

Пегги продолжала изучать картинку.

- Сней что, чего-нибудь не в порядке? Деформирована, или как это еще называется? - поинтересовалась она.

- Это, - сурово сказал ей Берт, - называется романтический ореол или, ну в общем, та ересь, которой вы молодые женщины сводите всех с ума.

- То, что в Америке называют "горячая штучка"? - спросила Пегги.

Тут вмешался мистер Роббинс.

- Пошли, - сказал он, - у "горячих штучек" есть одно качество: они не заставляют прессу ждать. Вспомни то, о чем мы условились в машине. И держись подальше от выпивки. Она предназначена для размягчения их мозгов, не наших.

- Ну, - сказал мистер Роббинс, расслабившись. - Все закончилось. Теперь можно и выпить, мисс Трамп? Мисс Мак-Рафферти?

- Пожалуйста немного портвейна и лимон, - заказала миссис Трамп.

- Эй... скорый поезд и ржаное виски, - сказала Пегги.

Мистер Роббинс нахмурился.

- Мисс Мак-Рафферти, Ваши познания довольно обширны, но расплывчаты. Не надо смешивать территории. Я не буду это

переводить. Рекомендую Вам напиток изготовления нашего земляка, мистера Пимма.

Когда принесли бокалы, он удовлетворенно проглотил половину своего тройного виски.

- Чертовски хорошо, Берт, - заметил он.

- Да, вполне, - согласился фотограф, но без энтузиазма. - Не так уж плохо. Ты замечательно держалась, милочка, фигура у тебя что надо.

Пегги слегка воспряла духом.

- Правда, да? Я думала, большинство из них такие важные, что не замечают меня.

- Не верь этому, дорогая моя. Они-то замечают. Хотя все дело не столько в мужчинах, сколько в бабах. Особенно если они начинают подкрадываться со сладким видом, а ведь этого они не сделали, - он опорожнил стакан и протянул, чтобы наполнили еще. - Смешная штука с этими бабами. От некоторых девушек они выбрасывают щупальца на 15 метров вперед, а от некоторых за 20 метров сморщивают носы., большинство вообще не замечают: просто новый урожай на старую мельницу. Но время от времени появляется такая девушка, что у них у всех мозги вышибает на мгновение. "Ах, то, что видел я, мне больше не увидеть". Вот тогда-то понимаешь, что даже в их жизни был когда-то лучик света небесного. Так проходит слава мирская, - он вздохнул.

- Зло в вине, - заключил мистер Роббингс.

- То есть истина, - подсказал Берт.

- Черт возьми, о чём вы тут вообще говорите? - осведомилась Пегги.

- Этот мир быстротечен, дорогая моя, - пояснил ей Берт. он поиском за столом и вынул камеру. - Но как бы быстро не ускользал он от нас, я могу поймать его тень. А теперь я предлагаю сделать пару настоящих снимков.

- О, боже, я думала с этим уже покончено, - сказала Пегги.

- Вскоре, возможно, да, но не сейчас, не совсем, - ответил Берт, держа над головой вспышку.

Да, хоть англичане и были чуть-чуть того, с нею они держались мило и доброжелательно. Поэтому Пегги поставила бокал и встала. Она отряхнула юбку, взъерошила волосы и приняла ту же позу, что и до этого.

- Так? - спросила она.

- Нет, - ответил Берт, - не так..

На следующий день Пегги присутствовала на телевизионной встрече, одетая в белое парчовое платье, "наша недавняя обладательница приза в викторине, которая скоро начнет брать призы и на экране". Все были милы и добры к ней, все время повторяли это и делали вид, что все идет великолепно.

Еще на следующий день было интервью с мистером Флойдом, который тоже оказался очень милым, но простым интервью это нельзя было назвать. Она и не предполагала, что уже так скоро ей придется прохаживаться, садиться, вставать, играть то то, то это перед камерой, но мистер Флойд казалось был доволен, а мистер Роббинс, когда они вышли, похлопал ее по плечу и сказал:

- Молодчина! Мне жаль иногда, что девушек, которых я вижу в мониторе, нельзя назвать феями, а то ведь поймут не так.

Хорошо знакомым всем киношникам жестом Джордж Флойд запустил пальцы в свои густые, седеющие волосы.

- Придется Вам признать после этих просмотров, что в ней что-то есть, - настаивал он. - Она предельно фотогенична, может превосходно двигаться и выглядит свежо. Если она и не смыслит много в актерском мастерстве, то так бывает со всеми сначала. По крайней мере, она не успела еще нахвататься посредственных ужимок и вывертов, и ее можно направить по правильному пути, тем более, что у нее это не первая попытка. Кроме того, у нее есть шарм, умение здорово работать. Одним словом, я хотел бы ее снимать.

Солли де Конф пожевал сигару.

- Допускаю, что в своем роде она не плохо смотрится, - признал он, - но клиентам нужно нечто современное, а этого в ней нет. Да и болтает она как-то забавно, - добавил он.

- Несколько уроков у специалиста выпрявят ей речь. Она же не немая, - сказал Джордж.

- Может быть. Что ты о ней думаешь, Ал? - поинтересовался Солли у своего клеврета.

Ал Фостер бесстрастно произнес:

- У нее отличная хватка, - признал он, - хороший рост, чудесные ноги. Хотя, как Вы и сказали, шеф, она не современна, но талия у нее сантиметров 55, я думаю. Что самое главное, а

остальное приложится. Я бы сказал, что она пойдет, шеф. Хотя и не Лола!

- Черт возьми, зачем ей быть Лоло, - спросил Джордж, - подделки под Лоло - это большей частью итальянский экспорт. Пора уже кому-то выставить что-нибудь новое. А она как раз то, что здесь надо.

- Поновее? - подозрительно спросил Солли.

- Поновее, - повторил Джордж непреклонно. То, что мы имеем, начинает выдыхаться. Уж кто-то, а ты должен знать, Солли. Вспомни, что случилось с "Прожектором в моем сердце". Многосерийная история звезды ночного клуба была верной ставкой, но для тебя уже девятой по счету, и ты проиграл. Пора отложить до поры до времени итальянскую романтику.

- Но Италия еще не выдохлась. Пока что это огромные деньги, - возразил де Копф. - К тому же Ал как раз присмотрел одну вещичку под названием "Камни Венеции", которую намереваемся купить, подписав договор с автором. А еще раньше мы подобрали жутко сексуальный сюжет, настоящий взрыв для юнцов. Там, кажется, про то, как у римлян, у древних римлян, а не теперешних разбойников, однажды случилась нехватка женщин, тогда они состряпали план пригласить в гости на что-то вроде холостяцкой вечеринки парней из соседнего города, и когда веселье было в самом разгаре, выслали туда банду, которая окружила жен этих парней и дала вместе с ними деру. Какой простор для фантазии! Ведь это подлинно исторический случай! Я проверял, так что здесь с классикой в порядке. Правда, придется поискать новое название. Просто возмутительно, как можно раньше было пропускать такой сюжет! Представьте себе только картину из прошлого под названием "Похищение сабинянок".

- Ну, - уступил Джордж, - если пустить ее вовремя, то, может быть, вид пары сотен полуобнаженных Лоло, мечущихся и визжащих в панике, возбудит наших юнцов.

- Никаких "может быть", Джордж. Тут замешана история, вроде "10 заповедей" и тому подобное. Это беспрогрызно.

- Вряд ли ты прав, Солли. Если ты дальше будешь долбить итальянскую тему, наживешь еще один "Прожектор". Настало время для свежего дыхания.

Солли де Копф размышлял.

- А ты что скажешь, Ал?

- Похоже, что так. Это всегда так кажется, что успех будет продолжаться вечно, пока в один прекрасный день - пых! - успеха нет, - подтвердил Ал.

- А мы опять в прогаре, - добавил Джордж. - Послушай, Солли, когда-то народ валом валил к нам, всех возрастов и размеров, и не меньше 2 раз в неделю. А посмотри, что творится с кино теперь.

- Да уж. Чертово телевидение, - сказал Солли де Конф с усталой злобой. - А что могли мы с ним поделать? Провалиться ему, не так уж оно хорошо. Но разве мы пытались отвоевать публику обратно? - продолжал Джордж.

- Конечно пытались. Что ты скажешь насчет широких экранов и зрелищности новых фильмов?

- Все это примитивные трюки, да балаганная развлечаловка, Солли. Мы работали для зеленых юнцов и недоумков - все, что осталось от нашей публики, если не считать нескольких больших картин. Мы позволили основной массе публики уйти от нас и даже не попытались удержать ее.

- Ну, что теперь? Ты, Джордж, как всегда преувеличиваешь, но в чем-то ты прав.

- А вот что, Солли. В мире все еще полно публики среднего возраста, даже больше чем ранее, а обслуживать их некому. Все словно помешались, пытаясь ободрить ребятишек как липок: грам-записи, поп-музыканты, эстрада, экспресс-бары,очные джаз-клубы, журнальчики всех сортов, мы, и сюда же я включаю курортные аттракционы, даже телевизионщики работают, в основном, на подростков. А в стороне осталась вся публика постарше, для которой никто ничего не делает, та самая публика, принесшая нам миллионы вздыхая и плача над "Розой из Трале", "Лилией из Килларии", "Улыбчивым", "Длинными папочками ночами", "Идя во ржи" и т.д. Вот что им нужно, Солли, слезы, комок в горле, нежная рука, перебирающая струны души. Дай им то, что они хотят, и они будут счастливы. Они снова побегут в кино, что бы поплакать там над слезливым сюжетом. А эта девчонка как раз пойдет для этого.

- Переделки, да? - многозначительно сказал Солли.

- Нет, - ответил Джордж, - не просто переделки. Перед нами та же возрастная группа, с теми же эмоциями, но поколение уже другое, а значит другими будут и мишени - отчасти. Нам надо

вымыслил, что это за мисси, иначе снять пойдет все та же завлекаловка.

- Ага, - схва сказал Солли де Конф нерешительно. - А ты что думаешь, Ал?

- В этом что-то есть, шеф, - согласился Ал. Он бросил пронзительный взгляд в сторону Джорджа. - Ты говоришь, что секс надо заменить романтикой. А что, это пойдет.

- Конечно, это пойдет. Если женщина плачет на свадьбе, то она все еще деревенщина. Как я сказал уже, если мы будем слизывать все с 20-х годов, мы далеко не уйдем с современной мелодрамой, но, черт возьми, я уверен, что, если правильно к ней подступиться, нам поможет ностальгия ко всему кельтскому.

- Хм... Вряд ли тебе удастся свести с ума пол-мира с именем "Маргарет Мак-Рафферти", а? - заметил Солли.

- Так, шеф, - подумав, сказал Ал, - а если "Конни О'Мара", - предложил он.

- Нет, - решительно ответил Джордж, - этого и надо избегать. Все эти современные имена, вроде Пегги О'Нил, Грейси Филдз, Нитти О'Ши - они уже приелись. Вокруг нашего должен сиять романтический ореол, что-то от фен. Но не беспокойтесь, я уже выбрал одно.

- И...? - поинтересовался Ал.

- Дейдре Шилсин, - провозгласил Джордж.

- А ну-ка еще, - попросил мистер де Конф.

Джордж написал его огромными буквами и пустил листок по кругу. Солли де Конф долго изучал его.

- Но ты произносишь его еще как-то по-другому? - спросил он.

- Ирландцы произносят это как "Шил-шон", - пояснил Джордж.

- Класс, - согласился Ал. - Но далеко ты с ним не уедешь.

Безнадега. Ты знаешь, что они выделяют с "Дианой" или "Мариной", чтобы было попроще. В один миг ее переделают в Дин-дре-Шилсин.

Однако Солли де Конф продолжал разглядывать имя.

- Мне нравится, - сказал он, - хорошо смотрится.

- Но, шеф...

- Я знаю, Ал. Успокойся. Если клиентам нравится звать Диану "Дин-энн", а эту "Дин-дре" - черт с ними! Они за это платят. Но оно в самом деле хорошо смотрится.

- Ну хозяин здесь Вы, шеф. Но дело не в одном имени, - ответил Ал.

- Она не против ехать в Маринштайн, - сказал Джордж.

- Ага. Они все не прочь, - заметил мистер де Копф.

- И она готова заплатить за обучение, - добавил Джордж.

- Это лучше, - согласился Солли.

- Но расходы на жилье и все такое ей не по карману.

- Жаль, - сказал Солли де Копф.

- Но "П.О.Т." вызывается снабдить ее необходимой суммой в виде капиталовложения, - объявил Джордж.

Брови Солли де Копф опустились и сошлись на переносице.

- Черт их возьми, что им-то до нее? - возмутился он.

- Ну, они ее открыли на одной из своих телепередач, - пояснил Джордж.

Но Солли продолжал хмуриться.

- Чего доброго, они начнут присваивать себе наших звезд еще до того, как они стали звездами, - прорычал он. - Будь они прокляты! Ал, проследи, чтобы эта девчонка подписала контракт с правом замены, действительный только по предъявлении документа из Маринштайна, и если он удовлетворит нас. Не подведи. Мы оплачиваем все ее расходы - проследи, чтобы отель был хороший, не из тех вшивых, что вечно себе выбирают телевизионщики. Устрой так, чтобы она имела успех, а мальчишкам из прессы скажи, чтобы начинали работать по рекламе. И не забудь запросить Маринштайн о 10 процентной скидке, понял?

- Конечно, шеф. Мигом, - уже в дверях крикнул Ал.

Солли де Копф обернулся к Джорджу.

- Ну, вот и сделали твою звезду, - сказал он. - А историю ей придумали?

- Надо еще написать, - признался Джордж. - но это легко. Главное в ней самой. Она будет хорошенькой ирландской девушкой, с наивностью ребенка, золотым сердцем и т.д., с прошлым, полным изумрудных полей, пурпурных туманов, спускающихся с гор и голубой дымкой над хижинами. она будет ранима и бескит-ростна, распевая заунывные песни за дойкой коров, но ей же

будет известна и стародавняя мудрость предков, говорящая о жизни и смерти, она будет любить ягнят и верить в эльфов. Можно еще прибавить и брата, одержимого парня, попадающего в переделку при перевозке за границу бомбы, а она бледная, незинная и любящая идет просить за него. И вот она встретит офицера...

- Какого офицера? - переспросил Солли.

- Того, который арестовал брата, конечно. Когда она встретит его, сердце обоих пронзит внезапная вспышка...

- Ну вот и все, - сказала сидевшая рядом с Пегги девушка, - это Маринштайн.

Пегги выглянула наружу. Под наклоненным крылом самолета лежал город из белых домов с розовыми крышами, теснящимися по берегам извилистой речки. Чуть в стороне от реки поднимался вверх обрывистый скалистый кряж, а на самой вершине его красовалось здание с башнями, зубчатыми стенами и развевающимися на ветру флагами - Замок Маринштайн, как и 12 веков назад, стороживший город и 10 километров своих владений.

- Потрясающе! Маринштайн! - с прерывающимся дыханием повторила девушка.

Самолет пошел на снижение, покатился по взлетной полосе и замер около здания аэропорта. С шумом и болтовней пассажиры собирали свои вещи и спускались по трапу вниз. На последней ступеньке Пегги остановилась и посмотрела вокруг.

Пейзаж, купавшийся в ярких, теплых солнечных лучах, очаровывал. Вдалеке, надо всем, возвышалась громада скал с Замком на вершине. А рядом, ослепляя коралловой сияющей белизной, стояло здание аэропорта с огромной, но несколько похудевшей копией Венеры Милосской, украшившей его центральную башню. Перед нею развивался герцогский стяг, а на ослепительном фасаде шла надпись на французском языке: "Добро пожаловать в Маринштайн - город красоты".

Все пассажиры снова собрались в багажном отделении. Единственными мужчинами среди них были несколько швейцаров в белоснежных костюмах. Заметив яркие наклейки на чемоданах Пегги, один из них протиснулся к девушке сквозь толпу и повел ее к выходу.

- Машину мадемуазель Шилсин, - выразительно гаркнул он.

Болтовня смолкла и половина всех глаз с благоговением, завистью и тонким расчетом уставилась на Пегги. Пресса уже успела привлечь внимание публики к новой находке компании "Платенгенет Фильмз", повсюду распродававшимися открытками с ее изображениями. Были сообщения и о контракте, хотя в них он выглядел куда определеннее, чем на самом деле. Поэтому для любителей кино имя Дейдре Шилсун уже кое-что значило.

К тротуару подкатила шикарная машина. Швейцар усадил в нее Пегги и через некоторое время перед девушкой уже возник Гранд Отель Нарцисс, построенный на уступе скалы, чуть ниже самого Замка. Там ее провели в щегольски отделанный номер. С увитого цветами балкона открывался вид на город, реку и домики за нею. Но ванна превзошла все ожидания: нежно-розовая, с огромными флаконами нюхательных солей и различных эссенций, чашечками пудры, сияющими кранами душевой и невероятно огромными, разогретыми полотенцами. Горничная открыла воду. Выскользнув из одежды, Пегги погрузила тело в роскошную благодать ванны, напоминавшей перламутровые розовые створки раковин.

Но звук гонга заставил ее выйти из ванной. Накинув в спальне длинное белое платье, в котором она была на телевизионном интервью, Пегги спустилась вниз.

Обед, проходивший в пышной гостиной, был довольно странен, потому что единственными мужчинами здесь были официанты, а дамы только тем и занимались, что завистливо и несколько утомительно разглядывали своих соседок. Поэтому, когда официант посоветовал Пегги выпить кофе на террасе, она так и сделала.

Солнце уже час как зашло. На небе, отражаясь в водах реки, светила ущербная луна. Посреди реки, на островке, стоял изящный маленький открытый храм, а внутри него белоснежная статуя женщины, задумчиво державшей в руке яблоко, освещаемая скрытой подсветкой. Пегги решила, что это Ева, и хотя автор назвал ее Атлантой, ошибка значения не имела.

Сам город был усеян огоньками, вдалеке пульсировали неоновые рекламы, но прочитать их из-за расстояния было невозможно. Чуть вниз по реке над башней аэропорта парила как призрак Венера. А над громадой скалы сияя башенными огнями парил в воздухе замок. Пегги вздохнула.

- Как в сказке - не иначе, - сказала она.

Уединившаяся за соседним столиком женщина постарше быстро взглянула на нее.

- Вы здесь новенькая? - поинтересовалась она.

Пегги сказала, что только приехала.

- Ах, если бы я тоже только что... а лучше никогда, - произнесла леди. - Я здесь в седьмой раз и уже больше, чем достаточно.

- По-моему, здесь чудесно, - сказала Пегги. - Но если Вам не нравится, зачем Вы сюда ездите?

- Потому что сюда приезжают мои друзья на ежегодную починку. Может Вы слышали о Джонсах?

- Не знаю я никаких Джонсов, - ответила Пегги. - Это что, Ваши друзья?

- Это люди, с которыми мне приходится жить, - сказала женщина.

Она снова взглянула на Пегги.

- Сейчас Вы еще слишком молоды, моя дорогая, чтобы заинтересоваться ими, но попозже Вы окажете им более любезный прием.

Пегги не нашлась что ответить, и поэтому промолчала.

- Вы американка, да? - спросила она. - Это, наверное замечательно. У меня в Америке полно родственников, которых я, правда, ни разу не видела. Но я надеюсь поехать туда в скором времени.

- Может, Вам и понравится, - ответила ей леди. - По мне лучше Париж, Франция.

Внезапно освещение изменилось и, выглянув, Пегги увидела, что замок теперь окружало зарево персикового цвета.

- Ах, как красиво - как сказочный замок, - воскликнула она.

- Еще бы, - без воодушевления подтвердила леди. - Так и задумано.

- Но до чего же романтично! - сказала Пегги, - луна... и река... и огни... и чудесный аромат цветов...

- В пятницу это всегда "Шанель № 7", - объяснила леди, - завтра будет "Ярость" Ревигана - несколько вульгарный запах. Но везде в субботу теперь делается все хуже, не правда ли? Скорее всего подстраиваются под вкусы клиентов, у которых доходов поменьше. Воскресенье получше - "Святоша" Котизона, что/то

вроде химчистки. Их разбрызгивают из замковых башен, а если ветер дует в противоположную сторону, то с башни аэропорта.

- Наша великая профессия, - сказала как-то мадам Летиция Чейлайн, на одном из обедов в обращении к Международной Ассоциации практикующих косметологов, - наше великое призвание - это что-то несравненно большее, чем обычная отрасль промышленности. Это же, так сказать, та подлинная сила духа, которая дает женщине веру в себя. На заре истории и до наших дней слезно, слезно посыпали небу несчастные женщины мольбы о красоте, которые так редко были услышаны. Но теперь нам дана сила осуществить их мечты и принести утешение миллионам наших несчастных сестер.

Вот каково, друзья мои, наше назначение.

И как доказательство этого, один за другим стали появляться флаconы и баночки, пакеты и тюбики "косметических принадлежностей" Летиции Чейлайн, украшая витрины магазинов, туалетные столики и сумочки от Сиэтла до Хельсинки, от Лиссабона до Токио и даже иногда (но по ценам и моде несколько лет назад) в таких местечках, как Омск. Элегантные святыни производства Чейлайн судя по охране, перешедшей уже в ряд недвижимой собственности, освещали соблазнительным блеском витрины Йорка, Лондона, Парижа, Рима и десятка других ведущих городов, административных центров империи, которая ненавидела своих соперников и которой некого уже было завоевывать.

Во всех этих домах, в их конторах и салонах шел лихорадочный процесс создания красоты, никогда не замедлявшийся, потому что в любую минуту с небес с проклятиями могла явиться Летиция Чейлайн (или Летис Шекельман, как гласил ее паспорт) с целой когортой квалифицированных экспертов. все же, несмотря на давление и дисциплину в фирме, время от времени доставлявшей себе удовольствие проглатывать очередного мелкого конкурента, предел роста был достигнут, - по крайней мере так казалось, пока дочь Летиции, мисс Кэти Шекельман (или Чейлайн) не вышла замуж за разорившегося аристократа и не превратилась в ее Высочество Великую Княгиню Екатерину Маринштайн.

До свадьбы Кэти даже не видела самого города, и увидев была просто потрясена. Замок был до удивления полон романтики, но оборудован для жилья не больше, чем первобытная

пещера. Дела в городе тоже шли плохо, а его жители занимались, в основном, попрошайничеством, произведением потомства и выпивкой. Та же картина была во всей округе, с тем только отличием, что выпрашивать было не у кого. Большинство Великих Княгинь в подобных обстоятельствах вскрикнули бы от возмущения и отчалили в благоустроенные центры изящной жизни, но Кэти была из другого теста. Еще на коленях своей всемирно известной мамаши она впитала в себя не только Евангелие Красоты, но и действенные принципы большого бизнеса, что было очень удобно для той, кто имел бы впоследствии значительные вложения в фирму Летиции Чейлайн и ее отделений. И, сидя на окне замковой башни, глядя на нищий Маринштайн, она слышала, как внутри нее звучит эхо того предпримчивого идеализма, который вдохновил некогда ее мать обратить благодать красоты на прекрасную половину человечества.

- Мамочка, - сказала она, обращаясь к отсутствующему всемирному духу, - милая мамочка, это не рай, но думаю, здесь еще можно кое-что сделать.

И, послав за секретарем, начала диктовать письма.

Через три месяца разбили аэродром и соорудили первые взлетные полосы. Великая Княгиня заложила камень первого отеля, на улицах машины рыли канализационные рвы, а маринштайнцы посещали обязательные циклы лекций по гигиене и гражданской ответственности.

Через 5 лет вдобавок к двум отелям 1-го класса и двум 2-го были пристроены еще три, так как Великой Княгине пришло в голову, что кроме красоты общественной, она может заняться всевозможными видами красоты профессиональной, заодно с обучением мастерству и самой высокой технологии. Появились с полдюжины салонов, клиник и колледжей, как постоянные, так и временные, и после суровой опеки маринштайнцы наконец-то оценили теорию экономии вместо того, чтобы зарывать свои таланты.

Через 10 лет это был чистенький, но все столь же живописный город, Университет красоты со всемирной репутацией, дорогой клиентурой, признанным стандартом женских прелестей и регулярными рейсами самолетов ведущих авиакомпаний. Во всех уголках капиталистического мира, с открыток в лучших парикмахерских, плакатов в выбранных туристических агентствах, со

страниц ведущих журналов, отовсюду смотрела на зрителя Венера Ботичелли, приглашая всех, кто ценит красоту, искать ее и найти в самом первоисточнике - Маринштайне. К тому времени былие пророки несчастья давно уже успели направить свою деятельность на сбыт собственной продукции Маринштайну, вели-кодушно признавая, что волосы его Великой Княгини и в самом деле похожи на мех норки.

Таково было положение дел на тот момент, когда после завтрака, очаровывающего прелестью новизны, но вряд ли соответствующего ирландским правилам, Пегги Мак-Рафферти вышла на следующий день после приезда из Гранд Отель Нарцисс. Она увидела вымытую мылом бульжную мостовую, белые домики со свежевыкрашенными ставнями, топорщиеся со стены цветы, навесы в яркую полоску над витринами магазинов, а вверху надо всем этим солнце. Это побудило ее отрицательно махнуть рукой поджидавшему ее такси. Вышедшая за нею девушка сделала то же самое и, взглянув на Пегги, воскликнула:

- Ох здесь так чудесно, так чудесно! Лучше я пойду прогуляюсь и осмотрю все.

После той пресыщенной леди прошлым вечером это было приятной переменой, поэтому Пегги кивнула, и они отправились в город вместе.

На южной стороне площади Артемиды (бывшей Хотгеборонприцадельвертплатц) стояло изящное здание, с колоннами и вывеской: "Регистратура". В холле, за огромной стойкой их с устрашающим видом приняла прилизанная дама.

- Сцена, кино, реклама, профессиональное телевидение, или по свободному выбору, - поинтересовалась она.

- Кино, - сказали одновременно Пегги и другая девушка.

Прилизанная леди сделала знак мальчику-слуге.

- Отвези этих леди к мисс Кардью, - сказала она ему.

- Я рада, что вы на кино, - обратилась девушка к Пегги. - Меня зовут Пат... то есть Карла Карлита.

- А меня... ээ... Дейдре Шилсин, - ответила Пегги.

Девушка широко раскрыла глаза.

- Ох, это здорово, я про Вас читала. Ведь у Вас настоящий контракт с "Плантагенет Фильмз", в самолете говорили об этом, только я не сообразила, что это Вы. Они все просто зеленели от зависти. И я тоже. Ох, это потрясающе... - ее прервал мальчик,

введший их в комнату и объявивший: "Тут к Вам две леди, мисс Кардью".

На первый взгляд в комнате ничего не было. Кроме пары стульев, роскошного ковра и цветочного изобилия на письменном столе, но из-за последнего тут же вынырнуло лицо и произнесло: "Садитесь, пожалуйста".

Пегги села так, чтобы разглядеть тот конец стола, что не был загроможден, и опрятную карточку, гласившую: "Обучение искусству экибаны зависит только от Вашего упорства. Улица Помпадур, 10 (индивидуальное обучение)".

Они назвали свои имена, а мисс Кардью сверилась с какой-то книгой.

- Ах, да, - сказала она. - Вы обе включены в программу. Итак, ваши курсы будут частично состоять из одиночных занятий, а частично из групповых. О деталях спросите у мисс Арбетнот в доме гимнастики...

Затем их снабдили целым списком инструкторов и руководителей, оканчивавшийся "мисс Хиггинс, дикция".

- Мисс Хиггинс, - воскликнула Пегги. - Она ирландка?

- Не могу сказать, - призналась мисс Кардью. Но она, как и все наши сотрудники, большой специалист в своей области, внучка профессора Генри Хиггинса. А теперь я позвоню мисс Арбетнот и попытаюсь договориться насчет Вашей встречи сегодня после обеда.

Пегги и Карла купили несколько марок с очень красиво напечатанной, хотя и в лиловом цвете, головой Ботичеллевой Венеры и потом целый час провели, осматривая разнообразные лавочки, салоны, особняки, ателье, открытки и даже канавы, после чего заглянули в ресторан на берегу реки "У тысячи красоток" в самом начале бульвара Прекрасной Елены, чтобы провести там остаток времени до встречи с мисс Арбетнот. Они почти все время говорили о кино, причем Карла проявляла самый живой интерес к каждой мелочи, которую Пегги могла вспомнить о своем контракте.

Мисс Арбетнот в доме гимнастики оказалась довольно суровой леди, одаривавшая каждого таким взглядом, что человек сразу чувствовал, что он не вовремя.

- Хм.. - сказала она, подумав.

Пегги нервно начала:

- Да, я знаю, что мои физические данные... - но мисс Арбетнот резко ее прервала.

- Не сказала бы, что этот термин нам подходит, - объявила она. - Мы в Маринштайне предпочитаем говорить о Показателе Красоты. Вашу талию - где-то 55 см - я нахожу удовлетворительной, но Вам придется всерьез заняться собой, чтобы достичь соотношения 105-55-95.

- Сто пять см! - воскликнула Пегги. - Ох, я не думаю...

- Здесь дело не в личном вкусе, - заявила мисс Арбетнот. - Как неоднократно отмечала о нашем общественном подходе Великая Княгиня: фигура по прошлогодней моде хуже платья по-запрошлых лет. А что касается экрана, надо быть еще сознательно требовательней к себе потому, что требования современного экрана - 105-55-95. Это красота, а все остальное - нет.

- Но сто пять... - запротестовала Пегги.

- О, это мы Вам устроим. А иначе зачем мы здесь.

Пегги, хотя и несколько неуверенно, подумала, что так оно должно быть и есть.

- А теперь, - сказала мисс Арбетнот, после того как дала ей расписание гимнастических занятий, - я полагаю, что Вы желаете встретиться с мисс Карнеги, Вашим личным инструктором.

Выходя, Пегги обнаружила в передней толпу ожидающих приема девушек. Она рассыпала, как некоторые из них упомянули ее имя, когда она проходила мимо. Но удовольствие от этого Пегги не почувствовала: все они очень внимательно разглядывали ее.

- Легкая оживленность, легкая оживленность, просто почаше повторяйте это про себя, чтобы вы в тот момент не делали.

- Но разве это будет моя подлинная личность? Разве это буду я? - спросила Пегги.

Брови мисс Карнеги поднялись.

- Ваша личность? - повторила она, потом улыбнулась, - а, понятно. О боже, сколько же Вам надо внушить! Вы нас боитесь перепутали с телевидением. Личность в кинематографе есть нечто другое. Да, да, в самом деле. Несколько лет назад в моде была страсть, потом прямота наивности, - а что же у нас дальше? Ах да, глеющий огонь, и скоро вышедшая из моды бесп hitростность, потому что современного зрителя это не устраивает и глупо пытаться настаивать. Потом, короткий период, в моде

была скрытая страсть, зрителю в общем она нравилась, но для многих была довольно докучлива. В этот сезон - это легкая оживленность. Поэтому до следующего визита ко мне в среду, продолжайте повторять это про себя.

Легкая оживленность, легкая оживленность! Попробуйте чуть больше перекинуть вес на кончики пальцев, ступни и увидите - это поможет. Легкая оживленность, легкая оживленность.

Потом последовали парикмахер, массаж лица, инструктор по правилам хорошего тона, диетолог и еще целый ряд других, пока Пегги не попала, наконец, к мисс Хиггинс, которая как раз заканчивала занятия с Карлой.

- Да, - говорила мисс Хиггинс, - слух у вас хороший. Не думаю, чтобы мне пришлось с вами много заниматься. Эти "ррр" мы легко усилим.

Но в чем вам надо быть настороже, так это с вашей манерой кричать во время обычного разговора. В микрофон это будет ужасно. Леди никогда не должна кричать, если только она живет не Кенсингтоне.

Затем Карла ударила, и подошла очередь Пегги. Мисс Хиггинс попросила ее прочесть абзац, напечатанный на карточке и, когда та начала, была просто очарована.

- Прекрасно! - сказала она. - Прежде чем я испорчу ваше произношение, надо сделать несколько записей на магнитофон. Эти "и-и"! А ну-ка повторяйте за мной: "Би-би-си видит в вас изумительную лирическую певицу".

В течении последующих десяти минут Пегги демонстрировала свое завывание. Она сделала вывод, что мисс Хиггинс отнеслась к ней как к дару судьбы, преподнесшей ей наконец работу, достойную ее таланта.

- Вот задачка как раз по сердцу моему дедушке, - сказала она. - Но для вас это означает тяжелейшую работу, моя дорогая. Боюсь тяжелей, чем для всех остальных.

- Остальных? - переспросила Пегги.

- На отделении кинематографа этого курса вас 36, а ведь конкуренция в этой профессии невероятная.

- Но у меня контракт, мисс Хиггинс.

- Контракт с правом замены, насколько я знаю, - поправила та. - Это дает дополнительный стимул. Не думаю, чтобы вы уже познакомились с вашими соперницами, но эти знают о вас все, и

каков результат? Уже четверо просили придать им легкий ирландский акцент, и у меня нет сомнения, что остальные сделают то же. Так что, понимаете...

Пегги возмущенно уставилась на нее.

- Ах, вот они как! Так они собираются стянуть с меня контр-акт?

- Судя по всему, вот откуда ветер дует, - согласилась мисс Хиггинс. - Но эта просьба совершенно невыполнима. Все, чему можно научиться у нас - это всеми признанный вариант англо-американского. И все, это должно показать вам...

- Но если мне изменят фигуру, изменят мой голос, мои волосы, лицо и все такое, как они говорят, что же останется от меня? - спросила Пегги.

- Это долг перед зрителем, сказала мисс Хиггинс, - или, если так выразиться, работа в кино несет определенную ответственность перед зрителем. Надо научиться соответствовать среднему и работать в рамках этого. Таковы требования ко всем актерам, разве нет?

Пегги невесело согласилась.

- Ну же, не беспокойтесь, дорогуша, - посоветовала мисс Хиггинс, - мы займемся вами как следует и выдадим вам удостоверение. Только утром в понедельник не забудьте зайти сюда после гимнастики, и мы с вами поработаем. Вас будут снимать, не сомневайтесь.

Джордж Флойд, пошатываясь, пошатываясь, вошел в просторный кабинет мистера Солли де Конфа и бухнулся в кресло.

- Что с тобой стряслось? - поинтересовался Солли, подняв глаза.

- Мне надо выпить, - ответил Джордж. - Побольше.

Ал изобразил, как наливает стакан и ставит его перед ним.

- Что случилось? А я думал, ты поехал ее встречать. Только не говори, что самолет из Маринштайна разбился.

- Да нет, все с ним в порядке. Все было наготове... Пресса, радио, телевидение, вся компания.

- Но ее там не было?

- О, была, по крайней мере, я думаю, что была.

Солли де Конф встревоженно посмотрел на него.

- Джордж, ты кажется перебрал лишнего. Ты поехал туда, чтобы встретить ее, посмотреть, хорошо ли ее там выдрессировали и все такое, а потом привезти сюда. Ну, и где же она?

Джордж вздохнул.

- Я не знаю, Солли. Я думаю, она испарилась.

- Ал, - сказал Солли. - Спроси его, что случилось?

- Обязательно, шеф. Послушай, Джордж, ты говоришь, что самолет прилетел, как и надо - и что же?

- Проблема в том, что оттуда вышло...

- А что оттуда вышло?

- Лолы, - угрюмо ответил Джордж, - 36 единоподобных Лол. Ни следа прежней ирландской девушки, или Розы Ирландии. 36 Лол, у всех удостоверение из Маринштайна, все заявляют, что они Дейдре Шилсин и все говорят, что у них с нами контракт. У меня будет сердечный приступ.

- То есть ты не можешь узнать, которая из них - она, - переспросил Ал.

- Сам попробуй, - они все внизу в вестибюле. В любом случае, теперь слишком поздно. Ох, голубые горы, изумрудный мох, серебряные озера и милая нежная ирландская девушка со смеющимися глазами... Все исчезло. Испарились. Одни Лолы, - он глубже зарылся в кресло, излучая такое отчаяние, что оно тронуло даже Солли де Конфа.

Ал, однако, сохранял задумчивую беспристрастность и внезапно просветлел.

- Послушай, шеф!

- Ага? - сказал Солли.

- Я тут поразмыслил, шеф, может эта ирландская дребедень не так уж нам сейчас нужна - слишком рискованно и несвоевременно. Но ведь у нас на руках есть все еще безошибочно бьющий сценарий. Припомните-ка тот, что про шайку Римлян и Сабинянов.

Мгновение мистер Солли де Конф сидел молча, скав в зубах сигару, потом дал выход своему гневу.

- Все 36 Лол в нашем вестибюле? - его глаза заблестели. - Ал, дождались! Чего ты ждешь? Ступай туда, Ал. Заставь их всех подписать тот же контракт с правом замены, понял?

- Конечно, шеф, - уже в дверях крикнул Ал.

Вот почему так скучают в домике на берегу Слив Гамф в Барранакло по бедненькой Пегги Мак-Рафферти, Пег, гибкой как болотный камыш, доверчивой милой Пег, которую они больше никогда не увидят. Охо-хой!

ЧЕРТ НА УДОЧКЕ

- Послушай! - удовлетворенно возвестил Стивен, - Знаешь ли ты, что если защипать запихать ленту в магнитофон вот так, в обратную сторону, то можно будет послушать мою собственную речь наизнанку.

Дилис отложила книгу и посмотрела на мужа. Перед ним на столе стоял магнитофон, усилитель и вперемешку валялась всякая всячина. Извилистая сеть проводов соединяла одно с другим, а заодно с большим громкоговорителем в углу и наушниками на голове Стивена. Пол комнаты застилали куски и обрывки ленты.

- Еще один триумф науки, - холодно сказала она. - А я то думала, ты просто собираешься монтировать, чтобы мы могли послать Мине запись вечеринки. Уверена, что она предпочла бы ее в нормальном виде.

- Да, но мысль об этом как раз пришла мне...

- Боже, что за беспорядок! Выглядит так, будто у нас тут состоялась торжественная встреча с приветственным салютом из серпантина. А это что такое?

Стивен взглянул на полоски и завитки ленты.

- А-а, это как раз то место, где все одновременно заговорили, кусок той очень скучной истории, которую Чарльз все пытался рассказать всем и каждому, несколько грубостей и дальше в том же духе.

Встав, Дилис смерила взглядом хлам.

- Можно подумать, вечеринка была куда непристойней, чем теперь кажется, - сказала она. - Ну, а сейчас ты все разберешь, пока я схожу и поставлю чайник.

- Но ты должна хоть послушать, - запротестовал Стивен.

Она остановилась в дверях.

- Назови мне, - предложила она, - назови мне хотя бы одну стоящую причину - только одну - почему мне следует выслушать, как ты выворачиваешь слова наизнанку, - и она удалилась.

Оставшись один, Стивен и не пытался собрать обрезки, вместо этого он нажал клавишу игры и с интересом вслушался в любопытное бессвязное бормотание, которое и было его голосом наизнанку. Потом он нажал на стоп, снял наушники и подключил громкоговоритель. Его заинтересовало, что, хотя голос все-таки и сохранял европейское звучание слов, казалось, он выпаливает их с невероятной скоростью. Для опыта он в два раза ее убавил и включил звук. Теперь голос на октаву ниже с растяжкой произносил глубокие, тягучие, невообразимые звуки, что и в самом деле впечатляло. Стивен кивнул самому себе и откинулся на спинку кресла, прислушиваясь к их протяжным раскатам.

Неожиданно раздался звук рассекаемого воздуха, в миниатюре воспроизведивший локомотив, выпускающий пар из трубы, и, как от кочегарки, повеяло теплом.

Стивен от неожиданности вскочил и чуть не перевернулся на стул. Прийдя в себя, он подался вперед, поспешно нажимая подряд на все клавиши и кнопки. Голос из громкоговорителя резко смолк. Стивен в беспокойстве уставился на детали аппарата, ожидая что вот-вот вспыхнут искры или пойдет дым. Ни того, ни другого не было, но только он хотел уже перевести дух и успокоиться, как вдруг что-то дало ему знать, что он теперь не один в комнате. Он судорожно обернулся. Челюсть у него отвалилась почти на сантиметр и он сел, уставясь на фигуру за спиной, стоявшую где-то в метре от него.

Человек этот стоял совершенно прямо, с плотно прижатыми к бокам руками. Он был высок, где-то под метр восемьдесят ростом, и выглядел еще выше из-за своей шляпы - цилиндрообразного предмета, с узкими полями и к тому же довольно примечательной высоты. В остальном он был одет в темный сюртук с серебряной отделкой, из под которого выглядывал высокий стоячий воротник, и бледнолиловые брюки, в черный горох, с сияющими из-под них носками ботинок. Стивену пришлось наклонить голову назад, чтобы хоть немного разглядеть лицо. Оно было симпатичным, загорелым, как от средиземного солнца. Глаза были большие и темные. Роскошные усы мягкой линией переходили на щеках в бакенбарды. Подбородок и нижние части щек

были тщательно выбриты. Сами черты лица навевали смутное воспоминание о скульптурах Ассирии.

Даже в первый момент изумления Стивену пришло в голову, что как бы ни был странен костюм гостя при данных обстоятельствах, не могло быть и сомнения, ни в его качестве, ни, в подобающем месте и времени, в его элегантности. Он продолжал, вытаращив глаза, смотреть на незнакомца.

Рот последнего задвигался.

- Я пришел, - провозгласил он с торжественным видом.

- Э-э... да, - произнес Стивен. - Я... э-э... я вижу, но я не вполне...

- Вы вызвали меня. Я пришел, - повторил человек, словно это все объясняло.

К изумлению Стивена прибавилась озабоченность.

- Но я же ни звука не произнес, - запротестовал он. - Я только сидел здесь и ...

- Нет нужды тревожиться. Уверен, что вы не пожалеете об этом, - сказал человек.

- А я и не встревожен. Я сбит с толку, - возразил Стивен. - Не вижу...

В торжественную манеру гостя закралась нотка нетерпения, когда он поинтересовался:

- Не вы ли соорудили Железную Пентаграмму? - не шевельнув руками, он сжал три пальца правой руки так, что указательный палец в бледнолиловой перчатке застыл, указывая вниз.

- И не вы ли произнесли Слово Заклятия? - добавил он.

Стивен поглядел туда, куда указывал палец. Он догадался, что некоторые из беспорядочно разбросанных лент действительно сложились на полу в неровную геометрическую фигуру, которая только с большими оговорками напоминало что-то вроде пентаграммы. Но, железная, так он сказал... Ох, да конечно, лента покрыта слоем оксида железа... Хм, ну это уж совсем на границе допустимого, если разобраться...

Но Слово Заклятия... Ну, вполне возможно, что голос, говоривший на изнанку, мог выдать практически что угодно...

- Похоже на то, - сказал он, - что произошла маленькая ошибка - совпадение...

- Странное совпадение, - скептически заметил человек.

- А почему бы и нет? - удивился Стивен.

- Никогда я не слышал, чтобы такое случалось прежде, - отрезал человек. - Когда бы так ни вызывали меня или любого из моих друзей, всегда это касалось бизнеса, и, несомненно, он делался.

- Бизнес? - переспросил Стивен.

- Бизнес, - повторил человек. - У вас наверняка есть конкретное желание, которое мы можем удовлетворить. Определенные предметы, которые нам бы хотелось добавить к вашей коллекции. Все, что необходимо - это столкнуться об условиях. Тогда вы подпишете договор, кровью, конечно, и все.

Слово "договор" попало как раз в самую точку. Стивен вспомнил легкий запах горящей лавы, распространявшийся по комнате.

- А, начинаю понимать, - сказал он. - Ваше появление - это кара. Вы имеете в виду, что вы Старики Дья...

Человек резко прервал его, быстро нахмурившись.

- Меня зовут Бэтриэл. Я являюсь одним из облеченных всеми полномочиями представителей моего Хозяина, обладающим неограниченной властью заключать договоры. Теперь же, если бы вы были настолько любезны выпустить меня из этой пентаграммы, которую я нахожу чрезвычайно узкой, нам было бы куда удобнее обсудить условия договора в более приятной обстановке.

Стивен несколько мгновений разглядывал человека, потом покачал головой.

- Ха-ха! - расхохотался он. - Ха-ха!

Глаза человека расширились. Казалось, он был в гневе.

- Прошу прощения!

- Послушайте, - сказал Стивен. - Я принесу извинения за тот несчастный случай, который вас сюда притащил. Но давайте сразу установим ясно и четко, что вы попали в место, совсем не подходящее для вашего бизнеса, совершенно неподходящее.

Бэтриэл задумчиво его изучал. Потом поднял голову, раздувая ноздри.

- Очень странно, - заметил он. - не ощущаю никакого запаха святости.

- Ох, да не в этом дело, - заверил его Стивен. - Просто большинство ваших делишек успели уже давно подробно описать, и что наверное в них самое поучительное, так это то, что вторая

сторона в договоре никогда не переставала должным образом сожалеть о нем.

- Но послушайте! Подумайте, что я могу предложить вам... Стивен резко оборвал его, снова покачав головой.

- Не стоит утруждать себя, - посоветовал он. - Мне каждый день приходится иметь дело со сверхнастойчивыми продавцами. Бэтриэл поглядел на него погрустневшими глазами.

- Я больше привык иметь дело со сверхнастойчивыми покупателями, - согласился он. - Ну, если вы так уверены, что произошла не более чем искренняя ошибка, я полагаю, мне ничего не остается, как вернуться. Ни разу еще до сих пор, насколько мне мне известно, такого не случалось, хотя по законам вероятности, оно когда-нибудь должно было произойти. Вечно мне не везет. Ну что ж, до свидания - ох, боже, что это я сказал? - я имел в виду - прощайте, друг мой. Я готов!

Нельзя сказать, чтобы он был слишком подвижен до этого, а теперь, закрыв глаза, окаменело и его лицо.

Но ничего не произошло.

Желваки исчезли со скул Бэтриэла.

- Ну, говорите же его! - воскликнул он вспыльчиво.

- Что говорить? - удивился Стивен.

- Другое Слово Заклятия, конечно. Освобождение.

- Да не знаю я его. Не знаю я никаких Слов Заклятий, - запротестовал Стивен.

Брови Бэтриэла опустились и сошлились на переносице.

- Вы что же, заявляете, что не можете отослать меня обратно? - переспросил он.

- Если для этого требуется слово Заклятия, конечно, не могу, - сообщил ему Стивен.

На лице Бэтриэла появилось испуганное выражение.

- Но это неслыханно... Что же мне теперь делать? Я должен или заключить договор, или выслушать Освобождение.

- Ну ладно, скажите мне его, а я произнесу, - предложил Стивен.

- Но я его не знаю, - сказал Бэтриэл. - Я его никогда не слышал. Всем, кто меня до сих пор вызывал, не терпелось добраться до дела и подписать договор, - он остановился. - Это действительно очень облегчило бы все, если бы вы могли... Нет? О боже, это самое ужасное! Я не вижу выхода из этой ситуации...

За дверью послышался легкий шум, за которым последовало два стука от Дилис, означавшие, что она несет поднос, Стивен подошел к двери и для начала чуть приоткрыл ее.

- У нас гость, - предупредил он Дилис через щель. Ему не хотелось, чтобы поднос упал из-за бесполезного удивления.

- Но как..? - начала она и, когда он пошире открыл дверь, действительно чуть не выронила поднос. Стивен забрал его, пока она стояла, уставясь на человека посреди комнаты, и осторожно поставил на столик.

- Дорогая, это мистер Бэтриэл. - Моя жена, - представил он.

Бэтриэл, до сих пор стоящий не шелохнувшись, теперь выглядел смущенно и скованно. Он повернул голову в направлении Дилис и слегка кивнул.

- Очарован, мадам, - произнес он, - вам придется извинить меня за манеры, но к несчастью мои движения ограничены. Если бы ваш муж оказал мне любезность, разбив эту пентаграмму...

Дилис продолжала глядеть на него, смерив оценивающим взглядом его одеяние.

- Я... боюсь, я не понимаю... - жалобно ответила она.

Стивен постарался объяснить ситуацию. Под конец она сказала:

- Ну, я даже не знаю... Придется поломать голову, что можно тут сделать. Сложновато, конечно, не то что с обычным профессором философии, - она продолжала задумчиво разглядывать Бэтриэла и потом добавила, - Стив, если бы ты в самом деле растолковал, что ничего не подпишешь, как ты думаешь, сможем мы его отсюда услать? Похоже, что ему здесь так неудобно.

- Благодарю, мадам. Мне действительно неудобно, - с благодарностью сказал Бэтриэл.

Стивен соображал.

- Ну, раз он все равно здесь, и мы знаем, на чем мы стоим, от этого вреда не будет, - уступил он, и, наклонившись, раскидал несколько магнитофонных лент на полу.

Бэтриэл ступил из разорванной пентаграммы. Правой рукой он снял шляпу, левой коснулся шарфа. Он повернулся отвесить поклон Дилис, и сделал это превосходно: носок вперед, левая рука на несуществующей рукоятке шпаги, шляпа прижата к сердцу.

- Ваш слуга, мадам.

Тот же маневр он повторил и в направлении Стивена.

- Ваш слуга, сэр.

Стивен отвечал ему так же вежливо, хотя он и сознавал, что все это явно не соответствует стилю гостя. Последовала неловкая пауза. Ее нарушила Дилис, сказав:

- Я лучше поставлю еще чашку.

- Вы... э-э... вы давно не были в Англии, мистер Бэтриэл? - приветливо осведомилась она.

Бэтриэл мягко говоря изумился.

- С чего вы так думаете, мисс Трэмон? - спросил он.

- Ох, да я... я только подумала... - рассеянно сказала Дилис.

- Моя жена подумала о вашей одежде, - пояснил ему Стивен.

- Более того, вы уж извините что я этого коснулся, вы несколько спутали эпохи. Стиль вашего поклона, к примеру, опережает одежду по крайней мере, ну, на два поколения.

Бэтриэл, казалось, слегка смешался. Он окинул себя взглядом.

- В последний раз, когда я был здесь, я особенно много внимания уделял моде, - разочарованно сказал он. Тут вмешалась Дилис.

- Не разрешайте ему огорчать вас, мистер Бэтриэл. Такая чудесная одежда - и какое качество ткани.

- Но не совсем в тон сегодняшней моде? - кисло спросил Бэтриэл.

- Ну, не совсем, - согласилась Дилис. - Вы, наверное, не часто сюда наведываетесь из... оттуда, где вы живете?

- Скорее всего - да, - сознался Бэтриэл. - У нас было много хлопот в этих краях до 17 и 18 столетий, но в течении 19-го бизнес почти сошел на нет. Конечно, что-то есть всегда, но кого в какой район вызовут - вопрос случая, вот и получилось, что сам я побывал здесь за 19 век только раз. И до сих пор вообще ни разу в 20-м. Поэтому, вообразите мою радость, когда до меня долетели призывы вашего мужа, с наилучшими надеждами на взаимовыгодную сделку я предоставил себя...

- Ладно, хватит об этом... - вмешался Стивен.

- Ах да, конечно. Мои извинения. Старая боевая лошадь, почувствовав запах битвы, вы же понимаете...

Воцарилось молчание. Дилис задумчиво разглядывала гостя. Для того, кто знал ее так же хорошо как ее муж, было ясно, что в ее сердце идет борьба, и что любопытству дозволено пре-

возобладать. Под конец она сказала:

- Надеюсь, ваши командировки в Англию не всегда приносили вам разочарование, мистер Бэтриэл?

- О, ни в коем случае, мадам. О визитах в вашу страну у меня наисчастливейшие воспоминания. Помню вызов от астролога жившего под Винчестером - это было где-то в середине 16 века, кажется, - он желал процветающее поместье, титул и родовитую красавицу жену. Мы смогли удовлетворить его чудесным местечком недалеко от Дорчестера - его потомки, уверен, владеют им и по сей день. Потом был другой, довольно молодой человек, в начале 18 века, который был настроен на хорошенъкий дохodeц и возможность жениться в светских кругах. Мы удовлетворили и это и, вы не поверите, где теперь струится его кровь. Всего несколькими годами позже был другой молодой человек, довольно скучная особа, который хотел только стать известным драматургом и острословом. Это было потруднее, но и это мы устроили. Не удивляюсь, если его имя известно до сих пор. Это был...

-- Все это просто великолепно, - вмешался Стивен. - И прекрасно для потомков, но что случилось с главными действующими лицами?

Бэтриэл слегка пожал плечами.

- Сделка есть сделка. В контракт вступают по свободной воле... - сказал он с укором. - Хоть я и давненько здесь не бывал, - продолжал он, - я понял от моих друзей из представителей, что требования клиентов, хоть и различаются в деталях, в принципе все те же. Так же популярны титулы, особенно что касается жен клиентов. То же с "допуском" в общество - таково, каким оно теперь стало. Так же силен спрос на чудесные загородные дома, и сегодня мы обеспечиваем их всеми современными удобствами, а также "временными пристанищами" в самом фешенебельном районе Лондона. Там, где мы обычно предоставляем целую киновинку, мы теперь обеспечиваем автомобиль марки "Бент-Ролси", да в добавок частный самолет... - продолжал он с мечтательным видом.

Стивен почувствовал, что пора вмешаться.

- "Бент-Ролсли", еще бы! В следующий раз внимательнее прочтите ваш справочник Исследований клиента. А теперь буду премного обязан, если вы прекратите искушать мою жену. Она не из тех, кому придется за это платить.

- Да, - согласился Бэтриэл. - Такова особенность женской доли. Ей вечно приходится за что-нибудь платить, но чем больше она получает, тем меньше это ей стоит. А тут наша жена обрела бы жизнь куда легче, чем теперь, никакой работы, слуги для...

- Прекратите это, пожалуйста! - сказал ему Стивен. - Вам следовало бы понять уже, что ваша система устарела. Мы поумнели для нее. Свой соблазн она давно потеряла.

Бэтриэл с сомнением посмотрел на него.

- В соответствии с нашими сводчами, мир все еще очень порочен, - возразил он.

- Осмелюсь сказать, что самая порочная его часть вовсе не нуждается в таких старомодных условиях. Она, в основном, предпочитает получать много за мало, если не удается что-нибудь за ничего.

- Едва ли это этично, - пробормотал Бэтриэл. - Всегда следует иметь идеалы.

- Возможно, но тем не менее это так. Кроме того, мы теперь связаны между собой намного сильнее. Как это вы думаете, я смогу согласовать неожиданный титул или неожиданное богатство с налоговыми инспекторами, или даже невесть откуда появившийся особняк с городскими властями. Надо смотреть фактам в лицо.

- О, это, я полагаю, легко можно разрешить, - сказал Бэтриэл.

- Ну, до этого не дойдет. В наши дни есть только один способ стать внезапно богатым без всякого риска. Это... Бог мой! - он резко смолк и погрузился в размышления.

Бэтриэл обратился к Дилис.

- Какая жальство, что ваш муж так несправедлив к себе. У него огромные способности. Это же видно с первого взгляда. Будь у него какой-то капитал, какая была бы возможность, какой простор для действий... А мир все еще может очень много предложить богатому человеку - и его жене, конечно, - уважение, вес в обществе, океанские яхты... Нельзя не чувствовать, что тратишь жизнь впустую.

Дилис взглянула на погруженного в мысли мужа.

- Вы тоже это заметили? Я часто думала, что его недостаточно ценят на работе...

- Конторская политика, скорее всего, - сказал Бэтриэл. - Сколько молодых талантов она загубила. Но при независимости и готовой помочь жене - если я смею так выразиться, при умной и красивой молодой жене - не вижу причины, почему бы нет.

Стивен вновь вернулся к действительности.

- Прямо и Руководства Искусителя, глава 1, если я не ошибаюсь, - полупрезрительно заметил он. - А теперь, отвлекитесь от него, будьте добры, и попытайтесь взглянуть фактам в лицо. Как только вы усвоите их, я готов обсудить с вами ваш бизнес.

Выражение лица Бэтриэла слегка просветлело.

- Ага, - сказал он. - Я так и думал, что когда у вас будет время взвесить преимущества нашего предложения...

Стивен прервал его.

- Послушайте, - сказал он. - Первый стоящий перед вами факт- тот, что мне нет никакой пользы от каких бы то ни было ваших обычных условий, поэтому вы заодно могли бы прекратить провоцировать давление со стороны моей жены. Второй факт - влипли сейчас вы, а не я. Как вы предполагаете когда-нибудь вообще вернуться в... ээ... ну, туда, откуда вы пришли, если я вам не помогу?

- Все, что я предлагаю вам, это помочь себе, а заодно и мне, - подчеркнул Бэтриэл.

- Вас заклинило на этом, что ли? Теперь послушайте меня. Я вижу у нас только три возможных пути действий. Первый: мы находим кого-нибудь, кто скажет нам Слово Заклятия для вашего Освобождения. Вы знаете, как нам к этому приступить? Нет? Ну и я тоже. Затем второй: я могу позвать прямо сюда викария и попросить изгнать нечистую силу. Может быть, в последствии его даже канонизируют за то, что он не поддался искущению.

Бэтриэл содрогнулся.

- Конечно, нет, - возразил он. - Один из моих друзей однажды подвергся этой процедуре в 15 веке. Он нашел, что это мучительно больно и с тех пор потерял уверенность в себе.

- Ну что ж, отлично, существует еще третья возможность. За вознаграждение в виде кругленькой суммы денег без всяких ограничений, я беру на себя труд найти кого-нибудь, желающего заключить с вами договор. Когда же вы его благополучно заключите, можете отправляться обратно с почетно завершенной миссией. Ну, как вы это находите?

- Вовсе не хорошо, - чопорно ответил Бэтриэл. - Вы просто пытаетесь получить от нас две уступки за счет одной. Наша бухгалтерия никогда бы не санкционировала такое.

Стивен печально покачал головой.

- Теперь меня не удивляет, что клиентура ускользает от вас. За все те тысячелетия, что вы занимаетесь бизнесом, вы, кажется, до сих пор не ушли дальше первой закладной. И даже готовы использовать свой собственный капитал там, где следует наживаться за счет чужого. Так вы далеко не уйдете. Ну, а по моему плану я получаю деньги, вы - ваш договор и единственный вложенный капитал - это несколько шиллингов с моей стороны.

- Не понимаю, как так может быть, - с сомнением произнес Бэтриэл.

- Уверяю вас, может. А означает это, что вам придется остаться еще на несколько недель, но мы можем поместить вас в свободную комнату. Вы играете в футбол?

- Футбол? - рассеянно повторил Бэтриэл. - Не думаю, а как это?

- Придется вам зазубрить принципы и правила игры.

Но самое важное в следующем: игрок должен быть метко. Ну, а если мяч окажется не там, где по расчетам ему следовало бы быть, то плакала ваша меткость вместе с возможностью забить гол, а в конечном счете игра. Поняли?

- Думаю, что так.

- Потом вы оцените, что один только легкий толчок локтем может сделать очень много, для этого достаточно быть далеким от спорта новичком и не надо получатьувечья. Исход игры можно устроить без особых подозрений. Все что потребуется - это во время подтолкнуть мяч локтем какому-нибудь из тех простаков, что вы используете на подручных работах. Это было бы нетрудно устроить.

- Да, - согласился Бэтриэл. - Это было бы совсем нетрудно. Но я не могу понять...

- Ваша беда, старина, в том, что вы безнадежно отстали от жизни, несмотря на все ваши сводки, - сказал ему Стивен.

- Дилис, где эти купоны "Общих фондов"?

Тридцатью минутами позже Бэтриэл демонстрировал благодарность за полученный урок.

- Да, понял, - сказал он. - Немного изучив тактику, будет нетрудно проиграть, дотянуть до ничьей или даже выиграть по всем правилам.

- Точно, - одобрил Стивен. - Ну, вот. Я заполняю купон, выкладываю несколько шиллингов, чтобы он получше выглядел, а вы укажите выигрышные цифры. И вот я получаю кругленькую сумму и без всяких налоговых придирок.

- Все это прекрасно - для вас, - вздохнул Бэтриэл. - Но не понимаю, каким образом это доставит мне договор, если вы...

- А теперь мы подходим к следующему этапу, - объяснил ему Стивен. - В свою очередь я берусь отыскать вам человека, готового подписать договор, скажем, за б недель? В обмен на мой выигрыш. Пойдет? Отлично. Теперь давайте заключим на этот счет соглашение. Дилис, принеси листок писчей бумаги, будь добра, и немного крови... ох, как глупо с моей стороны, у нас же она есть...

Пятью неделями позже Стивен мягко затормозил свой "Бент" у входа в отель Нортпарк, а через мгновение по ступенькам уже спускался Бэтриэл. Мысль о том, чтобы оставить его дома, пришлось оставить уже через пару дней. Его влечение к искусству было естественным бессознательным рефлексом, что оказалось несовместимым с домашним покоем, поэтому ему пришлось переехать в гостиницу, где он нашел последствия менее затруднительными, а возможности более разнообразными.

Бэтриэл выплыл из-за вращающейся двери. В глаза сразу же бросилось, как сильно он изменился со времени первого визита к Трэмонам. Бакенбард не стало, хотя на том же месте были роскошные усы. Сюртук заменил аккуратно сшитый серый костюм, замечательная шляпа из серого фетра, шарф, в довольно сдержанную полоску, завязанный галстуком. Теперь у него в действительности была наружность преуспевающего красивого сорокалетнего человека второй половины 20 столетия.

- Забирайтесь, - обратился к нему Стивен. - Образец договора с собой?

Бэтриэл похлопал по карману.

- Я всегда ношу его с собой. - никогда не знаешь... - сказал он, как только машина тронулась.

Когда Стивен выиграл первый тур трех-этапной лотереи, несмотря на все надежды остаться в неизвестности, выигрыш привлек значительное внимание публики. Не так-то легко, как кажется, скрыть 220000 фунтов стерлингов. Им с Дилис пришлось со всеми предосторожностями уйти в подполье, когда подошел второй тур - и выигрыш на сей раз в 210000 фунтов.

Когда же подошло вручение третьего чека - 22500 фунтов - возникло некоторое замешательство, и хотя до уклонения от выплаты не дошло, потому что для этого не было причины: цифры на купоне были обведены чернилами, все же это побудило учредителей лотереи послать к ним своих представителей. Один из них, важный молодой человек в очках, с некоторой настойчивостью заговорил о законах случая и затем извлек вычисления с ошеломляющим рядом закорючек, которые, как он увергал, доказывали шансы против возможности тройного выигрыша.

Стивен заинтересовался. Эта система, сказал он, должно быть еще лучше, чем он думал, раз устояла против такого астрономического процента невероятности.

Молодой человек пожелал узнать побольше о его системе. Однако, Стивен уклонялся от разговора о ней, но намекнул, что не прочь обсудить некоторые ее аспекты с главой "Общих фондов" Гришоу. Таким образом оказались Стивен и Бэтриэл на пути к самому Сэмю Гришоу.

Главная контора "Общих фондов" стояла на одной из новых, удаленных от центра улиц. От тротуара здание отделял ровный газон, украшенный клумбами с тюльпанами. Стивена, когда он на машине въезжал на стоянку, приветствовал швейцар с галунами. Несколько мгновений спустя их ввели в просторную частную контору, где Сэм Гришоу, уже поднявшись на ноги, пожал им руки. Стивен представил своего спутника.

- Это мистер Бэтриэл, мой консультант, - пояснил он.

Взгляд Сэма Гришоу, обращенный на Бэтриэла, внезапно стал внимательным и пытливым. Он, казалось, погрузился в размышления на секунду. Потом снова повернулся к Стивену:

- Ну, во-первых, должен поздравить вас, молодой человек. Вы ведь, между прочим, получили самый крупный выигрыш за всю историю "Общественных фондов". 655 тысяч фунтов, так мне сказали, - аккуратненько, очень даже аккуратненько. Но... - покачал он головой. - Так продолжаться не может, знаете ли, не может...

- О, я бы не сказал, - дружелюбно ответил Стивен, когда они сели.

И снова Сэм Гришоу покачал головой.

- Один раз, значит, - повезло, во второй раз - повезло сверх меры, в третий раз - идет дурной запах, в четвертый раз - покачнется мое дело, а пятый раз - и вовсе разорит его. Никто же не

выставит ни полушки против заведомого выигрыша. Давайте решим полюбовно все это. Итак, у вас, вы сказали, есть своя система?

- У нас своя система, - поправил его Стивен. - Мой друг, мистер Бэтриэл...

- Ах, да, мистер Бэтриэл, - повторил Сэм Гриппшоу, вновь многозначительно взглянув на него. - Полагаю, вы пожелаете рассказать нам чуток о вашей системе?

- Вряд ли вы ожидаете, что мы это сделаем, - возразил Стивен.

- Да, не ожидаю, - согласился Сэм Гриппшоу. - Но все же, могли бы и рассказать. Все равно вы дальше так не сможете...

- Потому что разорим ваше предприятие? Ну, этого мы, конечно, делать не собираемся. И на самом деле вот почему мы здесь. У мистера Бэтриэла есть к вам одно предложение.

Бэтриэл поднялся со стула.

- У вас прекрасное предприятие, мистер Гриппшоу. Было бы так прискорбно, если оно потеряет доверие публики, в равной мере для них, как и для вас. Нет нужды подчеркивать, что, насколько я понял, вы воздержались от огласки третьего выигрыша моего друга мистера Трэмона. Очень мудро с вашей стороны, осмелюсь сказать, сэр. Это могло бы повлечь за собой некоторое уныние в рядах общественности... Итак, мне посчастливилось иметь возможность предложить вам средство, при помощи которого вы смогли бы до минимума сократить риск повторения такой ситуации. Вам это не встанет ни в грош и все же... - он весь отдался процессу искушения как художник, взявшийся за любимую кисть. Сэм Гриппшоу терпеливо выслушал его до самого заключения.

- И, возвращаясь к нашему разговору, - уверяю вас, что все это - пустая формальность. Я согласен взять на себя обязательство, что ни наш друг мистер Стивен Трэмон, ни кто-либо другой не получит от меня дальнейшей помощи в... ээ... прогнозирования. Угроза таким образом исчезает, и вы снова сможете продолжать ваш бизнес с доверием, которое он, уверен, заслуживает.

Он с помпой извлек из кармана образец договора и выложил его на письменный стол.

Сэм Гриппшоу подхватил его и быстро пробежал глазами. К большому удивлению Стивена, он кивнул почти без колебаний.

- Достаточно откровенно, кажется, - произнес он. - Я понимаю, что в моем положении не до торга. Отлично, я подпишу.

Бэтриэл счастливо улыбнулся. Он ступил вперед, держа в руке удобный перочинный нож.

Когда подписание было совершено, Сэм Гришоу обмотал ладонь платком. Бэтриэл подхватил договор и отступил на шаг, немножко обмахивая его, чтобы подсушить подпись. Потом исследовал его с простодушным удовольствием, заботливо сложил и убрал в карман.

Он лучезарно улыбнулся им обоим. От восторга он снова лишился чувства эпохи, отвесив им элегантный поклон восемнадцатого столетия.

- Ваш друг, джентльмены.

И, внезапно, он исчез, оставив на полу тончайший след серы.

Первым нарушил молчание Сэм Гришоу.

- Ну, наконец-то мы от него избавились, обратно-то он не вернется, пока кто-нибудь его не воскресит... - добавил он удовлетворенно, затем обернулся, чтобы оглядеть Стивена. - Не плохо вы это проделали, молодой человек. Прикарманили полмиллиона за то, что продали ему мою душу. Вот, что я называю деловой хваткой. Жаль, у меня ее было не так много, когда я был помоложе.

- Ну, во всяком случае, не похоже чтобы вас это смущило, - сказал Стивен с заметной долей облегчения.

- Нет. Даже не волнует, - ответил мистер Гришоу. - Вот уже кто забеспокоится, так это он. Озадачил я вас, не так ли? Тысячелетия он и ему подобные заняты этим делом и до сих пор никакой системы. А в наши дни все что требуется - это организация, и весь бизнес у вас как на ладони, вы всегда знаете что, где и когда. А ему подобные так старомодны, бедняги. Придется им нанять квалифицированных экспертов для этого дела.

- Ну, это не так сложно, наверное, - согласился Стивен.

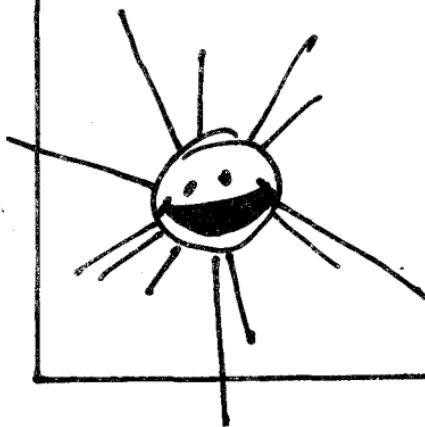
- Но ведь они очень быстро приспосабливаются, и не забудьте, он получил то, за чем гонялся.

- Ха! Подождите, пока он найдет время заглянуть в архив. Если бы они умудрились заглянуть в него раньше. А каким образом, вы думаете, я сумел получить достаточно капитала, чтобы начать это дело?

Содержание:

Музыкальные ...	3
Конфеты, пачки с ...	230
Софражный курага ...	292
Несколько времени ...	302
Однажды в гостях	
Что же такое Макс-Расхварт? ..	317
Чтобы на здоровье ...	395

Бер.



ozon.ru
... выбирайте



1097763538